ХО ШИ МИН

Евгений Кобелев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга о жизненном пути и революционной деятельности великого сына вьетнамского народа, одного из выдающихся деятелей мирового коммунистического, национально-освободительного движения Хо Ши Мина. Автор широко использовал труды Хо Ши Мина, многочисленные вьетнамские публикации о нем, архивные материалы Музея вьетнамской революции, а также советскую и зарубежную историко-публицистическую литературу.

- Евгений Кобелев
  - «МЫ — ИЗ НГЕАНА!»
  - С ДУМОЙ О СВОБОДЕ
  - ЕГО ИМЯ — ПАТРИОТ
  - ВОЛШЕБНЫЙ МЕЧ
  - КОММУНИСТ
  - В СТРАНЕ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ
  - ЗА ГОРИЗОНТОМ — РОДИНА
  - РОЖДЕНИЕ ПАРТИИ
  - ПЕРВЫЙ АРЕСТ
  - ВТОРАЯ РОДИНА
  - ЛЕСНОЙ ЖИТЕЛЬ
  - В ЗАСТЕНКАХ
  - ТАЙФУН РЕВОЛЮЦИИ
  - ПЕРВЫЕ ШАГИ РЕСПУБЛИКИ
  - ВО ВРАЖЕСКОМ КОЛЬЦЕ
  - ВОИНА
  - И СНОВА — БОЙ
  - ИМЯ И ДЕЛА ЕГО БЕССМЕРТНЫ
  - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХО ШИ МИНА
  - КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
  - Иллюстрации
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24

Евгений Кобелев
ХО ШИ МИН

Автор выражает глубокую благодарность всем вьетнамским и советским товарищам, которые оказали помощь в сборе материалов для этой книги.

Автор также признателен вьетнамским соратникам Хо Ши Мина, писателям, журналистам, чьи воспоминания, очерки, рассказы о великом сыне Вьетнама были использованы при подготовке книги.

Каждый шаг нашей партии и народа за последние сорок лет неразрывно связан с кипучей и прекрасной революционной деятельностью Хо Ши Мина. Вся его жизнь, отданная без остатка делу борьбы нашего народа и партии, — это бессмертный гимн во славу вьетнамской революции.

Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Вьетнама Ле Зуан («Вьетнамская революция», 1970 г.)

«МЫ — ИЗ НГЕАНА!»

В годы героической борьбы вьетнамского народа против американской империалистической агрессии мне, автору этих строк, довелось работать во Вьетнаме корреспондентом ТАСС. Пожалуй, особенно запомнились мне дни, проведенные в июне 1965 года в южных провинциях ДРВ.

Шел третий месяц войны, черным дымом пожарищ заволакивавшей ярко-голубое небо Вьетнама. Наш корреспондентский «газик», покрытый маскировочной сеткой с развевающимися на ветру банановыми листьями-крыльями, короткими перебежками продвигался на юг — в небе редко смолкал гул американских бомбардировщиков.

Изуродованные воронками фронтовые дороги сходились у бамбуковых переправ через полноводные реки. Здесь жизнь начиналась только с наступлением темноты. Вспоминаются томительные минуты и часы, проведенные в ожидании невидимого парома. Тут же, у причала, ночной рынок. Бледный свет чадящей коптилки выхватывает из темноты пергаментные лица старух — торговок. На разостланных прямо на земле циновках — бананы, кокосы, личжи, огромные морские крабы. Покупатели — такие же, как и мы, проезжие, — присвечивая себе карманными фонариками, торгуются вполголоса и как-то виновато. За рекой, в нескольких километрах отсюда, там, где расположен центр провинции Нгеан[1] — город Винь, вновь грохочет канонада, бухают разрывы бомб, небо полыхает заревом пожарищ.

На эти оставшиеся несколько километров мы потратили всю ночь, и только к утру, когда первые лучи нестерпимо жаркого июньского солнца залили землю, «газик» въехал на улицы Виня. Притихший пустынный город встретил нас истошным воем сирены воздушной тревоги, которая уже не прекращалась до самого вечера. В Ханое приходилось много слышать о том, что Винь подвергается ожесточенным налетам вражеской авиации, но мы не могли себе даже представить того, чему стали свидетелями в первые же часы пребывания в городе. Зенитки грохотали так, что невозможно было расслышать говорящих рядом людей. Все небо усеяли белесые кляксы разрывов зенитных снарядов. Надсадный свист падающих бомб пригибал к земле. Безостановочно, волна за волной шли на город со стороны Тонкинского залива армады американских бомбардировщиков.

Глубокой ночью, смертельно уставшие, измотанные сорокаградусной жарой и постоянным напряжением, мы

пробирались по невидимым тропкам через рисовые поля к одной из окрестных деревенек на ночлег. Кто-то спросил нашего провожатого — бойца роты народного ополчения, как люди выдерживают все это изо дня в день. Мягко улыбнувшись, тот ответил полушутя, полусерьезно: «Мы же из Нгеана!» Впоследствии всякий раз, когда приходилось бывать в этих краях, я непременно от кого-нибудь слышал эти слова. Гордым «Мы — из Нгеана!» местные жители сопровождали свои рассказы о новой победе над воздушными пиратами, о сверхплановых центнерах риса, собранных на полях, об удачной поэме о южновьетнамских братьях, написанной местным молодым поэтом, о красивой песне, которую юные ополченки пели звонкими голосами в расположении одного из зенитных дивизионов, замаскировавшихся в зарослях банановых деревьев.

Чем же необычен этот край, которым так гордятся его жители? Здесь не найдешь сказочных красот Халонга — залива Погрузившегося дракона, этого «восьмого чуда света», не увидишь живописности горных пейзажей северного Вьетбака и южного плато Тэйнгуен, славящихся бесчисленными бурными водопадами и глубокими пещерами, не насладишься совершенством созданных самой природой знаменитых бухт и пляжей Камраня и Нячанга. Напротив, с давних времен провинцию Нгеан в народе олицетворяли с дурной славой «желтых лесов» — непролазных болотистых джунглей у подножия хребта Чыонгшон, кишащих хищниками, змеями и ядовитыми насекомыми, с черными делами «лаосского ветра» — так здесь называется испокон веку знойный ветер-суховей, дующий в летнюю пору с гор Лаоса, который иссушает до трещин землю, сжигает траву и деревья, в его горячих порывах задыхаются люди и животные. Не обходят стороной этот край и самые разрушительные тайфуны. В мифических сказаниях народности мео, живущей в горных районах провинции, сохранились упоминания об ураганах, уносивших людей, скот и даже сдвигавших горы. В довершение ко всему природа обделила Центральный Вьетнам плодородными, годными к обработке землями, поэтому жили здесь всегда крайне бедно и голодно.

Не красотами и богатством природы, а своими жителями славен этот край. Победить стихию, выстоять в борьбе с лишениями могли только сильные духом люди. Вот почему у здешних обитателей из поколения в поколение выковывался особый, незаурядный склад характера, несгибаемая воля истинных борцов, многие из которых оставили заметный след в четырехтысячелетней истории вьетнамского народа.

Издревле считается, что в этих краях живут гордые, горячие,

свободолюбивые вьетнамцы. В эпоху средневековья они первыми откликались на призывы легендарных полководцев, первыми шли под их знамена, чтобы освободить свою землю от чужеземных поработителей. Многие вьетнамские императоры и крестьянские вожди не раз создавали здесь свои опорные базы, чтобы преградить путь дальше на юг полчищам китайских завоевателей. Здесь они пополняли местными жителями свои армии, а затем шли на север и освобождали родную землю от захватчиков.

Во времена французского колониализма отсюда взяли начало многие национально-патриотические движения вьетнамского народа. В 1930 году провинции Нгеан и Хатинь стали местом рождения первых во Вьетнаме органов народной власти — Советов рабочих и крестьянских депутатов. Это первое организованное выступление вьетнамского пролетариата под руководством коммунистической партии сыграло роль генеральной репетиции Августовской революции 1945 года, принесшей вьетнамскому народу освобождение от колониального ига. На стенах мемориала Тхайлао, неподалеку от Виня, воздвигнутого в память о героях вьетнамского советского движения, начертаны имена двухсот семнадцати революционеров, павших от рук колонизаторов.

Провинция Нгеан дала Вьетнаму целую плеяду выдающихся деятелей. Особенно примечателен в этом отношении уезд Намдан, расположенный к северу от Виня. Там что ни деревня, то обязательно родина национального героя — древнего полководца, великого поэта, выдающегося революционера. Неудивительно, что именно здесь 19 мая 1890 года родился, провел свои детские и отроческие годы великий сын Вьетнама товарищ Хо Ши Мин.

Будущий руководитель вьетнамского народа появился на свет в один из самых трудных периодов его истории. В середине XIX века французский император Наполеон III, стремясь реваншироваться за своего великого предка Бонапарта, приступил к колониальной экспансии на Азиатском континенте. Одной из первых целей его захватнической политики стала Великая страна Юга, как гордо называли свою родину вьетнамцы.

До этого главным врагом вьетнамского государства всегда были китайские феодальные династии, которые почти десять столетий (с 39 года до нашей эры по 939 год) господствовали над Вьетнамом и в последующие века неоднократно совершали нашествия на эту страну, но каждый раз терпели сокрушительные поражения. Так, в начале XV века после долгой, изнурительной борьбы, которую возглавили национальные герои — рыбацкий сын Ле Лой и ученый муж Нгуен Чай, из Вьетнама были изгнаны

минские правители. Прошло три столетия самостоятельного развития, и вот на горизонте замаячил новый, не менее опасный враг.

В августе 1858 года эскадра французских боевых кораблей, в которую входили испанские суда, предприняла неожиданное нападение на крепость Дананг, прикрывавшую путь к вьетнамской императорской столице Хюэ. Через год эскадра направилась к Сайгону и после непродолжительного боя овладела им. Несмотря на явное военное превосходство, колонизаторы не смогли заставить Вьетнам капитулировать сразу и вынуждены были действовать, как писали вьетнамские историки, «подобно шелковичному червю, постепенно поедающему листья тутовника». Только через 25 лет, в 1883 году, вьетнамский императорский двор выбросил белый флаг, поставив свою подпись под кабальным договором, по которому Вьетнам признавал владычество Франции.

Верные принципу завоевателей «разделяй и властвуй», колонизаторы расчленили завоеванную страну на три зоны, каждая из которых получила разный статус. Юг Вьетнама стал французской колонией под названием Кохинхина (по-вьетнамски — Намбо или Намки), Северный и Центральный Вьетнам, названные соответственно Тонкин и Аннам (по-вьетнамски — Бакбо и Чунгбо или Бакки и Чунгки), получили статус протекторатов. Формально там были сохранены вьетнамская администрация и даже власть императора. Фактически же всеми делами и в колонии и в протекторатах управляли французы: в Кохинхине — губернатор, в Тонкине и Аннаме — верховные резиденты.

Однако пришельцам с Запада — тэям, как называли их вьетнамцы, не скоро удалось полностью подчинить себе завоеванную страну. В тростниковых долинах Юга, в глухих джунглях Севера, в горных отрогах Центрального плато продолжали действовать многочисленные партизанские отряды. В 1885 году 12-летний император Хам Нги, год назад возведенный на престол, бежал вместе со своим регентом из столичной резиденции в горный район, где была заранее создана укрепленная база, и обратился оттуда с воззванием к населению подниматься с оружием в руках против чужеземных пришельцев. Начавшееся освободительное движение, которое возглавили представители феодальной интеллигенции, получило в истории Вьетнама название «кан выонг» — «верность монархии». Только к концу 90-х годов французским колониальным войскам удалось вначале захватить в плен мятежного императора, а затем подавить основные очаги движения «кан выонг».

Между тем ни пленение Хам Нги, ни возведение на престол его брата Донг Кханя, присягнувшего на верность завоевателям, не положили конец вооруженному сопротивлению вьетнамцев, которое продолжалось еще без малого два десятка лет. В районах Центрального Вьетнама борьбу продолжали представители феодальной интеллигенции, объединившиеся вокруг «первого ученого» провинции Хатинь Фан Динь Фунга. В Северном Вьетнаме не давала покоя колонизаторам партизанская, армия народного полководца крестьянина-бедняка Хоанг Хоа Тхама, который пал от руки предателя в 1913 году, а его основные силы были разгромлены только к началу 20-х годов. В народе распространялись, переходя из уст в уста, поэмы и песни, в которых воспевались легендарные подвиги партизанских вождей и их соратников.

Но это были последние отголоски затихающей бури. И, воспевая беззаветную доблесть самых непреклонных из патриотов, устные сказания в то же время горько скорбели об утраченной свободе родной отчизны, в них слышалась тоска по безвозвратно ушедшему светлому прошлому. На порог XX века Великая страна Юга вступила закованной в кандалы рабства.

Но она не смирилась, она ждала своего часа, ждала появления новых героев, которые могли бы поднять выпавшее из рук патриотов уходящего века знамя национального освобождения. И если до славного часа победы было еще очень и очень далеко, то провозвестники ее уже рождались во вьетнамских городах и селах, они узнавали от отцов и старших братьев о героическом прошлом и горьком настоящем своей родины, и сердца их наполнялись ненавистью к чужеземным поработителям.

С ДУМОЙ О СВОБОДЕ

В деревушке лесной, где лишь
Несколько мау худосочной земли,
Не хватает бататов и маниоки,
Чтобы люди досыта есть могли.
Исхудавших лиц угластые скулы.
Тщедушные собаки. Тощие куры.
А вокруг — тысячи таких же деревень,
Молчаливая жизнь, бедная, забитая,
Словно сама же собою забытая.

Те Лан Вьен[2]

1

— «На коленях осмеливаюсь просить Ваше величество простить своей верной армии ошибку, которую она совершила, не находясь возле Вашего величества, чтобы защитить Вас от предателей и врагов. По стечению злосчастных обстоятельств, от

которых страдает наша родина, Небу было угодно, чтобы в столь ужасный момент самые преданные слуги императора оказались в отдалении от него» — так писал сыну Неба — императору Хам Нги — его верный регент Тон Тхат Дам, услышав страшную весть о том, что юного монарха предали и он схвачен жестокими пришельцами — тэями. Дам не мог вынести позора потери родины и трона и покончил с собой. Перед смертью он добился от находившихся при нем мандаринов и ученых обещания никогда не служить завоевателям.

А императора вместе с его свитой под стражей привезли в Хюэ и, заковав в кандалы, отправили в далекую западную страну Францию, откуда пришли тэи. Ему было тогда всего семнадцать лет, но его полное достоинства и самообладания поведение поразило даже врагов. Он не склонил головы перед своими мучителями, смело глядел им прямо в глаза. Так, с гордо поднятой головой и бесконечной печалью во взоре, он и покинул родную землю.

Рассказчик, пожилой мужчина с остроконечной бородкой, поправил чадящий фитилек коптилки и глянул на своего двенадцатилетнего сына, который безмолвно слушал его, широко раскрыв глаза. С двумя забавными пучками волос на бритой голове — таков местный обычай, — в черной домотканой курточке с застежкой на боку, мальчик, которого звали Нгуен Тат Тхань, едва сдерживал рыдания, по худым его щекам катились слезы.

— Отец, а где же были наши герои, почему тэи так легко победили нас?

— Нет, сынок, чтобы покорить нашу страну, тэям понадобилось почти тридцать лет. Да и сейчас костер сопротивления еще не затух.

Нгуен Тат Тхань любил вечерние беседы в родном доме, когда за окном темным-темно, как бывает только в тропиках, а в комнате горит коптилка, и можно слушать бесконечные рассказы отца о далеких и близких временах. Его отец Нгуен Шинь Шак слыл самым ученым человеком в деревне. Он получил классическое конфуцианское образование, знает наизусть «Четверокнижие» и «Пятикнижие» — канонические книги древнего конфуцианского учения. Недавно он ездил в столицу на конкурсные экзамены и вернулся оттуда с «веткой коричного дерева в руках» — так в старину говорили о тех, кто успешно выдерживал крайне строгий отбор соискателей высших монарших почестей. Книжнику из деревни Кимлиен указом императора было присвоено звание фобанга — вторая по значению ученая степень.

Это событие многое изменило в семье Тханя. В старом Вьетнаме у человека, как правило, было несколько имен. Первое, или молочное, имя ребенок получал при рождении, и оно сохранялось за ним до школьного возраста. Когда же ребенок поступал в школу, глава семьи давал ему официальное, или «книжное», имя. При рождении Тханя нарекли Нгуен Шинь Кунгом. Добившись успеха на конкурсных экзаменах, Нгуен Шинь Шак по возвращении домой первым делом дал новое имя младшему своему сыну, который уже достиг школьного возраста. Он назвал его именем, которое отвечало переживаемому им в те минуты победному чувству: Нгуен Тат Тхань, что можно перевести как Нгуен-Триумфатор.

В колониально-феодальном Вьетнаме звание фобанга автоматически давало право занять важный чиновничий пост в центральном административном аппарате. Сразу же после завершения конкурсных экзаменов Нгуен Шинь Шаку предложили хорошую должность в императорской столице. Однако отец Тханя отказался от лестного предложения. Патриотически настроенные юноши в округе не раз вспоминали его слова, ставшие крылатыми, которыми он объяснил друзьям свой отказ от должности: «Чиновники — это рабы среди рабов и даже в еще большей степени рабы».

Только через восемь лет, когда в семье возникли материальные затруднения, он принял назначение на должность начальника уезда в провинции Биньдинь в Кохинхине. Однако деятельность его на этом посту шла вразрез с требованиями властей: должников он не наказывал, жалобщиков заставлял мириться, несправедливо заключенных в тюрьму выпускал на свободу. И уже через несколько месяцев приказом губернатора он был смещен с должности.

Нгуен Шинь Шак принадлежал к своеобразной социальной группе во вьетнамской деревне той поры — феодальному ученому сословию. Представителей этой группы принято по традиции называть конфуцианцами, так как или были последователями учения Конфуция — Мэньцзы, которое проникло во Вьетнам из Китая и с XV века стало официальной религией и идеологией вьетнамских феодальных династий. Однако название это не совсем верно, так как на вьетнамской почве, считают современные вьетнамские историки, конфуцианское учение подверглось сильному воздействию местных национально-патриотических традиций и идеалов и приобрело совершенно несвойственные ему изначально прогрессивные черты.

Так, если китайские завоеватели и их вьетнамские коллаборационисты стремились к утверждению наиболее

реакционных черт конфуцианства — преклонения перед властью, консерватизма, догматизма, схоластических форм просвещения, то патриотически настроенные и прогрессивно мыслящие представители вьетнамской феодальной интеллигенции делали упор на имевшиеся в нем рациональные, позитивные по тем временам элементы. Более того, они шли еще дальше, приспосабливая конфуцианство к нуждам национально-освободительной борьбы вьетнамского народа, преобразовывая его в национально-патриотическое по духу, зачастую даже антимонархическое учение. Вот почему во Вьетнаме исторически сложилось такое положение, что ученые-конфуцианцы становились нередко национальными героями, вождями освободительных войн, руководителями или участниками крестьянских восстаний.

Одна из доминирующих заповедей в конфуцианских канонах — это «чжун» — верность. Согласно Конфуцию подданные должны соблюдать безоговорочную верность своему императору. Вьетнамский же «чунг» — верность — всегда оговаривался рядом условий, главное из них — отношение императора к родине. Если император патриот, то «чунг куан» — «верность императору» — согласно вьетнамской традиции сливается с «ай куок» — любовью к родине. Если же император капитулирует перед врагом, предает родину, то происходит разрыв между понятиями «чунг куан» и «ай куок», и тогда верность императору уже не является обязательной для его подданных.

Особенно наглядно проявился специфический характер вьетнамского конфуцианства с приходом французских колонизаторов. Конфуцианцы, эти аристократы духа, были главной опорой вьетнамской монархии, пока она находилась во главе Сопротивления. И они же в основной своей массе решительно стали в оппозицию к императорской династии Нгуенов, когда та после поражения движения «кан выонг» пошла в услужение к завоевателям. В противоположность христианству, с которым мысленно связывали колонизаторов, насильственно насаждавших учение Христа на вьетнамской земле, конфуцианство воспринималось в эти годы как символ всего исконно вьетнамского.

Нгуен Шинь Шак был верным сторонником конфуцианской патриотической партии. Патриотические идеалы этой партии Нгуен Шинь Шак стремился привить и своим детям. Именно благодаря благотворному влиянию отца Тхань, хотя он, так же как и его сверстники, штудировал канонические книги конфуцианства, воспринял в конечном счете несколько иную систему идейно-политических взглядов, которую условно можно

назвать своеобразной разновидностью конфуцианского учения, процеженного сквозь сито вьетнамского патриотизма.

Односельчане любили и уважали Нгуен Шинь Шака. Его редко звали по имени, а величали уважительно «господин доктор». Незадолго до конкурсных экзаменов, где он получил это почетное звание, умерла при родах в возрасте тридцати двух лет его жена, мать Тханя Хоанг Тхи Лоан. Родившийся хилым, ребенок, который был четвертым по счету в семье, прожил недолго. Убитый неожиданно свалившимся на него горем, Нгуен Шинь Шак отправил детей к родителям жены, а сам вернулся в Хюэ. Узнав о крупном успехе на экзаменах своего односельчанина, жители Кимлиена на общинной сходке договорились отвести первому в их деревне фобангу небольшой земельный участок и построить новый дом. Не прошло и месяца, как посреди деревни, между кузницей и общинным прудом, появилось довольно просторное бамбуковое строение под соломенной крышей, мало чем отличавшееся от других деревенских хижин, куда и переехал Нгуен Шинь Шак с детьми.

В комнате, где жил Тхань, вся мебель состояла из гамака, подвешенного к стене, в котором спал мальчик, и грубо сколоченных деревянных стола и скамьи. Небольшой двор, окруженный густыми зарослями бамбука и банановых деревьев, стараниями всей семьи был превращен в настоящий сад. В нем росли арековые пальмы, лимонные и грейпфрутовые деревья и одно большое, раскидистое хлебное дерево с огромными и круглыми, как тыква, шершавыми плодами.

Деревня Кимлиен славилась обилием прудов, где вперемежку с темно-зеленой ряской, густой сеткой покрывавшей их поверхность, то тут, то там поднимались из воды белые и розовые бутоны короля цветов — лотоса. Отсюда и произошло название деревни — Кимлиен, что значит лотос. В прудах водилась рыба, и маленький Тхань любил смотреть по утрам, как односельчане ловили ее сетями, а нередко и сам сидел с приятелями-мальчиками на берегу с самодельной удочкой. В прудах спасались от жары и свирепых мух косолапые буйволы, из воды торчали только их черные морды с умными печальными глазами. На крупах у буйволов важно восседали крестьянские мальчишки с неизменными бамбуковыми свирелями в руках.

Любовь к песням юные жители деревни Лотосов, как и других деревень этого края, впитывали с молоком матери. Нгеанцы убеждены, что гордость вьетнамской классической литературы Нгуен Зу стал великим поэтом потому, что родился и рос в мире нгеанских песен и частушек, еще в детстве овладел сложным искусством импровизации. Большой любовью у жителей этих

мест пользуются старинные народные песни, особенно колыбельные, воспевающие родную природу, любовь к своему краю, к родине. В детстве Нгуен Тат Тхань не раз слышал эти песни. Его тетка была известной в уезде певуньей, и ее даже приглашали петь в другие уезды.

2

Жили в деревне Кимлиен крайне бедно. Пахотной земли не хватало, в среднем на душу населения ее приходилось всего по три шао[3]. И почти вся она была сосредоточена в руках нескольких богатых семей. Основную массу жителей деревни составляли бедняки арендаторы. Вечно голодные и оборванные, они за неимением одежды почти круглый год ходили в трусах, из-за чего деревню Лотосов чаще называли в округе гораздо менее поэтическим именем Бесштаново.

Бедность и страдания Тхань видел вокруг себя каждодневно. С крестьянина драли три шкуры чиновники, приезжавшие собирать многочисленные, к тому же постоянно растущие налоги, не знающий границ в своем лихоимстве нотабль — общинный староста — и, наконец, деревенские богатеи.

Да взять хотя бы семью соседа, дядюшки Дьена. Сколько раз в году она могла позволить себе сытно поесть? Наверное, только в дни тэта — праздника встречи Нового года по лунному календарю, когда крестьяне резали последних поросят и кур, покупали рисовую водку, чтобы хоть раз в году погулять вдоволь и забыть на несколько дней о полуголодной жизни. При виде того, как бедно живут в родной деревне, как часто и надолго уходят разорившиеся односельчане в город на заработки, где подчас терялся их след, Тхань вспоминал роскошные экипажи высокопоставленных тэев в Хюэ, куда его возил отец, расшитые золотом и драгоценными камнями наряды императора и его свиты в дни весенних гуляний и на празднестве жертвоприношений к алтарю Неба и Земли, что возвышается на живописном холме к югу от столицы. Почему же так несправедливо устроена жизнь?

Тхань рос очень впечатлительным ребенком. Чужие страдания и горести ранили его сердце больнее, чем собственные. Пожалуй, самым сильным потрясением, оставившим глубокий, неизгладимый след в его душе, стали трагические события, связанные со строительством ненавистной «дороги Кыазао».

Кыазао — ущелье в горах верховьях реки Голубой на вьетнамо-лаосской границе. Через это ущелье сквозь

непроходимые джунгли, где редко ступала нога человека, должна была пройти дорога, чтобы связать Лаос и западные районы провинции Нгеан с побережьем Тонкинского залива. Приступив к строительству, колониальные власти ввели в провинции всеобщую трудовую повинность. Всех мужчин в возрасте от 18 до 50 лет силой сгоняли на стройку. Условия жизни там были невыносимыми: сырые, заболоченные джунгли, дикие звери, змеи и ядовитые насекомые, душный, смрадный воздух. Рабочие жили впроголодь, спали прямо на земле в лесу, их нещадно били надсмотрщики. Многие крестьяне из деревни Лотосов и окрестных сел, угнанные на стройку, так и сгинули в тех страшных краях; другие же вернулись домой похожими на призраки, измученными тропической лихорадкой и ревматизмом. Они рассказывали односельчанам, как умирают в Кыазао от лихорадки и непосильного труда и умерших хоронят, завернув в циновки, потому что не хватает гробов.

Дни ухода односельчан на стройку в Кыазао ассоциировались в сознании впечатлительного Тханя с похоронами. Так же убивались женщины, терзали душу стенания плакальщиц. Провожать несчастных выходили за околицу почти все жители деревни. Вместе с другими сверстниками Тхань стоял на обочине проселочной дороги и смотрел, как тянутся по ней группы оборванных людей и в воздухе тают звуки заунывных песен. Одна из них особенно запала Тханю в душу:

Огромны Пурпурные горы,
Бездонно Великое море,
Король Аннама продался тэям,
Обрек народ на страданья и горе.

Однажды ночью Тхань проснулся от невообразимого шума. Глухо и тревожно гремели тамтамы, слышались причитания женщин, заливистый лай собак. Из окна было видно, как то в одном, то в другом конце деревни мечутся, словно в феерическом сне, дымные факелы.

— Отец, что это, что происходит? — испуганно воскликнул еще полусонный мальчик.

— Успокойся, сынок. Видит бог, опять, наверное, поймали какого-то несчастного, — тихо отвечал отец. Он гладил сына по голове, стараясь унять волнение, но рука его дрожала.

Тхань и его старшие брат и сестра увидели в свете факелов группу людей: понурив головы, впереди шли три человека со связанными руками, за ними — солдаты. В одном из арестованных Тхань узнал отца своего товарища по детским

играм, с которым они не раз вместе запускали бумажных змеев с вершины горы Колокол, что возвышалась за околицей деревни. Долго не мог уснуть в эту ночь Тхань, то глотая слезы жалости, то рисуя сцены мести виновникам зла, которых он, впрочем, ясно себе не представлял.

Потом еще немало было таких тревожных ночей. Все большее число крестьян, спасаясь от каторжного труда, уходили в соседние леса, и по ночам на них устраивались самые настоящие облавы.

Семья Нгуен Шинь Шака не несла трудовой повинности, почетное звание фобанга освобождало от этого. Но «господин доктор» не мог оставаться безучастным к великой беде, свалившейся на его односельчан, многих детей из которых он обучал грамоте. После мучительных раздумий, как помочь несчастным, он продал участок земли, дарованный ему общиной, и вырученные деньги роздал семьям, чьи кормильцы были угнаны на стройку.

Трагедия «дороги Кыазао» всколыхнула впечатлительную душу Тханя, заставила его всерьез задуматься об окружающей его действительности. Страдания односельчан открыли ему глаза на многие другие беды и несправедливости, царившие в колониальном Вьетнаме, которых он раньше не замечал, принимая как должное. Любознательный, вдумчивый, развитой не по годам, он ищет ответ на свои вопросы в книгах.

Его отец пренебрежительно отзывался об устаревшей системе классического образования. Базировавшееся на схоластике конфуцианского учения, оно не давало необходимых практических знаний, хотя и открывало путь к карьере чиновника. Но именно это-то и было противно всему существу «господина доктора». Он предпочитал рассказывать детям поучительные истории из прошлого своей страны, учил их понимать изречения и афоризмы древних мудрецов, которые были особенно близки ему по духу.

После переезда в Кимлиен отец отдал Тханя на обучение своему другу Выонг Тхук Куи — одному из четырех самых известных учителей уезда Намдан. Будучи тоже сторонником патриотической партии, он прививал Тханю любовь к родной стране, ее героической истории, учил на примерах из жизни национальных героев возвышенной нравственности и духу самопожертвования во имя отчизны.

Совсем другим оказался второй учитель, к которому Тхань попал, когда ему шел 14-й год, — консерватор, ярый приверженец конфуцианской схоластики. Поначалу Тхань прилежно посещал занятия. Под диктовку учителя он должен был изо дня в день

переписывать иероглифы из текстов «Четверокнижия» и «Пятикнижия» и заучивать их наизусть. В отличие от других учеников Тхань пытался уяснить смысл канонических стихов и нередко ставил знаменитого педагога в тупик неожиданными вопросами. Ему быстро надоело штудирование конфуцианских премудростей, и после занятий он запоем читал древнекитайские исторические романы, такие, как «Троецарствие», «Путешествие на запад». Кончилось тем, что раздосадованный учитель отказался заниматься с беспокойным учеником.

Горячий отзвук в душе Тханя находили вольнолюбивые, патриотические мотивы, которыми пронизаны многие произведения классической вьетнамской литературы. Он упивался романтической прозой поэта, мыслителя и военачальника, первого вьетнамского утописта Нгуен Чая, мечтавшего о вольготной жизни для всех. Он страдал, читая проникнутые болью строки «Великого воззвания по случаю умиротворения китайцев»: «Жгли черный люд на страшном огне, зарывали в подполье бедствий. Лгали Небу, обманывали народ десятью тысячами уловок, войну несли и несправедливость сеяли двадцать лет. Человечность в небе и на земле уничтожали, от тяжелых поборов в горах и водах опустело…» И ему казалось, что Нгуен Чай написал эти слова совсем недавно, может быть, вчера, а не почти пять столетий назад.

Очень любили в семье Тханя стихи великого земляка Нгуен Зу — он родился в нескольких десятках верст от деревни Лотосов. Мастерскому перу Нгуен Зу принадлежит роман в стихах «Стенания истерзанной души», повествующий о тяжелой доле юной куртизанки Кьеу, ставшей жертвой жестоких феодальных порядков. Не прелесть стихов Нгуен Зу, полных неповторимого изящества и очарования, а их бунтарское содержание волновало пылкие сердца искавших правду жизни юношей, таких, как Тхань. Роман Нгуен Зу стал своего рода вызовом ревнителям средневековой феодальной морали: самыми прекрасными, возвышенными героями у него оказались обитательница «зеленого терема» — веселого дома — красавица Кьеу, продавшая себя, чтобы спасти от долговой тюрьмы отца и брата, а также вождь повстанцев Ты Хай, или «разбойник», каким его считал императорский двор. Словно гимн непокорности и вольнолюбию звучат слова Ты Хая:

Речкою, морем ли бурным — плыл, куда я хотел,
Как же могу я быть не у дел,
Вместо полета — на брюхе ползти?
Я — императорской власти должен свой меч поднести?

Разве иного нету пути?
Жирным сановником должен я стать,
Чтобы в парадной одежде голову низко склонять?
Нет! Покуда крепка моя рать,
Сам по себе продержаться могу…
Ни перед кем не останусь в долгу:
Даром — на дар, а на меч — лишь мечом!
Только бы вольным остаться,
Вольному все нипочем!

Образ непокорного Ты Хая, который не сдался врагу и «умер стоя», пронзенный вражескими стрелами, для патриотически настроенной молодежи стал одним из ярких олицетворений мифических героев, богатырей, которых так ждала вьетнамская земля, покоренная заморскими пришельцами.

Чувства добрые — любовь к родине и ненависть к поработителям — пробуждал в сердцах людей своей лирой южновьетнамский слепой поэт Нгуен Динь Тьеу. Первый певец вооруженного сопротивления вьетнамского народа колонизаторам, он страстно звал в своих стихах соотечественников на битву:

Бьются живые с врагом,
мертвые бьются с врагом.
Души убитых стоят
в тесном строю боевом;
Нет! Не смирится народ!
Время отмщенья придет!

Тхань жил в атмосфере скорби об утраченной свободе родины и восхищения подвигами героев, не склонивших головы перед завоевателями. А в деревне Кимлиен многое напоминало о былых сражениях и славных героях. Неподалеку от дома, где жила семья Тханя, находился поросший лотосами Бакланий пруд. Старики рассказывали детям, что два десятка лет назад в этом пруду навеки успокоилась мятущаяся душа доблестного односельчанина Выонг Тхук Мау. Откликнувшись на призыв руководителей движения «Кан выонг», Выонг Тхук Мау создал крупный партизанский отряд под названием «Верные долгу», который наносил смелые удары по завоевателям. Последний в его жизни бой произошел прямо на улочках деревни. Когда Выонга Тхук Мау схватили враги, он, выкрикнув проклятия в их адрес, бросился со связанными за спипой руками в пруд и утонул.

Всеобщим уважением жителей Кимлиена пользовался их односельчанин, «человек-легенда» Хоанг Суан Хань, дядя матери Тханя. Несколько лет он храбро сражался в отряде Хоанг Хоа Тхама. Затем, вернувшись в родные края, был схвачен врагами. Его жестоко пытали прямо в резиденции губернатора провинции Нгеан, но он не проронил ни слова и только от боли так сильно стиснул зубы, что откусил кончик языка. Его сослали на остров смерти Пуло-Кондор. Но он остался жив, после окончания срока ссылки вернулся в родную деревню и до конца своих дней, немой, изможденный болезнями, был преданным товарищем патриотически настроенных сельских интеллигентов.

О своих прославленных родственниках и односельчанах, о других доблестных героях своей страны, о славном прошлом и горьком настоящем Вьетнама Тхань услышал впервые от отца. Эти рассказы запали в детскую душу.

Тхань и его друзья по детским играм стремились сами познать окружающий мир. И им было что поглядеть. Легендарные события происходили в давние времена по обоим берегам своенравной реки Голубой, в чьей быстрой воде находили мальчишки спасение от летнего зноя. Стоило им взобраться на вершину пологой горы Колокол, упирающейся своим подножием в реку, и удивительный мир открывался их глазам.

Вдали, если глянуть строго на север, виднелся поросший густыми зарослями тропического кустарника холм — там, по преданию, была родная деревня Май Хак Дэ — руководителя одного из крупнейших народных восстаний против господства «Поднебесной», как именовали свою державу китайские правители. Это восстание в 722 году нашей эры завершилось победой и временным изгнанием китайских феодалов из Вьетнама.

На другом берегу реки, почти напротив горы Колокол, — родные места Фан Динь Фунга. Память о подвигах его партизанской армии еще не заволокло туманом времени, и о них любознательным мальчишкам мог рассказать любой взрослый. Из этих рассказов они узнавали, как люто ненавидели и боялись колонизаторы неистового патриота. Когда он умер, сраженный внезапной болезнью, и был похоронен соратниками на родной земле, враги вырыли и сожгли его труп, а пепел выстрелили из ружей, чтобы не осталось и следа героя на этом свете и потомкам некому было поклоняться.

Дальше вниз по реке начинаются деревни поэтов — Нгуен Конг Чы — первооткрывателя песенного жанра во вьетнамской поэзии — и несравненного Нгуен Зу.

Но вот река делает небольшой поворот, и глазам открывается

деревня Тхайса — родина Куанг Чунга. Это имя знакомо каждому вьетнамцу от мала до велика, оно переполняет его сердце чувством национальной гордости. Руководитель победоносного крестьянского восстания, известного под названием «движения братьев Тэйшонов», Куанг Чунг увековечил свое имя еще и тем, что в 1789 году повел свои крестьянские отряды на город Взлетающего Дракона — Тханглонг (так назывался в старину Ханой), вероломно захваченный вторгшейся во Вьетнам 200-тысячной армией китайских феодалов, и наголову разбил ее в пятидневной жестокой битве у стен древней столицы. Как писали вьетнамские исторические хроники, китайские захватчики в безумном страхе перед славными воинами Куанг Чунга бежали прочь с вьетнамской земли, и еще долгое время на сотни верст вокруг в районах Китая, прилегающих к Вьетнаму, не было видно ни людей, ни дыма очагов. Так бесславно закончилась последняя попытка китайских феодалов силой оружия подчинить себе свободолюбивый народ Страны Юга. Тхань не бывал в Ханое, но слышал от знающих людей, что в честь великой победы Куанг Чунга благодарные потомки воздвигли ему храм на холме Донгда, где разыгралось это историческое сражение.

Особенно мальчишкам нравилось взбираться на разбросанные то тут, то там невысокие холмы, где в густых зарослях кустарников хоронились от посторонних взглядов изъеденные временем камни — остатки древних крепостей. Эти крепости возводили здесь, на склонах холмов, еще в начале XV века короли Хо Куи Ли и Хо Хан Тхыонг, чтобы преградить путь дальше на юг полчищам китайской Минской династии, господствовавшей в то время над древней Страной Юга.

Вслед за ними сюда пришел и рыбацкий сын Ле Лой. В историческом труде того времени «Основные вехи истории Вьетнама, написанной по королевскому указу» есть такие строки: «Пришел Ле Лой в эти края со своим отрядом, и население восторженно, с почестями встречало его, так как никто не верил, что сподобится такой милости — увидеть славу и величие государства. Старики и дети, мужчины и женщины наперебой несли вино, вели буйволов, чтобы накормить и напоить войско». Ле Лой основал здесь несколько крепостей, куда со всех сторон стекались добровольцы. Собрав огромную армию, он вначале установил контроль над провинцией, а затем повел своих воинов на север, где укрепились китайские захватчики, и, разгромив их, освободил всю страну.

Узнавая новое о славных страницах истории своей отчизны, Тхань вспоминал горестные вопросы, которые он задавал отцу, и теперь сам отвечал себе: нет, были и у Вьетнама славные времена,

были великие герои. Ведь почти тысячу лет с небольшими перерывами продолжалось великоханьское господство, и все-таки народ не покорился, он сумел расправить могучие плечи и сбросить ненавистные оковы рабства. Да и сейчас, пожалуй, героев но меньше, чем в старину. Только не видно пока чудесной силы, что сплотила бы их воедино и дала им в руки всепобеждающее оружие.

Кумиром деревенской детворы был дядюшка Дьен с жилистыми, сильными руками потомственного кузнеца. Тхань часто забегал в его кузницу, расположенную по соседству, смотрел, как ловко работает тяжелым молотом дядюшка Дьен, иногда помогал раздувать кузнечные мехи, гордый от сознания доверенного ему важного дела. Как-то летним вечером, когда с гор перестал дуть изнуряющий суховей и жара немного спала, ребятишки собрались вокруг дядюшки Дьена. Распалив свой диковинный дьеу кай — бамбуковый кальян с крепчайшим лаосским табаком-самосадом, дядюшка Дьен утонул в густых клубах синего дыма. Он знал множество старинных преданий и легенд и любил рассказывать их детям.

— Есть в северной столице Ханое прекрасное озеро, — начал в тот вечер дядюшка Дьен свой рассказ. — Наши предки назвали его озером Возвращенного меча. Посреди озера стоит старинная башенка-пагода, носящая имя черепахи. Так вот с этой черепахой и мечом связана удивительная история. Случилось это давным-давно, когда тэев еще не было и в помине, а на нашей земле хозяйничали супостаты, называвшие свою страну Срединной империей. И вот наконец надоело народу терпеть муки рабства, поднялись люди как один, взяли оружие в руки и ринулись в бой. И вел их вперед бедный рыбак Ле Лой — наш великий герой. Чудодейственная сила сделала его непобедимым. Однажды он плыл по озеру на лодке, как вдруг из воды показалась голова огромной черепахи. В пасти она держала меч, излучавший свет. «Возьми этот волшебный меч, — молвила черепаха. — С ним ты разобьешь любых врагов».

Взял Ле Лой волшебный меч и с той поры не знал поражений. Где бы ни появлялся он со своим войском, его меч разил чужеземцев-угнетателей без пощады. И вот наконец наша любимая родина стала свободной. Тогда снова пришел Ле Лой со своей свитой на берег озера, чтобы сказать слова благодарности спасительнице-черепахе. Только он выплыл на своей монаршей лодке с шатром на середину озера, как вдруг на глазах у изумленной свиты волшебный меч вышел из ножен, и появившаяся из воды черепаха утащила его на дно озера. С той поры оно и называется озером Возвращенного меча. Люди

рассказывают, что черепаха и по сей день живет в этом озере и волшебный меч с нею. И еще говорят, что если опять совсем худо станет нашему народу, тогда снова появится всесильный богатырь, и священная хозяйка озера вручит ему волшебный меч Ле Лоя, который поможет разбить новых врагов.

Пытаясь найти ответ на мучившие его вопросы, Тхань вспоминал рассказ дядюшки Дьена и думал: «Конечно, это сказка, но ведь и в самом деле было же что-то такое, что позволило Ле Лою поднять весь народ на борьбу и разгромить могущественного врага».

3

Путь к развалинам древних крепостей, куда любили наведываться Тхань и его друзья, лежал мимо деревни Даннием. В этой деревне жил замечательный человек Фан Бой Тяу. Тхань хорошо знал его: Фан Бой Тяу дружил с отцом Тханя и несколько раз бывал у них в гостях и деревне Лотосов.

О необычайной судьбе Фан Бой Тяу, его способностях и талантах говорили тогда повсюду. В 1900 году на общенациональных конкурсных экзаменах в Хюэ ему было присуждено звание «зайнгуена» — высшая ученая степень, которой удостаивался только один участник конкурса — первый среди равных. Перед Фан Бой Тяу открылась возможность блестящей карьеры при дворе. Однако он решительно отказался служить трону, предавшему интересы народа, и решил посвятить себя революционной деятельности.

Он много ездит по стране, встречается с патриотически настроенными чиновниками, интеллигентами, студентами. Пользуясь положением «первого ученого», он старается привлечь к патриотической борьбе побольше деятелей из императорского окружения, недовольных антинациональной политикой монарха. Главной фигурой среди них был наследный принц Кыонг Дэ. Фан Бой Тяу удалось установить контакт с ним. В мае 1904 года Фан Бой Тяу создаст тайную организацию «Общество обновления», во главе которой согласился встать принц Кыонг Дэ. На учредительной конференции члены общества приняли решение начать подготовку к вооруженному восстанию против колонизаторов с целью восстановления подлинной вьетнамской монархии, а также обратиться за помощью к далекой Японии.

На выбор Фан Бой Тяу и его соратников серьезно повлияли результаты русско-японской войны. Великая держава — царская Россия — неожиданно потерпела поражение от небольшой

азиатской страны, которая полвека назад была ненамного сильнее Вьетнама и тоже едва не стала колонией европейских пришельцев. Азиатам вполне по силам победить европейцев — такой вывод сделали вьетнамские националисты.

Тхань с большой почтительностью относился к Фан Бой Тяу. Выдающийся представитель ученого сословия, Фан Бой Тяу был к тому же очень обаятельным человеком. Когда он приходил один или с друзьями в гости в отцу, Тхань с почтительным вниманием слушал их ученые беседы. Фан Бой Тяу любил декламировать стихи древнекитайского поэта Цюй Юаня. Тханю запомнилось одно двустишие, которое особенно точно отвечало его настроениям:

> Дышать мне тяжко, я скрываю слезы,
> О горестях народа я скорблю…

Фан Бой Тяу и сам неплохой поэт. Вообще в старом Вьетнаме писать стихи было привычным делом для каждого образованного человека. Это объяснялось как особенностями вьетнамского языка — тонального, с легко рифмующимися словами, так и берущей свое начало из глубины веков литературной традицией феодальной аристократии. В стихах Фан Бой Тяу, хотя они и написаны в рамках старинных поэтических канонов, явственно ощущалось дыхание нового века, они проникнуты чувством патриотизма, боевым духом.

Последний раз Тхань виделся с Фан Бой Тяу в начале 1905 года. С тех пор вот уже полгода тот не появлялся в родной деревне. Говорили, что он уехал за границу, наверное, в Японию. Но вот однажды душным июльским днем Тхань, отдыхавший в гамаке, который он летом подвешивал в саду, увидел знакомую фигуру, направлявшуюся по дорожке к их дому.

— А где же почтенный господин доктор? — первым делом спросил у детей Фан Бой Тяу, войдя в дом.

— Отец уехал по своим делам в город, и, видимо, надолго, — отвечал старший брат Тханя Кхием.

— Собственно, у меня дело к вам, ребята. Эгей, Тхань, да ты, я смотрю, совсем уже большой парень стал. — Фан Бой Тяу ласково потрепал по плечу смутившегося Тханя, который в свои 15 лет выглядел довольно рослым для вьетнамца. — Я только что приехал из Японии. Встречался там с людьми из окружения императора, с передовыми представителями Китая, изгнанными из своей страны. Вы, надеюсь, слышали о Кан Ювэе и Ляп Цичао? [4] Долго беседовал и с новой звездой китайского патриотического движения молодым доктором Сунь Ятсеном. И

японские и китайские друзья решительно поддерживают справедливое дело страдающего в неволе вьетнамского народа. Вся Азия на нашей стороне. Но для победы над проклятыми тэями нужны образованные, знающие свое дело люди. Мы решили подобрать группу достойных юношей и определить их на учебу в японские университеты. Размышляя об этом, я сказал себе: а вот и две первые кандидатуры — сыновья уважаемого господина доктора из деревни Лотосов. Как, ребята, согласны поехать со мной?

Братья молча слушали знаменитого гостя и лишь при последних словах, украдкой переглянувшись, опустили головы.

— Если бы вы видели, что это за великая страна — Япония, — с жаром продолжал Фан Бой Тяу. — Из всех стран желтой расы лишь одна Япония — великая держава. Только она одна в силах помочь нам восстановить во Вьетнаме подлинно национальную, могущественную монархию. Без поддержки извне мы ничего не добьемся. Сейчас истинные патриоты Страны Юга должны обратить свои взоры на северо-восток — к империи Восходящего солнца.

— Почтенный дядюшка Фан, мы очень благодарны вам за ваше предложение, — с молчаливого согласия брата заговорил Тхань. — Но разве можем мы покинуть в одиночестве нашего отца? Ведь вы знаете, какое у него слабое здоровье. К тому же мы не имеем права решиться на такое важное дело без его благословения, а когда он вернется, мы не знаем.

— Понимаю, понимаю. Но время еще терпит, подумайте о моем предложении.

Ссылка на отца была, конечно, отговоркой. Не это удерживало Тханя, хотя в 15 лет и трудно устоять перед страстным желанием повидать дальние страны. Тхань очень уважал Фан Бой Тяу, но его планы не находили отзвука в душе юноши. С кем почтенный дядюшка Фан собирался освобождать родину? С влиятельными мандаринами и членами королевского окружения, которых он усиленно зазывал в свое общество? Так им и при французах жилось сытно и вольготно.

Вызывали недоверие у Тханя и надежды Фан Бой Тяу на то, что будто бы Япония сумеет помочь вьетнамцам освободиться от господства тэев. Ведь говорится же в народе, что нет ничего хуже, выгнав волка через черный ход, встретить в передней тигра, а народная мудрость всегда права.

Интуиция не подвела юношу. Уже довольно скоро жизнь нанесла жестокий удар по иллюзиям Фан Бой Тяу. Империалистические хищники, естественно, смогли договориться друг с другом, когда деятельность вьетнамских патриотов в

Японии стала приобретать опасный характер. В 1908 году по просьбе Франции японское правительство приняло решение распустить все организации, созданные в Японии Фан Бой Тяу из числа вывезенных им сюда вьетнамских студентов. Самому Фан Бой Тяу, принцу Кыонг Дэ и другим участникам патриотических организаций предложили немедленно покинуть пределы Японии.

Что же все-таки надо делать? Где путь к освобождению? Может быть, прав Фан Тю Чинь — еще одна яркая звезда, появившаяся в те годы на мрачном небосклоне колониального Вьетнама? Об этом новом кумире патриотов рассказывал отец, который сдавал с ним вместе конкурсные экзамены. В отличие от Фан Бон Тяу Чинь был ярым противником королевского дома, выступал за установление во Вьетнаме республиканского правления. Но он не видел ничего плохого в господстве колонизаторов, поэтому не звал к борьбе с ними, а требовал от них лишь проведения социально-экономических реформ.

Тхань пытался найти ответ на мучившие его вопросы в книгах и не находил. Однажды в библиотечке отца его внимание привлекла книга французского писателя Жан-Жака Руссо. Она оказалась страшно сложной, читалась тяжело, многое так и осталось непонятным Тханю, но зато на каждой странице, как драгоценные жемчужины на дне океана, он обнаруживал простые и великие истины, которые всколыхнули мятущуюся душу юноши. Человек рожден свободным, а между тем везде он в оковах; отказаться от своей свободы — это значит отказаться от своего человеческого достоинства и от прав человека; самый сильный никогда не бывает достаточно силен, чтобы быть постоянно господином; если народ имеет возможность сбросить ярмо и делает это, он поступает правильно, — из этих разрозненных мыслей складывалась настоящая программа действий, программа борьбы за свободу. Тханя поразил пронизывавший книгу великого француза дух свободолюбия, вольнодумства, презрения к традиционным канонам и догмам, воинствующего атеизма; его взволновали страстные призывы к свободе, равенству, братству. И он спрашивал себя: как же так получилось, что именно соотечественники Руссо теперь жестоко угнетают его несчастный народ? И можно ли изменить ненавистный порядок вещей?

Где отыскать тот сказочный меч всесильной истины, которая указала бы ясный путь к освобождению родного народа — славного детища мифических прародителей Дракона и Феи, народа с героическими традициями, достойного гораздо лучшей участи, чем та, которую уготовила ему злая история-мачеха? Отныне смыслом жизни Тханя становится беззаветное служение

свободе, настойчивые поиски пути, ведущего к спасению его несчастной родины.

4

В конце 1904 года Нгуен Шинь Шак получил строжайшее предписание королевского двора срочно прибыть в Хюэ и принять там должность чиновника. «Господин доктор» отправился в столицу вместе с двумя сыновьями, оставив в деревне дочь. Уже более века Хюэ — небольшой город в центре Вьетнама — служил резиденцией вьетнамских императоров. Королевские дворцы и древние пагоды раскинулись на зеленых холмистых берегах Ароматной — одной из красивейших во Вьетнаме рек. По преданию, реку назвали так оттого, что она берет свое начало в сосновых борах хребта Чыонгшон, где в изобилии растут пахучие лекарственные травы, и их аромат передался водам реки.

По приезде в Хюэ Тхань и его старший брат поступили в только что открытую там французскими властями школу Донг Ба, где главное внимание уделялось обучению французскому языку и литературе. Через два года, закончив эту школу, братья успешно сдали вступительные экзамены в Национальный колледж Куок хок.

Колледж находился в здании бывшей казармы королевских матросов. В верхней части массивных ворот, сделанных из железного дерева, была встроена наблюдательная башенка и небольшой колокол вроде того, какие висят в пагодах; по обеим сторонам у входа возвышались фаянсовые, покрытые малахитовой глазурью мифические драконы.

Национальный колледж считался лучшим по тем временам учебным заведением во Вьетнаме. Слово «национальный» в названии колледжа означало, что его двери открыты для тех вьетнамцев, кто хотел бы получить не только западное, но и сугубо вьетнамское образование. Действительно, в колледже преподавали на куок-нгы — основанном на латинском вьетнамском буквенном алфавите, который с начала нового века пришел на смену иероглифам. Имелся также и специальный класс, где учили в духе древних классических традиций.

В первые годы существования колледжа директором его подвизался некий Нордеман — коммерсант по профессии. Он был женат на вьетнамке, знал вьетнамский язык и разрешал величать себя на вьетнамский манер Нго Де Ман. После него эту должность занял офицер французского легиона мосье Ложу. Среди вьетнамских патриотов это имя служило предметом всеобщих

насмешек. Ложу, участвовавший в боях с партизанами Хоанг Хоа Тхама, был захвачен в плен и провел несколько месяцев в партизанском лагере в джунглях. Как и партизаны, он ходил босиком, носил воду, молол рис. Рассказы о том, как Тхам заставляет «белых господ» трудиться в поте лица, имели широкое хождение в народе и доставляли большое удовольствие юным патриотам.

С первых же дней учебы Тхань убеждается, что единственная задача, поставленная перед колледжем властями, — воспитывать не широко образованных, полезных отчизне и народу людей, а преданных колонизаторам слуг, с помощью которых легче было бы править чужой страной. Тханя угнетают чуждые его вольнолюбивым порывам верноподданнические порядки, царившие в колледже.

Годы учебы Тханя совпали с тем периодом мировой истории, который В. И. Ленин определял как «начало пробуждения Азии», когда под воздействием русской революции 1905 года многие народы Востока пришли в движение. Начался подъем национально-освободительной борьбы и во Вьетнаме.

Если в колледже царила унылая, тягостная атмосфера, то за его стенами, в городе, развертывались бурные события, находившие живой отзвук в сердцах Тханя и многих его одноклассников. Особенно запомнилась Тханю весна 1908 года, когда он получил первые практические уроки политической борьбы. Сторонники Фан Бой Тяу начали по всей стране кампанию «за обновление образа жизни и нравов народа». Повсюду стригли мужчин, имевших по китайскому образцу длинные, заплетенные в косичку волосы, людей призывали носить современную одежду, пользоваться только отечественными предметами быта, отказываться от старинных обычаев, открывать чисто вьетнамские школы и торговые фирмы. Участники движения за обновление распространяли повсюду прокламации, в которых разоблачались поборы местных властей я содержались призывы к отказу от уплаты налогов.

Волнения охватили весь Центральный Вьетнам. Тысячи крестьян хлынули в Хюэ из окружавших его уездов. На дорогах, ведущих в город, поборники нового устроили специальные посты — там насильно стригли волосы и укорачивали одежду тем, у кого она была слишком длинна. Крестьяне, многие из которых пришли в город со своими семьями и принесли с собой циновки, рис и кастрюли, расположились табором на шестиарочном мосту Ожерелий через Ароматную реку, вокруг резиденции французского губернатора и судебной палаты, на тротуарах центральных улиц и три дня и три ночи ожидали удовлетворения

своих требований о снижении налогов и отмене трудовой повинности.

К демонстрантам присоединилась группа учащихся колледжа, которую возглавил Тхань. Он сказал своим одноклассникам: «Наши соотечественники идут к французам требовать отмены налогов. Мы с вами должны им помочь, ведь мы знаем французский язык».

Тхань и его друзья ходили от одной группы крестьян к другой и читали им патриотические стихи, призывая к стойкости в борьбе за свои права. Жители города угощали крестьян чаем и водой. Люди наслаждались царившей повсюду атмосферой национального братства. Все называли друг друга новым, недавно появившимся в обиходе словом «донг бао» — соотечественник, которое звучало для патриотов чарующей музыкой.

Французские власти, обеспокоенные размахом волнений, попытались использовать восьмилетнего императора Зюй Тана, чтобы убедить демонстрантов разойтись по домам. Из ворот императорского дворца, отделанного золотом и цветным лаком, выехала четверка лошадей. По обеим сторонам ее гарцевала конная охрана. Малолетнего императора никто, однако, не слушал. Ему, правда, разрешили проехать, зато охрану и другие экипажи, следовавшие за ним, возбужденные крестьяне под свист и улюлюканье заставили повернуть обратно. Французы попрятались по домам, не решаясь выйти на улицу. Демонстранты стали фактическими хозяевами столицы. Но на третий день в город прибыли вызванные губернатором войска, и началась расправа. Французские солдаты в упор расстреливали безоружную толпу. На мосту Ожерелий завязалась рукопашная схватка. Через перила в воду падали тела убитых, крестьяне в отчаянии бросались на солдат и увлекали их за собой в реку.

В схватке с солдатами сильно досталось и многим учащимся колледжа, особенно их вожаку. Но Тханю удалось избежать ареста и скрыться в доме одного знакомого их семьи. Наутро он как ни в чем не бывало явился на занятия.

Однако вскоре к колледжу подъехала коляска с несколькими французскими солдатами во главе с офицером. В сопровождении директора колледжа господина Шуке они вошли в класс, где учился Тхань.

— Нам нужен ученик этого класса, такой длинный и черномазый! — сердито закричал офицер. (Тхань был довольно высокого роста и, как деревенский житель, загорелый до черноты.)

— Я имею приказ потребовать, чтобы этот мятежный ученик был немедленно исключен из колледжа, — заявил он.

Так закончились годы учения Тханя, и началась трудовая, самостоятельная жизнь.

Несколько дней, проведенных в столице, сотрясаемой народными выступлениями, для Тханя оказались равными по силе воздействия годам размеренной патриархальной жизни в родной деревне Лотосов. Если раньше страдания и настроения народа оставались для него в какой-то мере лишенной плоти абстракцией, то теперь реальная жизнь каждый день давала суровые и полезные уроки. Сколько уже возникало, думал он с горечью, разных патриотических движений: «Верность монархии», «Путешествие на восток», «Общество обновления»… Все они потоплены в крови, и с каждым поражением патриотов колонизаторы еще туже затягивают проклятые каунги — деревянные арестантские колодки — на шее народа.

Покинув Хюэ, Тхань приезжает в город Куинён, где он попытался сдать экзамены на звание сельского учителя. Экзамены он выдержал успешно. Однако когда список попал на утверждение к французскому наместнику Фриэру, тот вычеркнул из него имя Тханя как человека, находившегося под наблюдением полиции.

В 1910 году он едет на юг, в город Фантхиет, где, по рассказам, находилась самая прогрессивная в те годы частная школа в Аннаме. Школа существовала на доходы фирмы, занимавшейся производством рыбного соуса и торговлей мелкими товарами. И фирма и школа возникли по инициативе передовых интеллигентов в самом начале движения за обновление. 20-летний юноша становится учителем второго и третьего классов.

Каждое утро в традиционном для учителей тех времен белом длиннополом платье, подпоясанном кушаком оранжевого цвета, на ногах гуоки — деревянные сандалии, Тхань входил в класс, вызывал к доске двух мальчиков и двух девочек, и начиналась декламация печальных четверостиший из популярных сборников Тонкинской общественной школы — просветительской организации, созданной патриотами в Ханое в 1907 году.

О небо! Ты видишь мученья народа!
Закован цепями, томится в печали.
На голод его обрекли кровопийцы,
До нитки последней людей обобрали…

Молодой учитель стремился научить не только грамоте, но и передать ученикам свои вольнолюбивые, патриотические убеждения. Он рассказывал им о том, что помнил из книг

французских просветителей, — об идеях гуманизма, равноправия, равенства, свободы, братства. Передовые идеи Великой французской революции он противопоставлял консерватизму и косности феодальных канонов, которые сковывали развитие социально-политической жизни в колониальном Вьетнаме.

Среди учителей Тхань прослыл новатором. Ежедневно в 5 часов утра он выводил своих питомцев на школьный двор делать зарядку, а по четвергам занимался с ними легкой атлетикой. По тем временам спортивные занятия в школе считались настоящей революцией.

Однако работа в школе оказалась недолгой. Тханя звала в дорогу жажда познания. В конце 1910 года он переезжает в Сайгон. Там он неожиданно для своих близких и знакомых поступает в только что открывшееся училище, которое готовило матросов торгового флота и квалифицированных рабочих для сайгонских судоверфей.

Посторонним мог показаться довольно странным выбор, сделанный выходцем из интеллигентной семьи, широко образованным человеком. Но этот неожиданный шаг стал логическим результатом развития внутреннего мира молодого патриота, задавшегося целью найти свой «волшебный меч».

Если многие его сверстники, увлеченные Фан Бой Тяу, стремились на восток, в Японию, которая казалась им прообразом будущего независимого Вьетнама, то Тханя влек к себе иной мир. Может быть, благодаря знакомству с историей Франции, с идеями великих французских просветителей, а скорее всего в силу врожденной интуиции, которая присуща лишь выдающимся умам, он постепенно пришел к мысли о том, что только в Европе, где произошло столько революций — и в их числе Великая французская революция 1789 года, Парижская коммуна, — где впервые прозвучали волнующие слова о свободе, равенстве и братстве всех людей, где бурное развитие науки и техники опережало другие континенты, — только там можно почерпнуть необходимые знания, отыскать путь, ведущий к освобождению родины.

Мысль об этом впервые зародилась у Тханя, по-видимому, при знакомстве с творчеством Ж.-Ж. Руссо. Он узнал из его «Исповеди», что юный Руссо, прежде чем стать великим просветителем, почти десять лет странствовал по дорогам европейских государств. Так он учился самой важной и труднопостижимой науке — науке жизни, и именно сама жизнь, окружающий его мир неравенства, нужды, народных бедствии позволили ему впоследствии стать глашатаем возвышенных идей свободы, равенства, братства, провозвестником Великой

французской революции.

В 1923 году в интервью советскому журналу «Огонек» Хо Ши Мин так объяснит свое решение пуститься в дальнее странствие: «Мальчиком лет тринадцати я впервые услышал французские слова: свобода, равенство и братство — ведь для нас всякий белый — это француз. И мне захотелось познакомиться с французской цивилизацией, прощупать, что скрывается за этими словами».

Из Сайгона Европа казалась не такой уж далекой. Повсюду на улицах этого крупного портового города расклеены рекламные листы французской компании «Шарже реюни». Изображенные на них пароходы рассекали морские волны, держа курс в экзотические города — Сингапур, Коломбо, Джибути, Порт-Саид, Марсель, Бордо, Гавр. Во вьетнамских портах администрация «Шарже реюни» обычно набирала неквалифицированную рабочую силу для пассажирских судов.

Однажды Тхань рассказал о своем плане приятелю, с которым сдружился за три месяца учебы в училище:

— Послушай, дорогой Ле, я решил уехать за границу, побывать во Франции и в других странах. Посмотрю, как там живут и трудятся, а потом вернусь на родину, чтобы помочь нашим соотечественникам.

— А где ты возьмешь такие деньги? — удивленно спросил его приятель.

Тхань поднял руки и с жаром воскликнул:

— Вот мои деньги. Я буду трудиться, буду выполнять любую работу, чтобы заработать на жизнь и на проезд.

В полдень 2 июня 1911 года Тхань в который уж раз появился на сангонском причале с романтическим названном «Обитель дракона». У причальной стенки он увидел огромное пассажирское судно, на борту которого красовалась надпись «Адмирал Латуш-Тревиль». Шла посадка пассажиров и погрузка товаров. Он поднялся по трапу и, преодолевая смущение, спросил, не найдется ли для него какая-нибудь работа. Несколько человек, услышав эту просьбу, захохотали — так непохож на чернорабочего этот тощий парнишка школярского вида. Но он не уходил, и один из вьетнамцев, пожалев упрямого юношу, провел его к капитану. Тот скептически оглядел Тханя, но что-то, быть может решительный взгляд и настойчивость, понравилось ему в этом необычном просителе.

— Хорошо, будешь помогать коку. С завтрашнего утра приступай к работе. Как тебя зовут?

— Ван Ба, — помедлив какое-то мгновение, ответил Тхань.

Назвав вымышленное имя, что значит Третий Ван, Тхань почти не погрешил против истины — ведь он действительно был третьим по счету ребенком в семье.

ЕГО ИМЯ — ПАТРИОТ

Соколу — ветер попутный,
воля крепчает в груди,
Битвы и бури ждут впереди,
Что там: победа ли? гибель
в бою?..

Нгуен Зу

1

Трудовой день вьетнамских гарсонов на пароходе начинался с четырех часов утра. Тхань мыл большую корабельную кухню, растапливал печи, приносил уголь, таскал из трюма наверх увесистые корзины с овощами, рыбой, мясом, льдом. Однажды во время шторма, когда он тащил такую корзину по палубе, волна подхватила его легкое тело и чуть не смыла за борт. Тхань спасся чудом, ухватившись в последнее мгновение за канат.

Кухня обслуживала восемьсот человек — членов экипажа и пассажиров, поэтому юноша не знал ни минуты покоя. До позднего вечера он бегал но крытым скользким трапам, задыхаясь и обливаясь потом. За день его тело покрывалось густым слоем угольной пыли, усталость свинцовой тяжестью давила на плечи. И все-таки, когда наступал долгожданный отдых и его друзья по работе укладывались спать или принимались играть в карты, Тхань забивался в уголок и до поздней ночи читал книги.

Уже на пароходе он сделал первое важное для себя открытие. Среди пассажиров Тхань приметил двух французских солдат одного с ним возраста, возвращавшихся после демобилизации на родину, и постепенно сдружился с ними. Они иногда помогали ему в его работе, а по вечерам учили тонкостям французского языка, давали читать интересные книжки. Тхань, в свою очередь, учил их вьетнамскому языку и старался тайком принести для них кофе. Раньше он встречал французов лишь в облике надменных чиновников и полицейских. Они вели себя хозяевами на вьетнамской земле и обращались с вьетнамцами как с представителями низшей расы. И вот теперь он с радостным удивлением убеждался, что и среди французов есть хорошие люди.

Второе открытие ждало Тханя в Марселе — городе, с

которого началось его знакомство с Францией. На узких улочках марсельских окраин его взору открылись ветхие, почерневшие от копоти, жалкие жилища потовой бедноты. Во время прогулки по городу ему встречалось немало бедно одетых французов. Он был поражен, увидев у портовых таверн девушек, вынужденных продавать свое тело, чтобы заработать на жизнь. Поздней ночью, когда пароход оставил Марсель позади и взял курс на Гавр, Тхань с удивлением и горечью говорил своему соседу по кубрику, такому же, как и он судовому гарсону:

— Оказывается, во Франции, как и у нас на родине, есть бедные люди. Почему же французы не обеспечили и не просветили своих соотечественников, прежде чем «учить» нас?

Через несколько месяцев за плечами юноши — два дальних, почти кругосветных морских плавания, Атлантический и Индийский океаны, Аравийское, Красное, Средиземное моря, два новых континента — вначале Африка, затем Америка. Очутившись в Нью-Йорке, он несколько месяцев работает по найму в Бруклине. В калейдоскопе впечатлений, обрушившихся на него в новой стране, наиболее сильный след оставил день, когда он познакомился с Декларацией независимости Соединенных Штатов Америки. Его поразили слова о том, что все люди сотворены равными, что они наделены неотъемлемыми правами, и число которых — жизнь, свобода и стремление к счастью. Он вспомнит об этих словах через много лет, когда на конспиративной квартире в Ханое будет работать бессонной ночью над проектом Декларации независимости Вьетнама.

Однако открывшаяся его взору позорная картина американской действительности быстро развеяла возникшие иллюзии. За фасадом красивых слов о равенстве и свободе скрывались бесправие и нищета миллионов тружеников. Тханя глубоко потрясли кошмарные условия жизни в негритянском гетто Гарлема, где он часто бывал, каждодневные проявления расового угнетения и дискриминации.

Прошло полгода, и он снова в пути. Следующий этап странствий — Англия, куда Тхань прибыл, когда над Европой гремела канонада первой мировой войны. Неласково встретил его туманный Альбион. В промозглые дни и легкой одежонке он сгребал мокрый снег на лондонских тротуарах, работал истопником в богатых домах. Платили ему гроши, но и те он умудрялся откладывать, чтобы вносить плату за обучение на курсах английского языка. Через несколько месяцев ему повезло — удалось устроиться помощником повара в фешенебельном отеле «Карлтон» на улице Хеймаркет. Шеф-поваром там работал знаменитый Эскофье, который в те времена славился в

европейских ресторанах как король французской кухни.

Дни проходили в тяжелой, изнурительной работе. С тех пор как Тхань покинул родину, он постоянно оказывался в таких условиях, когда человеку слабому было легко скатиться на самое дно жизни. Его же выручали твердость характера, целеустремленность и строгие нравственные устои, привитые ему отцом в детстве. Все, кто общался с ним в эти годы, вспоминают, что он никогда не сквернословил, не пил вина, не играл в азартные игры, а все свободные минуты, как бы ни было тяжко, отдавал учебе и книгам.

Хотя у Эскофье работалось легче, деятельная натура Тханя не могла долго мириться с унылой, однообразной жизнью в Лондоне, вдали от всего, что связывало его с родиной. А ведь по ту сторону Ла-Манша, во Франции, он знал об этом из газет, находилось немало его соотечественников-эмигрантов, среди которых он чувствовал бы себя не так одиноко, как в Лондоне. Там ему было бы легче следить за пульсом политической жизни в Индокитае, где развертывались бурные события.

В мае 1916 года в Хюэ была предпринята неудачная попытка вооруженного антифранцузского переворота, во главе которого стоял император Зюй Тан. Подавив заговор, колониальные власти сослали мятежного императора на остров Реюньон. В августе 1917 года в городе Тхайнгуене колонизаторы потопили в крови вооруженное выступление «красных кушаков».

Тхань пишет письмо в Париж Фан Тю Чиню, адрес которого ему удалось случайно узнать. Арестованный в 1908 году вместе с другими участниками массовых антифранцузских выступлений, Фан Тю Чинь был приговорен колониальным судом к смертной казни. Однако привести приговор в исполнение колонизаторам не удалось. Фан Тю Чиия хорошо знали во французских демократических кругах. Благодаря вмешательству Лиги прав человека и страстным выступлениям вождя французских социалистов Жана Жореса смертную казнь заменили Фан Тю Чиню ссылкой на остров-тюрьму Пуло-Кондор, а через три года его выслали во Францию, где он жил с тех пор под надзором полиции.

Фан Тю Чинь принял активное участие в судьбе Тханя, пообещав ему по приезде в Париж оказать содействие в поисках работы и жилья. И вот в конце 1917 года Тхань пересек Ла-Манш и очутился в опоясанной окопами воюющей Франции.

Добравшись до Парижа, он разыскал ничем не примечательный дом на тихой улочке Гобеленов, принадлежавший адвокату Фан Ван Чыонгу, который уступил Тханю комнату в мансарде. В этом же доме располагалась и

фотомастерская Фан Тю Чиня, куда Тханя приняли на работу ретушером. Еще в детстве, занимаясь каллиграфией, он достиг большого совершенства в умении обращаться с кисточкой, и это помогло ему быстро стать хорошим ретушером. Фан Ван Чыонг охотно помогал Тханю освоиться в новом городе. Это был совершенно новый для Тханя тип вьетнамского интеллигента. Чыонг был знаком со многими прогрессивными французами — писателями, художниками, политическими деятелями, интересовался политикой, особенно социалистическими теориями, на его столе всегда можно было увидеть книги марксистских авторов. Дом на улице Гобеленов стал местом встреч вьетнамских эмигрантов.

Первые дни самой большой радостью для Тханя стало бродить по древним мощеным улицам Парижа — этой поистине исторической книге с гравюрами из камня. Даже в условиях военного времени этот город не терял своей извечной прелести, необъяснимого очарования. Здесь каждая улица, каждый дом, чуть ли не каждый камень на мостовой сохраняют невидимые следы жарких революционных схваток, на которые так щедр был этот город в прошлом. Без малого целое столетие — с конца XVIII века до 70-х годов XIX века — Париж выступал в роли законодателя в делах революции, служил революционным маяком, на который равнялись остальные европейские столицы. Рыцари революции со всех концов мира стремились в Париж, чтобы услышать здесь живые голоса истории, увидеть сквозь призму прошлого контуры грядущей борьбы в своих странах. В Париже жили и творили К. Маркс и Ф. Энгельс. На улице Мари-Роз провел три плодотворных года В. И. Ленин. Память Парижа цепко храпит десятки и сотни имен революционеров из разных стран мира. Пройдут годы, и к ним прибавится имя пока еще безвестного вьетнамского патриота, который в эти минуты с благоговением ступает по парижским мостовым, и перед его взором встают величественные картины прочитанного или услышанного ранее.

С первых же дней жизни в Париже Тхань, истосковавшийся по соотечественникам за долгие годы странствий, стал частым гостем в Латинском квартале. В этом районе жила большая часть из вьетнамцев, осевших в Париже. По вечерам он заходил в харчевни, содержателями которых были его соотечественники. Над уютными столиками и табуретками плавали специфические, родные для каждого вьетнамца запахи иссиня-черного, густого, как масло, вьетнамского кофе и рыбного соуса ныок мама. Во Вьетнаме говорят: тем, кто долго живет на чужбине, по ночам снится ныок мам.

В тот период вьетнамцы, жившие во Франции, не имели своей организации. Многие из них, хотя и оторванные от родины, были скорее довольны своей судьбой, так как здесь им жилось все-таки лучше, чем в колониальном Вьетнаме. Среди молодежи большинство составляли учащиеся и студенты, получавшие правительственные стипендии, или же сынки состоятельных вьетнамских мандаринов. Многим из них чужды были патриотические порывы, страдания за поруганную колонизаторами родную землю. Тхань часто беседовал с этими беспечными молодыми людьми, пытаясь разбудить у них чувство любви к родине, рассказывал им о страданиях вьетнамского народа, о его героическом прошлом.

Его авторитет среди эмигрантов быстро рос, он становился одним из главных запевал на их тогда еще редких коллективных встречах и сходках. Не случайно поэтому он оказался в числе инициаторов создания и самых активных участников первой организации вьетнамцев, живших во Франции, — Ассоциации вьетнамских патриотов.

По вечерам и в выходные дни он подолгу засиживался в библиотеке Сент-Женевьев на улице Пантеон. В Париже он впервые познакомился с произведениями Шекспира, Диккенса, Лу Синя, Виктора Гюго, Эмиля Золя.

Особенно поразил его воображение и навсегда покорил гений русской литературы Лев Толстой. Он запоем читал в переводе на французский язык «Войну и мир», «Анну Каренину», «Воскресение». Его восхитила философская глубина этих выдающихся произведений, ненависть автора к войне, к феодально-абсолютистскому строю, к религии, к несправедливым порядкам, которые обрекли народ на нищенское и бесправное существование. Тхань был очарован простым и ясным языком произведений Толстого. Прочитав с упоением описание сцены охоты в «Войне и мире», он пишет в своем дневнике: «Нужно писать только о том, что сам видел и прочувствовал».

Как-то на глаза Тханю попалась газета, в которой из номера в номер публиковался роман молодого французского писателя Анри Барбюса «Огонь». С волнением читал Тхань страстные, полные драматического пафоса строки: «…Бедные бесчисленные труженики битв, вы проделали всю эту войну. Вы — всемогущая сила, которая пока еще не служит добру. Вы — земная толпа, каждый ваш облик — целый мир скорби…»

В памяти Тханя вставали разрушенные городки и деревни, увиденные им на севере Франции, санитарные эшелоны, шедшие со стороны фронта в Париж, тысячи его соотечественников, изможденных, с выжженными нитратом на шеях и спинах

номерами, которых против их воли послали умирать за чуждые им интересы «матери Франции», лицемерно величая их «защитниками справедливости и свободы».

Тхань не мог знать слов М. Горького, сказавшего об А. Барбюсе, что он «глубже, чем кто-либо из писателей до него, заглянул в сущность войны и показал людям бездну их заблуждения». Но именно этими словами можно было выразить то глубокое воздействие, которое оказала на него антивоенная книга Барбюса. Он часто повторял про себя заключительные слова романа: «Эти люди из народа увидят еще неведомую им Революцию, превосходящую все прежние; они сами являются ее источником: слово уже поднимается, поднимается к их горлу, и они повторяют: «Равенство!»

В первые недели пребывания во Франции Тхань узнал о грандиозных событиях. В конце октября 1917 года из Петрограда пришло сообщение о новой революции в России. Парижские газеты называли ее «большевистским переворотом», и Тханю, как, впрочем, и многим его французским друзьям, трудно было сразу осознать эпохальное, всемирно-историческое значение этой действительно величайшей революции. Но чутье и чтение социалистических газет помогли ему сделать главный вывод — в России впервые в мировой истории к власти пришли трудящиеся, и он всем своим пылким сердцем патриота приветствовал их победу. Через четыре десятилетия, будучи уже председателем партии вьетнамских коммунистов и президентом свободного Вьетнама, он скажет яркие слова о том, что для него, для всех вьетнамских революционеров живительное влияние Великой Октябрьской социалистической революции «было подобно долгожданной воде для жаждущего путника, подобно рису, который насыщает и придает новые силы».

Горький опыт долгих лет «жизни в людях», увиденное в скитаниях по разным странам и континентам, благотворное влияние идей Великого Октября — все это обозначило важный перелом в формировании идейно-политических взглядов молодого патриота. Нет, он еще не нашел своего «волшебного меча». По уже совершенно по-иному глядел на мир. Абстрактные категории «империализм», «капитализм», «колониализм» приобрели для него конкретные, осязаемые черты. Не только во Вьетнаме — повсюду на огромных пространствах земного шара трудящиеся массы, целые нации и страны подвергаются гнету и эксплуатации, живут в нищете и бесправии. Встречаясь с людьми разного цвета кожи и социального положения, Тхань убедился, что и в Европе есть несчастные и забитые бедняки, непохожие на колонизаторов у него на родине, что люди с черной кожей в

Африке так же обездолены и унижены, как люди с желтой кожей на Азиатском континенте. Он с горечью констатирует: колонизаторы ценят жизнь угнетенного человека — безразлично, негра или азиата — не дороже одного су.

Правильно говорит народная мудрость: «ворон всюду черный». США, Англия, Германия, Япония, пришел к выводу Тхань, — все это такие же, как и Франция, империалистические державы, имеющие свои колониальные владения, большие или малые. Угнетенным народам бесполезно ждать от них помощи.

Однако его ненависть к колонизаторам в отличие от многих вьетнамских патриотов — его предшественников не имела ни малейшего расового оттенка. Это-то и помогло ему постепенно прийти к последовательному интернационалистическому мировоззрению, к осознанию общности интересов трудящихся капиталистических стран и колониальных народов, угнетенных господствующими классами этих стран. Каждый день жизни в Париже убеждал его в том, что у французских трудящихся тот же, что и у вьетнамского народа, враг. Открытие этой истины постепенно привело его в ряды наиболее революционной части французского рабочего класса.

Тхань регулярно читает газету социалистов «Юманите». Он стремится бывать на всех митингах, собраниях и дискуссиях, организуемых социалистической партией, которая одна из всех политических партий Франции выступала в защиту народов колоний. Он с упоением слушает, хотя и немногие, выступления ораторов, осуждающих колониализм. На одном из митингов он знакомится с Полем Вайян-Кутюрье, который принадлежал к левому крылу социалистической партии, был одним из самых молодых депутатов Национального собрания Франции. Тот представил Тханя Марселю Кашену, Анри Барбюсу. Постепенно вьетнамский патриот познакомился со многими деятелями социалистической партии и профсоюзов.

В конце 1918 года в жизни Тханя происходит важная перемена — он вступает в социалистическую партию Франции. До него еще ни один вьетнамец не был членом какой-либо политической партии метрополии. В тот момент социалистическая партия насчитывала всего 11970 человек, хотя до первой мировой войны их было около 100 тысяч. В числе 2 миллионов французов сложили свои головы на полях сражений и немало социалистов. Ответственность за их гибель несли социалистические лидеры, проголосовавшие за войну. Тхань вступил в партию вместе с теми, кого потом назвали «огненным поколением», кто вырос в атмосфере сильных антивоенных, антиимпериалистических настроений и был свободен от многих

иллюзий своих старших товарищей.

Вступление в партию стало для Тханя началом профессиональной революционной деятельности. Тогда-то он и взял себе новый псевдоним, или скорее партийное имя — Нгуен Ай Куок, что значит Нгуен-Патриот. Возможно, под этим именем он стал выступать сразу же по приезде во Францию, что вполне в духе вьетнамской традиции. Однако первое документальное свидетельство появления нового псевдонима относится к началу 1919 года.

Вьетнамцы в общении между собой обычно пользуются только именем, то есть последним элементом трехсловной фамилии. Первый же ее элемент, представляющий собой архаическое напоминание о былой принадлежности к тому или иному роду, используется в обращении тогда, когда хотят подчеркнуть особое уважение к собеседнику. Именно так — товарищ Нгуен — с самого начала звали Нгуен Ай Куока его друзья по партии, соратники — и вьетнамцы и иностранцы. Под этим именем прошли 23 года его отданной делу революции жизни.

2

В середине января 1919 года Париж торжественно встречал высоких зарубежных гостей. Представители капиталистических стран, участвовавших в первой мировой войне, съехались во французскую столицу на мирную конференцию. Правители держав-победительниц жаждали как можно быстрее «подвести итоги» войны, говоря иными словами, обогатиться за счет побежденных. Парижские газеты призывали читателей к национальному единству во имя заключения максимально выгодного мирного договора, который обеспечил бы возрождение великой Франции. Традиционные обитатели богатых кварталов столицы, нувориши, сколотившие состояния на военных поставках, средние и мелкие держатели акций — все они, охваченные шовинистическим угаром, в один голос требовали от правительства такого договора, который заставил бы побежденную Германию «заплатить за все».

Весть о созыве мирной конференции привлекла в Париж также немало представителей угнетенных народов, тешивших себя надеждой, что при решении проблем послевоенного устройства мира участники конференции прислушаются к их голосу. Многих из них ввел в заблуждение демагогический «план из 14 пунктов» президента США Вудро Вильсона, где, в частности,

шла речь о «правах» колониальных и зависимых стран. В Париж прибыла делегация из Китая, который воевал на стороне стран-победительниц и по нраву рассчитывал добиться наконец-то национальной независимости. На улице Шатодор открылось информационное бюро корейской делегации, приехавшей потребовать автономии для своей страны. В бесконечных коридорах бывшей резиденции французских королей — величественном Версальском дворце, где проходила мирная конференция, появились представители Индии, Ирландии, арабских стран.

Однажды ранним утром в доме № 6 по улице Добини, где проживал бывший посол Франции в Германии Жюль Камбон, входивший в состав французской делегации, прозвучал звонок. Дверь открыла молодая девушка по имени Женевьева Табуи. Будущая известная журналистка выполняла роль секретаря в доме своего дяди-посла. Худощавый юноша азиат с приятным открытым лицом, на котором резко выделялись большие яркие глаза, вежливо поздоровался и сказал с заметным акцентом:

— Я хотел бы передать господину послу документ.

Женевьева впустила раннего гостя в дом и, усадив за длинный узорный стол в стиле ампир, который и сейчас стоит в гостиной семейства Табуи, стала расспрашивать молодого человека, кто он такой.

— Меня зовут Нгуен Ай Куок, мадемуазель. Я хотел бы встретиться с мосье Камбоном.

Юноша вытащил папку, перевязанную ленточкой, раскрыл ее и подал девушке.

— Я пришел сюда, чтобы передать господину послу «крик души» народов Индокитая.

Бумаги, находившиеся в папке, — это сразу бросалось в глаза — были написаны от руки красивым четким почерком. Сверху лежало письмо, адресованное хозяину дома: «Уважаемый господин посол Камбон, полномочный представитель Франции на Парижской конференции. Я выступаю от имени народов Индокитая. Мы — слаборазвитая нация. Мы познали на себе, что такое цивилизация Вашей страны…» Документ, принесенный молодым азиатом, назывался «Тетрадь пожеланий вьетнамского народа».

«В ожидании, когда священное право наций на самоопределение получит подлинное признание, — говорилось в нем, — народ бывшего королевства Аннам, ныне французских владений в Индокитае, предъявляет правительствам союзных держав вообще и французскому правительству в частности следующие требования:

— Полная амнистия вьетнамским политическим заключенным.

— Реформа законодательства в Индокитае, предоставление вьетнамцам таких же юридических гарантий, как европейцам, упразднение чрезвычайных судов — орудия террора по отношению к лучшим из вьетнамцев.

— Свобода печати и свобода мнений.

— Свобода создания обществ и свобода собраний.

— Свобода эмиграции и проживания за границей.

— Право на образование, открытие технических и профессиональных учебных заведений для населения во всех провинциях.

— Замена системы декретов системой законов.

— Во французском парламенте должен быть постоянный вьетнамский представитель, избранный у себя на родине, для выражения воли и чаяний соотечественников».

Через несколько дней идентичные послания получили и другие делегации, участвовавшие в конференции, а также многие депутаты Национального собрания Франции. В приложенной к ним сопроводительной записке говорилось: «Уважаемый господин! По случаю победы союзников мы хотели бы с Вашего позволения направить Вам список пожеланий народа Вьетнама. Убежденные в Вашем благородстве, мы надеемся, что Вы поддержите эти требования при обсуждении их полномочными представителями.

От имени группы вьетнамских патриотов Нгуен Ай Куок».

Настойчивого вьетнамского юношу с кипой листков под мышкой не раз встречали в шумных, задымленных коридорах редакций парижских газет, в тесных залах, сдававшихся в аренду, где проходили обычно собрания и митинги, организованные французскими профсоюзами, социалистической партией.

Луи Арну, шеф индокитайской секции французской охранки, будущий глава всей службы безопасности генерал-губернаторства в Индокитае, недоуменно пожал плечами, когда ему доложили о действиях неизвестного Нгуен Ай Куока и о содержании рассылаемого им повсюду «антифранцузского документа». Мосье Арну но долгу своей службы вроде бы знал всех неблагонадежных аннамитов (так колонизаторы именовали вьетнамцев), живших в Париже, и был прекрасно осведомлен о каждом шаге основных «возмутителей спокойствия» из Индокитая. Один из них — Фан Тю Чинь, содержатель фотоателье, практически отошел от активной политической деятельности, да и такая вызывающая акция не в его правилах, он уважительно относится к метрополии. Другой — адвокат Фай Ван Чыонг, тоже живущий в

Париже, считается марксистом, по занимается лишь переводом на вьетнамский язык политической литературы и никогда в такого рода делах замечен не был. Единственно, кто из старых знакомцев мог бы на такое решиться, — это неистовый Фан Бой Тяу, но тот, как доподлинно известно Арну, обретается сейчас где-то в Южном Китае, да к тому же совсем недавно опубликовал довольно примиренческую статью, где неожиданно высказался в пользу франко-вьетнамского сотрудничества.

Ни «всевидящий» Арну, ни даже близкие друзья молодого патриота, который в самом сердце французской колониальной империи смело поднял голос в защиту своего угнетенного народа, не знали да и не могли тогда знать, что автор «Тетради пожеланий» Нгуен Ай Куок, корабельный гарсон Ван Ба и сын единственного в деревне Лотосов фобанга, любознательный мальчик Тхань — это одно и то же лицо.

Утром 29 июня 1919 года Нгуен был в числе самых ранних покупателей у газетного киоска. Первые полосы газет пестрели восторженными заголовками. Буржуазная пресса ликовала. Парижская конференция завершилась подписанием мирного договора, который означал полный триумф Франции. Франция получила от Германии практически все, чего добивалась, — Эльзас и Лотарингию, крупные репарации за убытки, понесенные в войне, часть германских колоний в Африке. Много говорилось в газетах о структуре послевоенного устройства в капиталистической Европе, где Франции отводилась главенствующая роль. И только по вопросу, волновавшему Нгуена, — о судьбе колониальных народов, — газеты хранили полное молчание. Парижская конференция, участники которой стремились лишь к переделу мира в пользу победителей, оказалась глуха к требованиям многочисленных представителей колониальных и зависимых стран. Стена молчания была воздвигнута и вокруг «Тетради пожеланий вьетнамского народа».

Разумеется, Нгуен к этому времени уже имел достаточный опыт, чтобы понимать, что путем вручения петиций империалистам вряд ли чего добьешься. Свою инициативу он считал лишь удобным случаем, чтобы еще раз разоблачить колониализм, привлечь внимание демократических кругов Франции к положению во Вьетнаме, наконец, пробудить от летаргического сна самих вьетнамцев.

И все-таки в душе его остался горестный осадок. Нгуен долго размышлял в этот день. Свобода, равенство, братство — оказалось, эти слова служили буржуазии всего лишь дымовой завесой для прикрытия своих преступлений против народов.

Восемь пунктов, изложенных им в «Тетради пожеланий», не шли дальше требований о предоставлении Вьетнаму автономии в рамках Французского союза и осуществлении основных свобод буржуазной демократии, но на колонизаторов они подействовали, как красная тряпка на быка. Медоточивые либеральные декларации, на которые империалисты, занятые поисками пушечного мяса, не скупились в годы войны, — сплошной обман. Мольбами от империалистов справедливости не дождешься. Где же выход? Только в борьбе, в борьбе не на жизнь, а на смерть. Чтобы добиться освобождения, народы колоний должны свергнуть господство угнетателей, как это сделали трудящиеся России. Революция — вот тот таран, с помощью которого может быть повержена неприступная с виду колониальная крепость.

«Тетрадь пожеланий» стала политическим манифестом, возвестившим начало нового этапа в развитии вьетнамского национально-освободительного движения. Ветеран Коммунистической партии Вьетнама Буи Лам вспоминает, какое сильное впечатление произвела акция Нгуен Ай Куока на индокитайских эмигрантов, солдат и моряков во французской армии и флоте: «Французы назвали это бомбой, а мы — громом. Раскатами весеннего грома, который рассеял туман и тучи, окружавшие нас, дал жизнь росткам, глубоко дремавшим в наших сердцах. Уезжая на чужбину в поисках заработка, все мы оставались истинными патриотами и мечтали увидеть свою родину свободной. И вот прямо в столице Франции, на конференции «великих держав» неожиданно появился вьетнамец, который потребовал прав для своего народа. Как можно было не почитать этого человека, не преклоняться перед ним. В те дни наши соотечественники, проживавшие во Франции при встречах много говорили о независимости, самоопределении и о Нгуен Ай Куоке. Само это имя Нгуен-Патриот имело чудесную, притягательную силу».

Появление нового имени в антиколониальном движении, активное распространение Нгуеном «подрывной литературы» вызвали переполох среди французских властей Индокитая. 25 июля 1919 года министерство по делам колоний в Париже получило секретную депешу губернатора Кохинхины: «Многие газеты в колонии получили подстрекательские листовки, присланные из Парижа. Листовки озаглавлены «Требования аннамского народа». Под ними стоит подпись: от имени группы вьетнамских патриотов — Нгуен Ай Куок. Я был бы благодарен Вам, если бы Вы срочно сообщили мне данные об авторе этих листовок. В письмах, полученных здесь, этот человек сообщает,

что направил свои листовки также многим деятелям метрополии. По данным тайной полиции Кохинхины, этот человек в министерстве по делам колоний известен».

Аналогичного содержания пришла телеграмма и от генерал-губернатора Индокитая: «Сообщаю, что у одного арестованного нами тонкинца обнаружены листовки с текстом «Прав народов» Нгуен Ай Куока, опубликованным в газете «Юманите». Этот тонкинец показал на допросе, что листовки раздавались в марсельском порту перед отплытием парохода и их получили 50 туземцев, возвращавшихся на родину».

По своему откликнулась на эти события колониальная пресса во Вьетнаме. Газета «Будущее Тонкина» писала: «Опять Нгуен Ай Куок! Недавно мы цитировали текст петиции, написанной в Париже, под которой стояла подпись Нгуен Ай Куока. И вот последним пароходом нам доставили эти требования, которые озаглавлены «Права народов». Текст этой петиции попал также в руки многих журналистов, чиновников различных учреждений…»

После появления «Тетради пожеланий» министерство по делам колоний Франции издало распоряжение о сохранении, несмотря на окончание войны, режима цензуры на всю почтовую корреспонденцию как во Вьетнаме, так и отправляемую вьетнамцами, живущими во Франции. Полицейские службы во Франции и Индокитае начали составлять досье на Нгуен Ай Куока. Двум тайным агентам поручили вести за ним постоянное наблюдение. В архивах парижской полиции сохранились первые фотоснимки Нгуена, снятые агентами скрытой камерой в конце 1919 года. В одном из докладов министерства внутренних дел Франции отмечалось: «Расследование антиправительственной агитации в аннамитских кругах в Париже в поддержку «требований аннамского народа» позволяет сделать вывод, что душой этого движения является отныне Нгуен Ай Куок — генеральный секретарь Ассоциации аннамских патриотов».

Именно в эти дни Луи Арну, впервые увидев на фотоснимке волевое лицо Нгуена, его горящие глаза, в беседе с сотрудниками министерства по делам колоний произнес пророческие слова:

— Поверьте мне, господа, что этот с виду тщедушный, но полный жизненных сил юноша может стать именно тем человеком, который поставит крест на нашем господстве в Индокитае.

Нгуен давно уже горел желанием рассказать простым французам жестокую правду о бесчинствах, творимых колонизаторами в Индокитае. Осуществить это желание ему помогло знакомство с прогрессивными французскими

журналистами Гастоном Монмуссо, редактором рабочего журнала «Ля ви увриер», и Жаном Лонге, внуком Карла Маркса, редактором органа социалистов газеты «Ле непль».

Монмуссо и Лонге посоветовали ему писать в их газеты короткие заметки о событиях, происходящих во французских колониях. Писать на чужом языке было трудно, но постепенно с помощью новых друзей, терпеливо правивших его корреспонденции, он освоился. Он писал о том, что французы быстро забыли о десятках тысяч вьетнамцев, которые сражались в годы войны под трехцветным французским флагом и сложили головы на полях Франции, Германии и в горах Балкан. О том, в каких каторжных условиях живут вьетнамские «волонтеры», работающие на строительстве дорог и рытье котлованов в северном пригороде Парижа, куда Нгуен часто наведывался. О том, что окончание войны, хотя Франция оказалась в числе победителей, не принесло облегчения вьетнамскому народу. Напротив, еще больше возросло число вьетнамцев, осужденных колониальной юстицией на медленное умирание в казематах Пуло-Кондора и глухой тонкинской провинции Шонла, на каторжных работах во Французской Гвиане и Новой Каледонии.

Сотрудничая в газетах, Нгуен жадно ловит скудные и противоречивые вести о происходящем в Советской России, расспрашивает своих друзей-социалистов, пытаясь как можно больше узнать о русской революции, понять, кто такие большевики и их руководитель — Ленин. А сделать это в тогдашней Франции было не так-то просто. Буржуазная пропаганда вела разнузданную клеветническую кампанию против Советской России, пытаясь извратить суть происходящих там событий. На стенах парижских домов висели кощунственные плакаты. На них в облике дикаря изображался большевик, в зубах у него окровавленный нож, рукой он держит за волосы женщину, а за его спиной горят крестьянские избы. На других плакатах корчилась в агонии голодная, обессиленная Россия. На страницах буржуазных газет Нгуен читал чудовищные выдумки о том, что большевики потопили страну в море крови, что Советская власть будто бы национализировала даже женщин н поэтому каждому гражданину, чтобы иметь жену, необходимо получить разрешение.

В конце 1918 года французское правительство от враждебной пропаганды перешло к прямой вооруженной интервенции против молодой Советской Республики. В воды Черного моря вошла объединенная франко-английская эскадра, которая стала на рейде Севастополя и Одессы. Высадившиеся с кораблей войска заняли Херсон, Николаев и продолжали наступать дальше на

север.

Массовыми выступлениями в защиту Советской Республики ответил на эту интервенцию французский рабочий класс. Нгуен стал свидетелем того, как несколько дней подряд 2 тысячи рабочих механического завода, расположенного неподалеку от его дома, проводили митинги в защиту Советской России. Вместе с рабочими-социалистами Нгуен распространял среди жителей своего квартала листовки с обращением социалистической партии к трудящимся выступить против интервенции в России.

Подъему движения в защиту революционной России во многом способствовала деятельность Марселя Кашена, который страстно обличал тех, «кто клевещет на русскую революцию, даже не попытавшись понять ее истинный характер». Выступая в палате депутатов Национального собрания, Кашен предупреждал правительство: «Как бы вы ни относились к русской революции, спешите отозвать оттуда свои войска. Если вы этого не сделаете, французские солдаты скоро воспримут идеи большевизма, идеи революции, если еще не восприняли их, и, вернувшись сюда, поступят так же, как поступали немецкие солдаты, побывавшие в России в последние годы.

Таков будет неминуемый результат любых попыток учинить насилие над волей народов. Народы поймут, что лучшее средство борьбы против вас — это солидарность тех, кто терпит нужду и приносит жертвы».

Пророческими оказались слова Кашена. В апреле 1919 года во французских частях, расквартированных и Одессе, и на многих кораблях, стоявших в Севастополе и Одессе, начались революционные выступления. Французские солдаты и матросы братались с русскими рабочими, пели «Интернационал». Звучали лозунги: «В Тулон!», «Долой войну с Россией!» На кораблях создавались революционные комитеты моряков. Нгуен нашел в газетах сообщение, которое его чрезвычайно взволновало. Алжирцы, марокканцы, а также вьетнамцы, входившие в сводный африканский полк, расквартированный в Одессе, отказались воевать за интересы французской буржуазии и перешли на сторону Красной Армии.

Нгуен тогда еще не знал, что первый, кто поднял красный флаг на крейсере «Вальдек-Руссо», стоявшем на одесском рейде, был вьетнамец Тон Дык Тханг — человек, с которым он вместе учился в сайгонском училище и который впоследствии на долгие годы станет его ближайшим соратником в борьбе за новый Вьетнам. «Я уверен, что любой вьетнамский патриот, особенно рабочий, присутствовавший в те исторические минуты на Черном море, — скажет впоследствии Тон Дык Тханг, — не мог поступить

иначе, чем я, так как любить родину и ненавидеть империалистов — это прежде всего значит любить Октябрьскую революцию и ненавидеть тех, кто выступает против нее».

Французские власти сурово расправились с восставшими моряками. Механик с эсминца «Протэ» Андре Марти и десятки его боевых товарищей были сосланы на каторгу. Но это не остановило борьбы французских трудящихся в защиту Советской России. В те дни молодые социалисты Парижа распевали марш, посвященный героическим морякам, его написал Поль Вайян-Кутюрье. Не раз собрания партийной секции, в которой состоял Нгуен, заканчивались боевым куплетом:

Тиранам, что залиты кровью народной,
Зачинщикам четырехлетней войны
Матросы не выдали гордой, свободной
Надежды рабочих — Советской страны.

Постепенно устраивались личные дела Нгуена. Товарищам по партии удалось раздобыть для него «перми дю сежур» — вид на жительство и трудовую книжку. Имея на руках официальные документы, заверенные в полиции, Нгуен быстро нашел себе постоянное место работы в одном довольно солидном фотоателье. Труднее обстояло дело с жильем. Мало кто из домовладельцев хотел иметь в качестве жильца вьетнамца. После нескольких дней поисков с помощью Вайян-Кутюрье удалось найти маленький флигель в тупике Компуан в 17-м округе Парижа.

Хозяйка дома отвела для Нгуена сырую и темную каморку. Единственное оконце смотрело на глухую стену соседнего дома. Только далеко высунувшись из окна, можно было увидеть над головой кусочек голубого неба. Печки в комнате не было, поэтому зимой, особенно по ночам, Нгуен очень страдал от холода. Спасала изобретательность. Перед тем как уйти утром на работу, он подкладывал в камин хозяйки кирпич. Поздней ночью, вернувшись домой, заворачивал его в газету и клал в постель, чтобы хоть немного согреться.

В начале 20-х годов район Парижа, где находился тупик Компуан, являл собой средоточие рабочего люда и бедноты. Это сейчас он разросся, его заселили буржуа, вытеснив прежних жильцов за пределы городской черты. Живя в тупике Компуан, Нгуен получил возможность каждодневно наблюдать, какое жалкое существование влачат обитатели рабочих кварталов, воочию убедиться в непримиримости классовых антагонизмов, раздиравших французское капиталистическое общество. Свои

наблюдения и выводы он отразил на страницах «Юманите» в очерке «Париж», написанном им в форме письма на родину двоюродной сестре.

«Есть такой округ в Париже, дорогая кузина, который сам по себе может проиллюстрировать все грани жизни и психологию Парижа, всей Франции, вселенной. Для того, кто намерен заняться изучением состояния современного нам общества, простая прогулка окажется столь же ценной, как и объемистый том энциклопедии.

Три основных квартала этого округа — Этуаль, Батиньоль и Эпинет. У тебя всегда было богатое воображение, и потому, я уверен, ты, прочитав лишь их названия, уже догадалась, какую социальную ступеньку занимает каждый из них. Мне даже кажется, что я слышу твой шепот: «Эпинет, Эпинет!» Жизнь здесь и впрямь очень трудна, терниста[5]. Ну а Этуаль — Звезда — обитель счастливчиков, привилегированных, уголок Эдема, да и только.

Здесь свили свое гнездо космополитическая роскошь, бьющее через край изобилие и изощренная праздность. Здесь рай тунеядцев всех мастей и всех стран. Великолепие здесь царит повсюду: животные и те великолепны. Не говоря уже о фантастических суммах, которые тратятся на роскошных пташек или на рысаков: этих денег хватило бы, чтобы прокормить целиком население одной из наших провинций, последнему псу в этом квартале живется лучше, чем рабочему человеку.

Квартал Эпинет — подножие лестницы. Это беднота, лишние люди, отверженные тех двух кварталов. Они словно принадлежат к какой-то другой породе людей, скромных, стеснительных, раздавленных нищетой. Приглядись, как дядя выжимает стебли сахарного тростника, стародавним народным способом получая сахар, и тогда ты представишь себе здешнюю картину. Весь сладкий сок стекает по одну сторону, а по другую остаются расплющенные, скрюченные жмыхи. Так и здесь. С одной стороны — богатство и праздность, с другой — тяжкий труд и нужда».

Сотрудничая в левых газетах, Нгуен с горечью убеждался, как мало, если вообще ничего, знают французы о его родине. 4 января 1920 года на стол министра по делам колоний легло донесение тайного агента по кличке Жан, следившего за Нгуеном. «Господин Нгуен Ай Куок, — доносил агент, — жаловался, что в других странах ничего не знают об Индокитае. Он беседовал с иностранцами, и никто из них не знал о существовании Индокитая. Они никогда не слышали о такой стране и полагали, что Индокитай — это всего лишь пограничная область между Индией и Китаем. Необходимо, считает Нгуен Ай Куок, как

можно больше говорить и писать об Индокитае. Он будет требовать от членов социалистической партии вести действительно широкую пропаганду, чтобы все знали, что происходит в Индокитае…»

Страстное желание рассказать простым французам правду о бесчинствах колонизаторов в Индокитае и страданиях своих соотечественников приводит к мысли о необходимости написания и издании собственной книги. В следующем донесении Жан излагает любопытный диалог между Нгуеном и одним из его друзей — Ламом.

— Когда ты думаешь закончить книгу? — спросил Лам.

— Трудно сказать точно, ведь мне необходимо много материалов, — отвечал Нгуен. — Я не хотел бы что-то выдумывать, писать от себя. Я буду цитировать отрывки из книг, где говорится о французском колониализме, а затем придавать им соответствующую окраску. Книга будет состоять из четырех глав: первая — Индокитай до захвата его Францией; вторая — что колонизаторы принесли Индокитаю; третья — нынешняя ситуация в Индокитае; четвертая — Индокитай в будущем.

Нгуен решил назвать свою книгу «Угнетенные». В марте 1920 года рукопись была готова. «Господин Нгуен Ай Куок, — доносил Жан, — намерен издать книгу на свои деньги. Он говорил Ламу, что уже накопил 300 франков… По моему мнению, маловероятно, чтобы какая-то тайная организация снабдила его деньгами, ибо этот человек весьма щепетилен. Он хотел бы, чтобы книга была издана на его личные сбережения».

Однако в свет эта рукопись так и не вышла. В один из вечеров, вернувшись домой, Нгуен обнаружил, что она бесследно исчезла. По-видимому, все тот же пресловутый Жан, знавший о каждом шаге вьетнамского революционера, похитил ее. Однако работа, проделанная Нгуеном, не пропала даром. Отдельные главы «Угнетенных» были использованы в его книге «Суд над французским колониализмом», которая вышла в 1925 году.

Переезд на новое место жительства, пусть это была всего лишь полутемная девятиметровая каморка, означал для Нгуена долгожданное обретение экономической независимости от Фан Тю Чиня и Фан Ван Чыонга, отношения с которыми понемногу теряли прежнюю теплоту.

Фан Тю Чинь, по-видимому, сломленный арестом и тюрьмой, практически отошел от политической деятельности и предпочитал проводить свободное время в бильярдных на улице Сорбонны. Фан Ван Чыонгу по складу-характера больше импонировала кабинетная работа, он не умел и не любил работать с людьми. Нгуен возмущался пассивностью друзей, а те,

в свою очередь, именовали авантюризмом и ребячеством его поведение и деятельность Ассоциации вьетнамских патриотов. Все чаще между ними вспыхивали яростные дискуссии. Агенты тайной полиции, следившие за их домом, докладывали начальству: «Последние дни каждый вечер происходят шумные споры в доме № 6 по улице Гобеленов. Есть данные, свидетельствующие о том, что идеи Фан Тю Чиня и Нгуен Ай Куока резко отличаются друг от друга». А в одном из документов министерства но делам колоний указывалось: «Нгуен Ай Куок постепенно становится авторитетным руководителем аннамитов, живущих во Франции, в то время как роль Фан Тю Чиня и Фан Ван Чыонга постепенно сходит на нет».

Нгуен тяжело переживал идейный разрыв с друзьями. Ведь оба они были по-человечески дороги ему, он был глубоко признателен им за все, что они сделали доброго для него. Особенно неприятный осадок оставила у него их последняя встреча. Чинь только что вернулся из поездки на север Франции, где он часто бывал по делам своей фотомастерской. Вечером они по традиции собрались и кабинете Чыонга. Поглаживая нервными движениями усы, Чинь недовольно глянул на Нгуена.

— Говорят, ты распространяешь листовки?

— Да, это требования нашего народа. Чыонг помог мне правильно изложить их на французском языке, а я с моими друзьями из Ассоциации постарался довести их до сведения широкой публики и во Франции и в Индокитае. Что же тут плохого, уважаемый дядюшка Фан?

— Я действительно помогал ему, но я сразу сказал, что это опасная игра и она может плохо кончиться, — вставил Чыонг.

— Авантюризм, ребячество, — взорвался Чинь. — Я говорил и повторяю: Франция — цивилизованная страна. Она несет нам свет и знания. Нам нужны только реформы. В несчастьях нашего народа повинны лишь юродивый император, алчные мандарины, феодалы и нотабли. Вьетнаму нужна республика и материнская рука Франции.

Воспитанный в строгих конфуцианских традициях, Чинь в политических спорах предпочитал говорить рублеными, лапидарными фразами «ханваня» — вьетнамского варианта древнекитайского литературного языка, где иероглифы обозначали, как правило, лишь субъект, объект и образ действия, многие же грамматические категории — время, наклонение и другие — должны были домысливаться читателем или слушателем.

— О какой цивилизации вы говорите, дядюшка Фан? — Нгуен от возмущения даже всплеснул руками. — Неужели вам не

известно о тех неисчислимых жестокостях, которые творят на нашей родине колониальные бандиты? Тюрем больше, чем школ, и все они набиты битком. Наши соотечественники подвергаются дискриминации, у них нет элементарных прав. Колонизаторы не только угнетают нас, они еще издеваются над нами, заставляют насильно курить опиум и пить спиртные напитки, чтобы отравить нас, сделать из нас идиотов. Цивилизация? Вот посмотрите, как эти «носители цивилизации» относятся к туземцам, я прочел это в газете.

В Хайфоне какой-то французский механик по имени Анри выстрелом из ружья убил у своего дома человека, преследовавшего молодую женщину. Убитый оказался европейцем. Вызванный на допрос, Анри простодушно ответил: «Я думал, что это туземец».

А вспомните, почему произошло восстание в Тхайнгуене, где было пролито так много крови и казнены невинные люди? Его спровоцировал своими зверствами администратор провинции господин Дарль. С целью вымогательства он сажал в тюрьмы наших соотечественников и лично избивал их. За никчемную провинность он закапывал в землю по самую шею подчиненных ему вьетнамцев и разрешал их откапывать только тогда, когда они уже были полумертвыми. И что же? Думаете, наказали власти господина Дарля? И не подумали.

— А ты думаешь, твои петиции помогут исправить положение? — грустно улыбнувшись, заметил Чыонг.

— Нет, не думаю. Но сидеть сложа руки тоже нельзя. Надо что-то делать. Надо объединяться, создавать организации, собирать силы. От колонизаторов милости не доищешься. Разговаривать с ними все равно, что услаждать лютней слух буйвола. Только силой можно вернуть свободу отчизне, другого пути я не вижу. Нашему народу исстари присущи традиции героической борьбы против чужеземных пришельцев. Вспомните подвиги Ле Лоя, Чан Хынг Дао, Куанг Чунга. А как доблестно сражались с французами бойцы Фан Динь Фунга и Хоанг Хоа Тхама! В России народ уже взял власть в свои руки. Поднялся на борьбу и наш сосед — Китай.

— Никакого насилия, насилие — это гибель, — все в том же лаконичном стиле излюбленного «ханваня» отчеканил Чинь. Затем, как бы продолжая мысленно спорить со своим старым идейным противником Фан Бой Тяу, добавил: — Нечего рассчитывать на чужедальние страны, это глупо.

— Наша задача — просвещать темный, забитый наш народ, — прервал возникшую после этих слов паузу Чыонг. — Надо нести ему знания, в том числе и политические. Делать это надо

постепенно, осторожно. А так, как ты себя ведешь, твои скандальные речи на собраниях в клубе, на рабочих сходках, эти твои листовки — все это ребячество, причем, скажу прямо, опасное ребячество. Недолго и в полицию угодить.

До поздней ночи продолжался этот уже не первый спор трех представителей вьетнамского патриотического движения. Нгуен тогда еще скорее всего не знал крылатого изречения К. Маркса: «Каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ»[6]. Но шестым чувством настоящего революционера он ощущал не только потребность, но и необходимость действовать, чтобы помогать тем, кто борется, и будоражить тех, кто смирился с положением подневольных рабов.

Переехав в тупик Компуан, Нгуен, однако, не порвал связей со своими старшими товарищами, часто навещал их. Он не мог согласиться с ними, так как был убежден в своей правоте, но глубоко уважал обоих за заслуги перед родным народом. Фан Тю Чинь долгие годы был кумиром патриотически настроенной вьетнамской молодежи. Когда в 1925 году он внезапно скончался, только-только вернувшись на родину, его смерть была воспринята всеми мыслящими вьетнамцами как великая национальная утрата. В траурном шествии в Сайгоне за гробом безвременно ушедшего патриота приняли участие 140 тысяч человек. Многочисленные манифестации произошли также в Ханое, Хайфоне, Намдине.

Робкий интеллигент, постоянно призывавший Нгуена к осторожности, Фан Ван Чыонг в то же время немало сделал для распространения во Вьетнаме марксистских знаний. Он первым перевел на вьетнамский язык «Манифест Коммунистической партии», сам написал много статей по вопросам марксистской теории. Вернувшись на родину, он начал издавать газету «Аннам», которая в 20-х годах стала одним из самых прогрессивных изданий в Кохинхине.

Как ни тягостен был для Нгуена наметившийся разрыв со старыми друзьями, он становился, видимо, неизбежным. В идейном отношении Нгуен уже ушел от них довольно далеко вперед. Его, всегда стремившегося к новому, чуждого любых проявлений консерватизма, не давил груз социальных утопий и политических заблуждений вьетнамских национально-патриотических лидеров конца XIX — начала XX века. Его темпераменту, характеру человека действия была сродни революционная психология, он счастливо избежал опасных вирусов реформизма. В отличие от своих старших товарищей он уже стоял на пороге соединения национально-патриотических идеалов с марксистско-ленинским учением.

ВОЛШЕБНЫЙ МЕЧ

У нас во Вьетнаме есть легенда о парчовой суме. Столкнувшись с трудностями, раскрывают эту суму, чтобы найти в ней способ их решения. Ленинизм — такой же дивный кладезь мудрости.

Хо Ши Мин

1

В 1919–1920 годах после создания по инициативе В. И. Ленина III Коммунистического Интернационала в рабочем движении капиталистических стран развернулась ожесточенная борьба подлинно революционных сил против реформистских лидеров за создание партий нового типа — коммунистических партий, призванных встать во главе революционного движения, повести за собой широкие трудящиеся массы. Во Франции борьбу за создание партии нового типа и вступление ее в Коминтерн возглавило революционное крыло социалистической партии. К концу 1919 года, всего за год после окончания мировой войны, численность социалистической партии возросла почти до 100 тысяч человек. Подавляющую часть нового пополнения составили представители «огненного поколения», молодые рабочие, находившиеся под сильным воздействием идей Октябрьской революции. В эти годы вступили в социалистическую партию Морис Торез, Жак Дюкло — люди, которые впоследствии встали у руля французского рабочего движения. Молодые силы партии все более решительно выражали недовольство реформистской политикой лидеров, требовали выхода партии из II Интернационала и присоединения к ленинскому III Интернационалу.

Распространению идей III Интернационала среди французских трудящихся немало способствовала пропагандистская деятельность образованной в августе 1918 года французской секции при Российской Коммунистической партии большевиков, куда вошли Инесса Арманд, Жанна Лябурб, Жак Садуль. В разгар майских забастовок 1919 года в Париже возникла новая организация — Комитет борьбы за присоединение к III Интернационалу (Комитет III Интернационала). Его главной

задачей представители революционного крыла социалистов считали пропаганду коммунистических идей.

Собрания районной секции партии, на которые Нгуен старался ходить регулярно, все больше напоминали растревоженный улей. До хрипоты в голосе ораторы, сменяя один другого, изо дня в день спорили о том, какой Интернационал больше отвечает интересам французского рабочего класса. Дополнительную окраску этим яростным спорам придавал горячий французский темперамент. Нгуен внимательно слушал ораторов, хотя не все в их речах ему было понятно. Некоторые из них чересчур жонглировали «умными» словами, такими, как «утопический социализм», «анархизм», «реформизм», «синдикализм», именами Сен-Симона, Фурье, Бланки. Однако постепенно общая картина становилась для него ясной.

Участники собрания, как и вся партия в тот период, делились на три довольно четких лагеря. Левые социалисты выступали за присоединение к Коминтерну, видя в нем провозвестника подлинно революционной борьбы за освобождение рабочего класса от капиталистического гнета. Правые требовали восстановления II Интернационала, который, по их словам, якобы больше отвечал демократической традиции Французской Республики. Сторонники среднего пути — их называли в партии «лонгетистами», так как их лидером был Жан Лонге, — выступали за реконструкцию II Интернационала путем очищения его от всех «несоциалистических» элементов.

Нгуена возмущало, что ораторы, много говорившие о будущем французского рабочего движения, совершенно не касались в своих речах вопроса о судьбе колониальных народов. Однажды на очередном собрании, когда страсти накалились, Нгуен, до этого молчавший, неожиданно попросил слова.

— Дорогие друзья, вы все социалисты, это прекрасно, — сказал он. — Вы все хотите освободить рабочий класс. Если это так, то не все ли равно, какой Интернационал — второй, третий или двухсполовинный?.. В какой бы Интернационал вы ни вступили, вам так или иначе придется объединиться, так как у вас одна задача, одна цель. Зачем же так много спорить? В то время как вы здесь спорите, в Индокитае мои соотечественники страдают под колониальным гнетом…

После собрания активистка секции портниха Роза, с которой он познакомился на одном из митингов, сказала ему:

— Товарищ Нгуен, вам трудно разобраться в этом вопросе, так как вы недавно вступили в партию, но позже вы поймете, почему мы так много спорим. Этот вопрос тесно связан с будущим нашего рабочего класса.

Сердцем Нгуен всегда был с левыми социалистами, с теми, кто выступал в защиту колониальных народов, и именно в этом лагере находились его лучшие друзья, наиболее близкие ему по духу люди. Сознательный же выбор в пользу Коминтерна, в пользу ленинизма он сделал летом 1920 года. 16 и 17 июля газета «Юманите» опубликовала «Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам», подготовленных В. И. Лениным для II конгресса Коминтерна. Это была первая ленинская работа, с которой познакомился Нгуен.

До глубокой ночи просидел он над тезисами, потрясенный великой и простой мудростью ленинских мыслей. «…Во главу угла всей политики Коминтерна по национальному и колониальному вопросу, — с радостью читал он, — должно быть положено сближение пролетариев и трудящихся масс всех наций и стран для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии. Ибо только такое сближение гарантирует победу над капитализмом, без которой невозможно уничтожение национального гнета и неравноправия»[7].

Впервые в своей жизни Нгуен читал строки, в которых с поразительной силой обобщения и в то же время с предельной конкретностью, будто речь шла именно о его родине, говорилось о необходимости тесного объединения усилий революционного движения метрополий и колоний, об особенностях освободительного движения в колониальных и зависимых странах. «…По отношению к государствам и нациям более отсталым, с преобладанием феодальных или патриархальных и патриархально-крестьянских отношений, — подчеркивал В. И. Ленин, — надо в особенности иметь в виду:

…необходимость помощи всех коммунистических партий буржуазно-демократическому освободительному движению в этих странах; в первую голову обязанность оказывать самую активную помощь ложится на рабочих той страны, от которой отсталая нация зависит в колониальном или финансовом отношениях»[8].

Нгуен вновь и вновь перечитывал отдельные фразы, пытаясь глубже проникнуть в суть ленинских мыслей, и в его глазах стояли слезы необъяснимого душевного восторга. Он чувствовал себя человеком, который долго и упорно, цепляясь за еле заметные выступы, царапая в кровь пальцы, взбирался на вершину, казалось бы, неприступной, огромной скалы, и вот наконец перед ним открылись во всей своей красоте и величии подернутые голубой дымкой бескрайние просторы земли. Девять долгих лет посвятил он поискам «волшебного меча», той великой истины, которая одна только могла принести освобождение родному народу. И он все же нашел ее — в подлинно

революционном, бесконечно многообразном, имеющем универсальный характер ленинском учении, основные принципы которого одинаково приемлемы как для развитых капиталистических государств, так и для отсталых крестьянских стран Востока.

Долго не гас в эту ночь свет керосиновой лампы в мансарде дома в тунике Компуан. Утренний рассвет возвестил не только наступление нового дня, но и начало принципиально нового этапа в жизни Нгуена. Ленинские идеи захватили его сразу, бесповоротно и навсегда. Много лет спустя, уже став президентом свободного Вьетнама, он вспоминал: «В этих тезисах встречались политические термины, которые мне было весьма трудно понять. Но, читая и перечитывая их много раз, я все же уловил суть. Как это меня взволновало, согрело, просветило, убедило! Я даже заплакал от радости. Как будто обращаясь к народным массам, я воскликнул:

— Несчастные, замученные соотечественники, вот что нам нужно! Вот путь к нашему освобождению!

С этого момента я полностью встал на сторону Ленина и III Интернационала!»

Нгуен направляет письмо в Комитет III Интернационала с просьбой принять его в состав Комитета и получает положительный ответ. Теперь на собраниях своей секции он становится одним из самых активных ораторов. Он решительно атакует противников Ленина, Коммунистического Интернационала. «Если вы не осуждаете колониализм, если вы не защищаете угнетенные и эксплуатируемые народы, то как вы можете считать себя революционерами?» — гневно бросал он вопросы оппортунистам под одобрительные возгласы и аплодисменты молодых рабочих. Став членом Комитета III Интернационала, он охотно посещает собрания других секций, чтобы и там защищать «свой тезис».

6 августа 1920 года участники II конгресса Коминтерна, собравшегося в Москве, утвердили «21 условие приема в Коминтерн». «Юманите» опубликовала полный текст этого важного документа. Особое внимание Нгуена привлек 8-й пункт условий: «В вопросе о колониях и об угнетенных национальностях необходима особо четкая и ясная линия партии тех стран, где буржуазия такими колониями владеет и другие нации угнетает. Каждая партия, желающая принадлежать к III Интернационалу, обязана беспощадно разоблачать проделки «своих» империалистов в колониях, поддерживать не на словах, а на деле всякое освободительное движение в колониях, требовать изгнания своих отечественных империалистов из этих колоний,

воспитывать в сердцах рабочих своей страны истинно братское отношение к трудящемуся населению колоний и угнетенных национальностей и вести систематическую агитацию в своих войсках против всякого угнетения колониальных народов».

Комитет III Интернационала не имел постоянного местопребывания, а снимал различные свободные помещения, кочуя с одной улицы на другую. Однажды на заседании, которое состоялось в здании Общества по распространению знаний в Латинском квартале на углу улицы Сен-Жермен, Нгуен познакомился с молодым французом, только что вернувшимся из армии. Звали его Жак Дюкло. Он был на 7 лет моложе Нгуена, по выглядели они одногодками. Как все вьетнамцы, стройный, худощавый, с черными блестящими волосами, Нгуен казался гораздо моложе своих лет. Они регулярно встречались на заседаниях Комитета, и вскоре их знакомство переросло в дружбу. Часто, когда заседания Комитета заканчивались за полночь, друзья вместе спускались в лабиринты парижского метро или шли пешком по улицам ночного города.

«Мы много говорили с ним о Советской России, — вспоминал об этих днях Жак Дюкло. — Тогда мы как раз участвовали в сборе средств на улицах Парижа, чтобы помочь русской революции справиться с голодом и последствиями блокады, которую организовали правительства Франции и других стран Антанты. Однажды, когда после очередного собрания мы вышли на улицу, Нгуен сказал мне:

— Послушай, Жак, русская революция в опасности. И все-таки она победит любых врагов. Прежде чем на всей планете рухнет капитализм, всем нам придется пройти через тяжелые испытания. Однако победа непременно будет за нами».

Жак Дюкло тогда только начинал свою деятельность в рядах партии, он жадно расспрашивал Нгуена о том, в чем сам еще не мог разобраться. Однажды поздней ночью два друга ехали в почти пустом вагоне второго класса одного из последних поездов метро. В воздухе плавал никогда не исчезающий из парижского метро стойкий запах машинного масла и жженой резнны. Грохотали на стыках колеса, заглушая голоса друзей. Жак рассказывал Нгуену, как, приехав на побывку в родную деревню Луэ, что лежит у подножия Пиренеев, он встретил в ее окрестностях вьетнамцев. Они работали в военных мастерских, а жили в бараках за колючей проволокой. Жак спросил Нгуена, зачем эти несчастные покинули свою родину. И в ответ услышал горестный рассказ о том, как его соотечественники-французы издеваются над миллионами вьетнамцев, лишенных элементарных прав, нещадно эксплуатируют их, насильно спаивают и делают наркоманами.

«Для меня это было полным откровением, — вспоминал Жак Дюкло, — ибо в ту пору во Франции преподносили колониальную политику в виде своего рода экспорта цивилизации в отсталые страны. Благодаря знакомству с Нгуеном я узнал правду о французском колониализме».

Но, конечно, главной темой разговоров друзей был вопрос об отношении к Коминтерну. Как раз в эти дни молодые социалисты — сторонники присоединения к Коминтерну — с нетерпением ждали результатов поездки в Москву М. Кашена и генерального секретаря социалистической партии Л. Фроссара, которым партия поручила встретиться с Лениным и установить контакт с руководящими органами Коминтерна. Одним словом, произвести своего рода разведку, чтобы затем практически решать вопрос об отношении к Коминтерну. Смогут ли эти два человека успешно выполнить сложное дело, порученное им, — этот вопрос не раз служил темой споров между Нгуеном и Жаком. В оценке Л. Фроссара оба оказались единодушны — как политическому деятелю ему нельзя полностью доверять. И действительно, впоследствии Л. Фроссар вышел из рядов Французской коммунистической партии, в создании которой он сам же участвовал. В оценке же М. Кашена их мнения несколько разошлись. Жак Дюкло лично не знал М. Кашена, он слышал, что его называли центристом. Нгуен же хорошо знал М. Кашена, не раз с ним встречался, разъясняя ему обстановку в Индокитае. Его пленило в этом человеке то обстоятельство, что даже в дни, когда он был ревностным сторонником лозунга «войны до конца», он активно выступал против колониализма и его позорных проявлений.

«Хорошо помню, — рассказывал Жак Дюкло, — что в ту пору Нгуен оценивал роль Марселя Кашена в Москве несколько более позитивно, чем выходило из моих рассуждений. И его оценка оказалась верной… С первых же минут беседы с Кашеном и Фроссаром у Ленина сложились разные мнения о них, хотя оба они стояли на платформе «войны до конца», которую занимала социалистическая партия. Ленин почувствовал, что Октябрьская революция произвела на Кашена весьма сильное впечатление. В глубине души Ленин верил в Кашена, и это оказалось правильным. Ленин не стал прислушиваться к инсинуациям некоторых, называвших себя коммунистами, что Марсель Кашен — это «центрист» и он ничего не сможет путного сделать. Я должен сказать, что, когда я говорил с Нгуен Ай Куоком, его оценка Кашена практически не отличалась от данной Лениным».

Вступление социалистической партии Франции в Коминтерн друзья связывали с назревшей необходимостью коренной

перестройки стиля ее работы. Нгуен с возмущением говорил о том, что партийные собрания превращаются в пустую говорильню, принимаемые решения никем не выполняются.

— Революционная партия должна быть дисциплинированной, — внушал он Жаку. — После того как решение принято, не должно быть места такому положению, когда каждый делает все, что ему заблагорассудится… Пришло время создать новую партию, такую партию, в которой не было бы места парламентскому стилю работы.

И вот Кашен и Фроссар возвращаются в Париж. 13 августа секретариат социалистической партии проводит митинг в здании парижского цирка. Каждый стремился пробраться поближе к ораторам, ведь тогда еще не было громкоговорителей. Тысячи рабочих заняли сплошной массой ряды амфитеатра, всю арену, теснились плечом к плечу. А из трамваев и поездов метро выливались все новые людские волны, и тридцать тысяч человек, для которых не хватило места в цирке, заполнили близлежащие улицы. Нгуен пришел в цирк в числе первых и успел занять удобное место. Когда появился Кашен, Нгуен вместе со всеми с энтузиазмом пел «Интернационал» и скандировал: «Да здравствует Кашен! Да здравствует Ленин! Да здравствуют Советы!» Кашен поднялся на трибуну.

— Для старого социалиста, тридцать лет мечтавшего увидеть общество, в котором труд не подвергался бы эксплуатации, — горячо заговорил он, — было большой радостью попасть в такую Россию, где вся власть принадлежит только труду. Но ценой каких страданий русская революция создает это общество! Эти страдания причиняем и мы, поскольку солдаты Российской социалистической республики умирают от французских снарядов, изготовленных французскими рабочими, перевезенных французскими железнодорожниками и моряками…

Сплотись, французский народ! Посмотри, что творит империалистическая Франция… И осознай свой долг.

Кашен говорил о том, что французским социалистам следует изучить опыт русской революции, чтобы подготовить установление и во Франции власти рабочих и крестьян. Он говорил о том, что III Интернационал в отличие от своего предшественника перешел к прямым и смелым действиям против мирового империализма, он объединяет угнетенные народы, оказывает им моральную и материальную поддержку. О том, что именно русская революция и деятельность Коминтерна дали толчок к пробуждению порабощенных народов. Теперь и на Востоке идеи освобождения принимают действенный характер, в умах передовых людей зарождается надежда на национальную

независимость и свободу.

После поездки в Россию Кашен стал одним из активнейших участников движения за присоединение французских социалистов к III Интернационалу. Он посетил многие города Франции, участвовал в бесчисленных митингах, вселяя в трудящихся уверенность в победе русских большевиков, разъясняя существо принципов коммунизма. Неутомимая деятельность Кашена сыграла решающую роль в том, что к концу 1920 года подавляющее большинство французских социалистов высказалось за присоединение к Коминтерну.

2

25 декабря 1920 года в разгар рождественских праздников к центре Франции в небольшом городке Тур собрался национальный съезд социалистической партии. Среди 285 делегатов единственный представитель французских колоний — Нгуен Ай Куок, избранный от своей секции за активную работу в составе Комитета III Интернационала. Съезд состоялся в здании манежа, которое располагалось в ту пору по соседству с собором святого Юлиана и выходило фасадом на широкую Луару. Во время второй мировой войны это здание сгорело при бомбежке.

Манеж, которому предстояло стать ареной исторического события, наспех оборудовали активисты местной партийной организации. Подмостки из настланных на козлы некрашеных досок; взятые напрокат у торговца лимонадом складные железные столики и стулья; под потолком несколько цветочных гирлянд; на стенах портреты Жореса; позади трибуны два больших плаката: «Освобождение трудящихся будет делом самих трудящихся!» и «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

По старинной французской традиции, которая берет свое начало от романтических времен Великой французской революции, делегаты съезда разместились отдельными группами в соответствии со своими убеждениями. Слева расположились сторонники присоединения к Коминтерну, в центре — «лонгетисты», «реорганизаторы», сторонники улучшения II Интернационала, справа — социал-шовинисты, ярые противники большевизма и Советской России.

Четыре дня продолжалась жаркая дискуссия. Хотя большинство делегатов с самого начала высказалось за присоединение партии к Коминтерну, дебаты носили довольно острый характер. Социал-шовинисты и «реконструкторы» использовали любой повод, чтобы извратить значение условий

приема в Коминтерн, оклеветать сторонников присоединения, повлиять на окончательное решение тех, — а таких было довольно много, — кому не вполне еще были ясны цели и задачи коммунистов.

На одном из заседаний в разгар дискуссии председательствующий объявил, что слово предоставляется представителю Индокитая Нгуен Ай Куоку. По залу прокатился гул одобрения, когда делегаты увидели в левом крыло зала худощавого юношу с высоким лбом, скуластым лицом, в довольно элегантном костюме, который Нгуен раздобыл специально к этому торжественному случаю. Микрофона в зале не было, и он говорил с места:

— Товарищи, сегодня я должен был бы вместе с вами обсуждать проблемы мировой революции, но, будучи социалистом, я прибыл сюда с глубокой болью в сердце, чтобы высказать протест против тех чудовищных преступлений, которые империалисты творят на моей родине.

— Браво! — послышались поощрительные возгласы в зале.

Рассказав, какой зверской эксплуатации, угнетению, дискриминации, издевательствам со стороны колонизаторов подвергаются вьетнамцы, Нгуен воскликнул:

— Двадцать миллионов вьетнамцев — число, равное более чем половине населения Франции, — живут такой жизнью. И их называют людьми, находящимися под защитой Франции! Социалистическая партия должна принять действенные меры в защиту угнетенного населения колоний.

Среди возгласов одобрения неожиданно послышался голос Жана Лонге:

— Я же выступал в защиту туземцев.

— В начале своего выступления я, кажется, просил установить диктатуру молчания, — отпарировал Нгуен, вызвав веселое оживление в зале. — Партия должна вести социалистическую пропаганду во всех колониях. Я думаю, что вступление в III Интернационал будет означать конкретное обещание партии в дальнейшем правильно оценивать важность колониального вопроса.

Вечером 29 декабря в работе съезда наступил решающий момент. На голосование было поставлено четыре резолюции. Главными из них были две: одна — за присоединение к III Интернационалу, внесенная Кашеном, другая — предлагавшая «установить контакт со всеми социалистическими организациями, которые вышли из II Интернационала», и отвергавшая некоторые из 21 условия Коминтерна, принадлежала Лонге. Резолюция Кашена получила 70 процентов голосов. В их

числе был и голос Нгуен Ай Куока.

Оглашение результатов голосования встретили пением «Интернационала». «Да здравствует Жорес!» — кричали правые. «Да здравствуют Жорес и Ленин!» — отвечали им левые. Правые и «реконструкторы», отказавшись подчиниться решению большинства, покинули съезд. Оставшиеся приняли решение о создании Коммунистической партии Франции — французской секции Коммунистического Интернационала. Председательствующий торжественно провозгласил:

— Съезд Французской коммунистической партии объявляется открытым!

Было 2 часа 30 минут ночи 30 декабря 1920 года. Эти минуты стали историческими не только для рабочего движения Франции. Они возвестили о рождении первого вьетнамского коммуниста, о появлении в рядах вьетнамского национально-освободительного движения человека, вставшего под знамена ленинизма.

Начав свою революционную деятельность как пламенный патриот, жаждущий освобождения родины от ига чужеземных поработителей, Нгуен Ай Куок настойчиво пробивал дорогу к ленинскому учению, к идеям социализма и коммунизма. Как и многие другие передовые представители освободительного движения во Вьетнаме, в других странах Востока, он пришел к марксизму-ленинизму через активную революционную деятельность под национально-демократическим знаменем, под лозунгами борьбы против колониализма и империализма. Позднее, через много лет, он скажет: «Сначала именно мой патриотизм, а отнюдь не коммунизм привел меня к Ленину, к Коммунистическому Интернационалу. Лишь постепенно, в ходе борьбы я пришел к пониманию того, что только социализм, только коммунизм могут освободить от рабства и угнетенные народы, и трудящихся всего мира. Я понял, как неразрывно связаны между собой патриотизм и пролетарский интернационализм».

Тот, кто действительно любит свою родину, считает себя частичкой своего народа, кто готов отдать все силы борьбе за его национальное и социальное освобождение, тот неизбежно должен будет стать на позиции марксизма-ленинизма. Именно коммунисты, и это ежечасно доказывает история, являются самыми последовательными и стойкими защитниками национальных интересов и чаяний своих народов, беззаветными борцами за подлинную независимость, свободу и процветание своих стран.

КОММУНИСТ

Первой великой заслугой Хо Ши Мина было то, что он связал революционное движение во Вьетнаме с международным рабочим движением, повел вьетнамский народ по тому пути, по которому прошел он сам, — от патриотизма к марксизму-ленинизму.

Ле Зуан

1

«Секретно. Министру по делам колоний Франции господину Альберу Сарро от главного инспектора индокитайских войск во Франции. Докладываю: вчера вечером я имел беседу с Фан Тю Чинем. После этой беседы хотел бы доложить Вам об исключительно бедственном положении Фан Тю Чиня. Он очень болен, живет в нужде и хочет вернуться на родину.

Настроения этого аннамита, думаю, Вам известны. Я бы только хотел добавить, что он не принадлежит к числу тех, кто доставляет беспокойство нашей власти. Фан Тю Чинь — националист. Он, правда, лелеет надежду увидеть свою родину когда-нибудь независимой, но вместе с тем верит в необходимость сохранения нашего протектората в Аннаме.

Все это говорит о том, что проповедуемые Фан Тю Чинем идеи, профильтрованные за 10 лет его пребывания во Франции, весьма далеки от идей Нгуен Ай Куока, которые он не одобряет. Осуждает он также и его методы деятельности.

Убежденный, что сейчас самая лучшая политика — удовлетворить просьбу Фан Тю Чиня, я хотел бы просить Ваше превосходительство разрешить этому господину вернуться на родину и дать указание Индокитайскому банку оплатить его проезд».

Блюстители колониальных порядков в Индокитае уже не боялись Фан Тю Чиня. Его былой патриотизм, задавленный прессом франкофильских настроений, в конце концов выродился в примитивный коллаборационизм. Перед отъездом на родину 3 февраля 1925 года он выступил с речью в парижском Зале научных обществ, где довольно недвусмысленно выразил свое

новое политическое кредо:

— Чтобы существовать и развивать азиатские земли, нам всенепременно нужна материальная сила, и в этом нам может помочь только Франция, и никто другой. Точно так же и Франция, ежели она желает сохранить свое могущество на Дальнем Востоке, должна быть заинтересована в сотрудничестве с нашим Вьетнамом. Будут обе стороны сотрудничать друг с другом — тогда можно будет добиться всего, при разладе же ничего не удастся достичь…

Этой речью он подписал себе смертный приговор как лидеру патриотического движения. Молодые патриоты, которые первыми узрели падение кумира с пьедестала, высмеивали выдвинутые Чинем идеи как «сотрудничество всадника с лошадью».

Чем меньше оставалось приверженцев у Фан Тю Чиня, тем больше беспокоила и тревожила колонизаторов вызывающе смелая деятельность нового лидера вьетнамских патриотов Нгуен Ай Куока. Вместе с другими активистами молодой коммунист собирает в рабочих кварталах Парижа деньги, медикаменты, одежду в фонд помощи голодающим трудящимся России. Он старается не пропускать ни одного рабочего митинга, которые проводятся партией, чтобы потребовать от французского правительства прекращения экономической блокады Советской России и ее дипломатического признания. Его можно часто увидеть в числе ораторов в «клюб фобур» — дискуссионных политических клубах. До поздней ночи горит тусклый свет в его окошке в тупике Компуан: приходится много писать для партийных газет по колониальному вопросу. Воскресные дни Нгуен все чаще проводит в Национальной библиотеке на улице Ришелье, куда Вайян-Кутюрье, пользуясь мандатом депутата парламента, достал ему постоянный пропуск. Частым гостем стал Нгуен на улице Лафайет в Центральном Комитете ФКП. Его назначили в созданную при ЦК комиссию по делам колоний, где он возглавил индокитайский отдел.

Начиная с 1880 года у парижских трудящихся стало традицией в последнюю декаду мая приходить на кладбище Пер-Лашез, чтобы возложить цветы к Стене коммунаров. Вместе со всеми сюда не раз приходил и Нгуен. С волнением слушал он речи ораторов, призывавших свято хранить память о коммунарах, следовать их заветам. Его кулаки сжимались от гнева, когда он проходил мимо находящейся здесь же, в нескольких сотнях метров от Стены коммунаров, могилы палача Коммуны карлика Тьера, которому благодарные буржуа в знак признательности за его «заслуги» воздвигли помпезный надгробный памятник.

Партийной работе Нгуен отдавал все свободное время. Хотя

ему уже перевалило за 30, он еще не преподнес ни одной девушке, как того требовала древняя вьетнамская традиция, красный шелк, чтобы бог бракосочетания Лунный старец навеки связал его с избранницей красной шелковой нитью. Может быть, в родной деревне Лотосов оставалась его любимая девушка, которую в соответствии с феодальными обычаями вьетнамской деревни с отроческих лет по взаимному уговору семей предназначили ему в жены. Но с тех пор много воды утекло. Для односельчан он был без вести пропавший. Даже если существовал у его отца с какой-нибудь семьей уговор, он потерял свою силу за давностью лет. На чужбине же найти достойную спутницу жизни оказалось непросто. Частые переезды из одной страны в другую, аскетический образ жизни профессионального революционера, законы конспирации — все это отодвигало устройство личных дел на задний план.

Так он и не успел вовремя жениться, прожив всю жизнь холостяком.

Работая в комиссии ЦК, Нгуен часто встречался с прогрессивно настроенной молодежью из различных французских колоний — алжирцами, тунисцами, мадагаскарцами, мартиниканцами. Среди молодых людей постепенно зреет идея создания единой организации. В июле 1921 года, собравшись на чьей-то квартире, они принимают решение о создании Союза колониальных народов. Нгуена избирают в руководящий комитет. В уставе союза, разработанном Нгуеном, указывалось, что союз ставит перед собой цель объединить представителей французских колоний, живущих во Франции, вести среди них агитационно-пропагандистскую работу, добиваться их сплочения в общей борьбе за национальное освобождение. В первые же дни в союз вступили 200 человек, в том числе две организации — Ассоциация вьетнамских патриотов и Мадагаскарский союз борьбы за права человека.

Одним из активистов союза и близких друзей Нгуена стал уроженец Антильских островов адвокат Блонкур. Через полвека он вспоминал об этих днях: «Нгуен регулярно посещал собрания и митинги, проводившиеся союзом. Работая с ним, я убедился, что он беззаветно предан идее борьбы за освобождение народов колоний, причем не только своей родины — Вьетнама, но всех угнетенных на земле. У него была несокрушимая вера в окончательную победу. Он считал, что для национального освобождения нет иного пути, кроме революции. У меня сложилось убеждение, что мысль о борьбе за национальное освобождение всегда владела его сознанием, определяя всю его жизнь. Я помню, как однажды, узнав о варварских репрессиях

французских колонизаторов в Дагомее, он возмутился до глубины души и страдал так, будто все это произошло во Вьетнаме, с его народом. Он был в полном смысле гуманистом и интернационалистом».

Активно сотрудничая в партийных газетах, Нгуен хорошо понимал значение печати для революционной пропаганды. Он выдвинул идею создания союзом собственной газеты. Решили назвать ее «Пария» — это слово как нельзя более точно, по мнению Нгуена и его друзей, отражало то положение, в котором находились угнетенные и униженные народы колоний. Нгуену, как единственному из активистов союза, уже довольно опытному журналисту, поручили редактирование и издание газеты.

Нгуен съездил к Анри Барбюсу и попросил взять шефство над «Парией». В тот период Барбюс стоял во главе созданной по его инициативе Международной лиги прогрессивных писателей «Кларте». В нее входили такие выдающиеся деятели литературы, как Анатоль Франс, Бернард Шоу, Эптон Синклер, Рабиндранат Тагор и другие. Барбюс живо откликнулся на просьбу Нгуена и даже выделил для редакции газеты комнату в здании, где размещался секретариат «Кларте».

Первый номер «Парии» вышел 1 апреля 1922 года. Название газеты, которая имела лишь одну полосу небольшого формата, было написано на трех языках — французском, арабском и китайском, что подчеркивало ее интернациональный характер. В приветствии, обращенном редакцией к читателям, говорилось, что это первая газета, которая выступает от имени трудящихся всех французских колоний.

Распространение «Парии» потребовало большой изобретательности. Поначалу Нгуен и его друзья отсылали газеты почтой по официальным адресам в Индокитай, в Африканские колонии, в Вест-Индию. Однако, узнав, что они практически все конфискуются местной полицией, стали договариваться с моряками, которые тайком провозили газетные листки в портовые города французских колоний. Часть экземпляров распространяли в Париже среди эмигрантов и вьетнамских рабочих. Хотя большинство рабочих не умело читать, они охотно покупали газету, которая, как разъяснял им Нгуен, писала о произволе колонизаторов во Вьетнаме, и просили французских рабочих почитать им. «Пария» продавалась также в парижских киосках, находившихся под контролем ФКП. Больше всего экземпляров удавалось Нгуену распространять на рабочих митингах. Он молча раздавал газетные листки участникам митинга, затем поднимался на трибуну и говорил:

— Эта газета рассказывает о том, как угнетают нас

колонизаторы. Она распространяется бесплатно, но мы будем благодарны, если вы добровольно поможете нашей газете хотя бы одним су.

Многие вьетнамские эмигранты, сочувствовавшие деятельности Нгуена, но опасавшиеся репрессий, тайком посылали ему деньги. Однажды в редакцию «Парии», испуганно озираясь, вошел вьетнамский студент, который оказался сыном состоятельного коллаборациониста. Он положил на стол 5 франков и, крикнув: «Это помощь для газеты!» — тут же исчез.

Нгуен был не только редактором, но и автором большинства статей. Часто появлялись также его зарисовки и карикатуры. Он откликался на все важные события, происходившие в Индокитае и других французских колониях, хлестко высмеивал продажных деятелей колониального режима. «Пария» стала для него также трибуной, с которой он пропагандировал идеи Великой Октябрьской социалистической революции. В условиях, когда буржуазия и ее писаки обливали грязью Коммунистический Интернационал, грубо извращая его политику, «Пария» из номера в помер смело поднимала свой голос в его защиту. «Коминтерн неустанно борется против грабительской сущности буржуазии во всех странах мира, — писала газета. — Коминтерн открыто заявил, что он поддерживает и участвует в национально-освободительной борьбе колоний. Братья трудящиеся, объединяйтесь, сплачивайте свои ряды вокруг знамени Коммунистического Интернационала. Это единственное знамя, встав под которое можно добиться освобождения угнетенных. Чтобы усвоить учение Коммунистического Интернациопала, мы призываем вас, друзья, изучать произведения Карла Маркса. К тому же вы своими глазами видите блестящий образец претворения в жизнь идей Маркса — создание нового общественного строя в Советской России. Только в коммунизме — путь к нашему освобождению».

На страницах газеты Нгуен четко сформулировал свое идейно-политическое кредо, к которому он пришел после вступления в ФКП и изучения работ Ленина и документов Коминтерна. Революция — это дело широких масс трудящихся самой колонии, подчеркивал он. Только коммунистическая партия, партия рабочего класса сможет руководить национально-освободительной борьбой и привести ее к полной победе. Это было совершенно новое слово в истории вьетнамского освободительного движения. Вдохновленный идеями Ленина, вьетнамский коммунист постепенно приходил к выводу о непреложной необходимости вооружения вьетнамской революции идеями марксизма-ленинизма и создания политической партии

рабочего класса.

В июне 1922 года в Марселе открылась колониальная выставка. На ней демонстрировались «успехи цивилизаторской деятельности» Франции в ее колониях. Наиболее широко был представлен Индокитай, который называли жемчужиной в короне французской колониальной империи. У посетителей выставки вызывали неподдельный интерес искусно сделанные макеты камбоджийских храмов Ангкора, древних вьетнамских пагод, старинных улиц Ханоя. По вечерам на подмостках, возведенных в центре выставочного комплекса, выступал ансамбль кхмерских танцоров. По территории выставки бегали вьетнамские рикши, в их колясках чинно восседали любители восточной экзотики.

Однако самой главной «достопримечательностью» выставки стал вьетнамский императорский двор, который французские власти доставили в Марсель ко дню ее открытия. Вечером 21 июня в марсельский порт вошел пароход «Портос», на его мачте развевался шелковый треугольник оранжевого цвета с двумя красными полосами — флаг вьетнамской императорской династии. По убранному цветами белоснежному трапу спустился на причал император Кхай Динь, посаженный колонизаторами на престол в 1916 году вместо мятежного Зюй Тана. «Самый подлый из всех марионеточных императоров» — так заклеймили его впоследствии патриоты Вьетнама, — Кхай Динь предстал перед встречающей публикой в традиционном императорском облачении: на голове — золотистый тюрбан, на плечах — долгополое шелковое платье, вытканное причудливыми фигурами драконов. За ним по трапу сошел вниз десятилетний мальчик Винь Тхюи. Спустя всего три года ему суждено будет стать под именем Бао Дай последним императором в истории Вьетнама. Императора Кхай Диня и малолетнего принца сопровождала огромная свита сановников в роскошных одеяниях.

У трапа почетных гостей встретил министр по делам колоний Альбер Сарро. Отвечая на его приветствие, Кхай Динь напыщенно заявил:

— Франция — наш учитель, она ведет нас в будущее. Из тесного пожатия наших рук рождаются добрые чувства, и обе наши страны дружной поступью идут вперед единой дорогой…

Возмущенный фарсом, который разыгрывался в Марселе, Нгуен выступил в «Парии» с гневной обличительной статьей. Он рассказал читателям о случае, происшедшем во Вьетнаме в канун открытия выставки: один из французов заживо сжег вьетнамского рабочего, работавшего на железнодорожном переезде, так как ему показалось, что тот не слишком расторопно открыл шлагбаум. «В Марселе, — с горечью писал Нгуен, — прославляют гуманность

великой матери Франции, а во Вьетнаме убивают наших соотечественников. В Марселе кричат о процветании Индокитая, а во Вьетнаме люди умирают от голода».

Нгуен пробует себя на литературном поприще, пишет сатирическую интермедию «Бамбуковый дракон», посвященную Кхай Диню. С давних времен вьетнамские кустари и художники любят вырезать из причудливо изогнутого бамбука изображение дракона, который в демонологии буддизма является символом мощи и доброй славы. Но как бы ни была хороша эта фигурка, она всего-навсего кусочек бамбука, бесполезная деревяшка, лишь имеющая форму дракона и носящая его гордое имя. Точно так же и предатель народа, пусть даже и возведенный в сан императора, остается жалкой марионеткой в руках колонизаторов. «Бамбуковый дракон» Нгуена появился вначале на страницах «Парии», а затем его сыграли на сцене в пригороде Парижа на одном из массовых праздников, организованном газетой «Юманите».

По указке властей колониальная пресса развернула кампанию травли «Парии». Сайгонская газета «Тин дьен тхуок диа» опубликовала памфлет, назвав Нгуен Ай Куока «человеком, обуреваемым честолюбивыми желаниями». Когда номер этой газеты получили в Париже, члены руководящего комитета союза собрались на экстренное совещание. Через несколько дней в очередном номере «Парии» появилась статья вьетнамского эмигранта Нгуен Тхе Чюена.

«Какими же честолюбивыми желаниями обуреваем Нгуен Ай Куок? — спрашивал автор. — Он страстно желает освобождения своих соотечественников, которые живут в рабстве и нещадно эксплуатируются алчными колонизаторами. Что может быть благороднее этого желания?

…Его грудь не украшают ордена, в его карманах не найти денежных чеков правительства. Зато он олицетворяет собой надежды и чаяния угнетенного народа. В прошлом году, когда я был в Индокитае, я слышал много взволнованных рассказов о Нгуене, передаваемых тайком, из уст в уста. Одна старая женщина, двух сыновей которой французы бросили в тюрьму, спрашивала меня: «Вы случайно незнакомы с Нгуен Ай Куоком?» А один мальчик — его отец, известный конфуцианец, показался властям подозрительным, и однажды жандармы пришли и, скрутив его как собаку, увели из дома, — этот мальчик, с той поры грезящий о встрече с героическими людьми, выпытывал у меня: «Почтенный, скажите, какой из себя Нгуен Ай Куок? Неужели он такой же, как мы, человек из костей и мяса?»

Ни один эмигрант из французских колоний, как правило, не

оставался в Париже без надзора со стороны французской тайной полиции. Особенно навязчивым стало ее внимание к Нгуену после его вступления в ФКП и выхода в свет первых номеров «Парии». Куда бы он ни направлялся, за ним неотступно, как тени, следовали агенты в штатском. Зачастую они даже не скрывали своих целей, и лишь в тех случаях, когда он участвовал в собрании или митинге, они, опасаясь рабочих, поджидали его вдалеке. Нгуену пришлось всерьез заняться освоением такой сложной и абсолютно обязательной в революционном деле науки, как конспирация. Постепенно он овладевал ее законами, и жизнь его соглядатаев становилась все более беспокойной.

Хозяйка квартиры, у которой Нгуен снимал комнату, через много лет в воспоминаниях особо указывала на эту сторону его жизни. «Господин Хо вел очень скрытный образ жизни, — говорила она. — Никогда нельзя было сказать точно, находится ли он еще дома или уже куда-нибудь ушел. Вот так же в один из дней он исчез и больше сюда не вернулся».

II съезд Французской коммунистической партии собрался в Марселе. Нгуена вновь избрали делегатом как члена комиссии ЦК по колониальным вопросам. Приехав поездом в Марсель, Нгуен вместе с другими делегатами подошел к зданию, где проходил съезд. Неожиданно к нему бросились два дюжих агента в штатском. Нгуен оказался проворнее и успел проскочить через массивные двери в здание. Полицейские не решились следовать за ним и остались караулить снаружи. Начался съезд, Нгуена избрали в президиум.

Он выступил в прениях по колониальному вопросу, а также предложил от имени комиссии проект резолюции «Коммунизм и колонии», составленный на базе указаний Коминтерна.

По окончании заседания участники съезда — члены городского совета Марселя и депутаты парламента, окружив Нгуена, провели его по улицам города мимо полицейских патрулей в надежное место. На следующий день газета «Друг народа» выступила с резким протестом против действий марсельской полиции: «Французский рабочий класс не останется безучастным перед такими позорными действиями и будет решительно протестовать, если вопреки всякой законности полиция арестует Нгуен Ай Куока. Вся коммунистическая партия солидарна с яркими, полными страдания и гнева словами, которые Нгуен Ай Куок сказал с трибуны съезда в поддержку туземного рабочего класса — жертвы империалистических колонизаторов. Если хотят заставить нас замолчать, то тогда пусть заключат в тюрьму не только делегата Аннама, а всех участников съезда, всех членов коммунистической партии».

Когда Нгуен вернулся в Париж, хозяин встретил его руганью. В его отсутствие в фотоателье побывала полиция. Полицейские перевернули все вверх дном и пригрозили владельцу фотоателье неприятностями за то, что он нанял «смутьяна». Хозяин заявил Нгуену, что его «карт д'итантитэ» — удостоверение личности — аннулировано, он должен оформить себе новый вид на жительство, иначе фотоателье не сможет продлить контракт с ним. А пока суд да дело, он снизил Нгуену жалованье.

Беда никогда не приходит одна. Простояв несколько часов на ветру в очереди в полицейское управление, Нгуен простудился и подхватил крупозное воспаление легких. Пока он лежал в больнице, хозяин, обрадованный, что все так «удачно» сложилось, нанял на его место нового работника.

Чтобы как-то свести концы с концами, Нгуен, выписавшись из больницы, организует «дело» у себя на дому. В эти дни в «Ля ви увриер» на последней полосе из номера в номер появляется крошечное объявление: «Тот, кто желает иметь живое воспоминание о своих родителях, может заказать ретушировку фотографий у Нгуен Ай Куока. Прекрасные портреты и прекрасные рамки за 45 франков. Адрес: тупик Компуан, 9, 17-й округ Парижа». Нгуен обходит лавки по продаже угля, которых в те времена было немало в 17-м округе, и предлагает их хозяевам свои услуги в изготовлении затейливых рекламных вывесок. Он получает также заказы от владельцев антикварных магазинов, разрисовывая бумажные веера и вазы картинками, стилизованными под китайскую средневековую живопись, которые те сбывали заезжим богатым туристам. Обычно такие картинки сопровождаются иероглифами, обозначающими счастье, благоденствие, процветание и т. п. Нгуен иногда заменял эти иероглифы другими — «дадао диго чжуи» — «долой империализм», и в таком виде «средневековые» поделки выставлялись на полки лавок, а затем украшали комнаты ни о чем не подозревавших любителей восточной экзотики.

Идейная направленность «Парии», как ни ограничены были масштабы ее влияния, обеспокоила французские власти. Министерство по делам колоний отнесло газету к разряду подрывной литературы и наложило запрет на ее распространение в колониях. На всех французских судах, отправлявшихся в колонии, номера газеты в случае обнаружения подвергались немедленной конфискации.

В начале 1923 года Альбер Сарро направил телеграмму генерал-губернатору Индокитая М. Лонгу, в которой сообщил, что правительство намерено взять Нгуен Ай Куока под стражу и

отправить во Вьетнам под надзор местной полиции, так как его политическая деятельность во Франции приобретает опасный характер. М. Лонг срочно телеграфировал в ответ, что он категорически возражает против такого решения и считает, что гораздо меньшим злом будет держать Нгуен Ай Куока, пользующегося растущей популярностью среди соотечественников, подальше от его родины.

Однажды, когда Нгуен усталый вернулся поздно вечером домой, его подчеркнуто любезно встретила у дверей консьержка.

— О, мосье Нгуен, ваши акции растут, — игриво пропела она и протянула ему большой фирменный конверт с министерским штампом. Оказалось, сам Альбер Сарро приглашает его для беседы.

И вот Нгуен на улице Удино, у старинного здания с потемневшими от времени стенами. Национальный гвардеец придирчиво рассматривает его документы. Нгуен проходит через массивные чугунные ворота, пересекает двор, мощенный булыжником. Чопорный чиновник в черном фраке молча приглашает его следовать за собой и вводит в обширный кабинет, весь заставленный предметами старины и сувенирами восточного происхождения. Навстречу ему выходит лысоватый мужчина средних лет с моноклем в правом глазу.

Впервые Нгуен видит так близко одного из сильных мира сего, министра по делам французских колоний, который для него, как и для всех свободомыслящих вьетнамцев, служил олицетворением жестокой колониальной политики Франции в Индокитае. Власть этого человека распространялась на обширные территории в 4 миллиона квадратных километров с населением в 60 миллионов человек, говоривших на 20 различных языках. В 1917–1919 годах Альбер Сарро был генерал-губернатором Индокитая, где за свою жестокость при подавлении освободительных выступлений населения Кохинхины получил прозвище «палача Сайгона». Ярым защитником интересов французского капитала он предстал перед читателями и в своей книге «Эксплуатация французских колоний».

Сверкнув взглядом из-под монокля на тщедушного вьетнамца, почти утонувшего в глубоком кожаном кресле, господин Сарро строгим голосом учителя произнес:

— Во Франции появились смутьяны, которые связаны с русскими большевиками. Из России они устанавливают связи с Кантоном, а оттуда с Аннамом. Они замышляют нарушить порядок и безопасность в Индокитае, выступают против метрополии. Великая мать Франция милосердна, но она не будет долго терпеть сеятелей смуты. У нас достаточно сил, чтобы

сокрушить этих бунтовщиков вот так… — И он эффектным жестом руки раздавил воображаемый предмет. — Мне нравятся такие молодые люди с сильной волей, как вы, — продолжал Сарро уже более мягким тоном, заметив иронические искорки в глазах Нгуена. — Воля — это прекрасно, но надо же еще и уметь разбираться в жизни. Ну да бог с ним, что было, то было. Если у вас, мосье, возникнет в чем-нибудь нужда, я всегда к вашим услугам. Теперь, когда мы познакомились, вы можете смело обращаться ко мне…

При этих словах Нгуен встал и, глядя прямо в лицо Сарро, сдерживая волнение в голосе, твердо произнес:

— Благодарю вас, мосье. Самое главное в моей жизни, в чем я нуждаюсь больше всего, — это свобода моих соотечественников, независимость моей родины. Разрешите откланяться…

Сидя в вагоне метро, уносившем его от мрачного здания министерства по делам колоний, Нгуен с улыбкой подумал: «И как этот старый колониальный лис сумел проникнуть в мои сокровенные мысли? Ведь именно этим маршрутом я и подумываю добираться поближе к родине».

В коротком словесном поединке, полном огромного внутреннего накала, скрытого от посторонних глаз взаимной учтивостью, последнее слово все-таки осталось за вьетнамским патриотом. Этот маленький триумф Нгуена, о котором никто тогда не узнал, а если бы и узнал, то вряд ли посчитал бы таковым, кроме него самого, неожиданно стал своеобразным провозвестником грядущей победы вьетнамского народа над колонизаторами. Может быть, через три десятка лет, когда французский экспедиционный корпус капитулировал в Дьенбьенфу, Альбер Сарро, который к тому времени занимал высокий пост председателя собрания Французского союза, вспомнил об этой короткой встрече с человеком — выразителем не понятых им тогда, но таких могучих, всепобеждающих идей.

— Товарищ Нгуен, принято решение о направлении вас в Советскую Россию для работы в Коминтерне. Об этом просил руководство партии представитель Исполкома Коминтерна товарищ Мануильский.

Нгуен слушал сотрудника ЦК ФКП и не верил своим ушам. Неужели сбывается его мечта и он увидит родину Октябрьской революции, Москву, Ленина? Он вспомнил встречу с Мануильским. Это было на III съезде ФКП, который состоялся в Париже в октябре 1922 года. Как единственному представителю колоний, Нгуену предоставили место в президиуме. Там он и познакомился с первым в своей жизни советским человеком. Хотя оппортунистам во главе с Фроссаром удалось фактически сорвать

работу съезда, не дав ему принять никаких решений, Нгуен успел выступить с небольшой речью и предложил включить в повестку дня в качестве одного из главных пунктов обсуждение колониального вопроса. Мануильскому понравилась горячая речь вьетнамского делегата; слушая его, он часто одобрительно кивал головой и вместе со всеми аплодировал, когда Нгуен закончил выступление словами: «Долг каждого коммуниста — делать все для освобождения колониальных народов».

Через несколько месяцев, когда Исполком Коминтерна поручил Дмитрию Захаровичу Мануильскому выступить на V конгрессе с основным докладом по национальному и колониальному вопросам, он вспомнил об энергичном молодом вьетнамце, с которым познакомился в Париже, и посоветовал французским товарищам направить его в Москву.

В те годы добраться из Франции в Россию было делом крайне опасным, тем более для выходца из французских колоний. Нгуен сам не раз участвовал в митингах протеста против очередного убийства полицейскими наемниками французских коммунистов, которые ехали в Россию или возвращались оттуда. Французские власти продолжали упорствовать в своей враждебной политике в отношении Советского государства. Единственный путь из Парижа в Москву лежал через Германию, которая в то время лишь одна из великих держав имела нормальные отношения с Советской Россией.

До отъезда Нгуену предстояло проделать сложную работу — подготовить условия для незаметного исчезновения из Парижа. Он пишет несколько статей и заметок для «Парии» и французских партийных газет, с тем чтобы их можно было постепенно публиковать, создавая видимость, будто он находится где-то во Франции. Чтобы запутать филеров, неотступно следивших за ним, Нгуен ведет довольно праздный образ жизни, демонстрируя отход от всякой общественно-политической деятельности. До обеда он работает, затем идет в библиотеку или музей, вечером регулярно смотрит фильмы. Постененно филерам надоело изо дня в день ходить за ним по знакомому маршруту, и они несколько ослабили свою бдительность. В один из темных июньских вечеров Нгуен, как обычно, купил билеты в кино на последний сеанс. Задолго до окончания фильма он незаметно выскользнул из зала через черный ход, который присмотрел заранее. Затем быстро спустился в метро и доехал до Северного вокзала, где в условленном месте его поджидал с небольшим чемоданом французский товарищ.

Жизнь на улицах ночного Парижа продолжала бить ключом. Играла буйными огнями реклама, зазывно светились огни кабаре

Монмартра и Больших бульваров. По улицам к центру города в направлении знаменитого «чрева Парижа» уже тянулись огромные грузовики, груженные апельсинами, цветной капустой, коровьими и свиными тушами, овощами. На черном небе то и дело вспыхивали гигантские буквы, образующие фразу «Автомобили только Ситроен». Это при помощи виражирующего аэроплана, оставлявшего за собой воздушный след, рекламировалась автомобильная фирма. Светились видимые отовсюду огни на верхушке Эйфелевой башни.

Нгуен прощался с этим городом если не навсегда, то надолго. Он уже твердо решил, что из России будет пробиваться на родину. Шесть лет, проведенные в Париже, не прошли даром. Он стал коммунистом, приверженцем самого верного революционного учения — ленинизма. Он искал и нашел путь освобождения своего народа — ту сияющую идею, которая влекла его в дальние странствия. Он прошел суровую трудовую школу, много учился, усвоил основные принципы революционной борьбы, стал профессиональным революционером.

Только своему самому близкому другу Блонкуру он раскрыл истинную причину неожиданного отъезда. Ему же оставил прощальное письмо для коллег по Союзу колониальных народов и «Парии», которым сказал, что уезжает в деревню отдохнуть и подлечиться.

«Дорогие друзья, мы долго работали вместе, — писал Нгуен. — Несмотря на то, что мы представители разных стран и национальностей, люди разных убеждений, мы любили и понимали друг друга, были как родные братья.

Мы все страдаем от жестокостей колониализма и боремся за общий идеал — освобождение наших соотечественников и восстановление независимости наших стран. В этой борьбе мы не одиноки, нас поддерживают все народы мира. И французы-демократы, настоящие французы стоят на нашей стороне.

Наша общая работа в Союзе колониальных народов, в газете «Пария» уже дала хорошие результаты. Она показала Франции, каково положение в ее колониях. Франция поняла и разглядела истинное лицо акул-колонизаторов, которые используют ее имя и честь, чтобы грабить нас и умножать свои прибыли. Наша работа способствовала пробуждению наших соотечественников, она же помогла им узнать настоящую Францию — родину лозунгов свободы, равенства и братства. Но нам предстоит еще много сделать. Что именно?

Этот вопрос нельзя ставить и разрешать механически. Все зависит от положения каждого народа в отдельности. Лично для меня вопрос ясен: нужно вернуться на родину, к своему народу,

пробуждать его, организовывать, сплачивать, готовить к борьбе за свободу и независимость…»

Чтобы не попасть в поле зрения филеров, Нгуен, одетый в элегантный костюм, ехал в вагоне первого класса экспресса Париж — Берлин и, как он вспоминал, «курил дорогую гаванскую сигару, изображая из себя богатого коммерсанта». В Берлине его встретил один из немецких товарищей, который затем посетил представительство РСФСР и попросил советских друзей выдать документ представителю ФКП, уроженцу Индокитая, который направляется в Москву на работу в Коминтерн. Вскоре Нгуену вручили за подписью полномочного представителя РСФСР в Германии «проходное свидетельство» на имя фотографа Чен Ванга, совершающего путешествие. Через несколько дней на советском пароходе «Карл Либкнехт» он прибыл из Гамбурга в Петроград.

В историко-мемуарных работах многих авторов, писавших о Хо Ши Мине, почему-то утвердилась версия о том, что он впервые приехал в Советскую Россию в 1924 году. Однако «проходное свидетельство», выданное на имя Чен Ванга представительством РСФСР в Германии, документально опровергает эту версию. На нем стоит штамп пограничной охраны, на котором ясно видна дата прибытия его владельца в Петроград — 30 июня 1923 года.

Исчезновение Нгуена вызвало переполох во французской тайной полиции. В архиве министерства по делам колоний сохранились копии депеш, которые одну за другой слало в те дни Альберу Сарро управление безопасности. 30 июля 1923 года сообщалось: «Нгуен Ай Куок говорил, что уезжает дней на десять отдохнуть, однако прошел уже месяц, а он не вернулся. Этот аннамит играет ключевую роль в коммунистическом движении в колониях…»

8 октября новая депеша: «В телеграмме за номером 832 от 30 августа вы сообщили нам об исчезновении Нгуен Ай Куока, аннамского революционера, который состоит в коммунистических организациях и является редактором газеты «Пария». Имею честь довести до Вашего сведения, что Нгуен Тат Тхань, известный под именем Нгуен Ай Куока, усиленно разыскивается нами, но до настоящего времени пока безрезультатно…»

Лишь через год, в октябре 1924 года, министерство по делам колоний получило из Москвы следующую шифровку французского посольства, которое только что было открыто в связи с установлением дипломатических отношений между Францией и Советской Россией: «Докладываю: в Москве находится коммунистический бунтовщик Нгуен Ай Куок».

В СТРАНЕ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ

Это Красная площадь…
Светлы ее камни…
Я ступаю в безмолвши
вешней зари!
О родная Москва!
Ты навеки близка мне,
Вдохновенье и счастье
Мне вновь подари!..

То Хыу

1

Неимоверные испытания выпали на долю Советской власти в первые годы ее существования — разруха, голод, империалистическая блокада, интервенция, гражданская война… И все-таки совсем не это запечатлелось в памяти многих ветеранов мирового коммунистического движения, побывавших в Советской России в те незабываемые годы. Они рассказывали своим друзьям и соратникам, каким ярким кумачом революционных стягов и транспарантов горели улицы и площади древней Москвы, каким неистовым, беспредельным был революционный энтузиазм рабочих и крестьян, какая всесокрушающая вера в окончательную победу, заражавшая и зарубежных друзей, исходила от большевиков, смело вставших у кормила власти в огромной отсталой стране. «Кто из нас тогда чувствовал холод в легоньком пальтишке, рассчитанном на климат Рима, Генуи, Неаполя? У нас бились сердца, горели щеки, сияли глаза!» — писал о своем первом приезде в Советскую Россию ветеран Итальянской коммунистической партии Джованни Джерманетто, который стал впоследствии близким другом Нгуен Ай Куока.

Точно такие же чувства, да еще помноженные на свойственную ему пылкость характера и склонность к романтическому восприятию мира, обуревали и первого вьетнамского коммуниста, когда он сошел по трапу советского парохода «Карл Либкнехт» и очутился на причале петроградского порта. Жадно вдохнул он пахнущий морем и заводским дымом воздух — живительный воздух страны победившей пролетарской

революции.

У него не было при себе никаких документов, кроме «проходного свидетельства» для путешествия в Советскую Россию на имя Чен Ванга. Кошелек его практически был пуст, все его сбережения, приготовленные для дальней дороги, съела чудовищная инфляция в Германии, где ему пришлось даже за газету расплачиваться тысячами марок. Весь его дорожный багаж состоял из легкого чемодана — того, который он получил от французского товарища на Северном вокзале в Париже.

Но что значат все эти мелочи в сравнении с рвущейся, словно ликующий победный клич, мыслью, что наконец-то он — первый из своих соотечественников — в стране, где воплотились в жизнь его юношеские мечты о свободе и счастье, где веками угнетенные и забитые стали теперь хозяевами своей судьбы. Он полон сил и энергии, ведь ему всего 33 года. Отсюда, из этой великой страны — колыбели мировой революции, он и начнет прокладывать путь к грядущему освобождению своего народа. Наконец ему, может быть, удастся осуществить еще одну мечту, с которой он не расставался последние годы, — встретиться с великим Лениным, чьи идеи так захватили его. Об этом своем сокровенном желании он поведал в первые же минуты пребывания на советской земле краскому-пограничнику, который занимался его въездными документами.

— С какой целью вы приехали в Советскую Россию? — спросил тот, заполняя опросный лист.

— Я хотел бы прежде всего увидеть Ленина.

— К сожалению, сейчас это сделать невозможно. Товарищ Ленин болен.

В Петрограде Нгуену пришлось некоторое время задержаться. Из его документов не было ясно, что он французский коммунист, едущий по делам Коминтерна. Пришлось запрашивать представителя ФКП в Исполкоме Коминтерна, чтобы тот удостоверил личность прибывшего вьетнамца. Но вот наконец все необходимые формальности позади, и поезд мчит Нгуена к Москве.

«Во время первого приезда в СССР я увидел, в каких тяжелых условиях приходилось начинать свой путь Советской стране, — вспоминал он об этих днях. — Трудно рассказать о величайшем героизме и самоотверженности рабочих, и крестьян, приступивших к строительству социализма. Вместе с тем уже очевидны были и первые достижения советского народа. Быстрый прогресс Советской страны, любой ее успех вызывали в сердце каждого революционера радость и счастье, наполняли нас гордостью за дело Великого Октября».

Действительно, многое из увиденного Нгуеном в Москве и на пути к ней значительно отличалось от того, что он ожидал увидеть. Французская буржуазная пресса изощрялась в клевете на страну победившего пролетариата. Правдивые же сообщения о советской действительности, публиковавшиеся в левых газетах, приходили с опозданием. Не успевали за стремительным бегом событий и свидетельства очевидцев.

К середине 1923 года все более зримыми становились замечательные плоды новой экономической политики, которую партия большевиков под руководством Ленина смело претворяла в жизнь. Позади остались голодные годы, разруха, кризис с топливом, с транспортом. Страна вступила в полосу хозяйственного подъема. Деревня радовала богатыми урожаями. К Петрограду с разных концов России уже шли первые эшелоны с хлебом, предназначенным на экспорт. Газеты регулярно сообщали об очередном снижении цен на промышленные товары. Анонсные тумбы на Тверской, Петровке, Кузнецком мосту пестрели призывной рекламой: «Громадный выбор товаров. Цены снижены на 40 процентов. Премия тому, кто найдет какой-либо предмет в ГУМе дороже, чем в других магазинах».

Свою речь на пленуме Московского Совета — это было последнее выступление вождя партии и советского народа — Ленин закончил жизнеутверждающими, пророческими словами: Из «России нэповской будет Россия социалистическая»[9]. И ростки социализма, подтверждая его гениальное предвидение, успешно пробивали себе дорогу.

В августе 1923 года в Москве произошло крупное по тем временам событие. Советское правительство приняло решение об открытии первой в истории рабоче-крестьянского государства Всероссийской сельскохозяйственной выставки. «Еще одна очередная победа революционного пролетариата», — писала «Правда».

В воскресный день Нгуен вместе с другими коминтерновцами поехал на выставку и долго бродил, восхищенный, по ее павильонам. Он смотрел на загорелые, обветренные, с широкими улыбками лица крестьян, прибывших в Москву из разных российских губерний и с далеких национальных окраин, слушал, как они с гордостью показывают посетителям плоды своего труда — огромные снопы крупнозернистой пшеницы и ржи, горы белоснежного хлопка, изумительные по красоте ковры ручной работы, и мысленно возвращался к колониальной выставке в Марселе. «Вот что может сделать свободный труд!» — думал он.

В Москве Нгуен, как и другие деятели Коминтерна, поселился в гостинице «Люкс» на Тверской улице (ныне гостиница

«Центральная»). Оттуда его путь чаще всего лежал на Манежную площадь и Моховую. В здании, расположенном в Троицком проезде, напротив библиотеки Румянцевского музея (ныне Библиотека имени В. И. Ленина), размещался аппарат Исполкома Коминтерна. В первые же дни по прибытии Нгуен стал сотрудником восточного отдела ИККИ. Как все вьетнамцы, привыкший с детства вставать рано, он с первыми рассветными лучами выходил из гостиницы, спускался пешком по громыхавшей трамваями узкой Тверской, поднимался на Красную площадь. С благоговением глядя на причудливые зубцы кремлевской стены, на древние башни, он вспоминал казавшийся таким далеким, словно во сне, урок истории в Национальном колледже в Хюэ и французского учителя-бонапартиста, с пафосом рассказывавшего им, школярам, как где-то здесь, на этой высокой кремлевской стене, стоял император Наполеон и с тоской глядел на объятую пламенем Москву — захваченную им, но непокорившуюся древнюю русскую столицу.

Работу в восточном отделе Исполкома Коминтерна Нгуен начинает с того, что пишет письмо в Президиум ИККИ, в котором высказывает свои соображения и выводы об освободительном движении в Индокитае. Он указывает, что пролетарии пока составляют в этой французской колонии не более 2 процентов населения и у них нет своей организации; крестьянская масса — это наиболее обездоленная часть населения, а потому имеющая высокие революционные потенции; интеллигенцию он рассматривает в качестве революционно-националистической силы. Одно из первых условий успешного развития освободительного движения в Индокитае — это налаживание совместных действий коммунистов с революционно-патриотическими элементами. Напомнив о необходимости объединения сил революционеров колоний, рабочих метрополий и трудящихся первой страны социализма, на что не раз указывал Ленин, Нгуен предлагает создать надежную и постоянную связь между Москвой, Индокитаем и Парижем. Он обращается к руководству Коминтерна с призывом еще больше уделять внимания освободительным движениям в колониальных и зависимых странах, в их числе — Индокитаю. «Угнетенные народы колоний, — пишет Нгуен, — разбуженные эхом революции (Октябрьской. — *Е. К.*), инстинктивно поворачиваются в сторону нашего Интернационала, единственной политической партии, которая проявляет к ним братский интерес и на которую они возлагают все свои надежды на освобождение».

С первых же дней жизни в Москве у Нгуена появился широкий круг друзей и знакомых, особенно среди советских и

зарубежных сотрудников Исполкома Коминтерна. О нем отзывались как о человеке большого личного обаяния и высокой культуры, быстро располагающем к себе окружающих. Не последнюю роль, конечно, играл и тот факт, что Нгуен был первым посланцем далекого Вьетнама на советской земле.

Ведь в те времена «заморская провинция» Франции была для многих «загадочной страной», находящейся за тридевять земель, чуть ли не на другой планете. Хотя, впрочем, русские люди кое-что и тогда уже знали о Вьетнаме. Еще в середине XIX века русский писатель К. Станюкович, не раз плававший в этих краях, с возмущением и искренним состраданием к вьетнамцам писал в своих очерках о бесчинствах французских завоевателей в Кохинхине. В одном из стихотворных сборников воспевал экзотические красоты Вьетнама поэт-акмеист Н. Гумилев.

Первые живые контакты между советскими людьми и вьетнамскими патриотами установились еще в 1919 году. Тогда часть вьетнамцев, как уже говорилось выше, перешла на сторону революции в районе Одессы, где были сосредоточены основные силы французских интервентов, а затем во Владивостоке, куда Франция направила в помощь войскам США и Японии отдельный индокитайский батальон стрелков. И вот, наконец, в Москве — профессиональный вьетнамский революционер, полномочный посланец национально-патриотических сил французского Индокитая.

Довольно скоро после приезда Нгуена в Советскую Россию его имя появилось на страницах газеты «Правда». На Всероссийскую сельскохозяйственную выставку прибыли левые представители крестьянства из более чем 20 стран Европы и Азии. Они решили воспользоваться этим обстоятельством и провести в Москве Международную крестьянскую конференцию. Открытие первого всемирного схода крестьянства состоялось 10 октября в Андреевском зале Кремля. В этот день «Правда» вышла с крупными титрами на первой полосе: «Привет новым союзникам по борьбе!», «Против угнетательского разбойничьего союза капиталистов и помещиков вырастает великий союз рабочих и крестьян!»

12 октября в разделе под рубрикой «На всемирной крестьянской конференции» «Правда» сообщила: «На втором заседании выступил от французской колонии Индокитая товарищ Нгуен Ай Куок. Оратор отметил, что крестьянство Индокитая угнетено вдвойне — как крестьяне вообще и как крестьяне колониальной страны».

Уже в первой речи вьетнамского коммуниста на международном форуме проявился его глубокий

интернационализм, стремление к единству и сплоченности всех борцов против империализма и колониализма, что будет отличать его на протяжении всей жизни. «Только тогда наш Интернационал будет подлинной интернациональной организацией трудящихся, — заявил он в своей речи, — когда в него войдут и примут участие в его работе крестьянские массы Востока, особенно народы колониальных стран, подвергающиеся самой жестокой эксплуатации и гнету». Участники конференции приняли приветственное письмо В. И. Ленину. На заключительном заседании были избраны руководящие органы Крестьянского Интернационала — Международный крестьянский совет и его президиум. От азиатских стран в президиум вместе с Сэн Катаямой, уже тогда активным коминтерновцем, одним из основателей Коммунистической партии Японии, пошел и представитель Индокитая Нгуен Ай Куок.

Однажды, когда Нгуен вернулся с работы, в вестибюле гостиницы «Люкс» к нему подошел репортер журнала «Огонек» и попросил ответить на вопросы журнала. В конце декабря 1923 года на страницах «Огонька» появился очерк «Нгуен Ай Куок. В гостях у коминтернщика». Автор назвал героя очерка человеком с врожденным тактом и деликатностью, дышащим какой-то совершенно новой культурой, «быть может, культурой будущего».

«…Да, интересно, как французские власти научили наших крестьян словам «большевик» и «Ленин», — иронизировал вьетнамский патриот. — Они начали преследовать коммунистов среди аннамитов, в то время как никаких коммунистов и в помине не было. И таким образом вели пропаганду».

В Москве Нгуен по-настоящему раскрылся как способный публицист-международник. Пишет он много, прежде всего — в журнал «Инпрекорр» («Интернационале прессе корреспонденц») — орган Исполкома Коминтерна. Бессменный руководитель «Инпрекорра» венгерский коммунист Д. Алпари знал Нгуена как одного из самых активных внештатных корреспондентов вплоть до 1939 года, когда «Инпрекорр» прекратил свое существование. Статьи и заметки Нгуена периодически появляются также на страницах советских газет. Не порывает он связей и со своими парижскими друзьями, продолжает писать в «Юманите», «Ла ви увриер», «Парию».

Тематика статей довольно разнообразна, обширен диапазон волнующих вьетнамского автора проблем. Он разоблачает разбой французских колонизаторов в Индокитае, английских империалистов в Китае, пишет о росте рабочего движения в Китае, Японии, Турции, о положении крестьянства в странах Азии, о расовом угнетении в США, разоблачает

экспансионистскую политику империалистических держав в Азии и в районе Тихого океана.

Еще в Париже у Нгуена возникла мысль написать публицистическую по характеру книгу, обличающую французский колониализм. В Москве товарищи из ИККИ и редакции журнала «Инпрекорр» помогли ему осуществить задуманное. Книга под названием «Суд над французским колониализмом» вышла в Париже на французском языке в 1925 году, когда Нгуен уже был далеко от Москвы и еще дальше от Парижа. В нее вошли многие его статьи и корреспонденции, публиковавшиеся в период с 1920 по 1925 год во французских левых газетах, в «Парии», в «Инпрекорре».

Вьетнамским революционерам удалось переправить несколько экземпляров книги во Вьетнам, где она пользовалась необычайной популярностью в кругах патриотической молодежи. Притягательность этой книги объяснялась тем, что впервые вьетнамский автор давал оценку колониализму с позиций марксистско-ленинской теории, раскрывал непримиримый характер противоречий между французскими колонизаторами и вьетнамским народом, неодолимость процесса нарастания национально-освободительной борьбы колониальных народов и неизбежность крушения колониального гнета. Показывая, что империализм — это общий смертельный враг всех угнетенных, автор подводил читателя к выводу, что борьба за национальное спасение Вьетнама является неразрывной составной частью всемирной борьбы за освобождение народов от цепей колониального рабства. Те из вьетнамских патриотов, кто прочел «Суд над французским колониализмом», увидели в авторе нового, принципиально отличного от прежних лидера патриотического движения — приверженца коммунистического учения, последовательного интернационалиста.

Вьетнамские историки, говоря о значении для революционного развития во Вьетнаме первой книги Нгуен Ай Куока, подчеркивали, что ее появление было «подобно порыву ветра, который разогнал тучи, закрывавшие солнце». По их оценке, «Суд над французским колониализмом» — это «продукт диалектического, живого, органического сочетания ленинских положений о сущности империализма и по национальному вопросу с практическим опытом антиколониального, национально-освободительного движения, с глубоким изучением опыта Октябрьской революции».

С тех пор как Нгуен оказался в Москве, его не покидала надежда осуществить заветное желание — встретиться с Лениным. Как и его советские и зарубежные друзья по работе в ИККИ, он был убежден, что болезнь скоро отступит и Ленин примет участие в предстоящем V конгрессе Коминтерна. На крестьянской конференции а Андреевском зале Кремля он с сияющими от счастья Глазами рукоплескал вместе с делегатами, когда им объявили, что Ленину стало значительно лучше, он уже ходит, врачи разрешили ему читать газеты. Но прошло несколько недель, и стало ясно, что это улучшение самочувствия было временным. 21 января в Москву пришла скорбная весть — Ленина не стало.

«Во время завтрака в столовой, находившейся на первом этаже гостиницы, — вспоминал об этих днях Хо Ши Мин, — мы узнали, что умер Ленин. Этому никто не хотел верить, но, взглянув в окно, мы увидели, что над зданием Моссовета приспущен красный флаг с траурной каймой. Нас охватила безмерная скорбь. Ленин умер! Мне так и не довелось встретиться с Лениным, и это было самой большой горестью в моей жизни…»

В числе первых коминтерновцев Нгуен пришел к Колонному залу Дома союзов проститься с навеки уснувшим вождем мирового пролетариата. Джерманетто вспоминал:

«Москва в январе 1924 года. В разгаре русская зима, когда температура порой опускается ниже 40 градусов. Несколько дней назад скончался Ленин.

В то утро в нашем номере гостиницы «Люкс» раздался тихий стук в дверь. Затем дверь открылась, и к нам вошел очень худой молодой человек.

— Я вьетнамец, меня зовут Нгуен Ай Куок, — проговорил он. — Я собираюсь к Дому союзов, чтобы проводить Ленина в последний путь…

— Товарищ Ай Куок, вы так легко одеты, что просто не выдержите мороза. Подождите, пока для вас раздобудут теплую одежду, и тогда пойдете…

Ай Куок тяжело вздохнул и, ни слова не говоря, сел пить чай вместе с нами, а затем вернулся к себе. Мы тогда подумали, что он послушался нас и никуда не пошел.

…Где-то около 10 часов вечера вновь раздался легкий стук. Я открыл дверь: передо мной стоял товарищ Ай Куок. Лицо его было иссиня-бледным, уши, нос, пальцы рук стали лилового цвета от лютого мороза.

— Я только что побывал у гроба с телом Ленина. — Ай Куок с трудом говорил, его зубы стучали от холода. — Я не мог ждать до завтра, чтобы поклониться самому великому другу народов

колониальных стран… Товарищи, у вас не осталось горячего чая?..»

Нгуен Ай Куок изучает ленинские труды, воспоминания его соратников, расспрашивает о Ленине тех, кто вместе с ним работал. Его поражало, насколько Ленин всей своей жизнью и деятельностью отвечает созданному в его воображении еще в юношеские годы эталону Человека с большой буквы. Он пишет друзьям в редакцию «Парии»: «Ленин покоряет и привлекает сердца азиатских народов не только своей гениальностью, но и презрением к роскоши, любовью к труду, чистотой своей личной жизни, простотой, одним словом, моральным величием и благородством учителя».

Ленинский идеал человека стал для Нгуен Ай Куока путеводной звездой. Привитое ему отцом с детства преклонение перед возвышенными морально-этическими принципами, которым должен следовать истинно добродетельный человек, соединившись в ходе практической революционной деятельности и благодаря изучению ленинского опыта с требованиями революционной морали, позволило получить в конечном счете тот драгоценный сплав, который был необходим, чтобы не только в политическом, но и в нравственном отношении стать признанным лидером вьетнамского национально-освободительного движения, нарождавшегося во Вьетнаме нового революционного класса — пролетариата, его авангарда — коммунистической партии. Впоследствии в своих работах, посвященных вопросам воспитания принципов революционной морали среди вьетнамских коммунистов, в речах и беседах Нгуен Ай Куок — Хо Ши Мин будет настойчиво призывать их быть такими же в повседневной жизни и борьбе, каким был Ленин.

Незадолго перед смертью в интервью корреспонденту «Юманите» по случаю приближавшегося 100-летия со дня рождения В. И. Ленина Хо Ши Мин сказал о своем учителе: «В глазах народов Востока Ленин не только вождь, руководитель. Он человек огромной притягательной силы… Наше уважение к Ленину — это сыновнее уважение, что считается в нашей стране одним из основных достоинств. Для нас, людей, испытавших муки и издевательства, Ленин — воплощение подлинного братства».

Но, конечно, главное, что искал в ленинских работах Нгуен, — это ответ на многочисленные вопросы, которые ставило развитие освободительного движения в Индокитае. Он стремится изучить досконально все, что Ленин писал и говорил по колониальному вопросу. А тогда это было не так-то просто. Лишь отдельные ленинские труды были переведены на иностранные

языки. Долгие часы проводит Нгуен в библиотеках, с помощью русских товарищей подбирает необходимую литературу в секретариате Исполкома Коминтерна. Его тетради полны выписками из ленинских работ, собственными раздумьями, которые легли затем в основу новой книги о путях вьетнамской революции.

Постепенно контуры единственно правильного пути становились все более ясными и четкими. В колониальных и зависимых странах, размышлял Нгуен, революция первоначально и прежде всего должна быть крестьянской революцией, направленной своим острием против колонизаторов и местных феодалов. Союз между подавляющим большинством крестьянства и рабочим классом — вот та основа, на которой только и можно создать широкий и прочный национальный фронт. Но крестьянство в колониях — это темная, забитая масса. Поэтому необходима революционная партия, партия коммунистов, которая вела бы постоянную организационную и политическую работу среди крестьянских масс. Без этой работы победа революции не может быть обеспечена. Ленинское понимание специфики социально-политических условий в колониях, жизненной важности правильного решения крестьянского вопроса позволило впоследствии вьетнамским коммунистам повести за собой подавляющее большинство населения своей страны и обеспечить победу Августовской революции 1945 года.

3

В Москве у Нгуена наконец-то появилась возможность упорядочить те уже немалые знания в области революционной теории, которые он получил на партийной работе в рядах ФКП, в результате изучения ленинских работ и документов Коминтерна. Параллельно с работой в восточном отделе ИККИ он стал посещать краткосрочные курсы в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ).

Это одно из первых в Советской России политических учебных заведений было открыто в 1921 году по указанию Ленина. Перед университетом стояла задача подготовить революционные кадры из представителей народов Востока. Большую часть слушателей составляли посланцы Среднеазиатских и Закавказских республик. Но с каждым годом росло и число революционеров из зарубежных стран, в основном из Азии.

После первых же дней учебы в КУТВе Нгуен стал горячим его

сторонником и пропагандистом. Он отсылает в «Ля ви увриер» в Париж подробный рассказ об этом удивительном, по его словам, учебном заведении, в котором обучается более тысячи студентов разных национальностей, о том, что университет располагает девятью зданиями, двумя библиотеками, кинотеатром, поликлиникой, общежитием, богатым подсобным хозяйством и собственным домом отдыха в Крыму. «Большевики не ограничились платоническими речами, принятием гуманных резолюций об угнетенных народах, а учат эти угнетенные народы тому, как надо бороться, — пишет он. — …Несмотря на внутренние и внешние трудности, революционная Россия, ни на минуту не задумываясь, пришла на помощь народам, которые она уже самим фактом своей победоносной революции пробудила от летаргического сна. Одним из ее первых начинаний было создание Университета трудящихся Востока».

15 марта 1924 года в газете итальянских коммунистов «Унита» появился очерк Джерманетто, в котором он в форме диалога рассказал о КУТВе и его первом слушателе из Индокитая.

— Создание большевистского университета открывает новую эру в истории колониальных народов Востока, — говорил Нгуен Ай Куок своему итальянскому другу. — Здесь, в КУТВе, мы осваиваем принципы классовой борьбы, здесь устанавливаются контакты между нами и народами Запада. Университет вооружает нас, угнетенных, знаниями того, как и что нужно делать…

Многие отдают себе отчет в нашем печальном положении, но никто, кроме русских революционеров, не указал нам путь к освобождению. Именно Ленин, наш дорогой Ильич, подсказал нам, революционерам Востока, какой путь надо выбрать, помог сделать первые шаги, чтобы мы могли идти вперед рука об руку с мировым пролетариатом.

— Что ты собираешься делать после окончания учебы? — спросил его Джерманетто.

— Разумеется, вернусь на родину, чтобы бороться за наше дело. Нам во Вьетнаме предстоит трудная борьба. У нас нет никаких прав, кроме «права» платить налоги «матери» Франции и собственным помещикам… Ведь мы отверженные, нас относят к разряду «низших», у нас нет права ни выбирать, ни быть избранными. В России же — в «стране варваров», как ее именуют буржуазные демократы, мы располагаем теми же правами, что и русские рабочие.

Мы много выстрадали, и нам еще предстоит немало страдать, — продолжал Нгуен Ай Куок. — Те, кто пришел в наши страны с «цивилизаторской миссией», добровольно свободы нам не даруют. Но мы будем идти дорогой Октябрьской революции,

будем применять на практике ее уроки…

21 апреля Нгуен был приглашен на торжественное собрание в актовом зале КУТВа по случаю его трехлетнего юбилея. Выступившие перед собравшимися деятели Коминтерна, руководители Московской партийной организации, дирекция университета подчеркивали его важное международное значение. Они напоминали об одной из последних ленинских статей, «Лучше меньше, да лучше», в которой Ленин высказал мысль, что под влиянием идей Октябрьской революции вызревает революционный подъем на Востоке, где «большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение»[10]. Они говорили о том, что все более повышается роль субъективного фактора, растет потребность в людях, которые бы несли в самые широкие массы передовое революционное сознание. И именно этих людей готовит на базе идейно-политического опыта пролетариата более развитых стран, в первую очередь Советской России, Университет трудящихся Востока.

Нгуен слушал ораторов, смотрел на окружавшие его черноволосые головы молодых слушателей и думал: «Вот где не хватает наших революционеров, наших патриотов. Ведь сколько их, пылких, горячих, готовых немедля отдать жизнь за освобождение нашего закованного в кандалы народа, но не знающих, каким путем идти, как пробудить этот народ, организовать его, поднять на решительный бой. Нужно сделать все возможное, чтобы в ближайшее же время в стенах этого университета появились мои соотечественники».

20 мая он пишет письмо в восточный отдел ИККИ с предложением создать в КУТВе отдельную группу слушателей из Азии. «В КУТВе сейчас учатся представители 62 народов Востока, — говорилось в письме. — Их число будет расти по мере расширения агитационной работы Коминтерна. Университет — это кузница, откуда выйдут первые агитаторы для стран Востока. Он должен также стать базой для создания в будущем Коммунистической федерации Востока».

Приближался Международный день солидарности трудящихся — первый в жизни Нгуена праздничный Первомай на свободной земле. 30 апреля на страницах газеты «Правда» появилось первомайское обращение Международного крестьянского союза с призывом к крестьянам всего мира крепить боевую солидарность с рабочими. Среди подписей членов президиума МКС значилось и имя Нгуен Ай Куока. В тот же день Нгуен получил записку от генерального секретаря ИККИ Васила

Коларова, в которой его просили выступить на одном из первомайских митингов трудящихся.

Утро 1 Мая выдалось хмурое, моросил мелкий, надоедливый дождь. Но он не смог помешать Красной площади одеться в яркий кумачовый наряд праздничных стягов и полотнищ. Огромный транспарант на стене Исторического музея взывал к участникам праздника: «Отдай революции всего себя, как сделал Ленин».

Вместе с другими зарубежными коммунистами Нгуен находился в этот день на трибунах у кремлевской стены. Неподалеку от него, впереди группы коминтерновцев виднелось приспущенное траурное знамя Коминтерна с надписью: «Пронесем твое знамя через весь мир». Взволнованный, смотрел Нгуен, как сплошным потоком идут демонстранты мимо Мавзолея. В руках демонстрантов множество плакатов с броскими, яркими лозунгами. То и дело проплывают над площадью карикатурные изображения Пуанкаре, который в ту пору был вдохновителем крестового похода мировой буржуазии против Советской России. Неожиданно один из французских коммунистов, Нгуен даже не заметил, кто это, похоже, что Монмуссо, приехавший в Москву во главе делегации французских профсоюзов, бросает в толпу слова: «A bas Poincaré!»[11] Веселое «ура!» гремит в ответ с площади.

В конце мая парижские рабочие, собравшись на общегородской митинг памяти коммунаров, приняли решение передать бесценную реликвию французских революционеров — знамя Парижской коммуны на хранение московским коммунистам до победы во Франции пролетарской революции. 80-летний ветеран Парижской коммуны Фуркад в последний раз пронес по улицам Парижа знамя, под которым ему довелось сражаться на баррикадах. И вот в Москве на Красной площади — торжественная церемония передачи знамени московским рабочим. Под звуки революционных маршей знамя Парижской коммуны переносится в Мавзолей В. И. Ленина. От ФКП в этой исторической церемонии участвовала делегация, прибывшая на V Всемирный конгресс Коминтерна. В ее состав уже в Москве по решению ИККИ был включен представитель Индокитая Нгуен Ай Куок.

4

«И в детстве, и в зрелом уже возрасте — никогда я не испытывал такого чувства свободы, беспредельной радости и счастья, как в ту пору в Москве, — говорил через много лет Хо

Ши Мин. — И все-таки я считал дни, когда же соберется Всемирный конгресс Коминтерна, чтобы тотчас же после его завершения отправиться в путь и приступить к практической революционной деятельности».

V Всемирный конгресс Коминтерна открылся 17 июня 1924 года в Большом театре. Это был первый форум коммунистов мира, собравшийся без основателя и идейного руководителя Коминтерна В. И. Ленина. Верность коммунистов ленинизму, в какой бы стране ни вели они свою трудную, самоотверженную революционную работу, — этот тезис стал доминирующим в выступлениях подавляющего большинства участников конгресса. И не случайно работа конгресса началась с митинга на Красной площади, где яркую, пламенную речь произнес М. И. Калинин.

— Товарищи, — говорил он, — я думаю, еще задолго до настоящего конгресса каждому из вас было ясно, что первое слово на конгрессе, без сомнения, будет сказано о товарище Ленине. Это разумелось само собой. Вождь русской революции, вождь большевизма был в то же время и вождем Коммунистического Интернационала, и в этом не было никакой исторической случайности. То, что мы называем «ленинизмом», включает в себя самый последовательный, самый полный, самый действенный интернационализм.

Нгуен выступил на конгрессе трижды — в прениях по докладу о деятельности ИККИ, по национальному и колониальному вопросам и в прениях по аграрному вопросу. Говорил он горячо, страстно, смело критиковал свою же собственную партию за ее недостатки. Его речь в комиссии по национальному и колониальному вопросам «Правда» опубликовала под красноречивым заголовком: «От слов к делу. Поучительные цифры. Выступление делегата Индокитая Нгуен Ай Куока».

Стенографический отчет V конгресса зафиксировал довольно любопытный диалог, происшедший между Василом Коларовым и представителем Индокитая во время торжественной церемонии открытия конгресса.

«*Тов. Коларов:* Президиум предложил резолюцию в поддержку народов колониальных и полуколониальных стран.

Тов. Нгуен: Я хотел бы знать, обратится ли конгресс с особым воззванием к колониям.

Тов. Коларов: В порядке дня конгресса стоит колониальный вопрос, о странах Востока, странах колониальных и полуколониальных, а следовательно, все товарищи, желающие высказаться по этому поводу, будут иметь возможность это сделать.

Тов. Нгуен: Раньше, чем ставить воззвание на голосование, предлагаю добавить слова «к колониальным народам».

Предложение тов. Нгуен Ай Куока принимается».

Чем была вызвана такая настойчивость Нгуена, высказавшего прямо с места в огромном зале Большого театра замечание по поводу повестки дня, стало ясно после того, как перед участниками конгресса выступил с докладом по национально-колониальному вопросу Мануильский. Критикуя ФКП за ее пассивность в антиколониальной пропаганде, докладчик привел несколько довольно серьезных фактов. Во время Лионского съезда ФКП в январе 1924 года Коминтерн обратился с воззванием к французским рабочим и народам французских колоний. Редакция «Юманите», опубликовав воззвание, изъяла из текста обращения слова «к колониальным народам». Около года тому назад Коминтерн обратился с воззванием к народам колоний подниматься на борьбу против колониальных поработителей. В Алжире одна из секций ФКП, узнав о воззвании, приняла резолюцию, осуждающую эту акцию Коминтерна. Можно ли с такого рода умонастроениями в партии, спрашивал Мануильский, вести энергичную пропаганду среди туземного населения колоний? Мануильский сообщил участникам конгресса, что Французская компартия до сих пор не приняла каких-либо документов, в которых был бы провозглашен лозунг о праве колоний на отделение от метрополии, что она слабо ведет революционную пропаганду и организационную работу среди 300 тысяч туземных рабочих, проживающих во Франции, и 250 тысяч черных солдат во французской армии.

В том же ключе, что и Мануильский, построил свою речь и индокитайский делегат, акцентировав внимание на необходимости тесного взаимодействия между компартиями европейских стран и трудящимися массами колонии.

— Пока компартии Франции и Англии не будут проводить действительно энергичную политику в колониальных вопросах, пока они не установят контакт с массами в колониях, вся их массовая пропаганда останется бесплодной, — говорил Нгуен. — Она останется бесплодной, ибо она противоречит ленинизму… По Ленину, для победы революции на Западе необходима тесная связь с освободительным антиимпериалистическим движением в колониях и порабощенных странах. И национальный вопрос, как учит нас Ленин, составляет часть общего вопроса о пролетарской революции и диктатуре пролетариата… Что касается меня, то я как уроженец страны, которая сейчас является колонией Франции, и член Французской компартии должен с сожалением сказать, что наша партия сделала очень и очень мало для

колоний.

Нгуен огласил перед участниками конгресса перечень конкретных предложений, осуществление которых, по его мнению, способствовало бы активизации деятельности ФКП в национально-колониальном вопросе и усилению революционной пропаганды в колониях.

— Я полагаю, что эти предложения разумны, — сказал он, — и если Коминтерн и представители нашей партии одобрят их, я уверен, что на VI конгрессе Французская компартия сможет сказать, что единый фронт народных масс метрополии и колоний стал фактом.

Нгуен, пожалуй, лучше, чем кто-либо другой, знал, чем объясняется такая пассивность его партии. Многие французские коммунисты находились тогда в плену казавшегося незыблемым принципа Розы Люксембург, что политическая независимость колоний может явиться лишь результатом социалистического переворота в метрополиях и что поэтому нет особой необходимости в активизации революционной работы в колониях; когда революция в метрополии победит, пролетариат, взяв власть в свои руки, дарует народам колоний свободу и социалистическое будущее. Нгуен постоянно боролся с этими ошибочными умонастроениями среди своих товарищей. И не будет преувеличением сказать, что во многом благодаря постоянной разъяснительной работе со стороны Коминтерна, благодаря усилиям революционных представителей колоний, прежде всего таких, как Нгуен Ай Куок, ФКП заняла впоследствии в колониальном вопросе подлинно интернационалистскую позицию. Она оказывала всемерную поддержку борьбе колониальных народов за национальное освобождение, решительно выступив в 40—50-е годы против войн французских колонизаторов в Индокитае и Алжире.

Единственный представитель далекого Индокитая пользовался на конгрессе большой популярностью. С ним охотно знакомились и вели беседы посланцы коммунистических партий различных континентов, его приглашали на коллективные фотосъемки. Однажды к нему подошел один московский художник и попросил попозировать для портрета. 29 июля в московской «Рабочей газете» был напечатан портрет коминтерновца из Индокитая.

Сразу же после закрытия V конгресса Коминтерна один за другим в Москве прошло еще несколько важных международных форумов. И на всех впервые присутствовал представитель Индокитая. В Париже Нгуен вступил в рабочий профсоюз, входивший в состав Унитарной всеобщей конфедерации труда,

созданной под руководством коммунистов, и вот он в качестве полномочного делегата вместе со своим старым другом Монмуссо на III конгрессе Профинтерна в Москве, а затем на I конференции Международной организации помощи борцам революции (МОПР). Пройдет несколько лет, и именно эта организация сыграет решающую роль в спасении его от колониальной темницы. Он еще довольно молод, а выглядит вообще юношей, поэтому вполне естественно его появление и в президиуме IV конгресса Коммунистического Интернационала Молодежи. Наконец, он пока единственный представитель своего обездоленного народа — рабочих, крестьян, молодежи, женщин, стариков, детей, поэтому неудивительно, что его приглашают вслед за тем в качестве почетного гостя на Международный конгресс женщин.

На женском конгрессе у него произошла незабываемая встреча, о которой он с теплотой вспоминал и через десятки лет, будучи уже в преклонном возрасте. Нгуен оказался в президиуме конгресса неподалеку от Н. К. Крупской, и в перерыве его познакомили с этой «очень доброй и простой женщиной», как скажет он о ней впоследствии. Надежда Константиновна проявила неподдельный интерес к рассказу Нгуена о событиях в далеком Индокитае. Она спрашивала, как развивается революционное движение в Индокитае, какие силы стоят в авангарде борьбы, участвуют ли в революционном движении женщины.

— Перед вашими революционерами стоят невероятно сложные задачи, — сказала она, выслушав Нгуена. — Какой донельзя запутанный клубок противоречий! Распутать его, думаю, невозможно без овладения коммунистической теорией и правильного ее применения на практике.

— Мы тоже пришли к такому выводу, — подхватил Нгуен. — Именно эта мысль больше всего поразила меня в ленинских работах. Помните в его докладе на II съезде коммунистических организаций народов Востока: «…вам нужно, применяясь к своеобразным условиям, которых нет в европейских странах, суметь применить эту теорию и практику к условиям, когда главной массой является крестьянство, когда нужно решать задачу борьбы не против капитала, а против средневековых остатков»[12]. А у меня на родине плюс ко всему этому еще и жесточайший гнет колонизаторов.

Если бы вы знали, товарищ Крупская, — продолжал Нгуен, — как на Востоке и на моей родине, в Индокитае, почитают Ленина. Для европейских рабочих он вождь, руководитель, учитель, для народов же Востока он является чем-то еще большим. Для них он,

если можно так выразиться, святыня. Я ехал в Советскую Россию с мечтой увидеться с Лениным, побеседовать с ним, но, к моему огромному несчастью, не успел. Теперь с нами его великое учение. Мы, вьетнамские патриоты, долго брели во тьме, не видя пути к освобождению своей родины. Ленин указал нам этот путь, и мы уже никогда с него не свернем.

5

Минул всего лишь год с того дня, как Нгуен с борта парохода увидел открывшуюся перед ним величественную панораму красного Петрограда. Но каким насыщенным оказался этот год, ставший переломным этапом в его жизни революционера-профессионала. Глубокое изучение ленинских трудов, активная работа в Коминтерне, учеба в КУТВе, знакомство с жизнью советских людей, их опытом революционного творчества и социалистического строительства — все это в основном завершило его идейно политическое формирование. Теперь это был убежденный коммунист ленинской школы, овладевший основополагающими припципами ленинского учения, опытный деятель всемирного союза коммунистов, признанный представитель поднимавшейся на борьбу революционной Азии, чувствовавший в себе силы к решению сложных практических задач. Он жаждал конкретного революционного дела, которое бы приближало, пусть медленно, но неуклонно день освобождения родного народа.

Он пишет письмо в ИККИ с просьбой командировать его в Южный Китай для работы среди вьетнамских политэмигрантов, которые, по его сведениям, стекаются сейчас туда, влекомые революционной программой правительства Сунь Ятсена. И вот он в знакомом уже кабинете в главном здании ИККИ, в Троицком проезде, на двери которого висит табличка «Д. З. Мануильский». На V конгрессе его «крестный» — ведь это он дал молодому вьетнамцу путевку в Москву, в Коминтерн, в новую, захватывающую жизнь — был избран в Президиум ИККИ. Член большевистской партии с 1903 года — партийцы по старой памяти звали его, как в годы подполья, Ионычем — пользовался большим уважением среди коминтерновцев.

Двум старым знакомым не нужен был переводчик. Они оба говорили на хорошем французском языке. После поражения революции 1905 года Мануильский эмигрировал в Париж и успешно закончил там юридический факультет Сорбоннского университета.

— Ну что, товарищ Нгуен, рветесь в бой? — крепко пожимая руку своего «крестника» и мягко улыбаясь в густую щеточку усов, спросил Мануильский.

— Еще как рвусь. Ведь прошедший конгресс вооружил всех коммунистов боевой программой действий. Хотя у нас во Вьетнаме пока нет компартии, я понимаю призыв конгресса к большевизации компартий капиталистических стран, то есть к освоению партиями идейных, организационных и тактических принципов большевизма, как обращенный и к нам. Мы должны как можно быстрее создать в Индокитае партию большевистского типа. Думаю, что объективные условия для этого имеются. Все сильнее заявляет о себе наш рабочий класс, его борьба постепенно принимает действенные, боевые формы.

В ответ на колониальный произвол истинные патриоты эмигрируют из страны. У меня есть данные, что они большей частью обосновываются сейчас в южных районах Китая — Гуанчжоу, Шанхае, Гонконге, Макао. Я вижу свой долг в том, чтобы отправиться туда и вести революционную работу среди своих соотечественников. Ведь эти люди при правильной постановке дела могут стать костяком будущей коммунистической партии. К тому же из Южного Китая легко поддерживать связи с Вьетнамом.

— Полностью согласен с вами, товарищ Нгуен. Могу вас обрадовать: Исполком удовлетворил вашу просьбу. Вы назначаетесь уполномоченным Дальневосточного секретариата ИККИ. Разумеется, главная ваша задача — это идейно-политическая и организационная работа среди своих соотечественников, подготовка условий для создания компартии в Индокитае. Однако, учитывая ваши знания и опыт, Исполком выражает надежду, что вы будете оказывать по мере необходимости все возможное содействие и революционным представителям других стран Юго Восточной Азии.

Вы совершенно правы, ставя вопрос о Южном Китае. Там действительно сложилась сейчас очень благоприятная обстановка для сил революции. Кантонское правительство, созданное в начале 1923 года, возглавляет лидер партии Гоминьдан доктор Сунь Ятсен, большой друг Советской страны. Как вы знаете, в январе 1924 года в Кантоне удалось созвать I съезд Гоминьдана, на котором революционное крыло партии одержало победу.

В отношении Гоминьдана Советское правительство действует в соответствии с линией II конгресса Коминтерна о всемерной поддержке революционно-демократических движений в колониальных и зависимых странах, и это приносит хорошие результаты. Большую и полезную работу ведут в Южном Китае

советские политические и военные советники. Могу вам сказать, что главный политический советник Сунь Ятсена Михаил Маркович Бородин одновременно является и представителем Коминтерна в Китае. Это старый большевик-подпольщик, участник I учредительного конгресса Коминтерна. Думаю, было бы хорошо, если бы вы по приезде установили с ним связь. Его помощь всегда может пригодиться. Кстати, через его аппарат вы могли бы информировать ИККИ о своих делах, о том, как продвигается работа. Вот, пожалуй, и все. Как у нас говорится, ни пуха ни пера. — Мануильский вышел из-за стола, и собеседники обменялись крепким рукопожатием.

— Благодарю вас, товарищ Мануильский, за добрые пожелания. Разрешите на прощанье выразить твердое мое убеждение, — в голосе Нгуена появились торжественные нотки, — что при следующей нашей с вами встрече, не знаю, как скоро она произойдет, я буду уже представлять компартию своей любимой родины — Вьетнама.

ЗА ГОРИЗОНТОМ — РОДИНА

Мы словно в море корабли,
С надеждой ждущие земли…
Друзья мои! Неблизок срок!
И берег наш пока далек…
Не все из бешеных штормов
Докатятся до берегов, —
Но разве есть покой в бою?
Я песню ярости пою!
Она сердца соединит,
Надеждой души окрылит!

То Хыу

1

Пароход, на флагштоке которого развевался красный флаг Страны Советов, медленно шел вверх по широко разлившейся реке Жемчужной. Заканчивался долгий, утомительный переход из Владивостока в Кантон. За бортом проплывали пологие холмы, поросшие редкими деревьями, на них — одноэтажные серо-грязного цвета домики с горбатыми крышами, тесно прижавшиеся друг к другу. По бурой поверхности реки плавно скользили сампаны, своими перепончатыми парусами напоминавшие присевших на воду огромных бабочек или летучих мышей. Такие же сампаны стояли вереницами в четыре-пять рядов по обоим берегам реки, увешанные сетями, циновками, бельем, — на них ютились целые семьи.

Но вот впереди показалась центральная набережная, выглядевшая чужеродным телом среди огромного скопища узких улочек китайской части города. На фоне лачуг резко выделялись многоэтажные здания современной архитектуры, пестрели крупными витиеватыми иероглифами рекламы универсальных магазинов «Сен-сир» и «Сен-компани». Посреди Жемчужной, неподалеку от набережной, отделенный от нее искусственной протокой, возвышался надменный остров Шамянь — резиденция иностранных консульств империалистических держав. К острову вел мост, подходы к нему перекрывали заграждения, увитые колючей проволокой. У заграждения прохаживались английские часовые в колониальной форме: пробковый шлем и защитного

цвета шорты, в руках — карабины, на поясах — тесаки.

В первые же часы, сойдя на берег, Нгуен почувствовал явственное, такое знакомое до щемящей боли в сердце дыхание родных берегов — ведь до них отсюда, из Кантона, было рукой подать. Многое здесь напоминало ему о родине. На тротуарах благоухали розовые лепестки орхидей, шелестели огромными узорчатыми листьями платаны, зеленели разлапистые кроны банановых деревьев и веерных пальм. Зимой здесь, как и в деревне Лотосов, целыми днями шел «мыа фун» — так называют вьетнамцы мелкий, беспрестанно моросящий дождь, похожий скорее на водяную пыль, висящую в воздухе. Летом же на город обрушивались водопады ливней, превращавших улицы в озера. После них вместе с вечерней прохладой появлялись стаи цикад. Облюбовав какое-нибудь пышное дерево, они устраивали оглушительный концерт.

Он глянул на Жемчужную и, казалось, видел реки своей юности — Ароматную и Сайгон — такая же в них, как и здесь, была темно-рыжая вода, так же бесшумно скользили рыбацкие джонки с парусами-бабочками, выкрашенными, словно бы в тон воде, коричневым соком дикого лука. По улицам города сновали неутомимые рикши с блестящими от пота спинами, в широкополых соломенных шляпах — почти такие же, как в Хюэ и Сайгоне, — последний раз он видел этих рикш на марсельской колониальной выставке. О родном крае напоминали и местные жители, он мало чем отличался от них внешне, да и говорили они на певучем гуандунском диалекте, в котором слышалось много схожего по звучанию с его родным языком.

Снова, как и в Советской России, подивился Нгуен великой очистительной силе революции. Как ярко и радостно в отличие от его замученных соотечественников горели глаза на лицах кантонцев. Поруганный, забитый, третировавшийся империалистами Восток, который он столько призывал в своих статьях к пробуждению, предстал его глазам решительно сбрасывающим путы колониального рабства.

Уже в день приезда Нгуен стал свидетелем очередной массовой манифестации населения. Стихийные митинги в поддержку революционной программы Сунь Ятсена возникали попеременно то в одной, то в другой части Кантона. Улицы патрулировались пикетами рабочих. Пикетчики — в полувоенной форме, с повязками на рукавах, вооружены винтовками. На их фуражках выделялись гоминьдановские звезды с двенадцатью лучами. По мостовым маршировали отряды пионеров в костюмчиках защитного цвета, в белых панамках и красных галстуках. Стены домов, анонсные тумбы, столбы были заклеены

плакатами и листовками. С шестов, укрепленных над головами прохожих, свешивались красные флаги, через улицы были протянуты транспаранты.

Расположенный на крайнем юге Китая Кантон (по-китайски Гуанчжоу) издревле пользовался значительной долей самостоятельности. Это наложило со временем своеобразный отпечаток на его жителей, они всегда отличались свободолюбием и стремлением к независимости, были восприимчивы к новым идеям. «Все новое идет из Гуанчжоу», — говорили тогда в Китае, и деятельность Сунь Ятсена и возглавляемого им правительства подтверждала эту истину.

В дни, когда Нгуен прибыл в Кантон, китайская национально-демократическая революция находилась в апогее своего развития. Ее вождь Сунь Ятсен стал кумиром всех прогрессивно мыслящих китайцев, включая и представителей национальной буржуазии, поддерживавшей на этом этапе революцию. В возглавляемом им Гоминьдане видели прежде всего действительно революционную партию, боровшуюся за национальное освобождение страны, против засилья империалистов и бесчисленных милитаристских хунт, рвавших Китай на части. Революционный потенциал Гоминьдана особенно вырос после того, как под влиянием идей Великой Октябрьской социалистической революции и общения с представителями Советской России, Коминтерна Сунь Ятсен в конце 1923 года сформулировал свой новый политический курс — союз с коммунистами, союз с Советской Россией, поддержка рабоче-крестьянского движения.

Было бы ошибкой игнорировать такую силу в борьбе за интересы китайского рабочего класса, за демократию и социализм. И Исполком Коминтерна рекомендует китайским коммунистам пойти на тесный союз с Гоминьданом. На I съезде Гоминьдана, в подготовке которого непосредственно участвовал только что прибывший в Китай Бородин, Компартия Китая, несмотря на сопротивление правых, была принята в состав Гоминьдана, причем на основе принципа индивидуального членства и сохранения своей организационной и политической самостоятельности. Пятую часть избранного съезда ЦИК Гоминьдана составили коммунисты, среди них такие видные деятели КПК, как Ли Дачжао и Цюй Цюбо.

Участники съезда подтвердили назначение Бородина главным политическим советником ЦИК Гоминьдана и южнокитайского правительства, а также приняли решение пригласить из Советского Союза военных советников и строить вооруженные силы китайской революции по типу Красной Армии. Была избрана комиссия во главе с лидером левого крыла

Гоминьдана Ляо Чжункаем для организации Военно-политической академии на острове Вампу, расположенном в устье реки Жемчужной.

Сведения, о которых Нгуен упомянул в разговоре с Мануильским, подтвердились в первые же дни по приезде в Кантон. В Южном Китае действительно осело немало вьетнамских политэмигрантов — одни добрались сюда из Франции, чтобы, как и Нгуен, быть поближе к родине, другие бежали из Индокитая, спасаясь от преследований колониальной охранки. Вьетнамцы работали в различных учреждениях Кантонской республики, служили в ее Народно-революционной армии, учились в академии Вампу.

Еще в Москве Нгуен прочел в китайских газетах о неожиданном покушении на генерал-губернатора Индокитая Мерлэна, находившегося проездом в Шамяне. Позже установили, что покушение совершил вьетнамский патриот Фам Хонг Тхай. Под видом журналиста с футляром для фотоаппарата, в котором находилась бомба, он проник на прием, устроенный властями Шамяня в честь высокого французского гостя. В результате взрыва брошенной им бомбы погибло несколько офицеров из свиты Мерлэна, сам же генерал-губернатор, лишь слегка задетый, остался жив. Фам Хонг Тхай, спасаясь от погони, бросился с моста в реку, пытался доплыть до другого берега, но силы оставили его, и мутные волны Жемчужной поглотили юного героя.

Власти Шамяня немедленно обвинили кантонское правительство в «большевистской анархии», в попустительстве террористам. Ляо Чжункай, назначенный к тому времени губернатором Кантона, дал достойную отповедь шамяньским властям и взял под защиту погибшего вьетнамского патриота и его единомышленников. Друзьям Фам Хонг Тхая разрешили похоронить его на центральном кантонском кладбище рядом с могилами борцов и мучеников китайской революции.

К ним-то, боевым товарищам юного героя, и начал искать Нгуен подходы, осмотревшись в новых краях. Это удалось сделать довольно быстро — отголоски «шамяньского покушения» еще были живы в политических кругах города, к тому же ему помогли русские советники, поддерживавшие связи с вьетнамскими патриотами.

Встреча с единомышленниками Фам Хонг Тхая произошла в одной из серых, безликих лачуг, каких немало в китайской части города. Окна ее выходили на такую узкую улочку, что на ней едва могли разъехаться двое рикш. Хо Тунг Мау, Ле Хонг Шон, Ле Хонг Фонг — они называли Нгуену свои имена с характерным

нгеанским акцентом, который вьетнамец никогда не спутает ни с каким другим. Все трое оказались его земляками. Внимание Нгуена особенно привлек самый молодой из них — Ле Хонг Фонг, или «Красный ветер», — широкоплечий, крепко сбитый юноша с волевым лицом и гордо посаженной головой.

Казалось, эти люди, юные, по-мальчишески застенчивые, только вчера простились с родным домом, со школьной скамьей. Но у них были темные, мозолистые ладони рабочих, а в глазах, глядевших смело, с вызовом, светилась неутоленная жажда борьбы. Во Вьетнаме говорят: молодой бамбук легко гнется. Новые знакомые Нгуена решительно опровергали эту народную мудрость. Они заметно отличались от своих соотечественников-патриотов, с которыми Нгуен встречался и в юношеские годы на родине, и живя во Франции. Перед ним сидели представители нового поколения противников колониального режима. В судьбах их как в капле воды отразились глубокие перемены, происшедшие во Вьетнаме за годы скитаний Нгуена на чужбине, особенно в послевоенный период.

Ослабленная войной французская буржуазия с удвоенной силой принялась выкачивать богатства из своих многочисленных колоний. Французский капитал, утративший в результате войны и особенно после выхода России из мировой капиталистической системы многие традиционные сферы приложения, еще активнее устремился в Индокитай. Во Вьетнаме происходило бурное развитие промышленности, повсюду прокладывались железные и шоссейные дороги, строились фабрики, заводы, порты, в городах возникали как грибы торгово-промышленные фирмы и банки, в деревнях — крупные плантационные хозяйства по производству каучука и других технических культур. Прибыли колонизаторов росли, но одновременно с ними росли и ряды вьетнамского пролетариата. В начале 20-х годов он все решительнее заявляет о себе на политической арене, его борьба выходит за рамки ограниченных протестов против экономической несправедливости, принимает боевые формы политических стачек.

Стремясь расширить социально-политическую базу колониального господства, французские власти провели во Вьетнаме ряд либеральных реформ, в первую очередь в области просвещения. Эти реформы сопровождались безудержной пропагандой «цивилизаторской миссии матери Франции». На сцену вышли наемные писаки, которые восхваляли западную цивилизацию, восторженно кричали о выгодах «франко-аннамского сотрудничества».

Но просветительские реформы открыли одновременно шлюзы

и для других процессов. Новая вьетнамская письменность куок-нгы быстро распространилась по стране. С каждым днем появлялось все больше газет и книг, издававшихся на ней. Началась книжная лихорадка. Образованные вьетнамцы, особенно школьники и студенты, с упоением читали все, что попадало во Вьетнам, пройдя сквозь сито полицейской цензуры, на вьетнамском, китайском и французском языках. С особым усердием, до дыр зачитывали книги, затрагивавшие крупные социально-политические проблемы, о которых во Вьетнаме, задавленном феодально-колониальными крепостническими порядками, прежде не имели даже представления.

Если Нгуен за годы скитаний на чужбине добрался до вершины мировой общественно-политической мысли, стал носителем и активным поборником самого передового революционного учения — ленинизма, то на родине его сверстники и следовавшее за ними поколение все еще брели в полутьме поисков, жадно впитывая новые для них понятия свободы, равенства, братства, идеи французских просветителей, зачитывались печальными строками Лян Цичао, будившими чувство национальной гордости, рождавшими жажду обновления, сопоставляли между собой достоинства и недостатки различных политических доктрин — «трех народных принципов» Сунь Ятсена, учения Ганди о «сарводайе» — обществе всеобщего благоденствия и «сатьяграхе» — ненасильственной борьбе, разновидностей социалистических теорий Прудона, Бланки, утопистов. Только после образования ФКП во Вьетнаме постепенно стали появляться труды К. Маркса и В. И. Ленина во французском переводе, доставлявшиеся тайно, морским путем, поэтому круг их читателей был поначалу крайне узок, зато стремительно распространялись содержавшиеся в них идеи, так как их семена падали в благодатную, подготовленную почву. Именно в эти годы, на несколько десятилетий позже, чем в Европе, в политическом лексиконе образованной части вьетнамцев и во вьетнамском языке утвердились и стали привычными такие слова и понятия, как «буржуазия», «пролетариат», «право наций на самоопределение», «империализм», «колониализм», «буржуазно-демократическая революция» и другие.

Новые знакомые рассказали Нгуену, что раньше они входили в «Общество возрождения Вьетнама», идеологом которого был Фан Бой Тяу, а основную часть составляли патриоты-конфуцианцы, многие из них преклонного возраста. Эти люди в основном клеймили колонизаторов красивым литературным

слогом на сходках и коллективных встречах, на конкретные же действия они были уже не способны. Среди группы молодых постепенно зрело недовольство пассивностью Фан Бой Тяу и его сторонников. Наконец Хо Тунг Мау и Ле Хонг Шон стали инициаторами создания тайной боевой организации «Союз сердец». Вошедшие в нее молодые патриоты сделали в основном ставку на индивидуальный террор.

Неудачное покушение на Мерлэна и трагическая гибель одного из лучших боевиков, Фам Хонг Тхая, вызвали растерянность среди некоторых членов «Союза сердец». Молодые патриоты находились на распутье. Они уже много слышали о Советской России, знали о ее посланцах, работавших при правительстве Сунь Ятсена, но Нгуен был первым человеком «оттуда» — их соотечественником, поэтому они внимали каждому его слову.

— Братья, ни один вьетнамский патриот не может не преклоняться перед бессмертным подвигом Фам Хонг Тхая, — такими словами начал беседу их новый знакомый. — Из всех семян, упавших на землю, быстрее всего дает всходы кровь мучеников. Его гибель станет ласточкой, возвещающей скорый приход весны. Имя юного героя будет жить вечно, потому что он, не колеблясь, принес себя в жертву на алтарь грядущей победы. Но правилен ли путь, братья, избранный вашей организацией?

В России, откуда я недавно прибыл, тоже начинали с этого. Даже старший брат Ленина участвовал в подготовке покушения на царя и погиб на эшафоте. Но русские революционеры довольно быстро нашли правильный путь. Этот путь — создание монолитной партии, вооруженной правильной революционной теорией. По этому пути должны идти и мы, если хотим добиться освобождения своей родины. Но для этого нужны знания, прежде всего политические. Поэтому предлагаю — в качестве первого шага — открыть здесь, в Гуанчжоу, курсы политучебы для молодых революционеров.

2

18 декабря Нгуен пишет в письме в Президиум ИККИ: «Прибыл в Кантон в середине декабря. Теперь я китаец, а не аннамит, и зовут меня Ли Цюй, а не Нгуен Ай Куок… Встретился здесь с несколькими аннамскими революционерами-националистами. Выбрал пять из них, выходцев из разных провинций… Будем обучать их методам организационной работы».

Вскоре у входа в дом № 13 (трехэтажного особняка тропической архитектуры) по улице с громким названием Вэньминьлу (улица Цивилизации) появилась табличка с надписью: «Комитет особой политической подготовки». На третьем этаже дома в большой классной комнате на стене висели портреты Маркса, Ленина, Сталина, Сунь Ятсена, Фам Хонг Тхая. Молодые патриоты, прибывавшие на курсы политучебы прямо из Вьетнама, где им чудом удалось избежать ареста, с благоговением переходили от одного портрета к другому.

На всю жизнь запомнились им слова, сказанные на открытии курсов человеком, который отрекомендовался как «товарищ Выонг».

— Чем прежде всего должен овладеть революционер? — спросил он слушателей. И сам же ответил: — Правильной революционной теорией. Революционер, овладевший правильной революционной теорией, подобен путнику, который темной ночью факелом освещает себе дорогу. В мире существует немало учений и теорий, но самым истинным, самым надежным, самым революционным из них является ленинизм.

Программа обучения была довольно обширной. Слушатели изучали международное положение, историю Октябрьской революции, историю трех Интернационалов, национально-освободительное движение, политическую программу Сунь Ятсена. Большое внимание уделялось экономическим наукам, журналистике, основам организационно-массовой работы, изучению иностранных языков. Часть лекций читали преподаватели военно-политической академии Вампу. «Комитет особой политической подготовки» рассматривался китайскими властями как своего рода филиал академии и функционировал под ее эгидой. Основным же преподавателем был Нгуен, отдававший курсам все свободное время.

Те, кто тогда учился у него, вспоминали, что выглядел «товарищ Выонг» очень молодо — ведь ему еще не исполнилось и 35 лет. Был очень худощав, на лице его, туго обтянутом кожей, резко выделялись большие, необычно яркие глаза. Ходил всегда в сером чжуншаньи — полувоенного образца френче, какой любил носить Сунь Ятсен. Живой, быстрый в движениях, с мягкими манерами, но твердой, уверенной речью, он сразу овладевал вниманием слушателей. Очень не любил, когда витали в облаках фантазии, всегда стремился любую свою мысль связать с жизнью, с практикой. «Революция — это дело широких масс рабочих и крестьян, а не какой-то кучки людей, — часто повторял он. — Главная наша задача — вести повседневную, терпеливую практическую работу по мобилизации народных масс». У него

всегда имелись наготове необходимые цифровые данные, и он умело пользовался ими при аргументации того или иного тезиса. «Надо обращать особое внимание на значение цифровых данных, — наставлял он слушателей. — Это самый доказательный материал, из которого видно реальное положение вещей. Как говорил Ленин, крестьянин верит цифрам больше, чем теориям. Как ни трудно запоминать цифры, делать это необходимо». Он старался привить слушателям и ленинский подход к познанию окружающей революционера действительности: «Революционер должен быть всегда в курсе текущих политических событий. Больше читайте газеты — в них сама жизнь, и будете лучше понимать обстановку».

Среди многочисленных дисциплин, изучавшихся на курсах, слушателей больше всего, естественно, занимали вопросы вьетнамской революции, а конкретно — какой характер должна она носить, какие социально-политические силы, общественные классы могут быть ее активными участниками.

После первой мировой войны отношения между вьетнамской императорской династией и французскими колонизаторами приобрели новый характер. Напуганный мощью Франции, император Кхай Динь и его мандарины отказались даже от видимости фронды своих предшественников и встали на путь тесного сотрудничества с французскими властями. Помпезная поездка Кхай Диня в 1922 году во Францию, его льстивые речи и угодливое поведение во время поездки усилили ненависть к нему среди вьетнамцев.

Колонизаторы предприняли немало усилий, пытаясь возродить былое преклонение перед императором, что отвечало теперь уже и их интересам. С этой целью из вьетнамцев, получивших французское образование, сколотили монархическую партию со своей собственной газетой. Вокруг юного принца Винь Тхюи, получившего западное воспитание, с помощью самого ревностного коллаборациониста Фам Куиня и ему подобных группировались силы, пропагандировавшие идеалы монархизма, каноны конфуцианства. Однако восстановить поблекшие краски на подмоченном фасаде императорской династии было уже невозможно. И когда Фан Тю Чинь, вернувшись во Вьетнам, попытался выступить с призывами «реформы правящей династии», это привело лишь к падению его авторитета среди патриотов. К началу 20-х годов в идейно-политических программах всех патриотических партий и группировок, существовавших во Вьетнаме, задача ликвидации колониального гнета непременно связывалась со свержением императорской династии.

Вместе с императорской династией в корне изменился и характер класса, на который она опиралась, — класса феодалов. За десятилетия колониального господства, особенно в годы первой мировой войны, феодальное сословие во Вьетнаме пополнилось довольно многочисленной группой помещиков новой формации — нуворишей. Если в столице опорой французов были император и его продажный двор, то в деревне ею стали реакционные помещики-землевладельцы. В сельской местности, особенно в Кохинхине, общенациональная борьба против чужеземных поработителей начала все более зримо приобретать социальную окраску, выливаться в борьбу беднейшего крестьянства против произвола помещиков, олицетворявших колониальный режим. К началу 20-х годов у вьетнамских революционеров уже не оставалось сомнений, что в их стране класс феодалов в основной своей массе превратился в послушного и верного союзника колонизаторов.

Таким образом, ленинское положение о непременной антифеодальной направленности национально-освободительной революции, что предполагает наличие мощной революционной силы в лице крестьянства, как нельзя более точно соответствовало вьетнамской действительности. И это хорошо понимали Нгуен и его соратники. Лозунг «Землю — пахарю», диктовавшийся объективной необходимостью, стал главным требованием их политической программы. Но какая социальная сила сможет выдвинуть и осуществить этот лозунг, мобилизовать миллионы жителей деревни на штурм колониализма и феодализма? На этот вопрос Нгуен давал в своих лекциях вполне определенный ответ: из всех классов это мог сделать только пролетариат, так как именно он является по сути своей самым последовательным борцом против колониализма, подлинным выразителем общенациональных интересов. Буржуазия не могла выступить проводником этого революционного лозунга, так как ее интересы все чаще и крепче переплетались с интересами помещиков. В Кохинхине помещики становились капиталистами. В Тонкине, напротив, буржуа приобретали землю и обращались в помещиков.

Нгуен и его новые друзья из «Союза сердец» были едины в убеждении, что вьетнамскому пролетариату необходима, и как можно скорее, своя партия, свой политический авангард. Однако в отличие от друзей Нгуен хорошо знал ленинское предостережение об опасности искусственного форсирования процесса создания коммунистической партии, особенно в условиях вековой отсталости Востока. Объективная потребность в партии рабочего класса в Индокитае уже существовала, а вот

субъективные условия для ее создания еще не созрели. Требовалась организация, которая смогла бы сыграть роль промежуточного звена на пути к созданию в будущем коммунистической партии.

В Кантоне Нгуен узнал, что в июне 1924 года под влиянием идей Сунь Ятсена Фан Бой Тяу создал из числа вьетнамских эмигрантов, осевших в Китае, «Вьетнам куок зан данг» — Национальную партию Вьетнама. В программе партии резкой критике подвергался французский колониализм и выдвигались требования национального самоопределения, равенства, создания конституционной республики, освобождения всех политических заключенных, права для вьетнамских студентов выезда за границу, свободы деятельности партий, свободы творчества. После ознакомления с деятельностью партии Нгуен в докладе Президиуму ИККИ дал высокую оценку патриотическому духу организации, но в то же время отметил недостатки ее руководителей, которые, по его словам, «не разбирались в политике и совсем не умели организовывать массы».

Ему удалось несколько раз встретиться с Фан Бой Тяу то в Кантоне, то в Шанхае. Говоря от имени Коминтерна, он убеждал его в необходимости пересмотра программы и тактики деятельности Национальной партии Вьетнама с целью ее дальнейшей революционизации. Эти беседы хотя и не сразу, но все же дали желаемый результат. Было решено, что летом 1925 года будет созвано совещание руководящего ядра партии, которое и должно определить ее дальнейшую судьбу. Однако осуществить это решение не удалось. 18 мая 1925 года Фан Бой Тяу, выслеженный агентами французской охранки в Шанхае, был захвачен ими, доставлен во Вьетнам и брошен в ханойскую тюрьму.

В конце июня 1925 года, собравшись после окончания учебных занятий на верхнем этаже дома по улице Вэньминьлу, Нгуен и его молодые друзья приняли решение об образовании патриотической организации нового типа, получившей название «Товарищество революционной молодежи Вьетнама». Нгуен формулирует перед участниками встречи задачи организации:

— Сейчас для нас главное — широкая пропаганда среди вьетнамских революционеров основ ленинского учения, решений и указаний Коминтерна. Мы должны помнить: ленинизм — это оружие, которое ничто не может заменить. Объединив на революционной платформе всех подлинных патриотов, Товарищество должно стать мостиком к созданию в будущем, когда позволят условия, коммунистической партии. Для этого предлагаю сформировать внутри его коммунистическую группу.

Пусть она пока действует внутри организации нелегально. Разумеется, местные власти и особенно французская охранка будут интересоваться характером Товарищества. Поэтому в целях конспирации предлагаю в открытой печати использовать менее радикальное название — Молодежная партия Вьетнама.

На этом же заседании приняли решение организовать издание печатного органа Товарищества газеты «Тхань ниен» — «Молодежь». Основные обязанности по ее изданию, как это было и в Париже, легли на плечи Нгуена. Газета печаталась на гектографе тиражом в несколько сот экземпляров и распространялась в Южном Китае среди вьетнамских эмигрантов, через моряков французских судов, заходивших в Кантон и Шанхай, тайно доставлялась во Вьетнам, Францию, Сиам, где имелась многочисленная колония вьетнамских переселенцев. Горячие призывы к борьбе за национальное и социальное освобождение, разоблачение преступлений колонизаторов и их прихвостней принесли газете большую популярность в передовых кругах Вьетнама, что признавали н представители колониальной администрации. «Газету, которую создал Нгуен Ай Куок, — отмечалось в одной из докладных французскому генерал-губернатору, — читают не только во Вьетнаме, но и за его пределами, читают и часто переписывают».

Настоящий переполох в колониальной охранке вызвал 61-й номер газеты. Во всю его полосу крупными буквами были начертаны слова: «Только коммунистическая партия сможет принести вьетнамскому народу свободу и счастье». Этими словами члены Товарищества и их идейный руководитель выразили не только политическое кредо, свою коммунистическую убежденность. Прежде всего они хотели сказать, что вьетнамское национально-освободительное движение стоит на пороге качественно нового этапа, что насущным объективным требованием политического момента становится скорейшее решение задачи создания подлинно революционного авангарда — коммунистической партии, которая одна только и способна вывести освободительное движение из глухих проселков неудач на широкую, прямую магистраль побед.

Товарищество революционной молодежи Вьетнама официально не входило в Коминтерн, однако во всей своей практической деятельности руководствовалось его решениями, поддерживало тесные связи с коммунистическими партиями других стран, прежде всего Советской России, Франции и Китая, и действительно стало в дальнейшем, как и предвидел Нгуен, зародышем будущей коммунистической партии.

В Товариществе, как в настоящей партии, действовала

разработанная Нгуеном строгая система отбора и подготовки революционных кадров. Принимались в него главным образом те, кто успешно закончил курсы политучебы. Вступившие в Товарищество давали у могилы Фам Хонг Тхая клятву на верность идеалам революции. Основная часть прошедших подготовку патриотов направлялась на родину для подпольной работы на местах. После победы революции многие из них вспоминали, как обстоятельно и по-отечески наставлял каждого из них «товарищ Выонг» перед отъездом на родину:

— Ищите старых друзей, которым вы доверяете, людей, сочувствующих нашему патриотическому делу. О чем бы ни шел разговор, старайтесь сводить его к осуждению жестокого произвола тэев в нашей стране. Если ваши слова находят отклик, ставьте сразу вопрос: до каких же пор мы, вьетнамцы, будем терпеть чужеземный гнет и унижения? Если вас спросят, где взять силы, чтобы избавиться от власти тэев, объясняйте, что наша сила — в сплоченности, в единстве. Если все мы будем выступать сообща, тогда и вражеское оружие станет нашим оружием.

В июле 1926 года Нгуен пишет в Президиум ИККИ: «Вот что удалось сделать со дня моего прибытия сюда:

1) организована подпольная группа;

2) крестьянская лига (из вьетнамцев, живущих в Сиаме);

3) группа пионеров из детей крестьян и рабочих. Они живут в Кантоне и учатся на наши средства (на курсах политучебы Нгуен отдельно занимался с группой из 8 вьетнамских мальчиков и девочек. В первый же день в целях конспирации он дал им новые имена и общую фамилию Ли, и с той поры они все считались «племянниками» Ли Цюя. — *Е. К.*);

4) группа революционных женщин (десять человек);

5) школа политпропаганды. Слушатели тайно прибывают в Кантон. После полутора месяцев учебы они возвращаются на родину. Первый выпуск — 10 человек. В следующем, который произойдет в июле, будет примерно 30 человек».

Те, кто учился на кантонских курсах политучебы, работал в рядах Товарищества и в редакции газеты «Тхань ниен», прошли прекрасную школу революционной борьбы, здесь уже уместно будет сказать — хошиминовскую школу, в которой основополагающие принципы ленинизма творчески и органически вплетались в конкретно-историческую вьетнамскую действительность, не только не вступая в противоречие с нею, а, напротив, — в этом прежде всего и заключается универсальный характер ленинизма, — беря в союзники сложные социально-политические и национально-психологические особенности, свойственные Вьетнаму того периода. Товарищество и газета

«Тхань ниен» воспитали могучую когорту профессиональных революционеров, посвятивших всю свою жизнь борьбе за национальное и социальное освобождение народа. Среди них — руководители Коммунистической партии Вьетнама и Социалистической Республики Вьетнам Тон Дык Тханг, Ле Зуан, Чыонг Тинь, Фам Ван Донг, Хоанг Куок Вьет, видные деятели партия, отдавшие жизнь за победу ее дела, — Ле Хонг Фонг, Нгуен Тхи Минь Кхай, Хо Тунг Мау, Ле Хонг Шон, Нго За Ты, Ха Хюи Тан, Нгуен Ван Тао, первый вьетнамский комсомолец Ли Ты Чонг и многие другие.

3

Последовательный интернационалист, Нгуен и в Кантоне стремился установить прочные связи с революционерами из других стран. Заручившись поддержкой Ляо Чжункая, с которым его связывали дружеские отношения, он создает «Союз угнетенных народов Азии». Членами союза стали патриоты из Индокитая, революционно настроенные представители Кореи, Малайи, Индонезии, Индии, бежавшие из своих стран и получившие убежище в Кантонской республике, видные китайские демократы, в их числе и Ляо Чжункай, избранный председателем.

Однако жить Ляо оставалось уже недолго.

20 августа 1925 года перед зданием ЦИК Гоминьдана его смертельно ранил стрелявший в упор наемный убийца. Ляо Чжункай активно боролся за улучшение жизни рабочих и крестьян, он решительно выступал за союз Гоминьдана с Советской Россией, поэтому оказался первым в списке жертв начавшегося террора китайской реакции.

Деятельность Нгуена в Кантоне не ускользнула от внимания французской тайной полиции. В архиве министерства по делам колоний Франции сохранилась следующая депеша:

«Ханой, 27.02.1925 г. Совершенно секретно.

Полицейское управление Ханоя получило сведения, что в Гуанчжоу прибыл из Европы некий аннамит, который тут же установил связи с революционерами. Этот человек живет вместе с русскими коммунистами и взял себе имя Ли Цюй. Весьма осведомлен о деятельности аннамских революционеров в Европе, так же как и о русских революционных методах… Очень энергичный деятель, Ли Цюй организовал новую патриотическую лигу и готовит в ее рамках коммунистов с помощью нескольких аннамитов, эмигрировавших в Южный Китай. Ими только что

отпечатаны листовки с призывом вступать в лигу, часть которых попала в Индокитай. Мерлэн».

Одну деталь тайный агент подметил довольно верно. Хотя Нгуен находился очень далеко от Советской страны, он фактически ни на один день не порывал с ней связей. Памятуя совет Мануильского, он по приезде установил контакт с Бородиным. Сделать это было нетрудно. В кантонских газетах регулярно публиковались объявления о том, что советской миссии при правительстве Сунь Ятсена требуются переводчики. Нгуен свободно владел французским, английским и китайским языками, неплохо знал русский. С номером «Кантон газетт» в руках (законы конспирации прежде всего!) он пришел к зданию, где размещался аппарат Бородина, и был принят туда на работу.

Бородин пользовался в Кантоне большим авторитетом. Это был опытнейший большевик, он вступил в партию 19-летним юношей в 1903 году, долгое время жил в эмиграции. После победы Октябрьской революции Бородин вернулся в Россию, и партия поручила ему важный участок работы — он занимался международными связями ВКП(б), проблемами международного коммунистического движения, Коминтерна. Бородин был знаком с В. И. Лениным и пользовался его доверием.

С первого дня между Нгуеном и главным политическим советником Сунь Ятсена установились отношения товарищеского сотрудничества. У Бородина вьетнамский коммунист всегда мог получить необходимый совет и практическую помощь, в которой он испытывал нужду в процессе налаживания организационной, идейно-политической работы среди вьетнамских патриотов, осевших в Южном Китае. Бородин помогал ему отбирать среди членов Товарищества наиболее достойных молодых патриотов для направления на учебу в Коммунистический университет трудящихся Востока. Первая группа из пяти человек, в которую входил юный земляк Нгуена Ле Хонг Фонг, выехала в Москву в начале 1926 года. По рекомендации Бородина на курсах политучебы для вьетнамцев, организованных Нгуеном, нередко выступали с лекциями советские преподаватели академии Вампу, среди них видные военачальники, герои гражданской войны, такие, как будущий маршал В. К. Блюхер (носивший имя Галин), П. А. Павлов, М. В. Куйбышев (брат В. В. Куйбышева), В. М. Примаков и другие.

Аппарат главного политического советника Кантонского правительства размещался в темно-сером здании напротив ЦИК Гоминьдана — фешенебельного дворца, окруженного стеной с арочными воротами. Бородин жил с семьей на втором этаже здания. На первом этаже работали переводчики. Бюро переводов

возглавлял будущий герой Кантонской коммуны, консультант и помощник Бородина Чжан Тайлэй. В этом здании Нгуен проводил значительную часть своего времени. Здесь, утопая в ворохе китайских и английских газет, он черпал информацию для корреспонденции в РОСТА: перед отъездом из Москвы ему предложили стать внештатным корреспондентом агентства но Южному Китаю и Индокитаю.

Одна из работниц аппарата Бородина, В. В. Вишнякова-Акимова, в книге «Два года в восставшем Китае» писала:

«Гораздо ближе столкнула меня судьба в доме М. М. Бородина еще с одним из замечательных людей, живших тогда в Кантоне. Это был вьетнамец Ли. Мы в шутку звали его Ли Аннам.

Я, как сейчас, помню его невысокую, худощавую фигуру в белом полотняном костюме, который свободно висел на нем. Он хорошо говорил по-французски, по-английски, на гуандунском диалекте и знал русский язык. Я брала у него уроки вьетнамского языка. Это его радовало, и он охотно занимался со мной. Держался он с нами дружески, но сдержанно и никогда не говорил, чем занимается и что делал в прошлом. Мы ничего о нем не знали, кроме того, что за поимку его французские империалисты назначили большую сумму и что гоминьдановское правительство предоставило ему право политического убежища. В доме Бородина он был своим человеком…

Только много позднее от Ф. С. Бородиной (жены М. М. Бородина. — *Е. К.*) я узнала, что наш Ли Аннам — не кто иной, как Хо Ши Мин».

В начале 1927 года во вьетнамских кругах в Кантоне появилась брошюра неизвестного автора «Путь революции», изданная «Союзом угнетенных народов Азии». Те, кто посещал курсы политучебы, сразу догадались, что ее автор — «товарищ Выонг», так как в ней были суммированы прочитанные им лекции о ленинизме и задачах, стоящих перед вьетнамской революцией. Брошюра «Путь революции» явилась логическим продолжением «Суда над французским колониализмом». Если в первой своей книге Нгуен Ай Куок беспощадно разоблачил преступления французских империалистов в их обширных колониальных владениях, то во второй наметил конкретные пути освобождения своего народа.

Чтобы одержать победу над могущественным врагом, вьетнамские революционеры должны безотлагательно по-ставить в порядок дня, указывал автор, решение двух кардинальных задач: овладение передовой революционной теорией — марксизмом-ленинизмом и создание передового авангарда — революционной партии. «Необходимость создания партии

диктуется тем, что она должна, с одной стороны, мобилизовать и организовать массы внутри страны, с другой — поддерживать связи с внешним миром, то есть с угнетенными народами и пролетариями всех стран. Революция может победить только в том случае, когда партия прочна… Чтобы партия стала прочной, ей нужна последовательная революционная теория, и все ее члены должны руководствоваться этой теорией. Без теории партия подобна человеку без разума, кораблю без компаса».

Основные принципы революционного ленинского учения Нгуен Ай Куок изложил творчески, применительно к конкретно-историческим условиям колониального Вьетнама. Вьетнам, указывал он, стоит на пороге национально-освободительной революции, которая должна стать промежуточным этапом на пути движения страны к социалистической революции, минуя стадию капиталистического развития. Главная задача будущей марксистско-ленинской партии во Вьетнаме — борьба против колонизаторов. С учетом этого Нгуен расширил ленинское положение о соединении коммунистической партией рабочего движения с социализмом, введя общенациональные элементы патриотизма. Основные движущие силы будущей вьетнамской революции, рассуждал он, — это крестьянство и нарождающийся рабочий класс, то есть подавляющая часть нации, жаждущая освобождения своей родины, поэтому патриотизм в условиях вьетнамской революции приобретает народный и классовый характер.

Это важное положение, высказанное Нгуеном на заре будущей национально-освободительной революции, стало впоследствии ведущим, определяющим в деятельности его самого и его соратников и позволило немногочисленной партии вьетнамских коммунистов на решающем переломе повести за собой народ, что предопределило вначале победу всеобщего вооруженного восстания, а затем и двух длительных войн Сопротивления.

Чтобы правильно оценить значение выводов, к которым пришел Нгуен Ай Куок, достаточно вспомнить тот факт, что многие видные представители мирового национально-освободительного движения — его современники — оказались не в состоянии понять взаимосвязь между национально-освободительной и классовой борьбой. Они считали, что можно завоевать национальную независимость и без социализма, поэтому не призывали следовать по пути пролетариата России, ограничивая освободительное движение своего народа рамками борьбы против иностранных завоевателей. Для Нгуена же, с тех пор как он стал ленинцем и интернационалистом, две задачи —

национальное освобождение и социализм — были всегда тесно связаны между собой. «Только социализм и коммунизм могут принести народам полное освобождение» — эти его слова стали девизом вьетнамской революции.

Подлинный патриотизм, развивал дальше свою мысль автор «Пути революции», неотделим от пролетарского интернационализма. Поэтому важнейшая интернациональная задача вьетнамских революционеров — внимательно изучать опыт Великой Октябрьской революции в России. Ее основные уроки: необходимо иметь стойкую марксистско-ленинскую партию, главными движущими силами должны стать рабочий класс и крестьянство, требуется небывалая самоотверженность и сплоченность народных масс. Путь вьетнамской революции — это путь Великого Октября. Борьба российского пролетариата — пример для вьетнамского народа. Национально-освободительное движение в колониях должно добиваться союза с революционным пролетариатом метрополий. Надо решительно отмежеваться от настроений «желтого расизма», ксенофобии, в плену у которых оказались в прошлом видные вьетнамские патриоты. Соединить, связать борьбу вьетнамского народа с мировым революционным движением — это вопрос стратегической важности. «Вьетнамская революция — составная часть мировой революции. Все революционеры — товарищи вьетнамского народа».

Целую главу Нгуен Ай Куок посвятил всегда волновавшим его вопросам революционной морали. Партия только тогда будет стойкой и боеспособной, считал он, если она будет руководствоваться передовой революционной теорией и состоять из людей, которым в полной мере присущи качества подлинных революционеров. К ним, этим качествам, автор в первую очередь относил последовательную революционность, самоотречение во имя революции, готовность к самопожертвованию, стремление к единству, трудолюбие, бережливость, бескорыстие, заботу об общественном благе, самокритичность в действиях, презрение к славе, отсутствие гордыни, умение переносить нужду, быть равнодушным к материальному благополучию.

«Путь революции» явилась первой книгой вьетнамского автора, в которой раскрывалась сущность ленинского учения, говорилось о значении пролетарского интернационализма, о задачах вьетнамской революции. При этом сложные теоретические проблемы, как и в ленинской брошюре «К деревенской бедноте», изложены в ней в популярной форме, так, чтобы ее содержание было доступно широким народным массам Вьетнама. В истории вьетнамской революции книга Нгуен Ай Куока, можно сказать без преувеличения, сыграла такую же роль,

как ленинская «Что делать?» в революционном движении России. По оценке вьетнамских историков, она заложила фундамент для создания в Индокитае в будущем коммунистической партии и стала первоосновой ее политической программы. Генеральный секретарь ЦК КПВ товарищ Ле Зуан, другие вьетнамские руководители вспоминают, что свое знакомство с марксистской литературой они начинали с «Пути революции» Нгуен Ай Куока, и именно эта книга навечно связала их судьбы с революционной борьбой трудящихся.

Два с половиной года необычайно плодотворной, продуктивной работы почти в идеальных условиях, и как результат — около 200 подготовленных активистов, которые в самом скором будущем составят костяк партии рабочего класса, — о чем еще может мечтать профессиональный революционер! И было горько сознавать, что всему этому близился конец. Политический небосклон Кантона все чаще заволакивался черными тучами. Реакция, начав с индивидуального террора, перешла в конце концов в наступление по всему фронту.

12 апреля 1927 года Чан Кайши произвел в Шанхае контрреволюционный переворот. На следующий день ставленник Чан Кайши генерал Ли Цзишэн произвел переворот и в Кантоне. Войска правых разгромили академию Вампу, 300 ее курсантов оказались за решетками плавучей тюрьмы на реке Жемчужной. Аресты и облавы шли в городе несколько дней. Контрреволюционеры арестовали более двух тысяч человек, расстреляли несколько сотен коммунистов. Под стражу взяли даже некоторых членов правительства и провинциального комитета Гоминьдана, заподозренных в принадлежности к компартии. В кантонском предместье Дуншань войска правых блокировали дома, где жили советские советники.

Через несколько дней после переворота Бородин и его аппарат выехали в Ухань, где еще сохранялась власть левогоминьдановского Национального правительства. Нгуену, который остался в Кантоне, пришлось подыскивать себе новое место жительства и работу. Снова, как в далеком Париже, жизнь впроголодь, случайные заработки: приходилось на улицах торговать газетами, сигаретами, снова вступили в действие законы подполья, конспирации — чанкайшистам стало известно о его связях с Бородиным и левыми гоминьдановцами.

Однажды теплой майской ночью в темную каморку на окраине города, где ютился Нгуен, постучался вьетнамец по имени Линь, работавший в органах безопасности Гоминьдана.

— Товарищ Выонг, есть приказ о твоем аресте, — прошептал он, как только открылась дверь. — Немедленно беги в другой город.

Через несколько часов Нгуен уже сидел в вагоне поезда Кантон — Гонконг. Прошло чуть более часа, и поезд миновал мост Лоу, отделяющий китайскую провинцию Гуандун от английской колонии. Однако на станции Коулун Нгуена задержала местная полиция, которая тщательно проверяла всех, кто прибывал из «красного Кантона». Документы на имя китайского служащего Ли Цюя, которые Нгуен предъявил полицейскому офицеру, показались тому, видимо, подозрительными, и он тут же предложил их обладателю в соответствии с местными законами в 24 часа покинуть пределы Гонконга.

Нгуен пересел на поезд, шедший в Шанхай, а там влился в группу советских работников, которая пересекла весь Китай и, совершив долгий и изнурительный переход через пустыню Гоби — этот же путь проделал еще раньше Бородин, — очутилась наконец в Советской России.

Развернувшийся в Кантоне жестокий террор реакции поначалу не затронул вьетнамских эмигрантов. Хотя курсы политучебы пришлось закрыть, Товарищество продолжало свою деятельность. Многие члены Товарищества, как и прежде, учились в академии Вампу, работали в органах Гоминьдана и в армии.

11 декабря 1927 года в Кантоне вспыхнуло восстание под руководством коммунистов, вошедшее в историю китайской революции под названием Кантонской коммуны. Восставшие создали Совет народных комиссаров, провозгласивший передачу всей власти в Гуандуне в руки Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Коммуна просуществовала всего три дня, ее потопили в море крови объединенные силы чанкайшистов, английских и японских милитаристов, убив и замучив пытками свыше 6 тысяч рабочих. В эти же дни разгула реакции пали жертвами террора и работники советского консульства. Некоторые вьетнамские слушатели академии Вамиу примкнули к восставшим и вместе с ними сражались на баррикадах. Тайные агенты чанкайшистов, уже давно следившие за резиденцией Товарищества, заметили однажды, как туда вошел вьетнамец с красным бантом на груди, какие носили тогда все коммунары. Сразу же вслед за разгромом Кантонской коммуны полиция совершила налет на резиденцию Товарищества и арестовала всех вьетнамцев, которые там находились. В числе схваченных оказался и любимый «племянник» Ли Цюя — Ли Ты Чонг. 13-

летний мальчик совершил в те дни свой первый подвиг: несмотря на побои и угрозы, он ничего и никого не выдал жандармам.

РОЖДЕНИЕ ПАРТИИ

Сбылась мечта, и радостный день настал,
И образ родины образом партии стал.
И в каждом сердце, готовом идти за ней,
Возник прекрасный образ грядущих дней.

Те Лан Вьен

1

В центральной части Сиама (так в те времена назывался Таиланд), на холмистом берегу реки Менам, среди живописных зарослей банановых деревьев и веерных пальм приютилось десятка два крытых рисовой соломой хижин. Жили в этой небольшой деревеньке только одни вьетнамцы. По вечерам односельчане — мужчины, женщины, дети — собирались во дворе деревенской школы, на стенах которой висели с одной стороны — портрет сиамского короля, а с другой — юного Фам Хонг Тхая. Жители деревни были настоящими патриотами и очень тосковали по родине. Усевшись в круг, они пели песни родной стороны или слушали затаив дыхание рассказы седобородых старцев о жарких схватках с тэями храбрых партизан Фан Динь Фунга и Хоанг Хоа Тхама, под началом которых почтенные герои служили чуть ли не полстолетия назад.

Но с некоторых пор главным лицом на традиционных вечерних посиделках стал неизвестный приезжий. Откуда он появился, никто не знал, хотя родом, судя по говору, был из Центрального Вьетнама. Выглядел он лет на сорок, но в знак уважения звали его по местным обычаям Тхау Тин — Почтенный Тин. Когда жители деревни рассаживались во дворе школы, он выходил в центр круга и медленно, четко выговаривая каждое слово, читал газету или стихи древних вьетнамских поэтов. Кончив читать, Тхау Тин отвечал на вопросы собравшихся. А знал он, казалось им, практически все — и как обстоят дела на родине, и что происходит в мире.

Мысль организовать политическую работу среди вьетнамских

эмигрантов в Сиаме пришла Нгуену, а это, конечно же, был он, еще в Кантоне. По его инициативе Товарищество регулярно направляло своих людей и печатные материалы на северо-восток Сиама, где проживало в те времена около 20 тысяч вьетнамцев. Среди них имелись старожилы — потомки первых вьетнамских католиков. Еще в начале XIX века они впали в немилость у императоров Минь Манга и Ты Дыка как прислужники белых пришельцев и вынуждены были бежать в Сиам. Основная же масса эмигрантов покинула родину в годы первой мировой войны, спасаясь от набора во французскую армию и от голода. Были, однако, и такие, кто появился в Сиаме совсем недавно. Это участники различных патриотических движений, уцелевшие после разгрома их французами. Они больше всех рвались на родину, рассматривали Сиам как временное пристанище, не помышляя ни о какой революционной работе среди своих соотечественников. Только с возникновением Товарищества в сонную заводь вьетнамских поселений стали постепенно проникать отголоски бурных событий, происходивших на родине и в Южном Китае. В 1926 году активисты Товарищества создали в Сиаме общество вьетнамских эмигрантов «Тхан ай» — «Дружба», а вскоре его отделения открылись в провинциях Удон, Нонкай, Саконнакон, Наконихаком, Мукдахан.

Еще в апреле 1927 года, когда стало ясно, что из Китая придется уехать, Нгуен подумывал о том, чтобы перебраться в Сиам.

Из рассказов членов Товарищества, побывавших там, он знал, что в этой стране довольно широкое поле для агитационной работы среди вьетнамцев, к тому же местные власти особых препятствий вьетнамским патриотам не чинили.

В Москве он находился недолго. Уже в декабре 1927 года отправился в Брюссель, где принял участие в сессии Генерального совета Антиимпериалистической лиги. Лига была создана в феврале того же года на международном конгрессе. Она стала первой широкой антиимпериалистической организацией единого фронта международного рабочего класса, прогрессивной интеллигенции капиталистических стран и представителей народов колониальных и зависимых стран Азии, Африки и Латинской Америки. В ее деятельности принимали участие вдова Сунь Ятсена Сун Цинлин, Альберт Эйнштейн, Ромен Роллан, Джавахарлал Неру, Сэн Катаяма, Анри Барбюс и другие видные деятели.

По окончании сессии Генсовета лиги Нгуен посетил Францию, Швейцарию, Италию и из Неаполя на японском судне отправился в далекий Сиам.

Центром вьетнамской эмиграции в Сиаме в те годы была провинция Удон, где членам Товарищества удалось создать довольно крупную низовую организацию. Однако в первые же дни по приезде туда Нгуен убедился, что работа в ней поставлена из рук вон плохо. Среди активистов преобладали настроения пессимизма, поддерживаемые мрачными вестями о жестоком терроре, царившем на родине.

Хотя некоторые члены Товарищества уже долгое время жили в Сиаме, они не стремились к контактам с местным населением, не знали ни сиамского языка, ни местных обычаев. На первом же общем собрании членов организации Нгуен подверг резкой критике эти недостатки и призвал добиваться расширения и укрепления рядов общества «Тхан ай», готовить и здесь, в Сиаме, кадры для будущей революции, которые могли бы по ее первому зову вернуться на родину. Наконец, не забывать и о политической работе с местным населением, чтобы сиамские трудящиеся прониклись симпатией к борьбе вьетнамского народа против колонизаторов.

Как-то после собрания один товарищ посетовал на бесперспективность революционной работы среди эмигрантов:

— Побывал я у переправы в Мукдахане, где живет тридцать вьетнамских семей. Женщины на базаре ругаются громче всех. Мужчины после работы напиваются как свиньи и до одури режутся в карты, а потом идут замаливать грехи в храм святого Чана. Молодые парни тоже не уступают старшим, только выпивка да девчонки на уме. Как можно среди таких никчемных людишек вести революционную пропаганду? Прошу вас, поручите мне другое дело.

— Ты, судя по всему, читал книги, да забыл, о чем в них говорится, — в сердцах отвечал Нгуен. — На то мы и революционеры, чтобы идти в массы, жить среди них, поднимать их сознательность и вовлекать в революцию. Если бы все люди рождались идеальными, имели образование, сами себя агитировали, тогда в политических работниках не было бы никакой нужды. Даже на хорошем нефрите и то есть пятна. К тому же ты забываешь, что эти «никчемные» люди — наши соотечественники, лишенные родины и страдающие от этого. Вот тебе задание: поезжай обратно, выбери самую трудную семью, поселись в ней и добейся, чтобы тебя там полюбили, как брата, и поверили в нашу революцию. Только так ты исполнишь свой долг революционера.

Диапазон деятельности Нгуена был весьма многообразен. Он наладил регулярное издание газеты — органа общества «Тхан ай», увеличил, насколько возможно, ее тираж. Добился у

сиамских властей разрешения на открытие школ для детей вьетнамских эмигрантов с обучением на родном языке. Первая такая школа открылась в Удоне. Строили ее всем миром; вместе с другими членами Товарищества Нгуен несколько дней работал на стройке, таская на коромысле кирпичи.

Хотя значительная часть эмигрантов поклонялась «святому Чану» и дэн этого святого — маленький буддийский храм под черепичной крышей — почти никогда не бывал пуст, Нгуен, порасспросив верующих, убедился, что мало кто из них знает о славных деяниях «святого Чана» — великого полководца древности Чан Хынг Дао, который дважды нанес сокрушительное поражение полчищам китайско-монгольской династии Юань, вторгавшимся во Вьетнам в XIII веке. Нгуен написал патриотическую поэму «Песнь о Чан Хынг Дао», и с тех пор ее напевные четверостишия поклонники «святого Чана» хором декламировали во время службы в храме.

Нгуен мало задерживался на одном месте и за год пребывания в Сиаме исколесил всю северо-восточную часть страны. Впрочем, слово «исколесил» здесь мало подходит, так как чаще приходилось преодолевать большие расстояния пешком. Отправляясь в дорогу, Нгуен и его друзья брали с собой легкие, пружинящие коромысла с низко подвешенными плетеными корзинами, на которые укладывали одежду и запас пищи на десять дней. Ходили обычно босиком по горным и лесным тропам; корзины с тяжелой кладью качались из стороны в сторону; ноги скользили по камням. Именно в Сиаме Нгуен стал заправским ходоком. О нем рассказывали, что путь от Удона до Саванга протяженностью в 70 километров он покрывал всего за одни сутки. Искусство преодолевать пешком большие расстояния очень пригодилось ему в будущем на родине — в годы партизанской борьбы и войны Сопротивления, не раз спасая в опаснейших ситуациях.

Из Удона до родного Вьетнама, казалось, рукой подать, но вести оттуда приходили скудные и довольно редко. Нгуен получал их главным образом от курьеров Товарищества, курсировавших между родиной и колониями вьетнамских эмигрантов в Южном Китае и Сиаме. Эти вести и радовали и тревожили Нгуена. В стране, по его наблюдениям, шел быстрыми темпами процесс формирования коммунистического движения. Деятельность Товарищества, центр тяжести которой к концу 20-х годов переместился на вьетнамскую землю, способствовала все большему распространению в патриотических кругах, особенно среди молодежи, идей марксизма-ленинизма. Успешно развивалось рабочее движение, день ото дня росла политическая

зрелость рабочего класса. На промышленных предприятиях в крупных городах стали, возникать подпольные коммунистические группы. К середине 1929 года эти группы объединились в три самостоятельные, независимые друг от друга организации: в Тонкине это была Индокитайская коммунистическая партия, в Кохинхине — Аннамская коммунистическая партия, и центральной части страны действовал Индокитайский коммунистический союз. Между ними сразу же начались распри, так как каждая из организаций претендовала на роль единственной в стране коммунистической партии.

Особенно серьезные конфликты происходили между тонкинской и кохинхинской организациями. На некоторых предприятиях одновременно существовали ячейки обеих организаций, которые всю свою активность направляли на взаимные нападки и дискуссии по непринципиальным вопросам. Ненормальные отношения между коммунистическими организациями, отсутствие единой программы действий лишали их боеспособности, мешали успешной работе в массах.

Однажды, где-то в начале декабря 1929 года, Нгуена отыскал очередной курьер. Он передал ему привет из Гонконга от Хо Тунг Мау и Ле Хонг Шона.

— Они просили вам сказать, что обстановка сложилась серьезная, — говорил курьер. — Хотя отовсюду поступают сигналы о стремлении рядовых коммунистов к немедленному созданию единой партии, руководители организаций в Бакки и Намки в своей перепалке зашли так далеко, что не желают прислушиваться к мнениям друг друга. Меня просили передать, что на них мог бы сейчас повлиять только один человек — представитель Коминтерна товарищ Выонг. Товарищи из Дальневосточного секретариата ИККИ также озабочены создавшимся положением и советуют как можно скорее принять меры к устранению разногласий между коммунистическими организациями Вьетнама.

Нгуен, не мешкая, стал собираться в дорогу. Поездом он добрался до Бангкока, оттуда отплыл пароходом в Сингапур, где пересел на другой пароход, идущий в Гонконг.

Плавание продолжалось долго, сонно тянулись минуты и часы. Слева по борту парохода, где-то там, в голубой дымке, проплывала незабвенная земля его предков. За восемнадцать лет скитаний на чужбине Нгуен впервые находился так близко у ее берегов. Он всматривался в горизонт, и его глаза иногда различали пропадавшую в туманной дали землю — то были вьетнамские острова. Среди них мрачной громадой высился зловещий Пуло-Кондор — скалистый остров смерти, где томились

тысячи патриотов.

За десятки километров от парохода, там, где морская вода сливалась с иссиня-черным тропическим небом, то и дело вспыхивал еле видимый луч света. Что это было — привычные вечерние зарницы или, может быть, то давал о себе знать знаменитый маяк на скалистом мысе Сен-Жак — глубоко вдающейся в море оконечности Намки?

Там, где катальпы листвою шумят,
Нынче стволы молодые стали, наверно, в обхват… —

вспоминались ему грустные строки Нгуен Зу. Символом родины, родных мест считается во Вьетнаме дерево катальпа, его сажают вблизи дома. Грудь Нгуена сжималась от тоски но родине, по родным и близким, от которых он так давно не получал весточек. И у пруда есть берег, и у реки есть пристань, так и у человека должен быть родной очаг, думал он. Опечаленное сердце словно бы догадывалось о постигшем его горе. Проплывая у берегов отчизны, он думал о своих родных, о старом отце, а «господина доктора» уже несколько недель не было в живых. Он скончался на 66-м году жизни в одном из бедных кварталов Сайгона; одинокий, тихо, по-стариковски «удалился от бренного мира», как говорят во Вьетнаме. Не мог пока Нгуен также знать и о том, что 11 ноября 1929 года императорский суд Виня по указке колонизаторов вынес 7 смертных приговоров вьетнамским патриотам — среди них заочно Нгуен Ай Куоку — и что это позорное решение властей еще на много лет отодвинет день его возвращения на желанную родную землю…

2

Гонконг, «Благоухающая бухта», как назвали это живописное место его древние обитатели, открылся взору внезапно.

Пароход медленно входил в просторную гавань, окаймленную полукольцом невысоких гор, рыжевато-зеленых в лучах восходящего солнца. У подножия гор жались друг к другу белостенные здания, тесно сгрудившиеся вдоль прибрежной полосы. На рейде стояли десятки океанских судов, между ними сновали быстрые, юркие джонки.

То, что принято называть Гонконгом, состоит из небольшого одноименного островка, южной части полуострова Коулун — так называемой Новой территории, отданной Китаем в аренду англичанам до 1997 года, и 33 мелких островов, прилегающих к

Коулуну. В те годы Гонконг считался «открытым городом». Сложных визовых формальностей для въезда на территорию этой английской колонии не требовалось. В Гонконге могли относительно свободно существовать демократические организации и находить убежище люди различных национальностей, преследовавшиеся у себя на родине за революционную деятельность. Между Гонконгом и южнокитайской провинцией Гуандун практически не существовало границы. Английский империализм такой политикой стремился извлечь для себя выгоды из разжигания политической борьбы в Китае и в колониях своего основного конкурента в этом районе — французского империализма.

В порту Нгуена встретили его старые друзья Шон и Мау, с которыми он не виделся с декабря 1927 года. Первым делом Шон и Мау ознакомили его с письмом Исполкома Коминтерна ко всем коммунистическим организациям Индокитая. «Отсутствие единой коммунистической партии в период подъема движения рабоче-крестьянских масс таит большую опасность для будущей революции в Индокитае, — читал Нгуен. — Колебания некоторых групп относительно незамедлительного создания коммунистической партии являются ошибкой… Самая важная и неотложная задача, которая стоит в настоящее время перед всеми коммунистами Индокитая, — создание революционной партии пролетариата, то есть массовой коммунистической партии. Это должна быть единая и единственная Коммунистическая партия Индокитая».

— Надо действовать, и действовать быстро и решительно, медлить больше нельзя, — сказал Нгуен, ознакомившись с письмом. — Без единой революционной партии рабочее движение, освободительная борьба нашего народа будут подобны кораблю без рулевого. Предлагаю, друзья, создать инициативную группу по подготовке объединительной конференции всех коммунистических организаций.

Тут же составили письмо к членам коммунистических организаций в Ханое и Сайгоне, в котором указывалось, что известный им представитель Коминтерна товарищ Выонг находится в Гонконге и по поручению Исполкома Коминтерна предлагает каждой организации прислать своих представителей в Гонконг для участия в объединительной конференции. Решили провести конференцию в Коулун-сити — там, где находилось зарубежное бюро Товарищества.

Коулун-сити — район трущоб, где сбитые из жести и картона лачуги тесно лепились друг к другу, находился на материковой части территории Гонконга. Отсюда в случае опасности

участники конференции всегда могли бы перебраться в Китай.

Не меньшее значение для обеспечения безопасности намеченной встречи имели и сроки ее проведения. Друзья стремились приурочить ее к новогоднему тэту. На Дальнем Востоке это самый любимый народный праздник, длящийся несколько дней, а то и недель. В дни тэта участники конференции могли незаметно исчезнуть и выехать из страны, а в самом Коулун-сити коллективная встреча вызывала бы меньше подозрений.

К концу января в Коулун-сити собрались семь человек: двое представляли Индокитайскую компартию, двое — Аннамскую компартию, Шон и Мау — эмигрантские коммунистические организации, Нгуен Ай Куок выступал в качестве представителя Коминтерна. Делегаты Индокитайского коммунистического союза не смогли прибыть к назначенному сроку. Первое заседание объединительной конференции открылось в одном из номеров второразрядного отеля, где остановилось большинство ее участников. На столе, вокруг которого расселись представители конфликтовавших организаций, лежали наготове принадлежности для игры в кости и двойную шестерку — любимые развлечения китайцев. Всякий, кого насторожил бы шум за дверью, мог при желании убедиться, что там собрались любители азартных игр. В целях предосторожности одно из заседаний пришлось даже провести на трибуне местного стадиона в разгар футбольного матча — благо окружающие не понимали по-вьетнамски.

Участие Нгуен Ай Куока в конференции, как и предвидели Шон и Мау, с первого же заседания создало атмосферу товарищеского доверия, которая, к радости всех, пришла на смену спорам и разногласиям. Многие участники даже не знали его в лицо, но все были наслышаны о нем как о лидере новой волны патриотического движения, активном деятеле ФКП и Коминтерна. Поэтому слово Нгуен Ай Куока имело для молодых участников встречи особый вес.

«Поначалу, находясь под впечатлением недавних яростных перепалок между Аннамской и Индокитайской коммунистическими партиями, — писал вьетнамский историк Чунг Тинь, — многие сомневались, что данная встреча даст какие-либо практические результаты. Однако постепенно в результате товарищеского общения друг с другом, особенно в ходе дискуссий, которые умело направлял товарищ Нгуен Ай Куок, благодаря его откровенным, обстоятельным выступлениям и обоснованным доводам, удалось убедить всех участников и

прийти к единодушию».

Конференция начала работу 3 февраля, а уже к 5 февраля все спорные вопросы оказались решенными, и участники конференции единогласно приняли резолюцию об объединении коммунистических организаций страны в единую партию — Коммунистическую партию Вьетнама. Они одобрили Краткие тезисы программы партии и ее устав, подготовленные Нгуен Ай Куоком. Эти документы имели историческое значение, так как в них формулировалось основное направление вьетнамской революции на длительный период. Вьетнам как колония и полуфеодальная по своей социально-экономической структуре страна, отмечалось в тезисах, стоит на пороге буржуазно-демократической революции нового типа (впоследствии в программных документах КПВ утвердился термин «национальная, народно-демократическая революция»), Эта революция должна совершиться под непосредственным руководством рабочего класса и стать переходным этапом на пути к социалистической революции. Ее задачи — свержение власти колонизаторов и феодалов, достижение национальной независимости, передача земли крестьянам, создание правительства рабочих, крестьян и солдат, предоставление народу демократических свобод, сформирование рабоче-крестьянской армии.

В тезисах программы и уставе указывалось, что КПВ — это авангард вьетнамского рабочего класса, готовый повести за собой широкие трудящиеся массы. В своей деятельности партия будет придерживаться линии на сплочение вьетнамского народа со всеми угнетенными народами мира, будет поддерживать тесные связи с международным рабочим классом, особенно с братьями рабочими метрополии.

Участники конференции решили немедленно положить конец имевшимся прежде конфликтам и разногласиям и искренне сотрудничать в осуществлении практических мероприятий по объединению коммунистических Организаций сверху донизу. Для руководства этим процессом и деятельностью партии был избран временный Центральный Комитет. Таким образом, объединительная конференция, по сути дела, выполнила функции съезда, так как на ней была создана партия и выработаны основные принципы ее строительства, намечепа стратегическая и тактическая линия вьетнамской революции, избраны руководящие органы.

Вечером 5 февраля Нгуен устроил в своем номере скромный праздничный ужин. Сбылась его сокровенная мечта, свершилось то, к чему он шел тернистым путем почти два десятилетия. Теперь у вьетнамской революции есть не только чудодейственное оружие — вечно живое марксистско-ленинское учение, но и руководящая партия — тот монолитный, подлинно революционный авангард, в руках которого это оружие приобретает сокрушающую силу.

— Братья, — взволнованно говорил Нгуен, когда все участники конференции собрались за столом, — сегодня у нас исторический день. Великий Ленин говорил: *«…Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией»*[13]. Теперь и у нас есть такая партия, партия вьетнамского рабочего класса. Наш народ искони славится традициями героической борьбы, но все эти годы ему не хватало мудрого рулевого. Эту роль должна взять теперь на себя наша партия, и я убежден, что она приведет наш народ к победе в борьбе за независимость и свободу нашей любимой родины.

Эти же мысли Нгуена легли в основу воззвания к вьетнамскому народу по случаю создания КПВ, которое он передал на родину с участниками конференции. Текст воззвания, подписанный им «от имени Коммунистического Интернационала и Коммунистической партии Вьетнама», был опубликован в подпольных коммунистических газетах в Бакки и Намки и получил широкий отклик в демократических кругах страны. «Коммунистическая партия Вьетнама создана, — писал он. — Это партия пролетариата. Она поведет пролетариат — руководящую силу вьетнамской революции — на борьбу за освобождение всех угнетенных и эксплуатируемых. Братья и сестры, вступайте в партию, поддерживайте ее, идите за нею, чтобы свергнуть власть французских империалистов, вьетнамских феодалов и контрреволюционной буржуазии, добиться независимости Вьетнама, создать правительство Рабочих, крестьян и солдат…»

Коммунисты, а их к моменту создания партии насчитывалось 211 человек, с одобрением встретили решения объединительной конференции. Разумеется, реализация решений конференции проходила в трудной борьбе, в обстановке идеологических споров и дискуссий. Среди части коммунистов еще преобладали узконационалистические и мелкобуржуазные теории и взгляды. На первых порах значительное число членов партии было движимо исключительно патриотическими, антиколониальными побуждениями, еще не сознавая того, что коммунистическая партия — это партия совершенно нового типа, костяк которой должен состоять из представителей самого передового класса —

пролетариата и его главного союзника — крестьянства.

Но эти неизбежные «трудности роста» легко устранялись. Строительство подлинной марксистско-ленинской партии шло быстрыми темпами. Повсюду, особенно на фабриках и заводах, создавались новые партийные ячейки. С тревогой фиксирует французская тайная полиция успешное становление новой партии, связанной идейно с Коминтерном и ФКП. «Принятый конференцией проект решения через делегатов был направлен всем членам партии на одобрение, — доносил агент охранки. — Проект повсеместно принят с большим энтузиазмом… Добрая воля, проявленная обеими партиями, привела к всеобщему и полному согласию даже в тех вопросах, разрешение которых еще недавно представляло большие трудности. За несколько месяцев проделана огромная работа: созданы Временный ЦК, комитеты в Тонкине, Аннаме и Кохинхине и комитеты в провинциях. Созданы также новые и расширены старые рабочие и крестьянские союзы».

Создание Коммунистической партии Вьетнама стало поворотным пунктом в истории страны. Особенно очевидно это сегодня, когда известны выдающиеся результаты по более чем полувековой деятельности.

Появление во Вьетнаме коммунистической партии на рубеже 20-х и 30-х годов явилось как нельзя более свое-временным событием. Это были годы, когда страну захлестнули безжалостные волны мирового экономического кризиса, потрясшего до основания весь капиталистический мир. Лозунги борьбы за национальную независимость Вьетнама, против французского колониального господства все теснее переплетались с социальными требованиями вьетнамских трудящихся. В этих новых исторических условиях во весь голос заявляет о себе как о гегемоне назревающей революции вьетнамский рабочий класс. Он вырастал в мощную политическую силу, хотя экономика Вьетнама, стреноженная путами колониализма, продолжала носить крайне отсталый, полуфеодальный характер. Дело в том, что вьетнамский рабочий класс, несмотря на свою немногочисленность, имел довольно высокую концентрацию, был очень однородным, в его рядах не возникла рабочая аристократия, в силу чего вьетнамским коммунистам не пришлось вести обычно столь ожесточенную борьбу против влияния реформизма, проникновения в рабочее движение оппортунистических идей. Наконец, у рабочего класса во Вьетнаме имелся надежный и массовый союзник в лице крестьянства, настолько обездоленного, что по своей социальной психологии оно приближалось в большинстве своем к рабочему

классу.

В колониальном Вьетнаме исторически сложилось так, что рабочий класс возник и превратился в серьезную политическую силу раньше, чем национальная буржуазия. К началу 30-х годов вьетнамская буржуазия была еще и численно невелика, и крайне слаба политически и экономически. На политической арене Вьетнама не оказалось другой, помимо коммунистической партии, реальной силы, способной стать во главе национально-освободительной борьбы. Прежние конфуцианская и другие феодальные партии уже давно утратили антиколониальные потенции, а с арестом Фан Бой Тяу и практически выключились из национально-освободительной борьбы. В середине 20-х годов на смену им пришла Национальная партия — «вьетнамский гоминьдан», которая, однако, встала на путь авантюристических, левоэкстремистских действий. В начале 1930 года эта партия, стремясь захватить инициативу в руководстве патриотическим движением, подняла оказавшееся неподготовленным вооруженное восстание в Тонкине. В результате поражения восстания Национальная партия подверглась практически полному разгрому, а уцелевшие ее деятели, эмигрировав в Китай, приняли политическую программу китайского Гоминьдана и постепенно переродились в его рядах в реакционную силу, враждебную интересам вьетнамской революции.

Период, последовавший за созданием Коммунистической партии Вьетнама, ознаменовался невиданными дотоле по своему размаху и глубине массовыми выступлениями трудящихся. По всей стране под руководством коммунистов рабочие и крестьяне организуют манифестации и стачки, выдвигая наряду с экономическими также и политические требования. Наивысшей точки подъем движения достигает к концу 1930 года, когда в 116 селах провинций Нгеан и Хатинь создаются по примеру российских трудящихся Советы — первые во Вьетнаме органы народно-революционной власти, руководимые в большинстве своем коммунистами.

Нгетиньские Советы, как их назвали в народе, были в течение почти года островками свободы и независимости в колониальном Индокитае. Советы полностью ликвидировали на местах колониальный административный аппарат, изгнали из сел феодалов, крупных помещиков, старост. Органы народной власти провели целый ряд демократических преобразований, в частности, отменили установленные колонизаторами налоги, осуществили перераспределение общинных земель среди безземельных и малоземельных крестьян, обязали помещиков сократить арендную плату и ликвидировать дополнительные

поборы. По всей стране разошлись выпущенные Советами листовки с серпом и молотом, призывавшие вьетнамским трудящихся следовать примеру советского народа.

Восстание показало, что вьетнамский рабочий класс становится гегемоном нарастающей антиколониальной и антифеодальной революции. «Нгетиньские Советы стали генеральной репетицией будущей национально-освободительной революции. Они вписали героическую страницу в историю, продемонстрировав революционные возможности рабочих и крестьян Вьетнама, — отмечал впоследствии Хо Ши Мин. — Хотя революционное движение и потерпело поражение, оно выковало силы для победы в грядущих сражениях Августовской революции».

В октябре 1930 года, в самый разгар восстания, охватившего провинции Нгеан и Хатинь, состоялся I пленум ЦК КПВ. Нгуен Ай Куок не смог принять участие в работе пленума. После объединительной конференции он вернулся в Сиам, а затем по заданию ИККИ выехал в Малайю. Председательствовал на пленуме его соратник, бывший слушатель политических курсов в Кантоне, а затем студент КУТВа Чан Фу. Из Москвы на родину он вернулся с рекомендациями ИККИ относительно программы и политических задач молодой партии вьетнамских коммунистов.

Пленум обсудил и одобрил представленные Чан Фу тезисы о буржуазно-демократической революции во Вьетнаме, ставшие политической программой партии. При утверждении этого документа участники пленума постарались учесть решения Коминтерна по национально-колониальному вопросу и конкретные условия Индокитая. В тезисах указывалось, что революция в Индокитае должна пройти два этапа. Первый этап — буржуазно-демократическая революция нового типа, в ходе которой под руководством рабочего класса будет свергнута власть колонизаторов и феодалов, обеспечена национальная независимость, земля передана тем, кто ее обрабатывает. Две задачи — антиимпериалистическая и антифеодальная — тесно связаны между собой. Основные движущие силы буржуазно-демократической революции нового типа — рабочий класс и крестьянство. Коммунистическая партия должна добиться привлечения на сторону революции самых широких слоев населения и с помощью революционного насилия в форме вооруженного восстания установить народную власть.

После выполнения этих задач начнется второй этап — этап социалистической революции. В программе подчеркивалось, что, «захватив власть в свои руки, народы Индокитая при помощи стран, в которых в результате победы пролетарской революции

установится пролетарская диктатура, приступят к строительству социализма, минуя стадию капиталистического развития».

Участники пленума избрали Чан Фу первым генеральным секретарем партии, приняли решение о переименовании партии в Коммунистическую партию Индокитая (КПИК). Это было сделано по рекомендации ИККИ, который исходил из того, что французский Индокитай представлял собой тогда и политически и географически единое целое, а перед трудящимися Вьетнама, Лаоса и Камбоджи[14] стояли одинаковые цели, которых они могли добиться только совместной борьбой, на базе тесных идейных и политических связей, укрепляя единство и солидарность.

Первые славные месяцы существования молодой партии, твердое руководство ею бурными выступлениями вьетнамских трудящихся против колониального гнета и социального неравенства, прокатившимися по стране в 1930–1931 годах, позволили впоследствии Хо Ши Мину с полным правом сказать: «С момента своего рождения Коммунистическая партия Индокитая проявила себя в целом как партия нового типа, ленинская партия, боевая партия молодого вьетнамского пролетариата, сумевшая сплотить под своим знаменем широкие массы крестьянства и трудового народа».

ПЕРВЫЙ АРЕСТ

Пускай погибнем, мы — не рабы.
Взвивайся, красное знамя борьбы!
Но как мне горько в тюрьме томиться,
Не слышать зовущей в битву трубы.

Хо Ши Мин

1

После поездок в Сиам и Малайю Нгуен, который на сей раз числился по документам китайским служащим Сун Маньчжо, вернулся в Гонконг. В Коулун-сити в доме № 186 по улице Саньлун — Трех драконов — обосновалась целая вьетнамская коммуна. Вместе с Нгуеном и Мау здесь жили еще восемь юношей и девушек, присланных из Вьетнама парторганизациями для политической учебы. Среди них он с радостью узнал несколько своих «племянников» из числа кантонских пионеров.

Нгуену нередко приходилось бывать и в другом районе Коулун-сити, в трех милях от места жительства, на третьем этаже неприметного каменного дома, где под видом конторы какой-то фирмы находилось представительство Дальневосточного секретариата Исполкома Коминтерна. Связными там работали две вьетнамские девушки, активно посещавшие курсы политической учебы, на которых главным действующим лицом, как и в Кантоне, был «товарищ Выонг». Одну из них, темнокожую, с большими глазами и белозубой открытой улыбкой, звали Минь Кхай. В ту пору будущей руководительнице сайгонской парторганизации исполнилось всего 20 лет.

Служащий Сун Маньчжо часто курсировал также по маршруту Гонконг — Шанхай — Кантон — Гонконг. На французских концессиях в обоих китайских городах работало много вьетнамцев. В большинстве своем это были тонкинские стрелки, несшие охрану французских учреждений, и прислуга в богатых французских домах. Среди них активную работу вело еще Товарищество, а теперь продолжала партия. Нгуен помогал им

наладить выпуск подпольных партийных газет, разъяснял текущий политический момент и задачи партии. В первые месяцы после создания партии среди части коммунистов, особенно среди тех, кто давно жил в эмиграции и подчас плохо представлял реальное положение дел на родине, стали отчетливо проявляться симптомы «детской болезни левизны». Вдохновленные созданием партии, ростом ее силы, многие молодые вьетнамские коммунисты, что, впрочем, было свойственно «левым» и в других странах, особенно Востока, жаждали, не медля ни одного дня, взяться за оружие. «Социализм — сейчас!», «Власть рабочего класса — немедленно!» — эти лозунги «левых», в которых отражалось их революционное нетерпение, а порой и революционный авантюризм, находили горячий отклик в первую очередь у тех, кто недавно пришел в революцию. Нгуен настойчиво и терпеливо разъяснял вредность этих настроений для национально-освободительной революции в Индокитае:

— Не следует к месту и не к месту бросаться словами «пролетариат», «крестьянство», «социальное освобождение», «социализм». Сейчас перед нами стоит задача свергнуть французских колонизаторов, добиться национального освобождения. Поэтому главное — зажечь огонь патриотизма в сердце каждого вьетнамца.

И вместе с тем Нгуен всегда помнил сам и постоянно напоминал своим товарищам ленинское указание о необходимости «безусловно охранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной его форме»[15].

Важнейшую задачу каждого партийного пропагандиста Нгуен видел в том, чтобы донести до широких трудящихся масс правду о первой стране социализма — Советском Союзе. В начале 1930 года он принял решение написать книгу о жизни советских людей. В тезисах к книге он писал: «Вьетнамцы, прежде всего наши труженики, хотят знать о России. Но на революционные газеты и книги французскими империалистами наложен строжайший запрет. К тому же рабочие и крестьяне Вьетнама в массе своей неграмотны. А те, кто хоть немного учился, не знают никаких других языков, кроме вьетнамского. Поэтому наш долг — рассказать о том, какова она — Родина всех пролетариев. Чтобы выполнить эту задачу, я намерен написать книгу — разумеется, по-вьетнамски — в форме повествования о путешествии с множеством эпизодов. Мне хочется, чтобы она была живым, увлекательным, легким чтением».

В книге, названной Нгуеном «Дневник потерпевшего кораблекрушение», рассказывалось о трех друзьях — европейце, африканце и вьетнамце, спасенных во время кораблекрушения

советскими людьми и попавших в СССР. Своими глазами увидели они успехи советского народа в строительстве нового общества, познакомились с людьми, которых «революция превратила из рабов в свободных людей». Книга была размножена литографским способом и распространялась нелегально во Вьетнаме.

После создания КПИК и особенно с началом восстания в Центральном Вьетнаме французская колониальная полиция бросила значительную часть своей агентуры на выявление и захват руководящих деятелей партии. В те годы в Южном Китае и в странах Юго-Восточной Азии активно плел свою черную паутину колониальный «Интерпол» в составе английской, французской и голландской тайных охранок. Они снабжали друг друга имеющейся информацией о революционерах колоний, в первую очередь о тех, кто был связан с Коминтерном, обменивались попавшими в их сети подпольщиками. Так, арест Фан Бой Тяу в 1925 году был проведен на территории английского сеттльмента в Шанхае в результате операции, совместно спланированной французской и английской полицией. В свою очередь, французы отблагодарили английских коллег, выдав им несколько индийских и бирманских патриотов.

Нгуен Ай Куок числился одним из первых в списке тех, за кем особенно настойчиво охотился колониальный «Интерпол». Однажды — это было в Сиаме — французским агентам удалось напасть на его след и договориться с властями о его выдаче. Но Нгуен сумел, облачившись в одеяние буддийского монаха, обмануть шпиков, скрыться перед самой полицейской облавой и переждать тревожное время в буддийском храме. В Гонконге же врагам удалось замкнуть кольцо.

Ранним июньским утром 1931 года двери дома по улице Трех драконов неожиданно распахнулись от резкого удара, и в прихожую ворвались английский офицер и несколько полицейских-китайцев.

— Руки вверх, стоять на месте! — скомандовал офицер, угрожая пистолетом обитателям вьетнамской коммуны. Их в этот час, по счастью, было в доме всего двое — Нгуен и 17-летняя Ли Там.

Начался обыск. Полицейские обшарили весь дом от пола до потолка. Они ломали стены, срывали с крыши черепицу, пытаясь найти оружие, распарывали одежду, подушки, разрезали даже куски мыла в поисках секретных бумаг и взрывчатки.

— Вы живете вдвоем? — повернулся к Нгуену офицер и, получив утвердительный ответ, показал на кладовку, где хранились продукты. — Зачем же вам двоим так много рису и соли?

Долгие поиски не дали результатов — ничего предосудительного полиции найти не удалось. Арестованных вывели из дому и втолкнули в грузовичок с зарешеченными окнами, стоявший наготове в переулке. В полицейском управлении Гонконга, в ворота которого въехал грузовичок, арестованных поместили в разные камеры.

Как произошло, что Нгуен, так хорошо владевший искусством конспирации, был захвачен полицией врасплох, которая оказалась прекрасно осведомлена о месте и времени его пребывания? На этот счет существует несколько версий. По одной из них 30 апреля 1931 года французская полиция провела облаву в рабочем предместье Сайгона. Среди угодивших в полицейский капкан оказался член КПИК Нгуен Тхай. При обыске у него за пазухой было обнаружено письмо за подписью Нгуен Ай Куока в адрес ЦК партии. Из письма явствовало, что его автор долгое время находится в Гонконге. Через несколько дней в министерстве по делам колоний в Париже была получена срочная депеша, в которой господин Мерлэн сообщал, что установлено наконец-то местонахождение Нгуен Ай Куока.

2 июня сингапурские, а вслед за ними и английские газеты вышли с сенсационными заголовками: сингапурской полицией арестован «инспектор» Коминтерна Серж Лефран (он же Дюкру). Арест был «великолепно» подготовлен, радовались газеты, он явился полной неожиданностью для Лефрана, поэтому тот не успел уничтожить документы, раскрывающие некоторые аспекты деятельности Коминтерна в Юго-Восточной Азии. Предполагается, что среди этих «документов» находился и листок с адресом Нгуена, так как Лефран действительно мог встречаться с ним до этого в Гонконге.

Однако более правдоподобной кажется третья версия. Как установили впоследствии, в ряды вьетнамских патриотов, работавших в те годы в Южном Китае, сумел проникнуть провокатор, некто Лам Дык Тху. Он приехал в Кантон где-то в начале 1924 года и активно участвовал в революционной деятельности вьетнамских эмигрантов. Однако уже тогда некоторые его поступки вызывали подозрение. Он женился на дочери богатого китайского коммерсанта, вел чересчур роскошный образ жизни. Только через много лет выяснилось, что он поддерживал связь с французским консульством в Гонконге. Там ему рекомендовали открыть фотоателье и дали на это необходимые средства. Товарищам по подпольной работе он сказал, что фотоателье будет приносить доход в партийную казну, а также послужит удобной явкой для партийных встреч. В действительности же это заведение понадобилось ему для того,

чтобы по заданию французской охранки тайком фотографировать вьетнамских патриотов и передавать их фотоснимки и имена во французское консульство. Среди нескольких человек, попавших таким путем в расставленные провокатором сети, оказался и Нгуен Ай Куок. Сведения о его местопребывании, сопроводив их рассказом об «опасности», которую этот вьетнамец представляет для английской короны, французское консульство передало английской полиции Гонконга.

Сам Хо Ши Мин, размышляя о причинах провала в Гонконге, пришел, по-видимому, к таким же выводам. После победы революции во Вьетнаме Лам Дык Тху, полагая, что никому не известно о его предательстве, вернулся на родину и на правах «старого соратника» президента пришел к нему в резиденцию, чтобы предложить свои услуги новой, революционной власти. Хо Ши Мин, характеру которого всегда было чуждо чувство мести, холодно глядя на него, сказал:

— Того, кто жевал бетель, выдадут красные губы. Теперь-то ты видишь: хоть ты и подрывал наше дело, революция все равно победила.

2

По сценарию, разработанному французской и английской охранками, англичане, арестовав Нгуен Ай Куока, должны были тотчас же дать знать об этом французским властям, чтобы те выслали в Гонконг специальное судно, на котором арестованный в полной тайне был бы вывезен во Вьетнам, а там без долгих проволочек и излишнего шума был бы приведен в исполнение вынесенный ему смертный приговор. Рассчитывая на такой ход событий, шеф отдела гонконгской полиции, руководивший облавой на улице Трех драконов, даже не позаботился о том, чтобы получить санкцию прокурора на арест иностранного гражданина, справедливо рассудив, что лучше не оставлять документальных свидетельств этого дела, которые могут ему повредить в будущем.

Вначале все шло гладко, как и было задумано. Уже через два дня в Париже на стол министра по делам колоний легла телеграмма Мерлэна о том, что в Гонконге схвачен Нгуен Ай Куок, «крайне деятельный и опасный враг», и что его арест весьма важен для обеспечения «безопасности Индокитая». Из Хайфона курсом на Гонконг вышло французское судно, чтобы принять на борт «бунтовщика», который содержался в одиночной камере гонконгского полицейского управления без всякой надежды на

помощь извне. Французские буржуазные газеты не скрывали ликования. 7 июля сайгонская «Опиньон» писала: «Англичане с помощью Интеллидженс сервис так ловко накрыли Нгуен Ай Куока, как будто сорвали цветочек. Это прекрасная добыча, и мы должны выразить признательность английским друзьям, ибо благодаря этой акции целиком захвачен коммунистический штаб Индокитая и Коммунистическая партия парализована».

Но помощь все-таки пришла, и с совершенно неожиданной стороны. Карты полицейских спутал довольно известный в те времена в Гонконге англичанин, глава влиятельной юридической конторы, человек левых взглядов Фрэнсис Лозби. Этот адвокат был знаком вьетнамским патриотам, однажды он уже спас арестованного вьетнамского революционера, взяв на себя и успешно проведя его защиту. Когда об аресте Нгуена узнали представители Дальневосточного секретариата Исполкома Коминтерна, они обратились к Лозби с просьбой взять на себя его защиту.

Лозби заверил их, что сделает все возможное для спасения или хотя бы облегчения участи арестованного. В тот же день он явился в полицейское управление и в качестве адвоката потребовал разрешить ему свидание с только что арестованным иностранным гражданином Сун Маньчжо. Визит Лозби для полицейских оказался как ушат холодной воды на голову. Они не ожидали, что вроде бы умело и скрытно проведенный ими арест перестанет быть уже через три дня секретом для известного в Гонконге адвоката. Разрешить свидание они не могли, так как Лозби, узнав, что Сун Маньчжо арестован незаконно, без санкции прокурора, непременно вмешался бы в это дело и задуманный с французскими коллегами план сразу бы рухнул. Поэтому Лозби без объяснения причин просто было отказано в свидании с арестованным.

Понимая, что известный юрист дела так не оставит, шеф полиции, чертыхаясь и бранясь по поводу непредвиденного хода событий, вынужден был доложить по инстанции о произведенном им аресте индокитайского гражданина. По его докладной задним числом подготовили ордер на арест за подписью губернатора Гонконга, и, таким образом, в официальном «деле Сун Маньчжо и девицы Ли Там» в качестве дня ареста стало фигурировать 12 июня.

Лозби, разумеется, продолжал настаивать на свидании с Сун Маньчжо, и наконец в третий его приход, когда полиции удалось «узаконить» проведенный ею арест и проделать другие необходимые формальности, его настойчивость была вознаграждена. В комнате для свиданий перед ним предстал

худой человек, его грудь часто сотрясал сухой болезненный кашель, на лице, туго обтянутом пергаментной кожей, выделялись большие яркие глаза. Лозби вспоминал впоследствии, что поначалу Сун Маньчжо вызвал у него острое чувство сострадания, а после получаса беседы с ним — чувство уважения и преклонения, желание во что бы то ни стало помочь этому обаятельному человеку.

— Один из моих коллег-соотечественников, — заговорил Лозби, когда они уселись за длинным столом свиданий друг против друга, — спас жизнь доктору Сунь Ятсену — помните, когда Сунь был схвачен своими врагами в Лондоне. Теперь я хочу помочь вам, поэтому прошу вас, доверьтесь мне. Вы должны рассказать мне обо всем, что касается вашего дела. Это облегчит мне вашу защиту на суде. Я не буду спрашивать о том, что выходит за рамки необходимого, так как понимаю, что у каждого революционера имеются свои тайны.

Получив от Сун Маньчжо необходимые сведения по его аресту и наметив с ним линию защиты — главное, не допустить его выдачи французским властям, — Лозби по возвращении домой подготовил соответствующие документы и передал дело в Верховный суд Гонконга.

Судебный процесс сделали открытым. Однако в помещении суда и вокруг него была выставлена охрана на случай побега «опасного преступника». Суд проходил в полном соответствии с вековыми традициями английской юстиции. Судья, возвышавшийся в центре над всеми остальными, его помощники и адвокаты были облачены в черные мантии, а на головах у них красовались напудренные парики. На столах перед ними лежали толстые фолианты по юриспруденции. И обвинитель и защитник постоянно заглядывали в них, приводя те или иные цитаты в подтверждение своих доводов. Говорить на суде имели право только обвинитель и защитник. Подсудимый и его адвокаты общались при помощи записок. Лозби вел дело Сун Маньчжо как главный его адвокат, однако выступал на суде защитником его коллега доктор Дженкинс.

«Во второй раз я встретился с Сун Маньчжо уже в суде, — вспоминал Лозби. — Он стоял за металлической решеткой у скамьи подсудимого, и я заметил на руках у него наручники. Я сказал Дженкинсу об этом. Дженкинс обратился к судье с просьбой разрешить подсудимому показать суду руки. Сун Маньчжо поднял вверх обе руки, скованные наручниками. Тогда Дженкинс сказал: закон определяет, что подсудимого должно вводить в здание суда без наручников. Судье пришлось дать указание снять наручники с Сун Маньчжо. После того как это

указание исполнили, Дженкинс начал свою защитительную речь».

Задача перед адвокатами стояла сложная. Обвинитель предъявил Сун Маньчжо стереотипное по тем временам обвинение, которое буржуазия многих стран использовала в борьбе с революционерами, а именно: подсудимый — это «большевик», «агент Москвы» и прибыл в Гонконг с целью «свержения власти английской короны». Обвинитель требовал приговорить подсудимого к длительному тюремному заключению или, в крайнем случае, выслать его в Индокитай, так как он уже осужден там местным судом. Этими данными снабдили английскую полицию французские власти. В Гонконг прибыли из Ханоя агенты французской охранки, чтобы вместе с французским консульством направлять в необходимое русло судебный процесс и добиться от английских властей выдачи им вьетнамского революционера.

Лозби и его коллега решили использовать при защите Сун Маньчжо такие особенности английского суда, как крючкотворство и скрупулезное следование букве правил и установлений. Их доводы сводились к трем основным моментам:

1) Арест Сун Маньчжо незаконен, так как он был произведен 6 июня, но только 12 июня губернатор колонии подписал официальный ордер о его аресте.

2) Следственные органы совершили противозаконное деяние, задав подсудимому вопросы, выходящие за рамки следствия. В английской юстиции в те времена еще сохранялось архаическое правило, гласящее, что во время допроса задержанных лиц следователь вправе задать не больше 5 вопросов — фамилия, род занятий и так далее. Лозби удалось выяснить, что в полиции Сун Маньчжо, помимо пяти общих вопросов, несколько раз ставили вопрос провокационного характера: «Ездили ли вы и с какой целью в Россию?» Тем самым власти нарушили букву закона.

3) Требование обвинителя выслать подсудимого в Индокитай, где его ждет неминуемая смерть, также противоречит закону. Английский закон, и, в частности, официальные документы короны о действии этих законов в колонии, гласят, что если преступник, осужденный, например, шанхайским судом, появится в Гонконге, то гонконгские власти обязаны его немедленно арестовать и передать шанхайским властям, но при этом оговаривается, что речь идет лишь о тех, кто является подданным английской короны. Сун Маньчжо — подданный совсем другой страны, поэтому на него этот порядок не может быть распространен.

Начиная судебное дело, власти рассчитывали на первом же заседании суда добиться решения о высылке подсудимого в

Индокитай на французском судне, которое уже стояло наготове у причала гонконгского порта. Однако действия защиты опрокинули их расчеты. Дебаты вокруг выдвинутых ею доводов в оправдание подсудимого затянулись на девять заседаний, которые были проведены в период с июня по октябрь. В конце концов суд принял соломоново решение: все обвинения с Сун Маньчжо снимаются, тем не менее он выдворяется из английской колонии и подлежит депортации в Индокитай.

3

Казалось, все кончено. Но здесь вновь свое веское слово сказала интернациональная солидарность. Исполком Коминтерна, действуя через французскую секцию МОПРа, принял непосредственное участие в судьбе Сун Маньчжо. По согласованию с «друзьями Сун Маньчжо», как отрекомендовался представитель МОПРа, Лозби опротестовал решение гонконгского суда и в соответствии с английским законодательным правом направил апелляционную жалобу в Тайный королевский совет в Лондоне. По его просьбе защиту Сун Маньчжо в Тайном совете взял на себя известный в ту пору в Англии адвокат Ноуэл Притт.

Теперь оставалось только ждать результата. Дни и ночи Нгуена, однообразные и тоскливые, как песчаные барханы в пустыне Гоби, протекали в одиночной камере центральной гонконгской тюрьмы «Виктория-призн» — мрачного трехэтажного здания с узкими длинными коридорами, по обеим сторонам которых виднелись решетки многочисленных камер для заключенных. Одиночка Нгуена была размером всего один на два метра, в ней едва умещался человек. Под потолком на высоте трех метров светлело узкое зарешеченное оконце в форме полумесяца, через которое по ночам на фоне черного тропического неба виднелись яркие звезды.

Ежедневно ему, как и другим заключенным, разрешалась пятнадцатиминутная прогулка. Выводил его из камеры один из надзирателей — молчаливый, огромный гуркх с окладистой черной бородой. Узкий прямоугольный двор тюрьмы, обнесенный высокими стенами, напоминал дно глубокого колодца. И все-таки гуляние доставляло наслаждение — Нгуен слышал человеческие голоса и сам мог поговорить, видел лица людей и кусочек неба.

Довольно часто навещали Нгуена в тюрьме Лозби и его супруга, искренне привязавшиеся к нему. В одном из писем к «друзьям Сун Маньчжо» Лозби в те дни писал:

«Я хотел бы указать вам на то, что мой клиент —

высококультурный человек, и по ряду причин я являюсь единственным лицом, которому он может доверять (сюда относится также мой штат, хотя и не целиком). Из человеколюбия я посещаю его так часто, как это только возможно, и между нами установились, я сказал бы даже, сердечные отношения. Таким образом, я воспринял бы как личную утрату его передачу французам или его убийство их агентами.

Между тем возможность его убийства французскими агентами настолько беспокоит нас, что мы приняли меры к тому, чтобы никто, кроме меня и моей жены, не мог его навещать. Я знаю из заслуживающих доверия источников, что за поимку моего клиента объявлена награда в размере 75 тысяч пиастров… Даже если апелляция будет удовлетворена и мой клиент получит свободу, ему будет угрожать реальная опасность быть убитым французскими агентами. Он не может оставаться неограниченное время в колонии, ибо его отлично знает в лицо большая часть гонконгской полиции. Мало шансов и на то, чтобы он уехал из колонии без ведома французов, склонных хорошо оплачивать информацию о нем…»

Хотя Лозби принял меры предосторожности и никто из посторонних, кроме него и его жены, не мог навещать Сун Маньчжо, обстоятельства сложились так, что круг его гонконгских знакомых неожиданно расширился за счет двух довольно известных в Гонконге лиц. После нескольких месяцев одиночного тюремного заключения у Сун Маньчжо открылся застарелый процесс в легких. Лозби добился, чтобы его перевели в тюремный госпиталь. Однажды супруга Лозби по пути в госпиталь завернула в цветочный магазин купить букет лотосов для больного и у входа столкнулась с женой вице-губернатора Гонконга Томаса Саутона, которая в литературных и театральных кругах колонии больше была известна под псевдонимом Стелла Бенсон. Женщины, которых связывали приятельские отношения, разговорились, и миссис Лозби рассказала о своем подопечном Сун Маньчжо. Стелла была заинтригована рассказом и тут же изъявила желание навестить заключенного. В следующий раз миссис Лозби пришла в госпиталь со своей высокопоставленной приятельницей. Та долго беседовала с Сун Маньчжо, не скрывая своего восхищения его хорошим английским языком и приятными манерами, а придя домой, устроила скандал мужу за то, что такого культурного человека, к тому же иностранца, держат в тюрьме. Она заставила мистера Саутона вместе с ней отправиться в госпиталь и познакомиться с заключенным вьетнамцем. На вице-губернатора Гонконга, как и на других английских друзей, Нгуен произвел благоприятное впечатление. Впоследствии этот факт сыграл

важную роль в благополучном завершении «дела Сун Маньчжо».

В первых числах июля 1932 года, то есть ровно через год после начала судебного процесса над Сун Маньчжо, Лозби получил из Лондона радостную весть — его апелляция была удовлетворена. Одни из его коллег сообщил подробности слушания дела в Тайном королевском совете. Стаффорд Криппс, который защищал интересы гонконгских властей (впоследствии он стал видным деятелем английской лейбористской партии. — *Е. К.*), изучив материалы дела, пришел к выводу, что в случае нового судебного разбирательства гонконгские власти за недостаточностью улик могут оказаться проигравшей стороной и это нанесло бы удар по их престижу. Стремясь избежать такого финала, Криппс встретился с защитником Сун Маньчжо в Тайном совете, и обе стороны договорились подписать документ об освобождении аннамского заключенного без нового слушания.

Гонконгские газеты, которые до этого хранили почти полное молчание в связи с «делом Сун Маньчжо», запестрели броскими заголовками: «Достойное внимания судебное дело окончено», «Аннамский ссыльный добивается свободы и избегает отправки в Индокитай», «Великая власть закона», «Апелляция в Тайный совет от имени Сун Маньчжо, — писала одна из газет, — который якобы является аннамским революционером, направленная в связи с приказом о высылке, подписанным в прошлом году губернатором сэром Уильямом Пилом, рассмотрена с учетом английского закона о неприкосновенности личности («Хабеас корпус»). Дело было приостановлено после дня слушания 27 июня на основе взаимных соглашений… Корона решила не настаивать на принятом ранее решении. В результате достигнут компромисс, согласно которому Сун Маньчжо будет выслан в то место, которое он сам изберет и которое должно сохраняться в тайне. Кроме французских властей, такое решение должно удовлетворить всех заинтересованных лиц…»

Итак, настал долгожданный день освобождения. Теперь важно как можно быстрее и скрытнее покинуть Гонконг. На семейном совете в доме Лозби было решено приобрести Сун Маньчжо билет на ближайший пароход, идущий в Европу, с которого он мог бы сойти на берег на первой же стоянке. Прощание было трогательным и немного грустным — супруги Лозби успели за год привязаться к своему подопечному. Но вот пароход отчалил, пересек живописную гонконгскую гавань и скрылся за горизонтом.

Каково же было удивление Лозби, когда через несколько дней он получил письмо от Сун Маньчжо, где тот сообщал, что, как только он сошел в Сингапуре на берег, его арестовала местная

полиция. Затем под конвоем его привезли обратно в Гонконг, где он и находится сейчас в том же полицейском участке, что и год назад.

«Моему возмущению не было предела, — вспоминал Лозби. — В тот вечер я до глубокой ночи сидел за рабочим столом, размышляя, что же теперь предпринять. Наконец решение было принято. Утром следующего дня я направился в резиденцию губернатора. Выразив сэру Уильяму Пилу возмущение тем, что власти не сдержали своего слова, я попросил его разрешить Сун Маньчжо выехать в Сямынь (китайский курортный городок к северо-востоку от Гонконга. — *Е. К.*) рейсом парохода, который я сам выберу по своему усмотрению. На следующий день я получил личное письмо губернатора, в котором тот сообщил, что дал устное распоряжение освободить Сун Маньчжо, но при этом высказал опасение, что портовая полиция, которая проводит перед отправкой судна проверку пассажиров, может снова задержать Сун Маньчжо».

После второго освобождения Лозби устроил Нгуена в общежитие Китайской ассоциации молодых христиан. В целях конспирации ему купили типичное китайское одеяние, в которое облачались в тогдашнем Китае ученые мужи и элита, — долгополое платье с широкими висячими рукавами, на голову мягкую черную шапочку, на ноги матерчатые туфли. Нгуен приделал себе фальшивую бороду и усы — в те годы он их еще не носил — и стал неузнаваем.

Как незаметно выбраться из Гонконга? Чтобы избежать полицейской проверки, самый надежный, хотя и несколько авантюрный способ, — вывезти Сун Маньчжо на каком-нибудь катере или джонке в открытое море и там поджидать следующий в направлении Сямыня пароход. Но такой план вряд ли был осуществим без посторонней помощи. Размышляя об этом, супруги Лозби решили рискнуть обратиться за содействием к Саутону, который так хорошо отзывался об их вьетнамском друге. Вице-губернатор охотно согласился помочь. В один из дней он попросил у сэра Уильяма Пила разрешение воспользоваться его личным катером. Лозби приобрел два билета первого класса на японский пароход, шедший в Шанхай: один для Сун Маньчжо, другой — для своего служащего-китайца, которому он доверял и поэтому попросил сопровождать опального вьетнамского друга до Сямыня.

В день отплытия парохода в предрассветные часы к пристани Сихуан — Западных королей — в аристократической части Гонконга пришвартовался катер губернатора с его флагом на мачте и с вооруженной охраной на борту. На борт катера

поднялся изысканно одетый китаец в сопровождении секретаря. Он сердечно простился с двумя европейцами — мужчиной и женщиной, обнявшись с ними по очереди, и катер устремился в открытое море. Вдали показался белый пароход, идущий курсом на восток. С катера капитану парохода радировали просьбу остановиться и принять на борт двух гостей губернатора колонии, для которых на пароходе зарезервированы каюты. У спущенного на воду трапа высокого гостя встретил капитан парохода и, взяв под козырек, лично проводил его в каюту. Через несколько часов пароход благополучно пришвартовался в Сямыне, где ни английские, ни французские законы уже не имели силы.

…Чувство благодарности супругам Лозби Хо Ши Мин сохранил на всю жизнь. Став президентом свободного Вьетнама, он каждый новогодний праздник посылал им поздравительные открытки и цветы. В январе 1960 года престарелый Лозби с женой и дочерью приехал по приглашению Хо Ши Мина в Ханой, в качестве почетного гостя президента провел месяц в ДРВ, побывав в разных уголках Северного Вьетнама, вместе с Хо Ши Мином и его коллегами отметил красочный новогодний тэт…

4

В Сямыне Нгуен вел внешне праздный образ жизни богатого китайца, приехавшего сюда отдохнуть и поразвлечься. Гонконгская пресса хранила о нем молчание. По-видимому, его исчезновение осталось незамеченным. Выждав еще немного, Нгуен решил перебираться в Шанхай. Там он рассчитывал попасть на советский пароход, идущий во Владивосток. Ведь именно таким путем отправлялись на учебу в КУТВ группы молодых вьетнамских патриотов.

В Шанхае, как и в Гонконге, хотя этот город формально и принадлежал Китаю, хозяйничали империалисты. Там, где река Хуанпу впадает в Янцзы, стояли на якорях японские, американские, французские и английские военные корабли. В международном сеттльменте и во французской концессии, как и в кантонском Шамяне, управляли иностранные власти с собственной полицией. Тягостное зрелище представляли собой развалины рабочего района — Чапэя. Год назад жители Чапэя героически сражались против японского военного десанта, и в отместку за это японские корабли подвергли эту часть Шанхая жестокой бомбардировке.

Чтобы попасть в порт и на советский пароход, нужно было во что бы то ни стало установить связь с кем-нибудь из

коминтерновцев. Но как это сделать? В каком-то из районов европейской части города вели свою незаметную для постороннего глаза работу боевые соратники Нгуена — представители Коминтерна при ЦК КПК Артур Эверт, Отто Браун, Манфред Штерн (или «генерал Клебер», как звали его в годы гражданской войны в Испании). Но путь к ним был для Нгуена наглухо закрыт. Пытаться вести какие-либо поиски на «международной территории», кишевшей тайными полицейскими агентами, было бы, пожалуй, верхом неосторожности.

Но и в китайской части города скрываться было не менее трудно — там свирепствовала чанкайшистская охранка. Нгуен продолжал играть роль богатого китайца, жил в приличном отеле. Но долго так тянуться не могло — деньги таяли на глазах. По вечерам он запирался в номере, ел вареную картошку, запивая ее водой, и допоздна стирал и чистил терявшее свой прежний лоск китайское долгополое платье.

Однажды утром он развернул местную газету. На глаза попалось сообщение: в Шанхай прибыла делегация европейских парламентариев — противников войны. В списке членов делегации Нгуен, к неописуемой радости, вдруг увидел имя Вайян-Кутюрье. Вот это удача! Вот кто может помочь ему связаться со своими. Надо только передать ему письмо и договориться о времени и месте встречи. Но как это сделать? В газете говорилось, что на одной из встреч китайских сторонников мира с делегацией присутствовала Сун Цинлин. В борьбе, которая постоянно шла в Гоминьдане, вдова Сунь Ятсена всегда была на стороне левых. После чанкайшистского переворота Сун Цинлин в знак протеста против забвения идеалов Сунь Ятсена уехала в Советский Союз и жила там несколько лет. Этой женщине можно довериться — принял решение Нгуен.

Он пишет письмо Полю, и, хотя оно без подписи, Поль должен сразу понять, от кого оно. Нгуен напоминает ему эпизоды из их прежних встреч, которые были известны только им двоим. Затем он берет такси и требует отвезти его к дому Сун Цинлин. Это небольшое, утопающее в зелени здание, расположенное на территории французской концессии, было известно многим. Еще в 1919 году дом был подарен Сунь Ятсену его почитателями — китайскими эмигрантами в один из самых трудных моментов его скитальческой жизни. Очутившись у этого дома, Нгуен степенно выходит из такси, подходит к калитке и бросает конверт в отверстие ящичка для писем.

Поздним вечером следующего дня в парке, расположенном на границе между китайской частью города и международным сеттльментом, и произошла наконец долгожданная встреча с

первым знакомым человеком в Шанхае.

— У нас во Вьетнаме говорят: и за тысячи верст от родной стороны встретишь близкого друга! — воскликнул Нгуен, сжимая Поля в объятиях.

— О, mon dieu[16], Нгуен, неужели ты жив? Ведь тебя уже похоронили. Видать, тебе суждено долго жить, если верить французской народной мудрости, — радостно хлопая его по спине, отвечал Поль. Нгуен недоуменно глянул на него. — Да, хотя ты, конечно, об этом можешь и не знать.

И Поль рассказал, что через некоторое время после его исчезновения из Гонконга во французских газетах появились сообщения о смерти Сун Маньчжо в гонконгской тюрьме. Уже упомянутая «Опиньон» писала:

«Большевистский вожак Нгуен Ай Куок, который заставил говорить о себе, особенно в период коммунистических волнений во французском Индокитае, умер от туберкулеза в тюремной лечебнице». Газета опубликовала портрет Нгуена и посвятила ему некролог, в котором была изложена хронология его политической деятельности. Воздав должное его таланту руководителя, газета посетовала: «Этот тщедушный аннамит, который только что скончался в тюремной лечебнице в Гонконге, мог бы стать, если бы он с самого начала выбрал благой путь, подлинным помощником для своих сограждан, для Франции-покровительницы».

Случилось так, что эти сообщения совпали по времени с гибелью Чан Фу, замученного в застенках сайгонской тюрьмы. «Юманите» писала в те дни: «Наряду с товарищем Нгуен Ай Куоком товарищ Чан Фу был великим борцом нашего Интернационала». Сообщения о гибели двух революционных вождей Индокитая опубликовали и советские газеты. Во вьетнамской группе слушателей КУТВа — многих из них Нгуен лично направил на учебу, другие же учились вместе с Чан Фу — был организован траурный митинг памяти двух павших товарищей, на котором выступили с речами представители Коминтерна и дирекции КУТВа.

Возможно, сообщения о гибели Нгуена были инспирированы французской охранкой с целью, с одной стороны, спасти свое лицо после провала «дела Сун Маньчжо», с другой — вызвать растерянность в рядах коммунистического движения в Индокитае.

Вместе с тем супруга Ф. Лозби в интервью корреспонденту Рейтер в 1969 году в связи с кончиной Хо Ши Мина утверждала, что слухи о гибели Сун Маньчжо были специально распространены мужем и ею, чтобы сбить французских ищеек со следа, а тем временем благополучно переправить его в Сямынь.

Похоже, что это утверждение ближе всего к истине. По-видимому, французская охранка действительно поверила в смерть Нгуен Ай Куока, так как после этих событий его имя много лет не фигурировало на страницах французских газет и в полицейских досье. Только в начале 40-х годов один из агентов «Сюрте женераль» в северовьетнамской провинции Каобанг информировал свое ведомство в Ханое, что, по слухам, циркулирующим среди местных жителей, в горах появился революционный вожак по имени Хо Ши Мин, однако некоторые считают, что это Нгуен Ай Куок. На это агенту было отвечено, что указанные слухи не имеют под собой никаких оснований, так как Нгуен Ай Куок умер еще в 1932 году в Гонконге.

Если это так, то охранка, судя по всему, упустила из виду (или не поверила ей) небольшую заметку, которая появилась в сайгонской «Опиньон» 8 апреля 1933 года, то есть в дни, когда Нгуен находился уже в Сямыне. «Вдохновитель кровавых драм 1930 года Нгуен Ай Куок, — говорилось в ней, — о смерти которого год тому назад сообщали газеты, оказывается, жив и *находится на свободе*. Он больше уже не сидит в тюрьме. Гонконгский суд приговорил его к двум годам тюремного заключения, но так как он был очень болен туберкулезом, все были убеждены в том, что он погибнет в тюрьме. Однако этого не произошло…»

— Поль, я два года провел как на необитаемом острове, отрезанный от мировых событий, от нашего дела. Скажи, что произошло за это время на моей родине?

Нгуен слушал рассказ Поля о трагических событиях во Вьетнаме, и на глаза его навертывались слезы. В море крови потопили колонизаторы революционное выступление в провинциях Нгеан и Хатинь. Для расправы над восставшими власти бросили несколько полков иностранного легиона. Многие деревни, где были созданы Советы, французские самолеты обратили в пепелище.

После подавления Нгетиньских Советов колонизаторы развязали в стране жесточайший террор. И прежде всего обрушились на только что созданную коммунистическую партию. Многие ее первичные организации и руководящие органы были разгромлены. В сентябре 1931 года погиб Чан Фу и вместе с ним еще несколько членов ЦК партии — всех их выдал предатель. Погиб в 1932 году на гильотине верный друг и товарищ Нгуена Ле Хонг Шон. И, наконец, не стало его самого любимого «племянника», бойкого, веселого парнишки и бесстрашного подпольщика Ли Ты Чонга. На одном из митингов, организованных партией, он застрелил офицера французской

охранки, был схвачен и приговорен к смертной казни. Палачи закрыли глаза даже на несовершеннолетие юного патриота — так велико было их желание расправиться с ним. Маленький Чонг шел на гильотину с высоко поднятой головой и со словами «Интернационала» на устах. Еще в Кантоне четыре года назад он и его сверстники разучивали этот пролетарский гимн под руководством его «дяди» товарища Выонга, который был автором вьетнамского перевода.

— Да, к сожалению, революции не бывают без потерь, — с горечью сказал Поль. — Но Компартия Индокитая жива и действует. У нас есть данные, что в основных городах Вьетнама партийные организации уже восстановлены. Укрепляет свои позиции во Франции и наша коммунистическая партия. В России наступление социализма идет по всему фронту. Слыхал новые слова — индустриализация, коллективизация, пятилетка? Скоро своими глазами увидишь, какие огромные перемены стоят за этими словами.

Через несколько дней после встречи с Вайян-Кутюрье Нгуена отыскал человек, который передал ему привет от его товарищей. Долгожданная связь, без которой подпольщики фактически выключены из активной жизни, наконец-то, после стольких мытарств, была восстановлена.

Дальше все было просто, как в сказке. В шанхайскую гавань вошло для мелкого ремонта советское торговое судно. Капитан судна был предупрежден о том, что должен взять на борт пассажира. В вечерних сумерках лодка с Нгуеном подошла к судну со стороны моря, где уже был спущен трап. Несколько дней плавания, и пароход вошел в красавицу бухту Золотой Рог. Глазам Нгуена открылась панорама раскинувшегося на сопках Владивостока.

ВТОРАЯ РОДИНА

Слыхал ли ты о державе братства,
В которой запад с востоком дружат,
В которой людям на благо служат
Ее могущество и богатство?
Там нет ни царской, ни барской власти,
Ни царедворцев, ни угнетенных;
Там те, что гибли в лачугах темных,
В борьбе суровой добились счастья.

То Хыу

1

Нгуен вышел из Ярославского вокзала на просторную площадь, глянул на знакомые причудливые башенки, на величавое здание Казанского вокзала, и ему показалось, что он только вчера простился с этим городом.

Москва казалась все такой же, как и семь лет назад, когда он видел ее в последний раз, и все же в чем-то была неузнаваемой. Повсюду бросались в глаза приметы нового. На улицах было гораздо больше, чем прежде, машин. Площадь между тремя вокзалами загромождала окруженная дощатым забором вышка строящегося метрополитена.

В Охотном ряду он не нашел знакомой церкви, а с левой стороны на месте старых лавок поднимались леса новой строящейся гостиницы. По Тверской рядом с привычными грохочущими трамваями уже ходили автобусы и первые троллейбусы. На углу Газетного переулка — раньше, он помнил, здесь были недостроенные кирпичные стены кинотеатра — обиталище чумазых беспризорников — теперь высилось внушительное здание телеграфа.

Но еще бóльшие, прямо-таки разительные перемены происходили в жизни советских людей. На многочисленных транспарантах, на первых полосах газет он читал лозунги и призывы, зажигавшие восторгом и энтузиазмом: «Пятилетку в четыре года!», «Даешь индустриализацию!», «Будущее — за колхозами!», «Кадры решают все!»

Шел второй год пятилетки. Вопрос «кто — кого?» был уже решен в пользу социализма. Теперь стояла задача окончательной ликвидации всех эксплуататорских классов, полного уничтожения причин, порождающих эксплуатацию человека человеком, задача построения социалистического общества. В соответствии с ленинским курсом на индустриализацию страны вторая пятилетка предусматривала невиданные доселе темпы роста производства средств производства — почти вдвое. В газетах пестрели названия ударных строек: Магнитка, «Азовсталь», «Запорожсталь», «Уралмаш». Бесповоротно вступила на путь социализма и деревня, все новые колхозы возникали в самых различных уголках необъятной страны. Началось стремительное освоение Арктики. Славный подвиг челюскинцев, имена спасших их летчиков — первых Героев Советского Союза — еще были на устах у людей. После двух беспросветных лет, проведенных в казематах английской тюрьмы, затворнической жизни в Сямыне и Шанхае, после глубокого душевного потрясения, которое не измерить никакой мерой, вызванного гибелью многих лучших сынов партии, его соратников, друзей, учеников, все, что видел Нгуен вокруг себя в Советской стране, ложилось целебным бальзамом на кровоточащие раны, давало новый заряд бодрости, силы и веры.

В Восточном секретариате Исполкома Коминтерна Нгуен Ай Куок был встречен как герой. Его принял и тепло приветствовал от имени сотрудников заведующий Восточным секретариатом О. В. Куусинен. Коминтерновцы, как и все советские люди, еще жили воспоминаниями о грандиозной борьбе, которая развернулась во всем мире за спасение болгарских антифашистов — Георгия Димитрова, Попова и Танева, посаженных на скамью подсудимых в фашистском Лейпциге. Эта борьба увенчалась великой победой — Георгий Димитров и его друзья на свободе, они в Советской стране. И вот в Москве еще один, теперь уже с Дальнего Востока, живой свидетель силы интернациональной пролетарской солидарности — больной, изможденный, с лихорадочным румянцем на пергаментной коже, туго обтягивающей скулы, но с живым счастливым блеском в глазах и открытой радостной улыбкой.

По настоянию руководства Восточного секретариата Нгуен Ай

Куока направляют в крымский санаторий — его легкие требуют длительного серьезного лечения. Но, немного отдохнув и придя в себя, он уже рвется обратно в Москву, к друзьям, чтобы снова включиться в привычную работу профессионального революционера.

1 октября по рекомендации ИККИ его зачисляют в Международную Ленинскую школу, в которой обучались зарубежные коммунисты. В анкете, заполненной при поступлении, он пишет: социальное положение — революционер, основная профессия — партийный работник. Став слушателем МЛШ, он берет себе новый псевдоним — Линов, под которым и выступает весь период пребывания в Советском Союзе.

С первых же дней учебы Линов стал признанным руководителем землячества вьетнамских революционеров — для многих из них он был не только легендарным Нгуен Ай Куоком, но и старшим по возрасту. К тому времени вьетнамское землячество в Москве было уже довольно многочисленным. Вьетнамцы работали в Восточном секретариате ИККИ, учились в МЛШ и особенно много в НИИНКП — Научно-исследовательском институте национальных и колониальных проблем, созданном в 1932 году на базе отделения представителей колоний КУТВа. Ветеран КПВ Нгуен Кхань Тоан, тоже учившийся в те годы в Москве, вспоминает: «Однажды меня и еще одного вьетнамского товарища вызвали в Восточный секретариат ИККИ — в здание на Моховой. Неожиданно в кабинете В. Васильевой, ответственной за Индокитай, мы встретились с Нгуен Ай Куоком.

С той поры он стал руководителем группы вьетнамских слушателей института, поддерживая самый тесный контакт со всеми. Он часто приходил к нам вечером в общежитие и делился с молодыми партийцами своим богатым революционным опытом, акцентируя внимание на важности революционной морали и в особенности солидарности. Бывали случаи, когда среди самых молодых из нас из-за горячности и самолюбия возникали ссоры. Улаживал их обычно Нгуен Ай Куок. Он настойчиво внушал всем несколько основных принципов: надо научиться подавлять гордыню, бороться против эгоизма и эгоцентризма, недисциплинированности и духа анархии, неустанно крепить сплоченность и ставить интересы революции превыше всего. Он часто говорил нам:

— Помните казао: «Дружные супруги могут выкачать всю воду из Тихого океана»? Если вы не способны добиться единства в такой маленькой группе, как же вы сможете, вернувшись однажды на родину, призывать народные массы к единству и солидарности в борьбе против колонизаторов, за национальное спасение?»

По словам Нгуен Кхань Тоана, товарищ Линов, хотя и был старше других вьетнамцев, всегда принимал живое участие в их общественной и культурной работе: писал статьи для стенгазеты, участвовал в вечерах художественной самодеятельности, в походах в музеи, в совместных прогулках, в переводах на вьетнамский язык документов Коминтерна.

Он внимательно следил за учебой вьетнамцев, особенно тех, кому не хватало образования. После каждой лекции (в 1935 году руководство НИИНКП предложило товарищу Линову вести курс лекций по истории партии и основам организационно-партийной работы во вьетнамской группе. — *Е. К.*) он вначале уточнял, правильно ли схвачены ее смысл и цель, а затем — связаны ли полученные знания с практикой, с революционной борьбой, наконец, — все ли сложные термины понятны.

Хотя Линов и лечился в санатории, вспоминает Нгуен Кхань Тоан, он оставался все таким же худощавым и на вид болезненным. Но, странная вещь, его никогда не видели хворавшим всерьез, хотя к суровой русской зиме вьетнамцам нелегко привыкнуть. Линов всегда старался держаться бодро, вел очень размеренный образ жизни, скрупулезно следуя установленному режиму дня. Регулярно занимался гимнастикой, в его комнате в общежитии всегда можно было видеть гантели и эспандер.

2

С начала 1935 года работа всех коминтерновских служб и учреждений в Москве проходила под знаком подготовки к VII конгрессу Коминтерна. С особым нетерпением ожидали его открытия вьетнамские коммунисты — ведь это первый конгресс после создания КПИК. Вскоре из далекого Вьетнама прибыла в Москву и официальная делегация партии. Возглавлял ее возмужавший за эти годы Ле Хонг Фонг. С ним приехали еще два человека — темнокожая, как крестьянка, каждый день обжигаемая тропическим солнцем, с широкими, как будто постоянно раскрытыми от радостного удивления глазами юная Минь Кхай, вторым был мало кому знакомый юноша по имени Хоанг Ван Нон — посланец самой северной провинции Вьетнама Каобанг, где со дня создания КПИК возникла довольно сильная партийная организация, имевшая свою опорную базу в сельских районах.

Было решено, что каждый член делегации выступит с отдельным докладом или сообщением. Над текстами

выступлений работали все вместе — и члены делегации, и местный актив во главе с Линовым. Ле Хонг Фонг должен был выступить с основным докладом «Борьба КПИК, прежде всего движение Нгетиньских Советов», Хоанг Ван Нон — с сообщением на тему «Революционная борьба народов Индокитая и вопросы образования Демократического фронта». Минь Кхай, как самой юной и одной из немногих азиатских делегаток, руководство Коминтерна предоставило честь выступить с речью от имени женщин Востока.

В эти дни жившие в Москве вьетнамцы стали свидетелями волнующего события — первой в истории Вьетнама коммунистической свадьбы. В районном загсе в скромной обстановке, в присутствии только нескольких близких друзей был зарегистрирован брак вьетнамских граждан Фан Лан (Минь Кхай) и Хай Ана (Ле Хонг Фонга). Молодые революционеры пронесли свою любовь, вспыхнувшую под московским небом, через всю свою короткую, но полную славных дел и драматических событий жизнь.

VII конгресс Коминтерна открылся 25 июля 1935 года в Доме союзов. Хотя Линов формально не входил в состав вьетнамской делегации, он, как сотрудник Восточного секретариата ИККИ, участвовал во всех заседаниях конгресса. Там он вновь встретился со своими старыми знакомыми Н. Крупской, Д. Мануильским, И. Пятницким, М. Кашеном, В. Коларовым, С. Носака (Окано), познакомился с такими выдающимися деятелями мирового коммунистического движения, как Г. Димитров, К. Готвальд, Бела Кун, В. Пик, П. Тольятти, М. Торез и другие.

Решения и выводы конгресса имели неоценимое значение для вьетнамской революции. Как известно, на конгрессе была дана развернутая характеристика фашизма как открытой террористической диктатуры наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов монополистического капитала и сформулированы задачи коммунистического и рабочего движения перед лицом надвигающейся фашистской опасности. Хотя эти задачи касались в первую очередь европейских компартий, выводы конгресса об угрозе фашизма помогли вьетнамским коммунистам впоследствии сформулировать и последовательно претворить в жизнь принципиальную позицию в отношении японского милитаризма, который уже в те годы, расширяя экспансию все дальше на юг Китая, становился опасным потенциальным противником вьетнамской революции.

Особенно важную, пожалуй, непреходящую роль сыграли в

будущей успешной деятельности КПИК сформулированные в докладе Г. Димитрова и резолюции конгресса положения о политике народного, антиимпериалистического фронта в колониальных и зависимых странах. VII конгресс восстановил и развил выработанный еще при участии В. И. Ленина и обоснованный в решениях IV конгресса тезис об антиимпериалистическом едином фронте в колониях и зависимых странах как форме объединения всех сил национального освобождения.

Для Нгуен Ай Куока и его соратников особенно важно, что VII конгресс отверг сформулированные ранее левацкие установки о необходимости осуществления в колониальных и зависимых странах «рабоче-крестьянской революции», создания «советского правительства», которые были преждевременными для большинства стран и означали недооценку общенациональных антиимпериалистических задач. Для большинства колоний и полуколоний, указывалось на конгрессе, первым шагом действительно народной революции неизбежно должен стать этап национально-освободительной борьбы, заостренной против империалистических угнетателей. Было бы непростительной ошибкой откладывать дело национального освобождения до тех пор, пока созреют все условия для победы рабоче-крестьянской власти. Необходимо добиваться создания единого народного фронта, с одной стороны, вовлекая широчайшие массы в борьбу против растущей империалистической эксплуатации, против жестокого порабощения, за изгнание империалистов, за независимость страны, с другой — активно участвуя в возглавляемых национал-революционерами и национал-реформистами массовых антиимпериалистических движениях.

Во Вьетнаме не было ни возглавляемых националистическими элементами массовых движений, ни сколько-нибудь серьезной силы в лице национальной буржуазии. Существовавшие отдельные буржуазные и мелкобуржуазные партии, крайне слабые в политическом и организационном отношении, не были в состоянии выдвинуть политическую программу общенационального содержания и повести за собой широкие народные массы. Перед вьетнамскими коммунистами в силу этого не стоял вопрос, обычно связанный с мучительным процессом дискуссий и споров в партии, — участвовать или не участвовать в том или ином движении. Перед ними лежала, образно говоря, нетронутая целина, которую можно и нужно вспахать, а именно: выдвинуть общенациональные, общедемократические лозунги, найти приемлемую форму единого фронта и смело вовлекать в него самые широкие круги

населения страны, всех, кто готов выступить против колонизаторов, и том числе и национальную буржуазию, которая в подавляющей своей части, так же как и вся нация, страдает от империалистического гнета.

Возможно, с позиций сегодняшнего дня, когда мы знаем, как и почему победили национально-освободительные революции и во Вьетнаме, и во многих других странах, все сказанное выше может показаться азбучной истиной, хотя, впрочем, проблема единого народного фронта во многих странах и по сей день продолжает оставаться актуальной. Для вьетнамских же коммунистов, когда они и в рядах Коминтерна, и самостоятельно страстно искали, говоря словами В. И. Ленина, форму «перехода или *подхода* к пролетарской революции»[17] в своей стране, основные положения VII конгресса о тактике единого фронта в колониальных и полуколониальных странах стали путеводной звездой в их последующей деятельности, к этим положениям они не раз возвращались на своих партийных пленумах и съездах. Именно тактика единого национального фронта, проводимая гибко и творчески с учетом степени зрелости национально-освободительного движения и конкретных задач, стоящих перед ним, стала одним из решающих факторов побед вьетнамского народа в августе 1945 года, а затем в двух войнах Сопротивления — против французских колонизаторов и американских агрессоров.

Для вьетнамских делегатов VII конгресс стал яркой демонстрацией международного признания молодой КПИК. Выступления вьетнамцев вызывали у зарубежных соратников неподдельный интерес. Когда юная Минь Кхай закончила свою пламенную речь, рассказав, как быстро пробуждаются и встают в ряды революции забитые и подневольные вьетнамские женщины, несколько делегаток вскочили со своих мест и под гром аплодисментов горячо расцеловали ее. А в перерыве заседания ее сердечно приветствовала Н. К. Крупская. В ходе работы конгресса, продолжавшегося целый месяц, вьетнамские делегаты были желанными гостями у московских рабочих и красноармейцев, встречались с делегациями компартий многих стран.

Наконец, самое радостное событие для вьетнамских коммунистов произошло на заключительном заседании. Участники конгресса утвердили решение Исполкома, принятое еще в 1931 году, о приеме Коммунистической партии Индокитая в ряды Коминтерна. Представитель КПИК Ле Хонг Фонг был избран кандидатом в члены ИККИ. Отныне набиравшее силу коммунистическое движение Индокитая было представлено в руководящем органе международной организации коммунистов.

По поручению ИККИ Ле Хонг Фонг, вооруженный решениями VII конгресса, выехал на родину, чтобы начать подготовку к созыву пленума ЦК КПИК. А через несколько месяцев собрались в путь и Минь Кхай с Ноном, которые решили добираться на родину через Францию, выдавая себя за путешествующую супружескую пару.

Перед отъездом они встретились с Линовым, чтобы получить от него последние напутствия. Настроение у всех троих было приподнятое — во Франции только что пришло к власти правительство Народного фронта, в который входила ФКП. Они еще не знали, в какой мере это важное событие отразится на обстановке в Индокитае, но были убеждены, что открываются новые, чрезвычайно благоприятные возможности для деятельности их партии.

— Победа Народного фронта во Франции, — говорил Нгуен Ай Куок, — это для нас редкостный шанс, который мы никоим образом не должны упустить. Главное сейчас — обеспечить монолитное единство в партии, особенно между ее внутренней и зарубежной частями. По приезде в Сайгон передайте ань Зюи (Ле Хонг Фонгу. — *Е. К.*) три следующих соображения:

Первое. В результате победы Народного фронта во Франции должна измениться в позитивном плане и обстановка в Индокитае. С учетом этого зарубежному ЦК партии следует немедленно вернуться на родину и взять на себя непосредственное руководство патриотическим движением, оставив за рубежом лишь очень небольшую группу товарищей для связи с внешним миром.

Второе. Троцкисты повсюду, и во Вьетнаме тоже, обнажили свою реакционную сущность. Наша партия должна решительно отмежеваться от них и не идти с ними ни на какие компромиссы.

Третье. Надо всемерно добиваться создания Демократического антифашистского, антивоенного фронта, вовлекая в него широкие патриотические силы, всех, кто способен вести борьбу за спасение родины и народа. Однако надо помнить, что, идя на союз с другими силами, ни в коем случае нельзя поступаться жизненными интересами партии и рабочего класса.

Уже провожая Минь Кхай и Нона на вокзале, Нгуен Ай Куок снова вернулся к их прощальной беседе:

— Вы все поняли, что я сказал? Постарайтесь запомнить все слово в слово и передать ань Зюи. Еще раз повторяю: абсолютно никаких компромиссов с троцкистами, о чем бы ни шла речь.

В июле 1936 года Ле Хонг Фонг, прибывший в Сайгон из Шанхая под видом богатого китайского коммерсанта, вместе с другим членом ЦК КПИК, своим однокашником по учебе в КУТВе

Ха Хюи Таном созвали пленум ЦК КПИК с целью внести изменения в резолюцию I съезда партии в соответствии с решениями VII конгресса Коминтерна. Пленум указал на задачи индокитайской революции на новом этане — встать в ряды возглавляемого Советским Союзом всемирного фронта борьбы за демократию и мир, против фашизма и войны, и одобрил курс на создание национального антиимпериалистического фронта, который получил впоследствии название Демократического фронта Индокитая.

Движение за создание Демократического фронта вылилось в невиданный прежде по масштабам национально-демократический, революционный подъем. Повсюду создавались комитеты действия за созыв Конгресса народов Индокитая, митинги и собрания, на которых составлялись требования народа к правительству Народного фронта Франции о проведении во Вьетнаме демократических реформ и улучшении жизни населения. Когда в конце 1936 года в Сайгон прибыла контрольная комиссия во главе с Жюстеном Годаром, направленная правительством Народного фронта с целью рассмотрения на месте положения в Индокитае, то по всему тысячекилометровому пути ее следования от Сайгона до Ханоя на каждой станции членов комиссии встречали многолюдные демонстрации населения, им вручались сотни народных петиций.

Прокатившаяся по Вьетнаму волна стачек, митингов, собраний под лозунгами «Свобода, демократия, амнистия политзаключенным» приносила свои результаты. Осенью и зимой 1936 года сотни политзаключенных, среди них многие руководящие деятели партии, вернулись из тюрем и с каторги, пополнив ряды борцов и укрепив руководство демократическим движением. Ветеран вьетнамской революции Хоанг Куок Вьет, находившийся в те дни на Пуло-Кондоре, вспоминает:

«…Из французских газет мы узнали о блестящем успехе Народного фронта на всеобщих выборах в мае 1936 года. Надежда охватила не одних нас. Наши чувства разделяли и здоровые националистические элементы. После образования нового правительства ожидание стало для нас просто невыносимым. Наконец первая группа амнистированных заключенных покинула остров. Прошло лето, которое показалось нам нескончаемым, и мы почти потеряли надежду. Но однажды утром нас вызвал начальник охраны. С явным огорчением он смерил нас взглядом с головы до ног, особенно товарищей Зуана (Ле Зуана. — *Е. К.*) и Донга (Фам Ван Донга. — *Е. К.*).

— Как? И вы в этой группе? — с неприязнью бросил он.

— А вам не нравится? Вспомните, что нас арестовали ни за

что, без единой улики…»

После шести тяжелых лет подпольной борьбы в условиях жестокого террора и преследований Компартия Индокитая впервые получила возможность открыто обратиться к народу. Легально издаваемые ею книги и газеты несли в массы идеи марксизма-ленинизма, разъясняли курс и политику КПИК и Коминтерна. Могли ли еще год-два назад вьетнамские коммунисты мечтать о том, что в своих газетах, издаваемых в Сайгоне и Ханое, они будут беспрепятственно публиковать не только документы своей партии, но и резолюции VII конгресса и другие важные материалы Коминтерна?

Было снято полицейское табу с советской темы, грозившее тюремной решеткой каждому, кто осмелился бы его нарушить. И органы печати КПИК с лихвой возместили долгие годы молчания, широко и разносторонне знакомя своих читателей с жизнью и борьбой первого государства рабочих и крестьян. Орган ЦК КПИК журнал «Большевик» писал в ноябре 1937 года, накануне 20-й годовщины Великого Октября: «Октябрь открыл новую эпоху в истории человечества, эпоху пролетарской революции, строительства социализма в СССР — общей родине всех пролетариев и порабощенных народов. Наш долг — бороться против замыслов империалистов уничтожить Советский Союз, выступать в защиту нашего первого социалистического государства».

Легальная деятельность в массах, активное использование газетной пропаганды способствовали росту авторитета и влияния партии среди населения. Гонимая колониальными властями «кучка бунтовщиков», как именовали прежде КПИК продажные писаки колонизаторов, предстала перед народными массами мощной, хорошо организованной и дисциплинированной политической силой. В ходе борьбы за демократические свободы и улучшение жизни народа партии удалось поднять на борьбу и идейно воспитать «массовую политическую армию», включавшую миллионы людей в городе и деревне, подготовить новый большой отряд партийных активистов. В этом смысле движение Демократического фронта заложило необходимые идеологические и организационные предпосылки для создания в скором будущем единого национального фронта, под знаменем которого и была осуществлена Августовская революция.

Три года борьбы за создание Демократического фронта Индокитая (1936–1939 гг.), когда впервые была использована тактика сочетания методов легальной, полулегальной и подпольной деятельности, когда партия получила возможность развернуть действительно массовую политическую и

агитационную работу, когда крупные достижения перемежались и с неизбежными при таком крутом повороте событий ошибками, позволили КПИК накопить богатейший опыт, который в иные времена приобретается десятилетиями. Именно это и дало впоследствии все основания руководителям КПИК назвать период борьбы за Демократический фронт Индокитая второй, после Нгетиньских Советов, генеральной репетицией Августовской революции.

Нгуен Ай Куок внимательно следил за развитием демократического движения на родине, стараясь, насколько можно, помочь своим товарищам советами и рекомендациями. Его «письма из далека» — маленькие листки папиросной бумаги с написанными от руки статьями — каким-то чудом преодолевали тысячи километров, отделявших Москву от Ханоя и Сайгона, и регулярно появлялись за подписью «П. К. Лин» в газете «Наш голос» и других легальных изданиях партии.

Многие из своих соображений относительно путей и методов борьбы за единый демократический фронт в условиях Вьетнама он впоследствии суммировал в докладе, представленном в ИККИ. Национально-демократический фронт, писал он, «должен объединить не только народы Индокитая, но и прогрессивные элементы Франции, не только трудящиеся классы, но и национальную буржуазию. Партия должна проводить гибкую политику по отношению к национальной буржуазии. Надо вовлечь и держать ее в рядах фронта, всячески поощрять ее действия в общих интересах, политически изолировать ее в случае необходимости. Крайне недопустимо, чтобы она оставалась вне фронта, так как это привело бы ее на сторону реакционеров, что только укрепит их силу».

Касаясь тактической линии КПИК в рядах фронта, он подчеркивал, что партия «не может навязывать фронту свою руководящую роль. Ей предстоит доказать в высшей степени беззаветную преданность общему делу своей самоотверженной борьбой и повседневной работой. И тогда широкие массы сами признают правильность политики партии и ее способность руководить движением. Только так партия займет принадлежащее ей по праву место… Чтобы выполнить эти задачи, партия должна вести бескомпромиссную борьбу против фракционности, покончить с сектантством и узостью взглядов, организовать систематическое изучение основ марксизма-ленинизма, с тем чтобы постоянно повышался политический и общеобразовательный уровень членов партии…».

Шел четвертый год жизни и учебы Хо Ши Мина в Советской стране. Это были годы необычайного энтузиазма, великих трудовых свершений советского народа. То, о чем мечтали на протяжении веков лучшие умы человечества, то, что научно предсказали великие учителя рабочего класса и всех угнетенных — Маркс, Энгельс, Ленин, — стало явью. На одной шестой части планеты социализм одержал полную, бесповоротную победу. Победа социализма в СССР не только подтвердила правильность теоретического положения марксизма-ленинизма об объективной неизбежности смены капитализма социализмом, но и доказала практическую возможность построения социализма, причем в довольно отсталой стране. Это вдохновляло вьетнамских коммунистов, всех борцов за национальное и социальное освобождение, за социализм во всем мире.

Как и другие зарубежные коммунисты, работавшие и учившиеся в Москве, Нгуен Ай Куок жил интересами, радостями, стремлениями советских людей. Ведь первая страна социализма была детищем мировой революции, а значит, и их, зарубежных революционеров. Об этих днях жизни Нгуен Ай Куока вспоминает один из бывших сотрудников Коминтерна, Н. Н. Голеновский:

«В те годы я работал референтом по связям с партиями при Исполкоме Коминтерна и был ответственным за группу индонезийских коммунистов. Однажды в общежитии КУТВа на Пушкинской, где сейчас расположено здание АПН, в комнате Алимина (видный деятель КП Индонезии. — *Е. К.*) я познакомился с вьетнамцем, которого звали Линов. Он дружил с индонезийскими коммунистами и часто бывал у них в гостях. Мне вспоминается очень деликатный, ровный в обращении человек. Он неплохо говорил по-русски, хотя и с забавным акцентом, любил шутку и очень заразительно смеялся.

Иногда в свободные минуты мы играли с Линовым в шахматы. Видно было, что он недавно их освоил, иногда путая ходы фигур, как он сам признавался, по аналогии с национальными вьетнамскими шахматами (во Вьетнаме играют в «ко тыонг», разновидность древнекитайских шахмат. — *Е. К.*), но нередко находил совершенно неожиданные, оригинальные решения, удивлявшие даже его более опытного партнера».

Индонезийские, вьетнамские, японские, китайские, арабские студенты жили в общежитии дружной семьей. Мечтая о возвращении на родину, к активной революционной работе, они не отделяли себя от советских людей, жили их помыслами и интересами. Как и советские люди, они участвовали в коммунистических субботниках, по воскресеньям выезжали за город и трудились на участках подсобных хозяйств. Вместе с

сотнями тысяч восторженных москвичей они радостно встречали на усеянной цветами и праздничными листовками улице Горького героев-летчиков Чкалова, Байдукова, Белякова, совершивших впервые беспосадочный перелет через Северный полюс в Америку. По вечерам они бегали в кинотеатр «Центральный» на Пушкинской площади смотреть опаленную дымом сражений испанскую хронику, радуясь и страдая за испанских республиканцев, первыми вступивших в смертельный бой с фашистской чумой. По нескольку раз с восхищением смотрели легендарного «Чапая» — тогда он только что вышел на экраны, и на него ходили цехами, заводами, воинскими частями.

«Меня поражало, — вспоминает Н. Н. Голеновский, — с какой юношеской страстностью Линов, который был старше многих вьетнамцев, работал на субботниках, радовался трудовым подвигам советских людей, переживал трагические события в Испании.

В середине 1938 года он неожиданно исчез из Москвы. И только в конце 1945 года от индонезийского коммуниста Семауна я узнал, что президент нового Вьетнама Хо Ши Мин — это не кто иной, как наш Линов».

К середине 1938 года во внутриполитической жизни Китая произошли важные перемены. Перед лицом открытой агрессии со стороны милитаристской Японии Гоминьдан и КПК сумели договориться о сотрудничестве в войне сопротивления захватчикам, и, таким образом, единый национальный фронт, за создание которого всегда боролись левые силы Китая, стал политической реальностью.

Такой поворот событий имел большое значение и для вьетнамских патриотов, так как перед ними открывалась возможность вновь вернуться в пограничные с Вьетнамом районы Китая, находившиеся под контролем Гоминьдана, чтобы оттуда пробираться на родину. К концу 30-х годов большое число закончивших учебу вьетнамских коммунистов выехало из Советского Союза. Некоторые же, по-видимому, задержались в Москве и вместе с советским народом встретили грозовые дни 1941 года. Когда немецко-фащистские полчища находились уже на подступах к Москве, из зарубежных коммунистов по инициативе Г. Димитрова был создан Интернациональный полк, вошедший в состав Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН), отличившейся в боях под Москвой. По свидетельству ветерана болгарского рабочего движения Ивана Випарова, который был комиссаром Интернационального полка, среди немецких, австрийских, испанских, болгарских антифашистов, составивших костяк полка, были также шесть

вьетнамских коммунистов.

Более шести лет провел в общей сложности Нгуен Ай Куок в нашей стране, где он действительно обрел вторую родину. «Я жил в Советской России в ленинской атмосфере», — скажет он впоследствии.

Эти годы запомнились ему на всю жизнь, навсегда сделали его верным другом советского народа. Когда он вернется во Вьетнам, он будет самозабвенно рассказывать своим товарищам по оружию в сырой пещере горного Вьетбака или в открытой всем ветрам бамбуковой хижине о далекой необъятной России, о великих свершениях советского народа, победно строящего социализм, и эти рассказы будут согревать их лучше всякого костра, придавать им новые силы, зажигать светом решимости их глаза.

ЛЕСНОЙ ЖИТЕЛЬ

Когда в тени высоких пальм
мы переходим реки вброд,
мы слышим, как сама земля
к себе на помощь нас зовет…

И все сильнее гул шагов,
и мы уходим в путь опять,
чтоб кровь свою и жизнь свою
до капли Родине отдать.

Тхань Хай

1

В начале февраля 1941 года сквозь густые заросли тропических кустарников, покрывавших склоны живописных гор на стыке китайской провинции Гуанси и вьетнамской провинции Каобанг, пробиралась с северо-востока на юго-запад группа из шести человек. Все они были одеты в одинаковые темно-синие, цвета индиго, домотканые платья жителей этих краев — нунгов. Впереди группы путников шагал самый старший из них — высокий худой мужчина лет пятидесяти. В руках у него была бамбуковая палка, на которую он, впрочем, опирался лишь при спуске с крутой горы. Шел он быстро, легко, прыгая, как юноша, с камня на камень, чем удивлял своих молодых товарищей.

К вечеру, преодолев несколько перевалов и с трудом пробившись сквозь непролазную чащу дикого тростника, группа вышла к огромному раскидистому дереву кэйси, под могучей кроной которого могло бы разместиться несколько крестьянских домов. Неподалеку от этого гиганта возвышался полосатый каменный столб с отметкой 108. Выбитая на нем надпись на китайском и французском языках гласила, что дальше начинается территория Вьетнама.

Пожилой нунг осторожно положил посох у подножия холма, опустился на колени, набрал в ладони горсть земли и приложил ее к своим губам. Спутники тотчас же последовали его примеру. Затем он поднял затуманившиеся глаза и долго-долго смотрел на

юг, словно пытаясь разглядеть за туманной дымкой на горизонте далекую родную деревню. Вдали, у подножия величественной горы, среди зарослей маиса угадывались разбросанные тут и там хижины на сваях. Зеленые террасы рисовых полей поднимались уступами по склонам. В воздухе плавал аромат персиковых и абрикосовых цветов. Их розовые лепестки резко выделялись на фоне тутовника и грейпфрутовых деревьев, гуайявы и лесных бананов.

Нгуен Ай Куок, а это, конечно же, был он, глядел и не мог наглядеться на благословенный кусочек родной земли. 30 лет он мечтал об этом дне, в мельчайших подробностях видел во сне тот сладостный миг, когда он наконец-то, после стольких скитаний и мытарств, ступит на землю Вьетнама. И вот этот час настал. Он смотрел на причудливые контуры горной цепи, пропадавшей в туманной дымке за горизонтом, куда садилось оранжевое солнце, и вспоминал, каким долгим и сложным был последний участок его растянувшегося на целых тридцать лет «хождения за три моря».

В памяти всплыли серые, безжизненные пески пустыни Гоби и такие же серые, почти лишенные растительности города Урумчи, Сиань, Яньань, через которые пролег его путь после того, как в октябре 1938 года он, выехав из Алма-Аты, пересек советско-китайскую границу. Вспомнился трудный и опасный переход из Сиани в Яньань, занявший целую неделю. Пришлось в основном идти пешком, держась за повозку, в которых старьевщики перевозили тряпье, шедшее на изготовление матерчатых тапочек для населения и солдат. Некоторые повозки представляли экзотическое зрелище — в них были впряжены «тройки», состоявшие из вола, осла и лошади.

В Яньани, в долине реки Яньшуй, окруженной плоскими столообразными сопками, находился один из основных центров Освобожденного района, размещалась штаб-квартира руководства КПК и китайской Красной армии. В лёссовых голых холмах, как пчелиные соты, виднелось множество пещер, где размещались армейские склады, жили люди — военнослужащие, партийные работники, крестьяне окрестных деревень. То и дело здесь объявлялись воздушные тревоги: японские самолеты все чаще вторгались в воздушное пространство Освобожденного района и сбрасывали бомбовый груз на города и окрестности.

В Яньани Нгуен Ай Куок встретил нескольких китайцев, с которыми познакомился еще в Москве, в здании Исполкома Коминтерна. По старой памяти они называли вьетнамского коммуниста товарищем Лином, хотя документы у него были на имя китайского гражданина Ху Гуаня. Яньаньские знакомые

сообщили, что единый национальный фронт в Китае стал наконец свершившимся фактом. Правительство Чан Кайши заявило, что оно признает существование Освобожденных районов и вооруженных сил, руководимых КПК. Помимо Севера, Освобожденные районы созданы и в Центральном Китае, в бассейне реки Янцзы, где действовала Новая 4-я, армия под командованием коммуниста Е. Тина.

Именно этим маршрутом — через провинции Шэньси и Хунань — решил Нгуен Ай Куок пробиваться на юг. В далекий путь он отправился вместе с еще одним вьетнамцем, с которым случайно встретился в Яньани. В целях конспирации каждый оделся подобающим образом и разыгрывал в пути свою роль: товарищ изображал путешествующего мандарина, а Нгуен Ай Куок — его слугу. До Гуйлиня — центра провинции Гуанси — добирались хоть и долго, но без особых приключений. В Гуйлине решили задержаться и попытаться установить связь с зарубежным бюро ЦК КПИК.

Долгие поиски связи со своими не дали результатов. Пришлось перебазироваться в соседнюю провинцию Юньнань. В городе Куньмине Нгуен Ай Куоку наконец-то повезло. Там его разыскал связной партии, который через несколько дней свел его с целой группой руководящих деятелей КПИК, в числе которых были Чыонг Тинь, Фам Ван Донг, Во Нгуен Зиан, Фунг Ти Киен и другие. Встреча совпала по времени с неожиданной вестью, пришедшей из далекой Европы: 14 июня под ударами гитлеровских войск пал Париж, а через несколько дней Франция капитулировала. Это событие в корне меняло обстановку и требовало экстренных решений. На совещании всех находившихся в Куньмине членов КПИК Нгуен Ай Куок поставил вопрос о необходимости немедленного возвращения на родину основной части партийных работников. Было решено срочно перебраться в пограничный город Цзинси и готовиться к переходу вьетнамской границы.

Вспомнилась ему и просторная пассажирская джонка, на которой плыли в Цзинси. Кроме них, на борту находились китайцы и несколько незнакомых вьетнамцев. Из предосторожности Нгуен Ай Куок изъяснялся только по-китайски, выдавая себя за местного журналиста. Старались друг с другом много не говорить, но трудно было скрыть радостно-возбужденное состояние, охватившее всех от мысли о скорой встрече с родиной. Уже когда до конечной пристани оставалось несколько сот метров, кто-то из товарищей, куря, обронил пепел на свои брюки, и те начали тлеть. Нгуен Ай Куок совершенно

непроизвольно, правда, не глядя в его сторону, но довольно внятно воскликнул по-вьетнамски:

— Горит же, ты что, не видишь?

Через несколько минут, сойдя на берег, они долго, до слез, хохотали, вспоминая об этой неожиданной промашке.

В Цзинси их ожидала приятная встреча. Большая группа революционно настроенной молодежи из провинции Каобанг перешла границу в поисках руководящих деятелей патриотического движения, чтобы примкнуть к революции. Первым, с кем познакомилась в Цзинси эта группа, был Чыонг Бой Конг, давно эмигрировавший из Вьетнама деятель Национальной партии, примыкавший к правому крылу китайского Гоминьдана. Хотя он не имел никакого военного образования, Чан Кайши присвоил ему звание бригадного генерала и поручил вербовать для Гоминьдана сторонников среди вьетнамских эмигрантов. Встретившись с молодыми людьми из Каобанга, Чыонг Бой Конг хвастливо именовал себя «известным патриотическим деятелем», ветераном революции и покровительственно заявлял, что готов принять молодых людей под свое начало. Однако его развязные манеры и нескромные речи насторожили каобангцев, а вскоре большинство из них пришло к выводу, что никакой он не революционер, что у него, как говорят во Вьетнаме, голова дракона, а хвост креветки. Если бы к этому времени не подоспели Нгуен Ай Куок и его друзья, большинство из молодых людей подалось бы обратно через границу.

Встреча оказалась для обеих сторон как нельзя кстати. Среди молодых людей было немало опытных проводников, хорошо знавших тайные лесные тропы. Они с радостью согласились провести новых знакомых через границу. Пока шла подготовка к переходу, Нгуен организовал краткосрочные политические курсы для молодых каобангцев, к которым присоединились постепенно еще десятка два вьетнамцев, служивших в чанкайшистских войсках и рвавшихся на родину. Учеба проходила за городом в тенистой роще на склоне горы. Перед самым тэтом состоялся выпуск курсантов. Они выстроились посреди поляны, затем каждый из них выходил из строя и целовал красный флаг с желтой звездой. Этого флага, который сегодня является государственным флагом СРВ, и молодые каобангцы, и даже их новые знакомые никогда прежде не видели. Всего лишь два месяца назад он впервые появился в руках восставших на берегу реки Тиензянг в Намки.

После окончания курсов новые бойцы революции небольшими группами возвращались на родину. Проводив

последнюю группу, Нгуен Ай Куок радостно сказал своим друзьям:

— Ну вот, сорок три орла устремились в полет. Скоро от них придут добрые вести. Давайте и мы готовиться в дорогу.

И вот теперь Нгуен Ай Куок смотрел на Пакбо с вершины горы, где проходила граница. Вереница огромных каменных валунов как будто скользила вниз по склону горы, указывая путь к далекой деревне. Это уже была родина. Начиналась новая страница и в его жизни, и в истории вьетнамского освободительного движения. И символично, что опять, как и в 1930 году, когда создавалась партия, она начиналась в радостные дни тэта — праздника встречи весны, с которым каждый вьетнамец, где бы ни застал его этот праздник, связывает свои самые сокровенные надежды и чаяния.

Еще когда готовился переход границы, было решено поселиться у нунга Май Ли, сочувствовавшего революции. Однако, побывав в его доме, Нгуен Ай Куок сразу же отверг этот вариант. Разместиться шестерым в небольшой бамбуковой хижине с двумя перегородками было крайне трудно. К тому же она находилась посреди деревни, что было не совсем удобно с точки зрения безопасности.

— Невдалеке от деревни, если углубиться в джунгли, есть в одной скале укрытая зарослями пещера. Всякий раз, когда на деревню совершают набег бандиты, мы скрываемся в ней, — сказал Май Ли.

И он повел группу по тропинке, тянувшейся змейкой через лес, а потом вверх по почти совершенно голой скале. Пещера оказалась довольно тесной, однако пять-шесть человек в ней могли разместиться. У входа в пещеру возвышался огромный каменный валун, который время, дожди и ветры обтесали и сделали похожим на человеческое изваяние. Май Ли называл пещеру «кокбо», что на местном наречии означает «начало источника». Где-то в этих местах брал начало горный ручей, змейкой вившийся вокруг скалы, а затем падавший вниз пенистым водопадом.

Временное пристанище всем пришлось по душе. Тут же принесли из деревни несколько досок, сделали из них подобие нар и забросали сухими листьями и травой. Потом решили познакомиться с окрестностями. Остановившись на берегу горного ручья, Нгуен Ай Куок задумчиво, как бы продолжая начатый разговор, заметил:

— У меня есть идея. Этот ручей прозрачен и чист, словно жемчуг. К тому же он берет отсюда свое начало. Предлагаю

назвать его именем Ленина. А вот ту величественную гору, — Нгуен Ай Куок показал рукой налево, — назовем вершиной Карла Маркса. Возражений нет?

Каждое утро Нгуен Ай Куок вставал с восходом солнца и будил остальных. Потом делал интенсивную гимнастику на расчищенной им недалеко от пещеры площадке. Вместо гантелей использовал каменные песты от ступок. Регулярно лазил босиком по скалам, выбирая самые крутые. «Надо, чтобы ноги привыкали ко всему». — объяснял он друзьям. После зарядки спускался к ручью и, как бы ни было прохладно, плескался в нем до ломоты в костях. К ручью от пещеры вела очень крутая тропинка, почти сплошь заросшая колючим кустарником. После дождя она раскисала так, что по ней страшно было подниматься, а древесные пиявки, устилавшие кроны деревьев, бросались с веток на головы и спины людей, словно дикие пчелы.

Рабочий день Нгуен Ай Куока проходил также на берегу ручья, где он облюбовал себе полированную каменную глыбу, служившую ему столом. Орудием труда была его неразлучная спутница последних лет — пишущая машинка «гермес-бебе» с вьетнамским шрифтом, подаренная ему друзьями. Каменный стол, за которым он работал, был хорошо укрыт от посторонних взоров густыми зарослями лесного фикуса. С одной стороны высилась скала, с другой пенился разлившийся в этом месте широко и привольно ручей Ленина. В минуты отдыха Нгуен Ай Куок бросал в его прозрачную, как слеза, и казавшуюся неподвижной воду вареные рисинки, приманивая золотистых красноперых рыб. Через несколько дней они настолько привыкли к гостю, что стаей бросались к нему, чуть заслышав его шаги. Здесь, в этом тихом, поэтическом месте, написал он четверостишие, которое сегодня знает наизусть каждый вьетнамец:

> Утром к ручью прихожу, а стемнеет — дарит пещера кров;
> варево из лепестков закипает, нежный бамбук готов.
> На валуне пишу перевод истории большевиков,
> жизнь, посвященная правому делу, славна во веки веков.

В пещере в дождливую погоду было неимоверно сыро. Холод пронизывал до самых костей. Откуда-то сверху по причудливым сталактитам, покрытым густым слоем мха, беспрерывно и методично, словно в камере пыток, капала вниз вода. По ночам приходилось по очереди поддерживать костер, чтобы не замерзнуть. Обитатели пещеры любили сидеть перед сном вокруг

костра и слушать рассказы своего руководителя и старшего товарища, немало повидавшего на своем веку. Хо Ши Мин рассказывал о своих поездках в Советский Союз, о том, как он не успел встретиться с Лениным, о том, каких успехов достигла родина первой социалистической революции. Он умел так рассказывать, что перед их глазами отчетливо вставали пейзажи России, ее грандиозные стройки. От него они узнали о мужестве советских людей — покорителей Севера, о подвиге советских летчиков, совершивших перелет через Северный полюс в Америку.

Дни и месяцы, проведенные в Пакбо, запомнились Нгуен Ай Куоку и его соратникам как нескончаемый радостный праздник, окрашенный яркими красками ожидания великих перемен. Они были непосредственными участниками революционного творчества, у них на глазах и благодаря им рождались новая жизнь, принципиально новые люди и взаимоотношения между ними. Если Вьетнам еще продолжал жить под пятой колонизаторов, то здесь, в деревне Пакбо и ее окрестностях, революция уже фактически победила, новый, демократический строй уже становился явью.

Никогда еще Нгуен Ай Куок не работал с таким жаром души. Он словно бы помолодел на два-три десятка лет. Он писал, переводил, встречался с партийцами, курьерами, местными жителями, лично вникал во все повседневные дела. Каждое утро он опрашивал окружающих, кто чем занят. У кого не было дела, он тотчас же находил его, вплоть до таких, казалось некоторым, мелочей, как шитье обуви и починка одежды. Все, кто работал с ним в те дни, единодушно отмечают его талант руководителя и организатора, ярко проявившийся с первых часов пребывания на родной земле, такие присущие ему замечательные качества, как полная самоотдача делу, максимальная ответственность за его выполнение, оперативность и деловитость, простота в общении с товарищами по партии и в то же время требовательность к ним, тесный контакт с местными жителями и целенаправленная политическая работа с ними. Одним словом, Нгуен Ай Куоку была в полной мере присуща совокупность всех тех качеств партийного руководителя, которые мы сегодня называем ленинским стилем работы.

2

Стремительно нараставший грозный вал драматических перемен в развитии политической ситуации внутри Вьетнама и

вокруг него ставил перед КПИК новые серьезные задачи. После капитуляции Франции в Индокитае пришли к власти фашиствующие элементы — сторонники марионеточного режима Виши. Однако еще более серьезная угроза нависла над Индокитаем с севера. К маю 1940 года милитаристская Япония оккупировала Южный Китай и вышла к границам Вьетнама. Поскольку Франции как великой державы больше не существовало, японские милитаристы стали добиваться подчинения вишистских колониальных властей своей агрессивной политике. В августе 1940 года было подписано политическое соглашение между Виши и Токио, на основании которого вишисты признали «преимущественные позиции» Страны восходящего солнца на Дальнем Востоке и предоставили ей военные льготы в Индокитае.

Не удовлетворившись этим, японцы в сентябре 1940 года начали прямую вооруженную интервенцию: захватили ряд вьетнамских городов близ китайско-вьетнамской границы и высадили морской десант в Хайфоне. В последующий период японские милитаристы, пользуясь слабостью вишистских властей, делавших одну уступку за другой, продолжали «мирную экспансию» в Индокитае. К концу 1941 года, когда Япония, напав на Пирл-Харбор, развязала войну на Тихом океане, весь Индокитай был уже оккупирован ее войсками и превращен в военный плацдарм для агрессивных действий против других стран Юго-Восточной Азии. Установив контроль над Индокитаем, японские оккупанты сохранили французский колониальный аппарат, который формально «делил власть» с ними. Вьетнамский народ оказался, таким образом, сразу под двойным гнетом — японского милитаризма и французского колониализма.

В ответ на агрессию Японии и соглашательство вишистов во Вьетнаме одно за другим вспыхивают вооруженные восстания патриотов. Особенно серьезные последствия имело восстание в Намки (Южный Вьетнам), начавшееся 23 ноября 1940 года.

Условия для развертывания массового вооруженного выступления в тот момент не были благоприятными, поэтому VII пленум ЦК КПИК, состоявшийся в конце октября 1940 года в северной части Вьетнама, не одобрил решение партийной организации Намки о переходе к восстанию, считая его несвоевременным и не отвечающим объективной обстановке в стране. Пленум ориентировал партию на сохранение и укрепление сил революции, создание и расширение партизанских баз, на подготовку к восстанию в масштабах всей страны.

Однако решение пленума не дошло до руководства партийной организации Намки. Ее представитель, участвовавший

в работе пленума, сразу же по возвращении в Сайгон был арестован. Одновременно французской охранке незадолго до восстания удалось захватить документы, раскрывавшие сроки его начала. Были арестованы многие руководители. Революционно настроенных вьетнамских солдат накануне выступления разоружили и заперли в казармах. Несмотря на это, восстание началось в запланированные сроки. И хотя восставшие добились поначалу крупных успехов — в некоторых районах возникли органы народной власти, просуществовавшие почти два месяца, — оно было довольно скоро подавлено, причем с жестокостью, превосходившей даже самые страшные дни террора 1930–1931 годов. Более ста человек были казнены, в их числе видные деятели вьетнамского коммунистического движения.

Среди жертв террора оказались и самые близкие соратники и воспитанники Нгуен Ай Куока — секретарь ЦК КПИК Ле Хонг Фонг и секретарь Сайгонского комитета партии Минь Кхай, «Красный ветер» — Ле Хонг Фонг был схвачен охранкой еще в 1938 году: вмешалась черная рука предателя. Но полиции не удалось найти достаточно улик против умелого конспиратора, каким был Ле Хонг Фонг, чтобы отправить его на гильотину. «Опасный преступник» был брошен в тюрьму но обвинению в ношении поддельного удостоверения. Палачи ждали случая, чтобы расправиться с революционером. И такой случай, казалось, представился — в самый разгар подготовки восстания в Намки в полицейский капкан угодила Минь Кхай. В сайгонском централе произошла последняя встреча молодых супругов, которая называлась очной ставкой.

Кажется, совсем недавно они бродили, взявшись за руки, по набережной Москвы-реки, слушали на Красной площади мелодичный перезвон кремлевских курантов. И вот сейчас стоят друг против друга, закованные в кандалы, посреди душной камеры для допросов. Измученные пытками революционеры ни словом, ни взглядом не выдали, что знают друг друга. Один из них должен был остаться в живых — для партии, для дела революции, наконец, для крохотного родного существа — дочери, которая родилась всего за год до этого страшного дня. В память о Советской стране родители назвали девочку Хонг Минь — Красной Авророй.

Нежной, веселой, любящей была Минь Кхай для своих родных, близких, товарищей. И «наиопаснейшим главарем мятежников» — для колонизаторов. Какие-нибудь десять лет минули с той поры, когда девушке по имени Минь Кхай серебряной заколкой собрали в пучок волосы на голове в знак совершеннолетия. А враги уже успели приговорить ее заочно к

пяти годам лишения свободы, к 20 годам одиночного тюремного заключения, к пожизненной каторге и дважды — к расстрелу. Последний приговор палачам удалось привести в исполнение. 24 мая 1941 года вместе с другими членами ЦК КПИК — Ха Хюи Таном, Нгуен Ван Кы, Фан Данг Лыу, Во Ван Таном она была расстреляна в тюремном дворе. Коммунисты погибли несломленными, последние их слова, перед тем как прогремел безжалостный залп, были: «Да здравствует Компартия Индокитая!», «Да здравствует Советский Союз!» Это о них потом напишет волнующие строки То Хыу:

В застенках, восходя на эшафоты,
под пулями отравленными падая,
бесстрашно восклицают патриоты:
«Да здравствуют СССР и Партия!»

На стене камеры, в которой содержалась Минь Кхай, нашли надпись: «О себе не беспокоюсь. Все мои помыслы — о спасении партии». Отрезанная от всего мира, обреченная на неминуемую гибель, мужественная коммунистка сумела оставить завещание боевым соратникам и товарищам — спасти и укрепить партию.

Ненамного пережил Ле Хонг Фонг свою боевую подругу. Из сайгонской тюрьмы его этапировали на остров смерти Пуло-Кондор, где томились сотни участников восстания. Поместили его в «тигровой клетке», пытали, били, морили голодом, глумились над ним. После нескольких месяцев заключения у Ле Хонг Фонга началась скоротечная чахотка, и 6 сентября 1942 года его не стало. Незримым свидетелем его смерти стал содержавшийся в соседней клетке еще один выпускник КУТВа, Зыонг Бать Май. Последние слова Ле Хонг Фонга были обращены к нему:

— Товарищ, передай партии: до последнего вздоха Ле Хонг Фонг всем сердцем верил в то, что придет час победы нашего революционного дела.

Партия осталась жива, она продолжала действовать. Но чтобы снова расправить крылья, чтобы добиться подъема национально-освободительного движения, требовалась новая тактика, соответствующая резко изменившейся политической обстановке. Контуры новой тактики наметил еще VI пленум ЦК КПИК, тайно созванный в ноябре 1939 года в Сайгоне. Пленум постановил приступить к созданию единого национального антиимпериалистического фронта, выдвинув на первый план решение национально-освободительных задач революции. Лозунг

конфискации всех помещичьих земель и передачи их крестьянству временно был снят и заменен более ограниченным лозунгом конфискации земель французских колонизаторов и помещиков-предателей. Пленум снял также лозунг создания правительства «рабочих, крестьянских и солдатских Советов» и заменил его требованием образования правительства Союза демократических республик Индокитая как «формы общего правительства для всех слоев народа, принимающих участие в национально-освободительном движении, в том числе и для той части буржуазии, которая еще может на каком-то этапе идти вместе с народными массами». На этом пленуме произошло еще одно знаменательное для партии событие — участники пленума избрали в состав Постоянного бюро ЦК КПИК одного из молодых руководителей партийной организации Намки товарища Ле Зуана.

Решения пленума создали реальную возможность для образования под руководством рабочего класса и КПИК широкого национально-освободительного фронта. Однако практическое воплощение эта лилия получила только с возвращением во Вьетнам Нгуен Ай Куока и других членов Постоянного бюро ЦК КПИК.

С первых же дней после возвращения на родину Нгуен Ай Куок ведет подготовку к созыву очередного пленума ЦК КПИК. Как и в Гонконге в 1930 году, он выступает здесь в качестве представителя Коминтерна. Начавшаяся мировая война нарушила деятельность заграничных секций Коминтерна и на Западе, и на Востоке. Уже долгое время Нгуен Ай Куок не имеет никаких вестей от Президиума ИККИ. Но он остается верным интернациональному братству коммунистов мира, он продолжает считать себя полномочным представителем Коминтерна, действующим здесь, в лесной глуши Каобанга, от его имени.

10 мая 1941 года в бамбуковой хижине на сваях в глубине леса в нескольких верстах от деревни Пакбо открывается VIII пленум ЦК КПИК. Среди членов Центрального Комитета очень мало представителей партийной организации Намки. Большинство ее руководителей погибло, оставшиеся в живых, в их числе и товарищ Ле Зуан, томились кто в тюрьмах, кто на Пуло-Кондоре.

Заседание открывает и ведет Нгуен Ай Куок. Авторитет его в партии, среди патриотов непререкаем. В числе тех участников пленума, кто впервые встретился с основателем КПИК, находился тогда еще совсем молодой коммунист Хоанг Куок Вьет. Когда его познакомили с пожилым худощавым мужчиной, сказав, что это «представитель Коминтерна товарищ Нгуен Ай Куок», юноша так

разволновался, что только крепко стиснул руку нового знакомого, не сумев вымолвить ни слова в ответ на его приветствие.

«Нгуен Ай Куок! Это имя было знаменем для всех членов партии, — вспоминает Хоанг Куок Вьет, — для всех тех вьетнамцев, кто встал на сторону революции, кто страдал, видя свою страну порабощенной, одним словом, для всех, чьи сердца бились в одном ритме с сердцем народа и отчизны. Когда до нас, каторжников Пуло-Кондора, дошла весть о его аресте в Гонконге, нас охватила безмерная тревога. Узнав, что Международная организация помощи борцам революции вырвала его из лап английской полиции, мы как бы сбросили с плеч непосильную тяжесть. И потом очень часто с любовью и восхищением вспоминали мы, подпольщики, имя Нгуен Ай Куока. Мало кто из нас верил, что когда-нибудь удастся лично встретиться с ним…»

Участники пленума, заседавшего 10 дней, сделали глубокий анализ причин и хода развития второй мировой войны и выразили твердую уверенность, что она неизбежно закончится полным поражением фашизма.

— Гитлеровская Германия, разгромив Францию, подчинила себе пол-Европы, — говорил Нгуен Ай Куок, который был основным оратором по вопросам международного положения. — Фашисты готовятся к нападению на Советский Союз, первое в мире государство рабочих и крестьян. Но мы, коммунисты, твердо убеждены в том, что день нападения Гитлера на Советский Союз станет началом конца германского фашизма. Можно с полной уверенностью сказать, что, если первая империалистическая война привела к образованию СССР, то на этот раз в результате разгрома фашизма социалистические революции победят во многих других странах.

Эти его мысли нашли отражение в резолюции пленума. В ней указывалось, что вьетнамская революция является составной частью мировой революции и выступает на стороне международного антифашистского движения. Поэтому судьба народа Вьетнама на данном этапе впервые за долгие годы его развития оказалась непосредственно связанной с судьбой Советского Союза. Победа вьетнамской революции зависела целиком от того, сумеют ли антифашистские силы выстоять в тяжелейшей борьбе против фашистской оси.

Участники пленума одобрили решения предыдущих пленумов о переориентации тактической линии партии и о выдвижений на передний план задач национально-освободительной борьбы.

— Три восстания вспыхнули одно за другим в течение нескольких месяцев, — говорил Нгуен Ай Куок. — В сентябре

1940 года — в Бакшоне, через два месяца — в Намки, и, наконец, уже в январе этого года произошло вооруженное выступление тонкинских стрелков в Долыонге, в провинции Нгеан. Эти события — яркое свидетельство того, что наш народ — это народ героев, который только и ждет случая, чтобы подняться на борьбу с оружием в руках. Сегодня более чем когда-либо народ полон решимости добиться освобождения. Этот беспредельный революционный энтузиазм мы должны оценивать по достоинству и умело использовать. Задача партии — работать под флагом патриотизма среди всех социальных слоев и групп, собирать силы на борьбу за спасение родины, за изгнание французов и японцев.

Участники пленума записали в резолюции, что знамя национального освобождения находится в надежных руках КПИК, которая призывает всех, кому дорога судьба вьетнамской нации, становиться в ряды борцов: «На нынешнем этапе интересы отдельных людей, отдельных классов должны быть подчинены интересам нации, так как речь идет о жизни и смерти, о существовании нашей страны. Если задача национального освобождения не будет решена, если нация не обретет независимости и свободы, то не только вся наша родина, весь народ навеки останутся в оковах рабства, но и не добьются удовлетворения своих прав ни отдельные личности, ни какой-либо класс».

Еще год назад Нгуен Ай Куок высказал своим товарищам идею о необходимости создания массовой патриотической организации, которая по своим задачам, структуре, а также по названию носила бы самый широкий общенациональный характер, а компартия выступала бы в качестве ее руководящего ядра. В ходе пленума эта идея получила практическое воплощение. Подходящее для новой организации название было найдено после долгих обсуждений и споров. Предложенный кем-то вариант «Лига борьбы за национальное возрождение» встретил решительные возражения. Эти святые для каждого вьетнамца слова уже замарали прояпонские элементы — они называли национальным возрождением Вьетнама замену французских колонизаторов японскими оккупантами. Не подходило также и определение «антиимпериалистический», так как оно было довольно радикальным по отношению к тем целям, которые ставили коммунисты перед новым национальным фронтом. Истина родилась в спорах: новая организация была названа «Лигой независимости Вьетнама». Нгуен Ай Куок настоял на том, чтобы дать лиге и сокращенное, обиходное название, которое было бы звучным, легко запоминалось и увлекало массы. Так появилось на свет короткое и точное, как выстрел, слово

«Вьетминь», которое много лет звучало набатом, звавшим народ на борьбу за освобождение родины, наводило страх на колонизаторов и их приспешников.

По решению пленума находившиеся под контролем партии антиимпериалистические патриотические организации, созданные из представителей различных слоев населения — рабочих, крестьян, молодежи, женщин, военнослужащих, буддистов, — стали именоваться «обществами спасения родины». В принятой пленумом программе Вьетминя говорилось, что Вьетминь, ставя интересы нации превыше всего, готов протянуть руку всем лицам и организациям, если «они искренне хотят бороться за изгнание японцев и французов, чтобы образовать независимый и свободный Вьетнам». Как показали последующие события, программа Вьетминя, составленная на базе требований общедемократического характера, в том числе с учетом интересов национальной буржуазии, отвечала стремлениям самых широких слоев населения и явилась надежной основой для их объединения в общенациональном фронте.

VIII пленум на основе анализа обстановка в стране и на международной арене впервые четко сформулировал, что в создавшихся условиях единственно возможный путь к победе революции — это вооруженное восстание. В резолюции пленума указывалось, что «подготовка к восстанию является центральной задачей партии и народа на данном этапе». Опираясь на опыт Нгетиньских Советов и руководимых партией восстаний в Бакшоне и Намки, пленум по-новому сформулировал тактическую линию партии при подготовке вооруженного восстания: вначале создание повсюду, где позволяют условия, партизанских баз, затем вооруженные восстания с захватом власти в отдельных, в первую очередь труднодоступных для войск противника районах и, наконец, переход в нужный момент, когда сложатся необходимые объективные и субъективные предпосылки, в том числе и на международной арене, к всеобщему вооруженному восстанию.

Это важное решение VIII пленума справедливо рассматривается во вьетнамской историографии как творческое развитие марксистско-ленинской науки о вооруженном восстании применительно к конкретным условиям колониального Вьетнама.

Новый подход продемонстрировали участники пленума и к решению национального вопроса. Раньше в документах партии национальный вопрос ставился в рамках созданного колонизаторами Индокитайского Союза. Участники VIII пленума, исходя из углубившихся с приходом японских оккупантов различий в социально-политическом развитии трех стран

Индокитая, предложил решать национальный вопрос в рамках каждой страны отдельно. В этой связи прежний лозунг, записанный в программе партии, о «создании правительства федеративной республики Индокитая», был заменен лозунгом «создания Демократической Республики Вьетнам». Такой подход позволил сорвать планы вражеской пропаганды сеять рознь между патриотическими силами Вьетнама, Камбоджи и Лаоса и, как показали дальнейшие события, способствовал активизации национально-освободительной борьбы в трех соседних странах. Вместе с тем было еще раз подчеркнуто, что национально-освободительные революции в трех странах тесно связаны между собой и должны, чтобы одержать победу, опираться друг на друга, оказывать друг другу помощь и поддержку.

Хижина, где проходили заседания пленума, находилась в глухом уголке джунглей, где редко ступала нога человека. То и дело доносились из чащи истошные вопли обезьян, раскатистый рык тигров, неумолчный стрекот и пересвист разноцветных диковинных птиц. Увитые лианами заросли, скрывавшие хижину от посторонних глаз, были настолько густы и труднопроходимы, что в них практически не было движения воздуха. Участники пленума по утрам пробирались глотнуть свежего воздуха к опушке леса, где террасами на холмах раскинулись рисовые поля.

К концу работы и эта возможность исчезла. Несколько дней бушевали тропические ливни — это напоминало снежную лавину в горах, такой стоял рев и грохот обрушивавшихся сверху бурных потоков воды, и речушка, неподалеку от которой находилась хижина, вышла из берегов. Вода затопила сваи и подступала прямо к порогу хижины.

Трудно было поверить, что именно здесь, в этом глухом краю, где на десятки верст в округе не встретить человека, в условиях почти что первобытных, в бамбуковой хижине на сваях, вокруг сколоченного наспех стола сидели руководящие деятели Компартии Индокитая и принимали решения, которые имели историческое значение для судеб вьетнамской нации, всего революционного движения в Индокитае.

Среди членов партии давно уже утвердилось в обращении слово «донгти» — товарищ. К Нгуен Ай Куоку же редко кто так обращался. В Пакбо местные жители дали ему прозвище Тху Шон — Лесной житель, а так как он уже носил бороду и усы, называли его дедушка Тху. Но какой же он был дедушка, если у него даже на висках еще не пробилась седина, а в работе его всегда отличали поистине неиссякаемая энергия и молодой задор. Поэтому с легкой руки кого-то из партийцев за ним закрепилось

обращение «бак» — так во Вьетнаме, особенно в деревнях, обращаются обычно младшие к старшему. На русский язык это слово можно перевести как «дядюшка», хотя такой перевод, к сожалению, не передает всего диапазона нюансов и оттенков, вкладываемых в это обращение вьетнамцами. Так с тех пор и стали обращаться к Нгуен Ай Куоку: вначале — Бак Тху, затем — Бак Хо, когда он стал Хо Ши Мином, а в последние годы жизни — просто Бак. И если это общепринятое обращение «дядюшка» было написано с большой буквы, каждый знал, что речь идет о Президенте Хо Ши Мине.

3

Когда вода немного спала и наконец прояснилось затянутое несколько дней подряд свинцовыми тучами небо, участники пленума стали собираться в дорогу. Первыми отправлялись делегаты из центральных и южных провинций, которым предстоял долгий путь. Прощаясь с ними, Нгуен Ай Куок спросил:

— Вы не забыли, что я вам наказывал? Ни в коем случае не нести с собой документы пленума.

Тут же выяснилось, что некоторые сочли слова Нгуен Ай Куока излишней предосторожностью. Предвидя трудности связи с ЦК, они записали материалы пленума на крохотных клочках бумаги, свернули их в трубочки и тщательно зашили в швах одежды. Нгуен Ай Куок потребовал тут же уничтожить все записи и сердито отчитал виновных:

— Сколько раз я вам говорил, но вы ничего не хотите слушать. Ведь еще наши предки говорили: «И в джунглях есть тропинки, и у стен есть уши». Вспомните, сколько уже было провалов. Самым молодым из вас немногим более 20 лет, остальным под тридцать. Впереди еще вся жизнь. А представляете, чего стоило нашей революции подготовить из вас преданных и стойких бойцов? Если по собственной халатности погибнете в лапах врага, кто заменит вас? Еще раз повторяю: все документы пленума получите позже от связного.

Массовые аресты членов партии в Кантоне, Гонконге, Сайгоне, многообразный опыт жизни подпольщика научили Нгуен Ай Куока неослабному вниманию к вопросам конспирации и бдительности. По его инициативе в Пакбо разработали разветвленную систему охраны тех мест, где находился руководящий штаб: вначале пещеры Кокбо, затем хижины в джунглях, куда он переместился во второй половине 1941 года. На подступах к партизанскому району несли охрану местные

жители, на наиболее опасные направления высылались по ночам партизанские дозоры, наконец, круглосуточное дежурство было организовано вокруг самого штаба.

Вместе со всеми на ночную вахту регулярно выходил и Нгуен Ай Куок, хотя многие протестовали против этого, ссылаясь на его возраст и слабое здоровье. Поскольку протесты не помогали, договорились не будить старшего товарища, когда подходил его черед. Однако это мало помогало. В особенно темные ночи случалось и такое: кто-нибудь выходит на дежурство вместо Бак Тху; слушает ночную тишину, нарушаемую лишь истошными воплями обезьян, доносящимися из глубины леса; ему досаждают москиты, он взмахивает рукой, отгоняя их, и вдруг его рука натыкается на спину человека. Оказывается, это Бак Тху, который давно уже неслышно заступил на свою вахту.

Один из ветеранов КПВ, Ву Ань, долго живший с Нгуен Ай Куоком в Пакбо, вспоминает, какое большое значение придавал он вопросам конспирации, без знания основных законов и методов которой, подчеркивал он, не может быть настоящего революционера. Однажды в Каобанг, рассказывает Ву Ань, прибыла новая связная от ЦК партии с письмом для товарища Тху. Она вошла в пещеру Кокбо и, увидев там человека в одежде нунга — это был Нгуен Ай Куок, — обратилась к нему. Тот взял письмо и сказал ей: «Товарища Тху пока нет, я его связной и передам ему письмо». Связная, ее звали Ми, осталась надолго в партизанской зоне, занималась на политических курсах. Через несколько дней она заметила, что основную часть занятий проводит все тот же связной товарища Тху. «Да, — подумала она тогда, — поистине необычные люди эти революционеры. Простой связной, а как все здорово объясняет». Товарища Тху она так больше и не встретила, но не раз слышала, как на курсах увлеченно рассказывали о каком-то Нгуен Ай Куоке. После окончания курсов Ми направили в провинцию Хадонг, где она участвовала в вооруженном восстании. В августе 1945 года, когда победила Августовская революция, был опубликовал состав Временного правительства Демократической Республики Вьетнам. Однако в нем она не увидела фамилий ни Тху, ни Нгуен Ай Куока, о которых так много говорили в Пакбо, потому что к тому времени этот человек уже стал Хо Ши Мином. И только 2 сентября 1945 года, когда на ханойской площади Бадинь появились члены нового правительства, она вдруг, к изумлению своему, обнаружила, что президент ДРВ, оказывается, все тот же связной товарища Тху, которому она передала письмо. Тут только Ми все и поняла.

Благодаря усилиям Нгуен Ай Куока, постепенно

прививавшего своим соратникам чувство высокой бдительности, колониальной охранке так и не удалось в течение нескольких лет обнаружить местонахождение руководящего штаба революции, хотя, как говорилось выше, у нее и имелись сведения о пребывании на территории провинции Каобанг руководителя КПИК. Не раз вражеские лазутчики оказывались в нескольких сотнях метров от расположения штаба, однако так и не сумели его обнаружить.

С расширением деятельности патриотов в провинции власти усилили репрессивные меры. Повсюду на дорогах и горных тропах, ведущих в этот район, появились «зеленые кушаки» — солдаты императорских войск безопасности. Появился приказ о введении комендантского часа. Тот, кто с наступлением ночи оказывался за пределами своей деревни, немедленно подвергался аресту. По данным, которые удалось раздобыть патриотам, охранке стали известны многие самые потаенные убежища партизанской зоны, в том числе, возможно, и местопребывание руководящего штаба.

Было принято решение любыми путями переправить Нгуен Ай Куока в более безопасный район. Однако сделать это оказалось не так-то просто. Ночью в джунглях передвигаться почти невозможно, да и легко нарваться на засаду. Идти же днем сквозь плотный кордон агентов безопасности казалось чистейшим безумием. Где же выход? И вот, когда все уже были близки к отчаянию, Нгуен Ай Куок, молча выслушивавший, сидя на скамье, различные варианты, неожиданно обратился с вопросом к местным товарищам:

— Скажите, кому-нибудь из вас доводилось пользоваться услугами шаманов-знахарей?

— Да, наверное, всем, и не один раз, — в недоумении ответили они.

В этих краях врачей испокон веку и в глаза не видывали, а всякую дурную болезнь изгоняли из больного с помощью кудесников или шаманов, которые пользовались здесь, как и у всех отсталых народов, непререкаемым авторитетом.

— Тогда приготовьте мне все, что полагается иметь шаману, — твердо сказал Нгуен Ай Куок.

Ему выделили в провожатые молодого нунга-партийца. Собрали среди жителей деревни по частям то, что входило в реквизит шаманов. И вот наконец сборы закончены. На плече у провожатого коромысло с плетеными корзинами, в них пара фолиантов по черной магии, деревянные печатки с магическими знаками, коробка с гусиными перьями, небольшой медный гонг, благовонные палочки, живой цыпленок, из которого шаманы,

исцеляя больного, выпускают кровь, и вместительная бутыль деревенского самогона. Нгуен Ай Куок облачен в черное долгополое платье, расшитое загадочными иероглифическими письменами, на ногах матерчатые тапочки, на голове повязка в форме тюрбана, за спиной соломенная конусоугольная шляпа-нон, в руках бамбуковый посох.

В путь тронулись ближе к полудню. Первый полицейский пост. На вопрос офицера провожатый ответил, что ведет шамана к больной жене. Так удалось пройти несколько постов. Неожиданно впереди они увидели группу крестьян, возвращавшихся с рынка, которые шли в том же направлении. Переглянувшись друг с другом, Нгуен Ай Куок и его провожатый решили смешаться с ними. Однако только они успели пройти несколько сот метров, как увидели впереди очередной пост службы безопасности. Несколько солдат подошли к ним и стали потрошить корзины, внимательно рассматривая каждую вещь. Они даже полистали «колдовские» книжки и ощупали цыпленка.

В это время из дверей поста вышел начальник службы безопасности здешней общины.

— И куда же это вас в такую жару несет? — лениво спросил он обыскиваемых.

— Да вот веду шамана к больной теще, — угодливо отвечал провожатый.

— Вот здорово! — обрадовался начальник. — А у меня жена хворает. Прошу вас, почтеннейший, зайдите и в мой дом.

— Что вы, начальник, какой из него знахарь. Он только простуду лечит, — с явной растерянностью забормотал провожатый. — К тому же на ухо туговат.

Он бросил взгляд по сторонам и неожиданно заметил неподалеку одного знакомого активиста из общества спасения родины. Провожатый инстинктивно нащупал в потайном месте пистолет. «Если дело станет плохо, — подумал он, — дам сигнал этому человеку, и попробуем, угрожая оружием, скрыться в лесу. В округе немало наших, они помогут».

Тем временем начальник подошел к неподвижно стоявшему шаману и, тронув его за плечо, повторил:

— Почтеннейший, прошу вас, зайдите на минутку ко мне, посмотрите мою жену.

Шаман медленно повернул голову и, приставив ладонь к уху, что есть мочи гаркнул:

— Чего?

Зубы его обнажились, и начальник увидел, что они золотисто-черного цвета. Красить зубы черным лаком, чтобы предохранить их от порчи, — это стародавний обычай во

Вьетнаме. И сейчас в деревнях можно встретить немало людей преклонного возраста с эбеновыми зубами с алой каймой от жевания бетеля. Перед тем как отправиться в путь, Нгуен Ай Куок предусмотрительно натер себе зубы молодой древесной смолой и стал совсем похож на деревенских стариков.

— Видите, начальник, я же говорил — глухой он. А теща у меня так хворает, так хворает, — запричитал провожатый.

— Ну ладно. Скажи старику, пусть все-таки на обратном пути заглянет ко мне. — Начальник величаво взмахнул рукой, давая понять, что разрешает идти дальше.

Оставшийся путь прошли без приключений. Достигнув места назначения, провожатый рассказал товарищам в деталях, как все было. По лицу его от пережитого волнения градом катил пот, и он то и дело возбужденно восклицал:

— У дядюшки Тху такая выдержка, такая выдержка! Если бы не он, я бы все испортил.

В июне 1941 года Нгуен Ай Куок от имени Вьетминя пишет обращение к соотечественникам, в котором призывает их подниматься на борьбу за национальное освобождение. Он говорит им, что французские колонизаторы «проводят в нашей стране политику притеснения, террора и убийств» и в то же время «безропотно выдали нас Японии… В результате наш народ изнывает от двойного гнета: он превращен в рабочий скот для французских колонизаторов и в рабов для японских захватчиков».

«Разве повинен наш народ, — спрашивал Нгуен Ай Куок, — что столь тягостна его судьба? Примирился ли он со своей участью, живя в столь тяжелых условиях? Нет. Решительно нет! Более 20 миллионов потомков Лак Лонга и Хонг Банга[18] никогда но смирятся с положением рабов».

Обращение заканчивалось страстным призывом: «Бойцы революции! Время настало! Выше вздымайте знамя восстания, ведите народ всей страны на свержение господства японских и французских захватчиков!»

Этот призыв разнесся но всей стране. Листовки с текстом обращения передавались из рук в руки. В деревнях и городах работали партийные агитаторы. Слово Нгуен Ай Куока проникало в сердца людей, поднимало их на борьбу.

4

Движение Вьетминь набирало силу. То в одной, то в другой общине провинции Каобанг возникали новые общества спасения родины, отряды самообороны. Постепенно партизанские опорные

базы стали создаваться и в соседних провинциях. Между тем развитие партизанского движения проходило в крайне неблагоприятных условиях. Практически не было оружия, партизаны были вооружены пиками, саблями, кинжалами. Но главное — не хватало надежных партийных активистов, политически грамотных и преданных делу революции, которые вели бы широкую агитационную работу в массах. На совещаниях и партийных собраниях Нгуен Ай Куок часто повторял:

— Революционное движение подобно приливу, а надежные, преданные активисты подобны сваям, которые удержат песчаные наносы, когда вода схлынет.

В своей работе с партийными кадрами Нгуен Ай Куок, мотивируя необходимость тех или иных действий, часто ссылался на исторический опыт ВКП(б) как образец революционного творчества. Переведенный им «Краткий курс истории ВКП(б)» стал для партийных активистов в Накбо основным учебным пособием, настольной книгой. Многие из них запомнили такой эпизод. В партизанской зоне с ростом силы Вьетминя и расширением рядов обществ спасения родины участились случаи убийств местных реакционеров — старост и других прислужников властей. Нгуен Ай Куок подверг серьезной критике эти действия. Он напечатал на машинке в нескольких экземплярах выдержки из «Краткого курса», где говорилось об отрицательном отношении ленинизма к индивидуальному террору, и разослал их в партийные ячейки с указанием ознакомиться и принять к исполнению.

Политические курсы, открытые в окрестностях Цзинси, продолжали свою работу и в Пакбо. За околицей деревни высилась внушительная скалистая гора, на склоне которой прилепился динь — общинный дом, выполнявший в старом Вьетнаме роль культового дома, клуба и места для сходок крестьян. За общинным домом обнаружили в скале глубокую, скрытую от взоров расселину, где могли разместиться несколько десятков человек. Здесь и решили проводить занятия.

Заместитель председателя Совета Министров СРВ Во Нгуен Зиан вспоминает: «Товарищи Фунг Ти Киен, Ву Ань, Фам Ван Донг и я делали предварительные наброски учебной программы, каждый по своей теме — пропаганда, организационная работа, изучение теории, революционная борьба. А Бак руководил нами. Он работал с каждым из нас настойчиво, терпеливо, требуя предельной тщательности и четкости. Обращал наше внимание не только на содержание материала, но и требовал писать ясно,

коротко, сжато, простыми словами, понятными широким массам. Чем бы он ни занимался, что бы ни делал, он постоянно ставил перед нами вопрос за вопросом, делая особый акцент на практической деятельности — ведь только она приносит конкретные результаты. *Максимально возможная конкретность и тщательность* — этот стиль работы, принятый на наших лесных курсах политучебы, произвел на меня глубокое впечатление, и я постоянно хранил его в своей памяти в годы войны Сопротивления, в нашей работе в армии. Как на курсах, так и в своей последующей работе я снова и снова убеждался, что именно простые, доходчивые слова, отвечающие сокровенным чаяниям народа, легче всего поднимают широкие массы на борьбу. Если я и добился результатов в своей работе в освобожденных районах, то благодаря в первую очередь пройденной в Пакбо школе, благодаря тому, что я, как и 40 других наших товарищей, работал и учился там на курсах политучебы».

Поскольку Нгуен Ай Куок провел долгое время в Советском Союзе, поэтому его часто просили рассказать о жизни в этой далекой стране, да и сам он любил ссылаться на примеры из жизни трудящихся России. Он рассказывал людям, многие из которых еще были неграмотны, о том, как страдал русский народ под гнетом царизма и как появилась созданная Лениным партия рабочего класса, которая подняла народ на битву за свободу, счастье и равенство. Рассказывая об этом слушателям, в широко раскрытых глазах которых светилось неподдельное восхищение услышанным, он внезапно делал паузу и, рассекая ладонью воздух, чеканя каждое слово, решительно говорил:

— То, что сделали трудящиеся России, можем и должны сделать и мы. Наша задача — учиться у русской революции. После победы революции, поверьте мне, братья, и в нашей стране будет построено такое же прекрасное общество, как в Советской России.

То было тяжелейшее для советского народа время, когда фашистские полчища по горящим дорогам Белоруссии и Смоленщины рвались к сердцу Советской страны — Москве. Многие слушатели курсов, да и близкие друзья Нгуен Ай Куока с тревогой спрашивали его: выдержит ли Советский Союз такой страшный удар?

— Фашисты похваляются, что быстро сокрушат Советский Союз, но этому никогда не бывать, — твердо отвечал он. — Даже в XIX веке, когда Россия задыхалась в тисках царской деспотии, непобедимый дотоле Наполеон был разгромлен русским народом. Теперь же Россия — социалистическое государство, ее народ уже два десятилетия живет при социализме, он познал радость новой

жизни, где нет эксплуатации человека человеком, где жизнь становится день ото дня все краше. Советский народ высокоорганизован, сознателен, воспитан в духе патриотизма и верности революционным идеалам, им руководит славная Коммунистическая партия. Разве можно одолеть такой народ? Родина мировой революции будет стоять насмерть. Поверьте мне, Красная Армия вскоре перейдет в контрнаступление и погонит фашистов туда, откуда они пришли.

Здесь он обычно делал паузу и, обведя глазами притихших слушателей, торжественно заканчивал:

— День, когда советский народ одержит победу, должен стать сигналом для нашей революции. Чтобы приблизить этот славный час, мы должны с вами сегодня работать, не щадя сил.

После этих его слов даже у самых отчаянных скептиков и маловеров глаза зажигались огнем радости и веры в победу революции, и казавшиеся прежде незначительными задания, особенно по ведению работы среди населения, приобретали совсем иной, особый смысл.

Агитационно-пропагандистской, идейно-воспитательной работе среди масс Нгуен Ай Куок придавал первостепенное значение, постоянно напоминая об этом своим соратникам. Глубокая пахота — хороший рис, любил повторять он. Чтобы создать вооруженные силы революционного народа, подготовить все необходимые субъективные условия для победы всеобщего вооруженного восстания, необходимо прежде всего иметь армию пропагандистов и агитаторов, политическую армию. При этом он ссылался на исторический опыт КПСС. В качестве наиболее яркого примера эффективности целенаправленной политической работы он любил приводить период с лета по октябрь 1917 года в истории российской революции, когда партия большевиков под руководством В. И. Ленина сумела привлечь на свою сторону самые широкие массы трудящихся, добившись повсеместной большевизации Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В начале седьмой главы «Краткого курса истории ВКП(б)», повествующей об этом периоде, он вложил закладку, на которой записал свою любимую поговорку: «Прямое дерево не боится умереть стоя».

Он лично инструктировал и экзаменовал партийных активистов, которые после окончания курсов направлялись в глухие уголки провинции Каобанг и соседних провинций Баккан и Лангшон, чтобы создавать там новые опорные базы, вести пропаганду в пользу Вьетминя.

— Представьте себе, что я неграмотный деревенский житель, а вы пришли ко мне в дом агитировать меня за революцию, —

говорил он, а глаза его при этом лучились лукавой улыбкой. — Ну-ка посмотрим, с чего вы начнете…

Некоторые из агитаторов сами еще были неграмотными, да к тому же им было запрещено носить при себе какие-либо письменные материалы — нередки были случаи, когда агенты безопасности убивали арестованных на месте, только обнаружив у них газету Вьетминя. В помощь агитаторам Нгуен Ай Куок написал 30 стихотворений, каждое на отдельную тему: как агитировать правительственных солдат, женщин, стариков, буддистов, католиков и т. д.

Всех, кто возвращался в Пакбо после выполнения задания, Нгуен Ай Куок приглашал к себе в хижину и заставлял рассказывать от начала до конца: что и как они говорили местным жителям, как те реагировали на их агитацию, в чем сомневались. Выслушав, тут же разъяснял, где были допущены ошибки. Особенно доставалось от него тем, кто обнаруживал пренебрежение к основным требованиям работы среди населения.

— Если ты партийный активист, — строго выговаривал он, — ты обязан сам быть носителем подлинно революционной морали. Люди должны тебе верить, уважать и любить тебя. Хочешь, чтобы они верили, ты должен быть искренним и честным во всем. Чтобы уважали — быть вместе с ними в беде и лишениях. Чтобы любили — почитать старость, вести себя достойно по отношению к женщинам, по-отечески относиться к детям. Наконец, всегда надо помнить о местных обычаях и уважать их, какими бы они ни казались странными. Как говорят в народе, лучше не уплатить налог королю, чем нарушить обычаи деревни.

В отчетах некоторых агитаторов проскальзывали подчас пессимистические нотки. Мол, стараемся мы напрасно, только подготовишь в деревне какой ни на есть актив общества спасения родины, как «зеленые кушаки» делают налет, кого припугнут, кого со связанными руками уведут в город, и после этого в деревне лучше не показываться, даже разговаривать с тобой никто не будет. Таким горе-агитаторам Нгуен Ай Куок терпеливо разъяснял:

— Среди сочувствующих революции можно выделить три категории людей. Одни, вступив однажды на путь борьбы, остаются верны избранному пути до конца своих дней. Другие поначалу вроде бы отдают революционному делу весь жар своей души, а потом, испугавшись полицейских репрессий, замыкаются в себе, как улитка в раковине. У третьих же, напротив, террор вызывает гнев и прилив новых сил, они становятся самыми активными революционерами. Вот почему мы не должны бояться вражеских репрессий. Это как сито — слабые отсеиваются, самые

же стойкие и преданные революции остаются. Пусть после волны репрессий из 100 человек останутся активными членами общества спасения родины всего лишь трое, другие испугаются и отойдут в сторону. Это ничего, главное — убедить как можно больше людей в том, что революция близка. Даже если они не смогут или не решатся установить связь с нами, сердца их все-таки будут принадлежать революции. Ведь они бедны, они ненавидят колонизаторов и феодалов, они страстно мечтают об освобождении родины. Как только прозвучит первый гром революционных сражений, они тотчас же примкнут к нам.

Не меньшее значение придавал он и тому, каким языком говорят агитаторы с местными жителями. Его прямо-таки коробило, когда иной молодой активист, начитавшись политической литературы, не говорил, а изрекал; из него, как из рога изобилия, сыпались ультрареволюционные фразы. Морщась, словно от зубной боли, Нгуен Ай Куок останавливал ретивого оратора:

— Товарищ, прошу вас, не увлекайтесь громкими словами, избегайте краснобайства. Тот, кто хочет стать настоящим пропагандистом, должен научиться говорить языком народа, только тогда он заставит людей слушать себя. Старайтесь поначалу говорить с людьми о самом для них кровном, наболевшем, об их родителях, детях, хватает ли им на жизнь, а уж только потом переводите разговор на то, кто виноват в их нищенской жизни и страданиях.

Не жаловал он и любителей щегольнуть красивым иностранным словцом. Таких он обычно разил наповал метким словом народной мудрости: «Безобразная хочет стать красавицей, невежда норовит выражаться по-ученому». В ту пору среди революционеров только что вошло в обиход заимствованное из китайского языка и, конечно, малопонятное местным жителям слово «доан кет» — солидарность. Тех, кто к месту и не к месту вставлял его в свою речь, Нгуен Ай Куок отечески журил:

— Почему бы вместо этого не напомнить всем известное казао: «Одно дерево — это дерево, а три дерева — это уже высокая гора»? Или привести такой пример: нет ничего проще сломать одну дуа — палочку для еды, по попробуйте сломать пучок дуа. Вот тогда людям сразу станет ясно, что такое солидарность.

Те, кто работал бок о бок с Нгуен Ай Куоком в Пакбо, вспоминают, что он на собственном примере показывал, как нужно с учетом местного своеобразия вести конкретную и доходчивую агитацию. В первый же вечер, поселившись в пещере Кокбо, он затеял разговор со старым нунгом Май Ли. Тот не знал

вьетнамского, поэтому общались они с помощью иероглифов, выводя их палочкой на песке. Старый нунг жаловался на тяжелую жизнь: от волостного начальства и старост, писал он, просто спасу нет, совсем заездили народ. Нгуен Ай Куок пытался убедить его, что главные враги — это колонизаторы, а местное начальство — всего лишь их прислужники, однако Май Ли стоял на своем. Тогда Нгуен Ай Куок, подумав мгновение, стал быстро чертить новые иероглифы:

— Представьте себе: наш народ — это дерево, старосты и волостное начальство — это гвозди, наконец, тэи — это молоток. Ударим молотком по гвоздям, гвозди окажутся в древесине. Отшвырнем. его в сторону, — он перечеркнул крест-накрест иероглиф, обозначавший молоток, и даже для наглядности взмахнул рукой по направлению к дремучим зарослям кустарника, — и тогда гвозди будут бессильны перед деревом.

Старый нунг задумчиво подержал в руке свою пышную бороду, морщины на его лице разгладились, он рассмеялся и закивал головой в знак согласия:

— А ведь так оно и есть, вы правы, а я-то, старый, не мог додуматься.

После VIII пленума ЦК партии работу канбо — партийных активистов — стали оценивать главным образом по тому, сколько новых людей им удалось вовлечь во Вьетминь. Из-за этого на какое-то время оказалась в тени гораздо более важная задача — необходимость постоянного пополнения рядов партии. На одном из собраний партячейки Нгуен Ай Куок указал на этот недочет в работе и предложил, чтобы каждый партиец взял на себя обязательство подготовить к приему в партию как минимум одного местного жителя. Сам он остановил выбор на юном сыне знакомого нунга Дай Ламе, который давно уже помогал патриотам. С того дня часто можно было встретить Дай Лама на берегу ручья Ленина за каменным столом в обществе Нгуен Ай Куока. А через несколько месяцев Дай Лама торжественно приняли в партию. Пройдут годы, и он станет полковником Народной армии Вьетнама.

Один эпизод особенно врезался Дай Ламу в память. «Я ушел из деревни и жил в джунглях с партизанами, — рассказывал он. — Односельчане и там меня разыскали. Им требовался шаман, чтобы принести жертву духам. Раньше мой отец шаманил и часто брал меня с собой. Потом, когда отец состарился, я нередко ходил вместо него по домам, где были больные. Но, став революционером, я прекратил шаманить. Хотя односельчане меня и уговаривали, я наотрез отказывался, твердя им одно:

— Ни духов, ни чертей нету. Больных нужно исцелять лекарствами, хорошей пищей.

Некоторые из тех, кому я отказывал, просто волосы на себе рвали от отчаяния, что некому будет теперь изгнать злых духов из их домашнего очага. Слухи об этом дошли до Бак Тху. При очередной встрече он спросил меня:

— Ты что, тю Лам[19], и вправду больше не шаманишь?

Я высказал все, что думаю по этому поводу, гордый от сознания, что Бак Тху сейчас меня похвалит за то, что я так скоро избавился от предрассудков. Но тот неожиданно принялся меня отчитывать:

— Это хорошо, что идеи революции так захватили тебя. Но прикинь-ка, не слишком ли ты оторвался от народа? К чему мы сейчас прежде всего должны призывать массы? Ненавидеть империалистов и феодалов. Вначале надо помочь массам проникнуться революционным сознанием, а уж потом мы будем вправе убеждать их, да и то постепенно, отказаться от предрассудков и суеверий.

Настойчивость Нгуен Ай Куока, не раз требовавшего от членов партии трезвого отношения к религиозным и иным верованиям населения, способствовала наряду с другими факторами тому, что вьетнамские коммунисты сумели в период подготовки революции выработать правильную, эффективную линию в этой важнейшей области, позволившую им привлечь на сторону революции широкие массы верующих двух наиболее многочисленных во Вьетнаме религиозных общин — буддийской и католической, в том числе и значительную часть духовенства. Нередки были случаи, когда в буддийских пагодах и католических храмах при содействии самих настоятелей скрывались от преследования полицейских ищеек партийные работники, там же не раз проходили важные совещания и даже пленумы ЦК. Тесное сотрудничество партии с крупными религиозными общинами успешно осуществлялось в рамках Вьетминя, а впоследствии — Отечественного фронта Вьетнама и Национального фронта освобождения Южного Вьетнама.

5

Месяцы, проведенные в Пакбо, стали для Нгуен Ай Куока своеобразной «болдинской осенью». Он много писал, переводил, из его хижины слышался глухой перестук пишущей машинки.

С первых же дней после появления в Пакбо он поставил вопрос о необходимости выпуска партийной газеты. Сделать это

было крайне трудно, из типографского оборудования удалось найти на месте лишь коробку туши да литографский камень. Бумагу пришлось делать самим из бамбука, и была она причудливого светло-зеленого цвета. И все-таки через несколько дней удалось наладить выпуск газеты под названием «Независимый Вьетнам», которая стала официальным органом Вьетминя. Газета пользовалась успехом у местных жителей и получила широкое хождение в партизанской зоне.

В Пакбо Нгуен Ай Куок много занимался вопросами военной теории, убежденный, что в условиях Вьетнама революция может победить только в результате вооруженного выступления масс. Он перевел на вьетнамский язык трактат средневекового китайского военачальника Суньцзы «Методы военного дела», написал брошюры о тактике партизанской войны и методах подготовки военных командиров. Они, как и газета, издавались литографским способом в виде карманных книжечек и распространялись среди патриотов.

В числе литературных трудов, завершенных Нгуон Ай Куоком в Пакбо, выделяются две оригинальные по форме и содержанию исторические поэмы. Обе они написаны традиционным для вьетнамского стихосложения размером «люкбат», в котором строки из шести односложных слов чередуются со строками из восьми слов, а сочетание внешних и внутренних рифм придает стихам особую выразительность и напевность. В первой из них — «Истории нашей страны», начатой автором еще в годы учебы в Советском Союзе, в образной форме изложены основные события истории Вьетнама, начиная от первого мифического короля Хонг Банга и кончая нашествием на страну французских завоевателей. Главная мысль, которой проникнуты четверостишия «Истории нашей страны», — вьетнамский народ побеждал тогда, когда добивался подлинного сплочения своих рядов в борьбе за спасение родины, и, наоборот, терпел тяжкие поражения, когда этого сплочения не было. Воздавая должное древним вьетнамским полководцам, он подчеркивает, что все их победы — результат умения повести за собой широкие массы. О национальном герое Вьетнама Куанг Чунге он говорит:

У него могучая воля
и великий ум,
да к тому же народ
в едином порыве
сплотился вокруг него.

Этот же лейтмотив звучит в последних строках произведения,

обращенных к соотечественникам:

> О потомки Дракона и Феи,
> поскорей собирайтесь в единую
> могучую рать.

Вторая поэма — «История Вьетнама в период 1847–1947 годов» — примечательна тем, что в ней приведена составленная автором хронологическая таблица с указанием основных дат в история вьетнамского народа в течение почти ста лет французского колониального господства. Последними в таблице, написанной в начале 1942 года, стояла следующая дата: 1945 год — независимый Вьетнам. Ву Ань вспоминает в этой связи: «…Бак; написал в конце таблицы, что Вьетнам станет независимым в 1945 году. Наши товарищи, прочтя его поэму, горячо обсуждали между собой эту дату. Некоторые сокрушались: неужто еще так долго придется ждать? Другие же, наоборот, считали ее чересчур оптимистической. Бак, слушая эти разговоры, лишь улыбался и приговаривал: «Ну что ж, поживем — увидим».

В конце этого редкостного но проницательности произведения Нгуен Ай Куок написал: «Нация, которая преисполнена чувством патриотизма такой силы, как вьетнамская, непременно должна быть единой и независимой». Это его пророчество стало реальностью уже через три года после того, как оно было высказано. И хотя затем вьетнамскому народу пришлось еще почти 30 лет бороться с оружием в руках, дело единства и независимости его родины восторжествовало полностью и окончательно.

В ЗАСТЕНКАХ

Мне надо во Вьетнам, на родину мою.
Китайский климат злой мне сковывает тело,
Но я не жалуюсь, я все-таки пою!

Хо Ши Мин

1

С оккупацией Вьетнама Японией перед патриотическим движением встали новые трудности. Прервались регулярные связи между Севером и Югом страны. Еще более неприятным было то обстоятельство, что патриотические силы практически потеряли связь с внешним миром. Нгуен Ай Куок и его соратники подчас затруднялись даже составить достоверную картину того, как развиваются события на фронтах мировой войны, и в первую очередь о ходе антияпонского сопротивления китайского народа. Для успешной борьбы против японских оккупантов и их вишистских прихвостней Вьетминю, выступавшему в качестве полномочного представителя вьетнамского народа, требовалась также политическая, а в лучшем случае и материальная помощь держав антифашистской коалиции. Последняя нужна была особенно потому, что возникавшие в глухих горно-лесных районах провинций Каобанг, Лангшон, Баккан партизанские отряды практически не имели огнестрельного оружия. Наконец, необходимо было восстановить связи с многочисленными эмигрантскими организациями вьетнамцев в Южном Китае и постараться вовлечь их во Вьетминь.

Одним словом, обстановка настоятельно требовала направить в Китай авторитетного представителя Вьетминя, который мог бы справиться с решением перечисленных выше задач. О том, кто пойдет, особых дискуссий не было. Единственным человеком, который мог бы стать достойной фигурой для контактов и переговоров с любыми зарубежными представителями, да к тому же хорошо знавшим сложные китайские условия, был Нгуен Ай Куок.

В последних числах августа 1942 года он позвал к себе Ву

Аня и попросил его:

— Смастери-ка для меня две печати: одну — Вьетминя, другую… — он секунду помедлил, — вьетнамской секции Международной лиги борьбы против агрессии.

Тут же своим каллиграфическим почерком он написал на китайском и французском языках рекомендательное письмо от указанных организаций, выданное китайскому эмигранту во Вьетнаме господину имярек, направляющемуся в Китай для встречи с представителями Чунцина — в этом городе в те годы находилась резиденция правительства Чан Кайши. Чтобы сбить со следа французскую и японскую разведки, он вписывает в рекомендательное письмо совершенно новое имя — Хо Ши Мин, которое на русский язык можно перевести как «Умудренный». Отныне целая эпоха, связанная с революционной деятельностью под именем Нгуен Ай Куока, осталась позади. Начиналась новая страница его биографии. Под именем Хо Ши Мина он и стал известен всему миру как вождь вьетнамской революции, руководитель вьетнамских коммунистов, борьбы вьетнамского народа за национальное и социальное освобождение.

29 августа в сопровождении двух проводников Хо Ши Мин тронулся в путь. В целях предосторожности шли поодиночке, не теряя друг друга из виду. Хо Ши Мин шел последним, изображая старого, подслеповатого нунга с посохом в руке. После удачного перехода границы связались с одним местным китайцем, которого знали как давнишнего члена КПК. Дальше Хо Ши Мин двинулся в сопровождении этого китайца. Добравшись до городка Тяньдун, они заночевали на постоялом дворе. Поздней ночью в их комнату внезапно ворвались агенты чанкайшистской цзиньча — полиции — и, скрутив обоим руки, увели с собой.

Больше месяца в Пакбо находились в неведении о судьбе Хо Ши Мина. На его поиски были посланы в Китай несколько товарищей. И вот однажды один из них принес в Пакбо китайскую провинциальную газету, которую ему удалось получить от Хо Ши Мина через подкупленного тюремщика в Лючжоу. Когда поля газеты смазали раствором йода, на них проступили буквы, написанные рисовым отваром. Потом такие газеты стали приходить в Пакбо чуть ли не каждую неделю. Свои краткие послания Хо Ши Мин обычно сопровождал четверостишием. Из его писем и стихов, хотя и говорил он об этом вскользь, вырисовывалась мрачная картина мучений, выпавших на его долю в китайских застенках.

Вначале его держали в городской тюрьме Наньнина. После первых дней заключения какой-то провокатор донес тюремному начальству, что новый заключенный ведет в камере

«большевистскую агитацию». Тюремщики дали пожилому, изможденному узнику десять палочных ударов по пяткам, а затем, чтобы избавиться от опасного незнакомца, перебросили его в другую тюрьму. Уминь, Учжоу, Лунцзинь, Босе, Лючжоу, Гуйлинь, опять Лючжоу — в общей сложности Хо Ши Мин сменил тридцать тюрем в тринадцати уездах провинции Гуанси. Да, впрочем, тюрем ли? Это была какая-то жуткая, однообразная череда зловонных, кишащих паразитами подземелий, убогих деревенских сараев, мрачных военных казематов. Переводили из одного места заключения в другое пешком, с деревянной колодкой на шее, под вооруженным конвоем, по гористым дорогам и болотистым низинам, под жгучим тропическим солнцем и проливными дождями. За месяцы тюремных скитаний Хо Ши Мин поседел, зубы его шатались и вываливались из кровоточащих десен.

Но ни на один день не терял он присутствия духа, и как только тюремщики запирали на засов дверь его очередной темницы, он писал стихи, вернее, дневник в стихах. Всего из-под его пера вышло в черные дни заключения 114 четверостиший, которые после победы революции во Вьетнаме были изданы отдельной книгой под заголовком «Тюремный дневник» и приобрели международную известность.

Тюремщики следят за каждым движением заключенного и все написанное на непонятном для них языке немедленно отбирают. Хо Ши Мин находит способ усыпить их бдительность — он пишет стихи и ведет дневниковые записи иероглифами ханваня. Может быть, поэтому «Тюремный дневник» — не просто четверостишия, это рвущиеся из мрака к свету мысли автора, закованные в кольчугу чужого языка, это внутренний огонь, который помог ему выстоять, сберечь силы и спова вернуться в строй борцов революции. Великое мужество и яркий поэтический талант — этот сплав позволил Хо Ши Мину создать замечательный лирический рассказ, герой которого — узник-коммунист, борец революции, несгибаемый, чуждый отчаяния, исполненный твердой веры в завтрашний день, в торжество справедливости:

Когда бы не было злой зимы,
забыл бы мир о весне.
Несчастия этой черной тюрьмы
закалкой послужат мне.

И в мрачных застенках, где каждодневно безжалостно втаптывается в грязь человеческое достоинство, Хо Ши Мин не теряет присущее ему чувство юмора, добрую усмешку:

Питаюсь и живу за счет казны.
Солдаты охранять меня должны.
Бреду вдоль рек, брожу по горным кручам:
Немногие, как я, вознесены!

Все муки, страдания, горести побеждаются радостью бытия, полнотой жизни, которая так и брызжет почти в каждой стихотворной миниатюре узника.

Пускай мне руки в сталь закуют.
Но если птицы в горах поют,
То кто запретит мне глядеть вокруг?

«Тюремный дневник» Хо Ши Мина вполне может быть поставлен в один ряд с таким выдающимся творением революционной литературы, как «Репортаж с петлей на шее» Юлиуса Фучика. Вьетнамские литературоведы по праву называют Хо Ши Мина основоположником вьетнамской революционной поэзии, а его «Тюремный дневник» — крупным вкладом в сокровищницу искусства социалистического реализма во вьетнамской литературе. Хо Ши Мин был и борцом революции, и ее певцом.

Пускай в стихах звенит и блещет сталь.
Поэт — боец, других бойцов ведущий.

Таково, считал он, предназначение революционной поэзии.

400 дней в застенках чанкайшистов слились для Хо Ши Мина в один долгий сплошной черный день. Душная, затхлая камера, деревянные нары, слегка присыпанные грязной соломой, чашка вареной чумизы да кружка мутной воды на обед, побои и издевательства тюремщиков — вот слагаемые этого черного дня. Но среди этого мрака в память Хо Ши Мина, как молния в иссиня-черную тропическую ночь, врезался февральский день 1943 года в лючжоуской тюрьме. Один из охранников, чье расположение он сумел завоевать, тайком принес ему почитать местную газету «Лючжоу жыбао». Хо Ши Мин взял газету, глянул на первую полосу и подпрыгнул на нарах от радости, чуть не ударившись головой о низкий деревянный косяк. После шести месяцев ожесточенных боев, оповещала газета крупными иероглифами, Красная Армия Советской России одержала полную победу в сражении под Сталинградом, выведя из строя убитыми, ранеными

и взятыми в плен 330 тысяч гитлеровских солдат и офицеров. «Вот оно, свершилось! Теперь близок час и нашего освобождения», — пронеслась в голове узника торжествующая мысль.

Такое событие нельзя было не отметить. Хо Ши Мин извлек из тайника в своей превратившейся в лохмотья одежды чудом сохранившийся заветный серебряный юань, позвал охранника и попросил купить ему в городе соевых хлебцев, кулек конфет и немного «люхуача» — ароматного зеленого чая с лепестками жасмина. Вечером, когда чай был готов, Хо Ши Мин, подняв вверх сжатую в кулак правую руку, шепотом воскликнул: «Да здравствует партия большевиков! Да здравствует Красная Армия! Да здравствует великая победа Советской России!»

Почти точно так же отмечали этот великий день его собратья по неволе на родине: на острове смерти Пуло-Кондор, в сайгонском централе Тихоа, в мрачных казематах главной тонкинской тюрьмы в провинции Шонла, в десятках других тюрем, где томились патриоты. О великой победе под Сталинградом они узнавали по-разному — кто раньше, кто позже, но эта радостная весть непременно доходила до них. Сами же тюремщики приносили ее и угодливо высказывали готовность выполнить просьбы заключенных, если они имеются. Эхо Сталинградской битвы было таким мощным, грозным, всесокрушающим, что заставило вздрогнуть и в испуге втянуть голову в плечи гонителей и палачей добра и справедливости даже за десятки тысяч верст от берегов Волги, в задавленном двойным гнетом многострадальном Вьетнаме.

Из кратких посланий Хо Ши Мина на полях газет явствовало, что его арест — это, по всей видимости, инициатива гуансийских властей, которые предъявили ему абсурдное обвинение в том, что он будто бы «ханьгань» — китайский предатель. И только впоследствии удалось установить, что Хо Ши Мина схватили по доносу скорее всего Чыонг Бой Конга и его сторонников, которые всерьез опасались, что появление авторитетного представителя Вьетминя отрицательно отразится на их позициях во вьетнамских эмигрантских кругах.

Помочь вызволить Хо Ши Мина могло только вмешательство Чунцина. Постоянный комитет ЦК КПИК развернул среди обществ спасения родины зоны Вьетбак, а также среди вьетнамских эмигрантов в Южном Китае кампанию за его освобождение. В Чунцин направлялись сотни писем и петиций с этим требованием. В Пакбо выпустили специальный номер газеты «Независимый Вьетнам» с призывом к китайскому народу

«содействовать освобождению одного из старейших вьетнамских патриотов». Это обращение разослали в Коминтерн, ТАСС, во многие китайские газеты, различным демократическим организациям и политическим деятелям Китая.

Однажды, где-то ближе к середине 1943 года, в Пакбо вернулся одни из связных партии, товарищ Кан, и принес трагическую весть; Хо Ши Мин заболел в тюрьме и умер. Так сказал ему, Кану, один гоминьдановский чиновник. Невозможно передать, что пережили, узнав об этой вести, друзья и соратники Хо Ши Мина, все жители Пакбо. После долгих обсуждений решили устроить вечер памяти Нгуен Ай Куока — Хо Ши Мина. Товарищу Фам Ван Донгу поручили написать некролог. Как того требовала старинная вьетнамская традиция, раскрыли скромный бамбуковый сундучок Хо Ши Мина, чтобы раздать его вещи на память боевым товарищам. В Китай срочно отправили специального связного, чтобы узнать подробности гибели Хо Ши Мина и найти его могилу.

Прошло несколько недель полной неизвестности и ожидания, и вдруг однажды в Пакбо пришла из Китая очередная газета, на полях которой, как и прежде, рисовым отваром и до боли знакомым почерком были написаны следующие строки: «Желаю братьям дома здоровья и активной работы. У нас здесь все в порядке». И ниже традиционное четверостишие:

Тучи обнимают горы, горы вытянулись к тучам.
Реки зеркально прозрачны, поредел туман «округ.
Я дошел до Сифэнлина и в волнении растущем
Поглядел на Юг далекий: отзовись, старинный друг!

Радость была неописуемой. Бросились к Кану, показывая ему газету:

— Припомни точно, слово в слово, что тебе сказал китайский чиновник.

Он стал вспоминать, и тут-то все и выяснилось. Оказалось, Кан немного недослышал. Гоминьдановец сказал ему: «чу лоу, чу лоу», что означает «уже на свободе». Капу же послышалось «ши лоу» — «уже умер». Вначале все стали на чем свет стоит ругать Кана, а потом от души принялись хохотать — заливисто, до слез, как это свойственно вьетнамцам, умеющим быстро забывать о плохом, едва только оно минует.

Долгое время оставалось неясным, что побудило чанкайшистов освободить вьетнамского революционера. Только последующие исследования вьетнамских историков позволили

прийти к выводу, что освобождение Хо Ши Мина явилось одним из звеньев далеко рассчитанной чанкайшистами политической комбинации, касающейся Вьетнама. Еще в начале 40-х годов, когда Япония оккупировала Индокитай, в кругах, близких к Чан Кайши, вынашивалась идея вторжения китайской армии во Вьетнам, как только позволят обстоятельства, под видом помощи вьетнамскому народу в борьбе против японских оккупантов.

2

Довольно скоро идея вторжения во Вьетнам приобрела в Чунцине телесную оболочку и оформилась в правительственных документах в виде лозунга «Хуа цзюнь цзинь Юэ» — «Вступление китайской армии во Вьетнам». Реализация этого лозунга началась с попыток создания среди вьетнамских иммигрантских кругов прокитайской «пятой колонны». Наибольшие надежды в этом плане возлагались в Чунцине на бывших сторонников разгромленной французами Национальной партии Вьетнама, которые долгое время жили в Китае и активно сотрудничали с Гоминьданом. Гуансийские власти получили из Чунцина предписание сформировать из лояльных вьетнамских иммигрантов широкую революционную по форме организацию, которая послужила бы со временем нужным прикрытием для осуществления плана «Хуа цзюнь цзинь Юэ».

В октябре 1942 года на территории провинции Гуанси была создана такая организация, получившая претенциозное название — «Революционная лига Вьетнама». В состав ее ЦК вошли люди, тесно связанные на протяжении многих лет с Гоминьданом. Среди них первым среди равных считался небезызвестный Чыонг Бой Конг, генерал гоминьдановской армии. Его позиции решительно оспаривал лидер Национальной партии Ву Хонг Кхань. Весьма одиозной фигурой был еще один член ЦК лиги — 70-летний Нгуен Хай Тхан. Он эмигрировал в Китай в 1912 году и уже успел даже позабыть родной язык. Одно время он сотрудничал с Фан Бой Тяу, поэтому напыщенно величал себя его преемником. Среди же китайцев он снискал известность в совершенно другой области — был довольно ловким гадальщиком и предсказателем судьбы, зарабатывая на этом большие деньги.

С первого же дня деятельность Революционной лиги оказалась парализованной яростной грызней за лидерство, начавшейся между названными деятелями и их сторонниками. В дополнение к этому секция Вьетминя в Юньнани

телеграфировала Чан Кайши и командующему 4-м Гуансийским военным округом Чжан Факую, что она не признает созданную Революционную лигу, так как эта организация не имеет своих представителей внутри Вьетнама, а ее ЦК возглавляется китайским генералом. Чжан Факуй неожиданно с вниманием отнесся к этому протесту. Он был крайне заинтересован в том, чтобы привлечь на свою сторону Вьетминь, который, как он уже доподлинно знал, пользуется широкой поддержкой вьетнамского населения. Готовя базу для вторжения китайских войск во Вьетнам, Чжан Факуй направил в партизанскую зону Вьетбак своего доверенного представителя. По возвращении тот сообщил:

— Более 80 процентов населения в нескольких провинциях, которые мне удалось посетить, поддерживают Вьетминь. Если мы хотим чего-либо добиться во Вьетнаме, надо всенепременно установить контакт с Вьетминем.

Время подхлестывало чанкайшистов. Мировая война, это было ясно всем, близилась к концу. Красная Армия после Сталинградской победы уверенно гнала гитлеровские полчища на запад. Американцы потопили японский флот в юго-восточной части Тихого океана. Появилась реальная возможность высадки войск англо-американских союзников на Индокитайском полуострове. Не могли не тревожить Чунцин и крепнущие день ото дня внутри Вьетнама позиции Вьетминя, с которым чанкайшистам не удалось пока найти общий язык. Одним словом, обстоятельства складывались таким образом, что разработанный план вторжения чанкайшистской армии во Вьетнам мог так и остаться лишь проектом на бумаге.

Все это заставило Чан Кайши изменить тактику. Он поручил Чжан Факую срочно разобраться в делах Революционной лиги и решить возникшие проблемы. В августе 1943 года в Лючжоу был создан комитет по подготовке конференции вьетнамских патриотических сил с участием представителей Вьетминя. Начало подготовки конференции совпало по времени с переводом Хо Ши Мина из Гуйлиня в Лючжоу. Когда Чжан Факую доложили, что в лючжоуской тюрьме находится, как полагают, авторитетный представитель Вьетминя, тот сразу же решил сыграть на этой карте и отдал приказ об освобождении Хо Ши Мина. Это произошло в сентябре 1943 года. Таким образом, Хо Ши Мин находился в заключении в общей сложности 13 месяцев.

«Птицей в лесу чувствует себя узник, выпущенный из неволи», — говорят в Китае. Но, очутившись на свободе, Хо Ши Мин еще долго находился в сетях пережитых кошмаров: у него резко ослабло зрение, ноги дрожали и не повиновались при ходьбе. «Слепой ревматик! Кому нужен такой борец?» — с

горечью думал он. Но его воля снова оказалась сильнее превратностей жизни. Каждый день он ходит в горы Сифэншань, тренируя ноги, взбирается на кручи, а по ночам до боли в глазах всматривается в темноту, пытаясь восстановить зрение. Это было изнурительно, но приносило пользу — здоровье постепенно восстанавливалось.

Вначале Хо Ши Мин наотрез отказался от предложения войти в состав подготовительного комитета:

— Я столько ждал свободы, что теперь не вправе терять зря ни одного дня. На родине меня ждут важные и неотложные дела. А здесь вместо меня поработают другие наши представители.

Однако на следующий день он получил от Чжан Факуя письмо, в котором тот просил все-таки принять участие в подготовке намеченной конференции, причем просьба была изложена в таком тоне, что не оставалось никаких сомнений: Чжан Факуй рассматривает его согласие как плату за освобождение. Стал ясен замысел чанкайшистов — использовать авторитет Хо Ши Мина во вьетнамских патриотических кругах в политических целях, в интересах своего пресловутого плана «Хуа цзюнь цзинь Юэ».

В этой связи возникает вопрос, знали ли в Гуанси и Чунцине, что Хо Ши Мин — это Нгуен Ай Куок?

Ветеран революции Ле Тунг Шон, который вместе с Хо Ши Мином был в те дни в Южном Китае и вошел вместе с ним в состав названного подготовительного комитета, утверждает, что чанкайшисты знали, с кем имеют дело. Среди членов подготовительного комитета был некто Чан Бао, который в 1925–1927 годах жил в Кантоне, был причастен к деятельности Товарищества и довольно хорошо знал «товарища Выонга». В описываемые же дни Чан Бао ревностно служил чанкайшистам, и было бы странно, если бы он не сообщил своим хозяевам, кто такой Хо Ши Мин на самом деле, тем более что это новое имя ни вьетнамским иммигрантам, ни китайцам ничего не говорило.

Можно утверждать почти со стопроцентной уверенностью, пишет Ле Тунг Шон, что не только Чан Кайши, но и лидеры Революционной лиги доподлинно знали, что Хо Ши Мин — это Нгуен Ай Куок. Именно потому, что чанкайшисты знали, с кем в действительности имеют дело, они и обращались с Хо Ши Мином после его освобождения подчеркнуто радушно и уважительно. Еще бы! Ведь Хо Ши Мин — Нгуен Ай Куок — это видный деятель международного коммунистического движения, популярный вьетнамский революционер. Власти Чунцина поступили бы весьма недальновидно, если бы не попытались использовать его высокий авторитет в своих целях. К тому же и времена настали

другие. Гоминьдан выступал в едином фронте с КПК в борьбе против японской агрессии, а в странах, подвергшихся гитлеровскому нашествию, в авангарде борцов против агрессоров шли коммунисты. Почему бы в этих условиях Чан Кайши не сделать попытку наладить сотрудничество с «большевиком» Нгуен Ай Куоком в борьбе против Японии в Индокитае? Короче говоря, делает заключение Ле Тунг Шон, Хо Ши Мина освободили только потому и тогда, когда чанкайшистам стало известно, что это действительно один из руководителей вьетнамского освободительного движения.

Участие Хо Ши Мина в работе подготовительного комитета конференции в корне изменило атмосферу в нем. Если до этого среди членов Революционной лиги имелись ярые противники сотрудничества с КПИК и Вьетминем, то теперь они прикусили языки. Довольно быстро члены комитета одобрили состав партий и организаций, которые имелось в виду пригласить для участия в общенациональной конференции. Это КПИК, Вьетминь, Революционная лига (сокращенно Вьеткать), Национальная партия (сокращенно Вьеткуок) и, наконец, буржуазная партия Дайвьет («Великий Вьетнам»), ориентировавшаяся на Японию. Некоторые члены комитета возражали против приглашения партии Дайвьет, ссылаясь на ее прояпонские настроения, однако Хо Ши Мин высказался за приглашение этой партии, с тем чтобы попытаться привлечь на сторону революции патриотически настроенных представителей интеллигенции из литературной группы «Тылык вандоан», примыкавшей к Дайвьету. Кроме того, Хо Ши Мин предложил пригласить на конференцию представителей ряда организаций, стоявших вроде бы в стороне от политической деятельности, таких, как Союз буддистов, Общество просветления, Общество распространения вьетнамской письменности куок-нгы. В эти организации, говорил он, входит большое число патриотически настроенных людей, которых революция должна привлечь на свою сторону.

Жаркие дебаты разгорелись вокруг предложения Хо Ши Мина и Ле Тунг Шона о том, чтобы в общенациональной конференции наряду с представителями Вьетминя приняли самостоятельное участие также посланцы входящих в него обществ спасения родины — рабочие, крестьяне, женщины, молодежь. Чыонг Бой Конг и его сторонники забеспокоились, что большинство на будущей конференции могут захватить представители Вьетминя. Яростные споры вызвали и сроки проведения будущей конференции. Члены Вьеткатя предлагали созвать ее через три месяца, Хо Ши Мин и Ле Тунг Шон — через год. Они справедливо

полагали, что за три месяца Вьетминь не успеет организовать нелегальный выезд своих представителей в Китай, а это позволило бы Чыонг Бой Конгу и ему подобным монополизировать общенациональную конференцию и навязать ей свои решения. Споры ни к чему не привели, и работа в подготовительном комитете зашла в тупик.

После долгих размышлений, взвесив все «за» и «против», Хо Ши Мин и Ле Тунг Шон решили прибегнуть к арбитражу Чжан Факуя. Они направили Чжан Факую послание, в котором изложили свой план: подготовительный комитет преобразовывается в конференцию зарубежных представителей; ее участники обсуждают условия созыва общенациональной конференции, которая должна собраться в течение года, но уже не в Китае, а в партизанской зоне Вьетбак; Хо Ши Мин обязуется подыскать подходящее место для проведения конференции; те из представителей партий и организаций, кто захочет принять участие в конференции на территории Вьетнама, должны заранее сообщить свои имена в подготовительный комитет.

Чжан с большим почтением относился к Хо Ши Мину, называя его «делегат Хо». Хо Ши Мин вызывал в нем симпатию как человек; кроме того, Чжан опасался нарушить вроде бы удачно начавшийся диалог с Вьетминем. Через несколько дней после получения письма Хо Ши Мина Чжан пригласил всех членов подготовительного комитета к себе на обед. В конце обильной трапезы, когда гостям по традиции принесли ароматные горячие салфетки, чтобы утереть лицо и руки, а в фарфоровых расписных пиалах уже дымился душистый зеленый чай, Чжан произнес небольшую речь:

— Думаю, с нашей стороны было бы ошибкой сидеть сложа руки и ждать, когда так блестяще задуманная нами конференция потерпит провал. Движимый этими чувствами, я попросил делегата Хо набросать для меня проект плана проведения этой и последующих конференций. Я тщательно изучил его. Полагаю, что это революционный план, он проникнут духом равенства, желанием сплотить революционные партии и организации Вьетнама. Я хотел бы вас, уважаемые господа, познакомить с ним.

Когда он закончил чтение письма, Чыонг Бой Конгу ничего не оставалось, как поблагодарить Чжана и Хо Ши Мина, а вслед за ним и другие члены комитета выразили свое одобрение предложенному плану.

И вот настал день конференции зарубежных представителей вьетнамского революционного движения. Чтобы избавиться от лишних глаз и полностью контролировать ход конференции,

Чжан Факуй выделил для ее участников апартаменты штаба военного округа. Открытие конференции проходило под звуки торжественного марша, исполненного китайским военным оркестром. Китайцы и их ревностные друзья из Вьеткатя всячески старались подчеркнуть праздничность, особую торжественность происходящих событий. Еще бы! Под эгидой чанкайшистов происходило, как они считали, объединение представителей самых различных кругов патриотических сил Вьетнама, многие из которых до этого и знать друг друга не хотели. И китайцы, и особенно деятели из Вьеткатя и Вьеткуока были одеты с иголочки. Казалось, в этот день они нацепили на себя все, что было у них самого лучшего. Военнослужащие щеголяли в новых мундирах и хромовых сапогах. Те же, кто был в штатском, потели от жары в шерстяных костюмах и белых шелковых сорочках. Среди всего этого великолепия инородным телом выглядел Хо Ши Мин, одетый в старый, застиранный чжаншуньи с обтрепанным воротником и с заплатами на плечах и коленях. Весь вид его, казалось, говорил, что все происходящее здесь противно самому его естеству, но что, как истинный революционер-практик, он вынужден подчиниться обстоятельствам и во имя тактических выгод пойти на компромисс с людьми, антипатичными ему и представляющими силы, в конечном счете враждебные делу революции.

Подчеркнуто просто и деловито вел он себя и на трибуне. Хо Ши Мин рассказал о деятельности Вьетминя, особенно много внимания уделив роли коммунистов в борьбе против японских оккупантов. Чжан Факуй часто аплодировал ему, и остальные были вынуждены следовать его примеру. По лицу Чжана было видно, что он гордится Хо Ши Мином как «своим детищем» — ведь это он догадался освободить видного деятеля Вьетминя из заключения, это благодаря ему удалось придать такую широкую политическую окраску Революционной лиге, о которой в Чунцине только мечтать могли. Чжан присутствовал на Конференции до последнего часа, пока не состоялись выборы, на которых Хо Ши Мин был кооптирован кандидатом в члены ЦК Революционной лиги. Только тогда Чжан обрел покой.

«Конференция зарубежных представителей закончилась. Можно ли разрешить Хо Ши Мину вернуться во Вьетнам?» — телеграфировал он в Чунцин. Ответная телеграмма из Чунцина, в которой разрешался выезд Хо Ши Мина на родину, стала фактически первым документальным подтверждением его освобождения из гоминьдановского плена.

Собираясь в дорогу, Хо Ши Мин говорил Ле Тунг Шону:

— Итоги конференции — большой успех для нас. Наше

участие оказалось правильным. Бойкот конференции был бы ошибкой. Разумеется, не следует питать иллюзий в отношении Чан Кайши, но мы можем и должны попытаться через Китай найти путь к союзным державам и заручиться их поддержкой нашего освободительного дела.

Наконец, самое важное достижение многомесячной эпопеи с подготовительным комитетом и конференцией, о чем Хо Ши Мин, естественно, сказать не мог: она позволила руководителю вьетнамских коммунистов вернуться на родину накануне жарких событий, вновь встать у руля стремительно нараставшей революции и умело провести ее лодку через пороги и стремнины к долгожданной победе.

ТАЙФУН РЕВОЛЮЦИИ

Иные кажутся высокими, ибо ты, народ, согнут. Распрямись!

Марат

О, не плачь — вскипай, бунтуя, сердце, —
Время восставать и мстить настало!

То Хыу

1

Встреча Хо Ши Мина с друзьями и соратниками, когда он в июльские дни 1941 года пересек знакомым маршрутом китайско-вьетнамскую границу и снова очутился в Пакбо, была радостной вдвойне от сознания ощутимых успехов, которых добилось революционное движение. Из докладов и рассказов членов ЦК партии вырисовывалась радужная картина. Фронт Вьетминь вышел за рамки своей колыбели — партизанской базы Вьетбак — и все более зримо приобретал общенациональный характер. Общества спасения родины и опорные базы Вьетминя возникли уже во многих провинциях дельты Красной реки, в центральной части Аннама и даже в Сайгоне. Мудрым шагом партии, как показали последующие события, явилось создание «зон безопасности» вначале в окрестностях Ханоя, а затем в провинциях Бакзянг и Тхайнгуен, расположенных к северу от него. Тем самым был проложен прямой коридор связи между партизанской зоной и столицей, что в дальнейшем позволило ЦК КПИК держать под контролем развитие ситуации в Ханое как в период подготовки, так и в ходе всеобщего вооруженного восстания.

Росту влияния Вьетминя способствовали прежде всего объективные факторы — коренной перелом во второй мировой войне, созданный героическими победами советского народа; поражения японских милитаристов в Китае и на тихоокеанском фронте; резкое ухудшение экономического положения во Вьетнаме в результате проводимой японцами политики массовых

реквизиций у населения, особенно продовольствия, на нужды армии; наконец, растущая грызня между японцами и вишистами и как следствие этого — ослабление позиций профранцузских и прояпонских сил в политических кругах вьетнамского общества.

Приносила свои плоды и кропотливая, настойчивая работа КПИК среди широких слоев населения с целью завоевания на сторону Вьетминя как можно большего числя союзников в борьбе против японо-вишистского режима. Эта борьба велась по двум направлениям. С одной стороны, был взят курс на дальнейшее расширение классового состава Вьетминя, более активное вовлечение в него мелкобуржуазных элементов города, зажиточных слоев деревни, национальной буржуазии и патриотически настроенных помещиков.

КПИК удалось установить контакты с видными представителями вьетнамской интеллигенции и студенчества, итогом которых явилось создание в июне 1944 года Демократической партии Вьетнама — революционной по своему характеру партии национальной буржуазии, которая тотчас же заявила о своем вступлении во Вьетминь. Это был крупный успех революционных сил. Впервые в истории национально-освободительного движения вьетнамского народа политическая партия национальной буржуазии боролась в рядах единого национального фронта под руководством коммунистической партии и рабочего класса. КПИК еще раз продемонстрировала умение последовательно и творчески применять основные принципы марксизма-ленинизма в крайне сложных, специфических условиях своей страны.

Партия усилила агитационную работу среди вьетнамских солдат императорских войск, которая в конце концов привела к образованию Союза военнослужащих за спасение родины, примкнувшего к Вьетминю. Только в Ханое удалось создать нелегальные патриотические группы в 1-м Индокитайском стрелковом полку, 4-м колониальном артиллерийском полку, среди вьетнамских офицеров французского генштаба, на военном аэродроме Батьмай.

Партия вовремя выступила с важным программным документом — Тезисами по вопросам культуры, в которых выдвинула задачу борьбы за национальную по форме и демократическую но содержанию культуру, литературу и искусство Вьетнама. К этой платформе присоединились многие передовые деятели вьетнамской культуры, среди них такие крупные писатели, как Нгуен Динь Тхи, Нам Као, Нгуен Хоанг, То Хоай, Нгуен Туан, образовав Союз деятелей культуры за спасение родины.

Наконец, КПИК выдвинула лозунг создания Антияпонского демократического фронта, попытавшись вовлечь в него иностранцев-антифашистов, в том числе французов деголлевской ориентации. Толчком к такому решению послужило данное де Голлем 8 декабря 1943 года обещание (которое, к сожалению, не было позднее выполнено), что Франция после победы гарантирует свободу странам Индокитая. В целях установления сотрудничества с французами, которые решительно рвали с вишистами и становились под трехцветные с лотарингским крестом деголлевские знамена, руководство Вьетминя организовало в Ханое тайную встречу своего представителя с представителями коммунистов, левых социалистов и голлистов в иностранном легионе и французской военной администрации в Индокитае. Представитель Вьетминя предложил координировать совместные действия в борьбе против японцев и вишистов и высказал просьбу, чтобы голлисты, которые располагали определенными позициями в административном аппарате, использовали свои возможности для оказания помощи Вьетминю продовольствием и оружием, путем освобождения политических заключенных и т. д. Однако голлистам не хватило политической дальновидности, чтобы пойти на союз с Вьетминем.

…В первые же часы, добравшись до Пакбо, Хо Ши Мин обратил внимание на приподнятое настроение, царившее там, возбужденно-радостное состояние местных партийных активистов. Оказалось, что за день до его возвращения состоялось расширенное совещание межпровинциального партийного комитета зоны Као — Бак — Ланг, на котором был сделан следующий вывод: «Анализ международного положения, обстановки внутри страны и развития революционного движения в провинциях Каобанг, Баккан, Лангшон показывает, что созданы все необходимые условия для осуществления в этом районе вооруженного восстания и перехода к партизанской войне». Оставалось только определить сроки восстания, о чем и решили договориться на втором заседании. К нему-то как раз и подоспел Хо Ши Мин. Ознакомившись с обстановкой, он решительно выступил против принятого решения, как крайне преждевременного. Он указал товарищам, что головокружение от локальных успехов сыграло с ними злую шутку.

— Ваши планы развернуть вооруженную борьбу в трех северных провинциях, — разъяснял он, — исходит лишь из местных условий, не принимают во внимание сложность обстановки в стране и тот факт, что силы врага еще сохраняют боеспособность, а силы революции распылены, у них ощущается

серьезная нехватка организации, кадров, оружия.

Как бы рассуждая вслух, Хо Ши Мин говорил:

— Период мирного развития революции уже миновал, однако период всеобщего восстания еще не наступил. Восстание — это искусство, говорил великий Ленин. Оно требует тщательнейшей подготовки, здесь неуместны и опасны поспешные действия. — Он задумался, затем решительно продолжал: — Конечно, если мы сейчас ограничимся только политической борьбой, этого будет явно недостаточно для развития революционного движения. Но еще опаснее немедленный переход к вооруженному восстанию, так как у врага пока достаточно сил, чтобы жестоко подавить его. Думаю, что уже очень близок день, когда не только можно, но и нужно будет перейти от политической борьбы к вооруженной. Однако на данном этапе пока еще следует делать основной упор на политическую борьбу. Нам важно сейчас найти какие-то новые, наиболее отвечающие нынешнему сложному моменту формы революционных действий.

Окунувшись в будни повседневных дел, Хо Ши Мин много размышляет над тем, какой курс должны избрать партия и Вьетминь, когда условия для вооруженной борьбы уже созрели, но вражеская крепость, хотя и подтачиваемая изнутри, все еще представляет грозную силу. Он вспоминал славные деяния вьетнамских полководцев эпохи средневековья, которые в ответ на вторжения китайских феодалов формировали из вооруженного населения повстанческие армии и вели освободительную борьбу под девизом «весь народ — солдаты». И опыт ВКП(б) подсказывал ему, что мощь революции, будь то национально-демократическая или социалистическая, во всеобщем вооружении народа, в создании народных вооруженных сил. Еще в годы первой русской революции В. И. Ленин писал: «Никакая сила в мире не посмеет посягнуть на свободную Россию, если оплотом этой свободы будет вооруженный народ, уничтоживший военную касту, сделавший всех солдат гражданами и всех граждан, способных носить оружие, солдатами»[20].

Одним словом, курс на создание массовой народно-освободительной армии — единственно правильный. Об этом говорит опыт и русской и китайской революций, это как нельзя точно отвечает вековым традициям борьбы вьетнамского народа против чужеземных завоевателей. И многое уже сделано в этом направлении. Он вспомнил, что еще в конце 1941 года был сформирован первый вооруженный отряд, в задачи которого входили охрана руководящего штаба партии и руководство военной подготовкой отрядов самообороны в обществах спасения родины. Затем появились и другие вооруженные формирования. В

августе 1943 года в центре «коридора», соединявшего провинции Каобанг и Тхайнгуен, встретились два вооруженных отряда патриотов, связав между собой две крупные революционные базы, что позже способствовало образованию обширного освобожденного района.

Однако на данном этапе вооруженные отряды Вьетминя не были еще способны к выполнению прямых военных функций. Сказывалась нехватка оружия и специалистов военного дела. Все это со временем, бесспорно, появится, а пока нужны иного рода действия, которые могли бы всколыхнуть широкие народные массы, показать им боевые возможности революционных сил, вырвать из сердец людей ядовитые ростки страха перед мнимой мощью врага, неверие в беспредельные возможности поднявшегося на решительную борьбу народа. Хорошо сказал когда-то о восставших против гнета Австрийской империи пьемонтцах Ф. Энгельс: «Народ, который хочет завоевать себе независимость, не должен ограничиваться *обычными* способами ведения войны. Массовое восстание, революционная война, партизанские отряды повсюду — вот единственный способ, при помощи которого малый народ может одолеть большой, при помощи которого менее сильная армия может противостоять более сильной и лучше организованной»[21].

«Не ограничиваться *обычными* способами ведения войны», а в данном случае подготовки революции, — такой должна быть, судя по всему, тактика партии в своеобразных условиях Вьетнама. Хо Ши Мин приходит к выводу, что наиболее целесообразной и эффективной тактикой может стать гибкое, творческое сочетание политической и вооруженной форм борьбы, одна из которых непременно должна превалировать над другой в зависимости от конкретного развития обстановки. Для претворения этой тактики в жизнь, думает он, необходимо создать такое вооруженное формирование, которое бы, с одной стороны, вело политическую пропаганду среди населения, с другой — дерзкими вооруженными вылазками против оккупантов вселяло уверенность населения и свои силы, в растущую мощь революции, в возможность победы над врагом.

22 декабря 1944 года Хо Ши Мин подписывает директиву о создании «вооруженного агитационного отряда Армии освобождения Вьетнама». Это название означает, пишет он, что «политическая сторона деятельности отряда важнее пока военной. Он будет вести в основном пропагандистскую работу…

Следует отобрать из партизанских формировании наиболее смелых и решительных бойцов, чтобы составить из них головной отряд, выделив ему большую часть имеющегося оружия…

Наше Сопротивление — это всенародная война, нужно поднять на нее и вооружить весь народ. Поэтому, концентрируя усилия на создании головного воинского соединения, надо в то же время сохранить вооруженные силы на местах, которые бы действовали рука об руку с ним и оказывали ему всемерную помощь…

О тактике. Необходимо использовать партизанские методы: действия отряда должны быть скрытными, молниеносными, инициативными, маневренными (сегодня — на востоке, завтра — на западе), отряд должен уметь внезапно появляться и бесследно исчезать».

Первый «вооруженный агитационный отряд» под командованием Во Нгуен Зиана насчитывал вначале всего 34 бойца. Его вооружение состояло из ручного пулемета, 12 винтовок, двух пистолетов и 17 кремневых ружей. Накануне дня принятия бойцами воинской присяги Во Нгуен Зиан получил записку от Хо Ши Мина — несколько строк, написанных на клочке бумаги, спрятанном в пачке сигарет: «Помните, отряд должен больше заниматься агитацией, нежели вести боевые действия. Ваш отряд, можно сказать, — старший брат, у которого, убежден, в скором времени появится много младших братьев. Хотя он пока еще малочислен, у него блестящие перспективы. Это зародыш будущей Армии освобождения, его слава разнесется по всему Вьетнаму, от Севера до Юга».

Жизнь, как всегда, вносила свои коррективы. Уже через два дня после основания агитационному отряду пришлось показать и свои боевые возможности. Он осуществил дерзкие налеты на блокпосты колонизаторов в уездах Файкхат и Нанган. Командиры блокпостов были убиты, гарнизоны взяты в плен, захвачено много оружия. Весть об этих первых победах быстро распространилась среди населения партизанской зоны и вызвала волну небывалого энтузиазма и воодушевления. Уже через неделю отряд Во Нгуен Зиана вырос до размеров роты.

Директива Хо Ши Мина о создании «вооруженного агитационного отряда» стала генеральной линией вьетнамских коммунистов в военном вопросе. Важнейший принцип марксистско-ленинской теории о сочетании политической и вооруженной форм борьбы при подготовке революции, творчески развитый Хо Ши Мином с учетом конкретных условий Вьетнама, лег в основу организационно-политической деятельности партии и при подготовке Августовской революции и в войне Сопротивления против французских колонизаторов. Особенно впечатляющие результаты последовательной реализации тактики гибкого сочетания усилий на различных фронтах —

вооруженном, политическом, дипломатическом — были достигнуты вьетнамскими коммунистами через много лет в ходе победоносной борьбы за освобождение Южного Вьетнама от империалистических интервентов и их ставленников.

2

Между тем по мере приближения роковой для фашистских агрессоров развязки мировой войны все более обострялись франко-японские противоречия во Вьетнаме. Японские милитаристы всерьез начали опасаться, что в случае высадки во Вьетнаме вооруженных сил англо-американских союзников французские войска могут нанести им удар с тыла. Оснований для таких опасений у них было предостаточно. По данным японской разведки, еще в июне 1944 года в районе вьетнамо-китайской границы приземлился на парашюте доставленный английским самолетом представитель де Голля. Он сумел незамеченным пробраться в Ханой и передать генералу Мордану приказ де Голля о том, что французские войска в Индокитае должны в удобный момент выступить против японцев, чтобы ко дню победы союзников восстановить здесь права Франции. Мордан якобы но причине преклонного возраста официально ушел с поста главнокомандующего французских войск, а сам втайне приступил к работе по организации антияпонского выступления. В конце 1941-го — начале 1945 года участились случаи выброски англо-американскими самолетами людей и оружия в помощь голлистам в труднодоступных для японских властей районах Вьетнама и Лаоса.

Получив все эти данные, японское командование, подхлестываемое серьезными неудачами японского флота в Тихом океане, приступило к подготовке операции по устранению французского военно-политического аппарата в Индокитае. Эта задача облегчалась тем, что к началу 1945 года японцы уже не были связаны обязательствами перед «дружественным правительством» Виши, которое после освобождения Франции от гитлеровских захватчиков приказало долго жить. 9 марта 1945 года японские части внезапно атаковали французские гарнизоны по всему Индокитаю. Менее чем за два часа основная часть французских вооруженных сил оказалась уничтоженной или захваченной в плен.

Уцелевшие от разгрома французские войска бежали в Китай через районы, контролировавшиеся Вьетминем. В провинции Баккан агитационному отряду Армии освобождения удалось

провести переговоры с командиром одной из французских частей и даже договориться о создании франко-вьетнамского комитета антияпонской борьбы. Но то было мертворожденное дитя. Не прошло и нескольких дней, как французы перешли китайскую границу, оставив, правда, некоторое количество своего оружия вьетнамцам. Французские войска были деморализованы, офицеры жаловались на трудности жизни в сельской местности. Главное же было в том, что бывшие колонизаторы больше боялись Вьетминя, чем японцев, ибо он и не пытался скрывать благородных целей своей борьбы за независимый и суверенный Вьетнам, свободный от любого чужеземного господства. Отказываясь от сотрудничества с Вьетминем, упомянутый полковник и его офицеры действовали в точном соответствии с установками руководителя «Свободной Франции» де Голля. 8 февраля 1945 года в Браззавиле генерал сделал программное заявление о будущей политике Франции в Индокитае. Согласно его плану Индокитай должен был стать федерацией из пяти государственных объединений — Лаоса, Камбоджи, Тонкина, Аннама и Кохинхины, во главе которой стоял бы «полномочный французский правитель». Из плана де Голля явствовало, что колониальная политика французского империализма в отношении Индокитая и особенно Вьетнама осталась практически неизменной.

Великий патриот Вьетнама Хо Ши Мин искренне протягивал руку великому патриоту Франции де Голлю. Но последний не принял ее. Патриотизм двух этих выдающихся, хотя и каждый по-своему, людей оказался совершенно разнополюсным. Они находились в противоположных лагерях, хотя и у того и у другого национальный фактор, идея единства нации в борьбе за национальное возрождение стали главным смыслом их политической жизни. Если у Хо Ши Мина патриотизм был глубоко народным, прогрессивным, нацеленным в будущее, то у де Голля приверженность к патриотическому идеалу неизменно вела в правый, консервативный, реакционный лагерь. Не случайно умелый политик и дипломат, де Голль неожиданно проявил удивительную недальновидность, допустив роковой просчет в своей политике в отношении Индокитая, что в конечном счете привело впоследствии Францию, хотя к тому времени де Голль и отошел уже от кормила власти, к многолетней кровопролитной авантюре во Вьетнаме, закончившейся бесславным поражением колонизаторов.

Между тем пропагандистская машина Японии работала на полных оборотах, стремясь обеспечить поддержку населением

Вьетнама действий японской армии. Военно-политический переворот 9 марта объявлялся японской пропагандой акцией, направленной на освобождение Вьетнама от французского колониального гнета. На следующий день после переворота токийское радио сообщило, что колониальный статут французского Индокитая упразднен. Вечером того же дня японские власти предложили императору Бао Даю сотрудничать с Японией и получили его согласие.

Однако происшедшие события ни на йоту не изменили колониального положения Вьетнама, так как вся верховная власть в стране оказалась теперь в руках японского главнокомандующего, а Бао Дай и сколоченный им с помощью японцев кабинет министров во главе с ученым-историком Чан Чонг Кимом — давнишним агентом кемпейтай — своеобразного японского гестапо — были лишь послушными исполнителями его воли. Уже 30 марта японский губернатор в Кохинхине Минода раскрыл карты, заявив, что Кохинхина отныне находится «не только под контролем, но и под управлением японской армии». А уж в служебных документах и разговорах между собой новые оккупанты иначе и не называли Индокитай как «нихон-но кайгай-но сю» — заморской провинцией Японии.

Параллельно с шумихой вокруг так «счастливо обретенной Вьетнамом независимости» шла безудержная пропаганда «преимуществ» союза со Страной восходящего солнца. Повсюду спешно сколачивались из представителей компрадорской буржуазии, реакционных помещиков, разных деклассированных элементов многочисленные прояпонские партии и организации. Они призывали народ к участию в войне за «великую восточноазиатскую сферу сопроцветания» и вербовали вьетнамскую молодежь, в японские войска.

Японское командование всячески заигрывало с Вьетминем и другими патриотическими организациями, которые справедливо восприняли переворот 9 марта как всего лишь смену вывески на колониальном фасаде своей родины. Над партизанской зоной Вьетбак японские самолеты сбрасывали листовки и письма руководителям Вьетминя, призывавшие их к сотрудничеству с Японией. Эти письма неизменно заканчивались следующими словами: «Вы должны выбрать одно из двух: либо согласиться сотрудничать с Японией, либо быть уничтоженными ею».

Наконец, главнокомандующий японской императорской армии в Тонкине направил послание лично Хо Ши Мину, пытаясь медоточивыми словами склонить его на сторону Японии: «Почтенному Хо Ши Мину, руководителю Вьетминя и нашему дорогому другу, — писал он. — Мы искренне считаем, что Вы —

подлинный патриот, Ваши бойцы — храбрые люди. В свою очередь, Вы должны признать, что мы, японцы, оказали помощь Вьетнаму, изгнав французов и предоставив независимость Вашей родине.

Более того, разве мы не соседи? Разве мы не братья одной желтой расы? Почему мы не можем сотрудничать во имя славы наших народов? Может быть, нас что-либо разъединяет? Нет, нас ничто не разъединяет! Существует лишь недопонимание друг друга, но это ведь легко устранить.

Мы не советуем Вам доверяться Америке и Китаю. На устах у них мед, а внутри — яд. Мы надеемся, что Вы пересмотрите свою политику и начнете мирно сотрудничать с нами. Мы готовы помочь Вам. Ждем от Вас ответа».

Но японцы так и не дождались от Вьетминя желанного ответа. Приказ ЦК КПИК и генерального комитета Вьетминя гласил: «Отвечать японцам не словами, а только огнем оружия».

Попытки японских самураев рядиться в шкуры овечек мало кого обманули. С каждым днем народным массам становилось все яснее, что Вьетнам из французской колонии превратился в японскую, хотя и закамуфлированную фиктивной «независимостью». Особенно сильное возмущение вызывало бесцеремонное хозяйничанье японцев в экономике страны. Введя систему принудительных закупок у крестьянства риса и других видов продовольствия для нужд своей армии, японцы быстро истощили ресурсы вьетнамской деревни, обрекая крестьян на голодную смерть. Во многих деревнях у крестьян забирали даже семенной рис. Для покрытия хронического финансового дефицита японское командование, установившее контроль над Индокитайским банком, принудило эмиссионное отделение работать бесперебойно, наводняя рынок все новыми порциями бумажных денег. Массовый голод, эпидемии, колоссальная инфляция, безработица, чудовищная разруха — вот чем обернулось для Вьетнама господство японских милитаристов. В 1944–1945 годах в Бакбо и северной части Чунгбо скончалось от голода и эпидемий в общей сложности около 2 миллионов человек. Обстановка в стране, особенно в городах, забитых голодным людом, стекавшимся из разоренных деревень, наэлектризовалась до такой степени, что достаточно было малейшей искры, чтобы произошел взрыв.

В этот драматический период КПИК продемонстрировала, что она является наиболее организованной и боеспособной силой патриотического движения. Вечером в день японского переворота в деревне Диньбанг, в 16 километрах от Ханоя, открылось расширенное совещание Постоянного бюро ЦК КПИК. Хо Ши Мин,

находившийся в Пакбо, хотя и принимал участие в подготовке совещания, не смог присутствовать на нем. Результатом совещания явился важный политический документ «Франко-японский конфликт и наши действия». В нем констатировалось, что японский переворот вызвал глубокий политический кризис, и результате чего возникли объективные предпосылки, ставящие на очередь дня всеобщее вооруженное восстание к захват народом политической власти. Теперь «японские фашисты являются главным непосредственным и конкретным врагом народов Индокитая», против них должно быть обращено острие народного гнева. Вместе с тем, отмечалось в решении совещания, следует остерегаться и голлистов, которые могут попытаться восстановить господство Франции в Индокитае.

Участники совещания разработали инструкцию о методах организационно-массовой работы партии и Вьетминя среди народных масс в период подготовки восстания, о создании на заводах и шахтах, в деревнях, воинских казармах, учебных заведениях — всюду, где были сильны позиции Вьетминя, — комитетов освобождения, которые могли бы поднять массы на захват власти, как только будет дан приказ о восстании или этого потребует обстановка. Параллельно с этим, чтобы не уступать врагу инициативу, указывалось в инструкции, следовало уже сейчас начать в тех районах, где имеются объективные предпосылки, широкую партизанскую войну, добиваясь последовательного освобождения одного района за другим, расширения опорных революционных баз.

В решении совещания указывалось, что высадка войск стран антигитлеровской коалиции в Индокитае могла бы, естественно, способствовать успеху восстания. Однако при этом было подчеркнуто, что необходимо опираться в первую очередь на собственные силы, на возможности народных масс: «Никоим образом нельзя считать, что высадка союзных войск в Индокитае — это необходимое условие всеобщего восстания, так как это означало бы уповать на других и сидеть сложа руки, в то время как вокруг складывается благоприятная ситуация».

В эти же дни с учетом развития обстановки и инструкции Постоянного бюро ЦК КПИК партийный комитет района Као — Бак — Ланг приступает к осуществлению плана кардинального расширения освобожденной зоны.

Агитационный отряд Армии освобождения получает приказ спуститься из джунглей в горах на равнину и совершить марш в южном направлении в сторону Ханоя. Военно-политическая операция «Вперед, на юг!» — такое кодовое наименование получила она в партийных документах — с первых же дней

развивалась триумфально. К апрелю 1945 года революционные силы установили свой контроль над значительными территориями нескольких провинций, находящихся к северу от Ханоя. Административные органы оккупантов были ликвидированы, и власть перешла в руки народно-революционных комитетов.

3

В начале мая вслед за Армией освобождения покидает провинцию Каобанг и руководящий штаб революции. Хо Ши Мин на небольшой рыбацкой джонке спускается вниз по реке и сходит на берег у небольшого селения Танчао провинции Туенкуанг.

Первые несколько дней он провел в дине — общинном доме, под крышей из изящных плотных листьев пальмы ливистоны, а затем перебрался в хижину, которую ему соорудили рядом, у подножия горы. Вокруг диня высилось несколько вековых баньянов. Эти красавцы деревья со множеством стволов при одном корне — одна из достопримечательностей вьетнамской флоры. Кроны баньянов образовали над хижиной такой непроницаемый шатер, что здесь всегда царила спасительная прохлада. Позади диня бил из-под земли родник с изумительно прозрачной водой, за что он получил у жителей название Жемчужного. Слева величаво несла свои воды река Дай, берега которой поросли густыми зарослями дикого сахарного тростника.

Как и в Пакбо, Хо Ши Мин старался ничем не отличаться от местных жителей. Однако уже через несколько дней в Танчао пошли разговоры: недавно появился новый канбо, пожилой, с бородой и усами, с умным лицом; по всему видать, какой-то руководитель; вечерами работает допоздна при свете коптилки, а утром, едва рассветет, уже убирает сам в доме, поливает огород, собирает хворост, будит других…

Жители Танчао до сих пор вспоминают забавный случай, который произошел в первые дни после прибытия в их деревню Хо Ши Мина. В одном из домов, превращенных во временную казарму, располагался небольшой отряд Армии освобождения. Хо Ши Мин зашел туда и, увидев, что казарма и столовая не отличаются чистотой, высказал командиру отряда свое недовольство. Тот не знал Хо Ши Мина и, будучи человеком горячим, оборвал незнакомца:

— Кто ты такой, чтобы критиковать? Если нужно, это сделает вышестоящее начальство.

Хо Ши Мин спокойно ответил ему:

— Горькое лекарство рот вяжет, да болезнь излечивает. Я обычный гражданин, но я имею право высказать свое мнение. Ведь Армия освобождения — это армия из народа и для народа, разве не так?

Командир отряда не нашелся, что на это ответить. На следующий день, встретив своего приятеля, который входил в охрану Хо Ши Мина, незадачливый командир посетовал ему:

— В деревне появился неизвестный старик, не знаю, из какой он общины. Здорово у него подвешен язык. Так меня отругал, а я далее не смог ему возразить.

Его приятель рассмеялся и шепотом сказал:

— Эх ты, ведь это же вождь нашей революции.

После того как Хо Ши Мин и Постоянное бюро ЦК партии обосновались в Танчао, это небольшое селение стало центром надвигающейся революции, нового, нарождающегося Вьетнама. Отсюда связные партии разносили по всей стране указания и инструкции, призванные форсировать подготовку всеобщего вооруженного восстания. Сюда же со всех концов страны стекались под знамена революции молодые патриоты, которые по зову сердец бросали свои деревни, фабрики, школы и пробирались на север в поисках Вьетминя, Армии освобождения, коммунистической партии. Проселки и лесные тропы, ведшие к Танчао, становились день ото дня все оживленнее, как будто в округе отмечался большой праздник.

Жители Танчао и всей освобожденной зоны на своем личном опыте убеждались, как много дает революция простому люду. Здесь уже было введено всеобщее избирательное право, избран народный совет, открыты курсы ликвидации неграмотности, женщины приравнены в правах к мужчинам, отменены бессмысленные и позорные налоги, с помощью которых колонизаторы грабили народ. Население освобожденной зоны восторженно, с энтузиазмом встретило новую жизнь — люди записывались в Армию освобождения, добровольно брали на себя функции охраны порядка, проводников, снабжения бойцов и партийных работников продовольствием.

4 июня в Танчао по инициативе Хо Ши Мина открывается конференция народных представителей Северного Вьетнама. Хо Ши Мин вносит предложение о создании единого освобожденного района в составе шести уже полностью освобожденных провинций и части двух провинций, прилегающих к столице, и о его превращении в главную опорную базу в борьбе за свержение власти японских оккупантов и марионеточного баодаевского правительства. Административным центром единого

освобожденного района, население которого составляло более одного миллиона человек, избрали селение Танчао.

Таким образом, всего лишь в нескольких десятках километров от резиденции главнокомандующего японских оккупационных войск фактически произошло рождение пового, независимого Вьетнама, который находился под контролем Вьетминя и не подчинялся японо-баодаевской администрации. Созданные повсеместно на территории освобожденного района народно-революционные комитеты активно проводили в жизнь политическую программу Вьетминя. Отдельные попытки японцев, используя крупные войсковые части, подавить силой народно-революционную власть в освобожденном районе успеха не имели.

Хо Ши Мин в эти дни успевал повсюду: давал указания, подписывал приказы и инструкции, проводил совещания, вникал во все вопросы подготовки вооруженного восстания. Он часто повторял: «Сейчас все решают кадры!» — и требовал установления надежной связи с членами ЦК и партийными активистами в равнинных районах, чтобы координировать с ними действия, постоянно быть в курсе событий в столице и крупных городах. И хотя у него было много срочных дел, он находил время, чтобы читать политическую литературу, писать статьи, принимать посетителей. В Танчао зачастили ходоки — особенно представители национальных меньшинств: мыонгов, тхо, нунгов, таи, манов, — которые хотели разобраться в происходящих событиях и занять в них свое место. После беседы с Хо Ши Мином они восхищенно цокали языками и говорили:

— Вот это человек! Вроде бы простой крестьянин, а такой мудрый и как почтителен. Вьетнамский народ поистине талантлив. С такими людьми Вьетминь непременно победит… — И они трогались в обратный путь, разнося эти свои мысли по далеким деревням, с нетерпением ждавшим своих делегатов.

В самый разгар работы Хо Ши Мина внезапно свалил тяжелый приступ тропической лихорадки. «Несколько дней Бак Хо чувствовал слабость и жар, по все-таки продолжал работать. Каждый раз, когда я приходил к нему справиться о его здоровье, — вспоминает об этих трудных днях Во Нгуен Зиан, — он неизменно отвечал:

— Работай, работай, у меня все в порядке.

Но я замечал, что он очень слаб и осунулся. Однажды я застал его в сильном жару, он метался на топчане и бредил. Тогда у нас с лекарствами было крайне плохо. Несколько таблеток хинина Бак уже принял, но это не помогало. Обычно, если он работал, то редко давал себе отдых, а тут не мог даже встать с постели и часто впадал в забытье. Придя в себя, он подзывал меня

и, с усилием произнося слова, говорил:

— Настал самый благоприятный для нас момент. Наша партия не должна упустить его. Сейчас надо напрячь все силы и любой ценой, каких бы жертв это ни стоило, пусть даже в пламени борьбы сгорит дотла хребет Чыонг-шон, завоевать независимость…

Он говорил еще о многом, что волновало его. В те часы я не смел даже подумать, что то могли быть его прощальные, напутственные слова. Но, вспоминая впоследствии эту тяжелую ночь, я пришел к выводу, что он чувствовал себя совсем скверно и поэтому хотел оставить завещание. Только о деле думал он в эти минуты!

Он говорил о первоочередных задачах, стоящих перед партией: «Наше революционное движение сейчас на подъеме. Но его нужно укреплять идеологически, надежными партийными кадрами. Кроме того, надо обратить особое внимание на создание действительно надежных баз. Все это позволит нам, если вдруг настанут тяжелые времена, успешно защищаться, не дать врагу подавить движение. Высокой дамбе не страшна поднявшаяся вода реки…»

Несколько суток Хо Ши Мин находился в кризисном состоянии, на грани между жизнью и смертью. В Танчао немало было знатоков лекарственных трав. Они уходили но звериным тропам глубоко в джунгли и приносили и знакомую хижину на склоне горы, где жил уважаемый всеми «старый товарищ», целебные травы и корни. А один седобородый охотник поймал на дне реки огромную черепаху «ба-ба» с изумительно красивым панцирем, принес и хижину, нацедил из нее в пиалу крови и, смешав ее с рисовым самогоном, заставил больного выпить. Неизвестно, это ли помогло, но на следующий день кризис миновал, Хо Ши Мин пришел в себя и быстро пошел на поправку.

Еще в начале июля Хо Ши Мин и Постоянное бюро ЦК КПИК приняли решение созвать в Танчао съезд или конференцию партии, а затем конгресс представителей Вьетминя для принятия решения о сроках всеобщего вооруженного восстания. Во все концы страны, а также в Южный Китай были направлены связные с наказом обеспечить как можно быстрее прибытие в Танчао полномочных представителей партии и Вьетминя. Однако подготовка съезда непредвиденно затянулась. Делегаты прибывали медленно, вынужденные зачастую добираться до Танчао из самых дальних районов пешком, кружными путями, обходя японские военные заставы.

А время уже не ждало. События стремительно нарастали.

Победа советского народа в Великой Отечественной войне, полное военное и морально-политическое поражение фашизма резко ослабили позиции мирового империализма и колониализма. 9 августа 1945 года Советский Союз объявил войну Японии, и советские войска перешли в решающее наступление против отборной Квантунской армии в Маньчжурии. Утром 10 августа кабинет министров и военный совет Японии на совместном заседании с участием императора Хирохито фактически приняли решение о капитуляции, и в этот же день в Стокгольм и Берн поступило сообщение о признании Японией Потсдамских соглашений. Японские оккупационные власти в Индокитае находились в состоянии глубокого шока. Возникла, таким образом, классическая революционная ситуация, когда для победы дела революции имелись все необходимые объективные и субъективные предпосылки. Вьетнамские коммунисты, проявив высокую политическую зрелость и глубокое понимание революционной стратегии и тактики, мастерски воспользовались создавшейся благоприятной обстановкой.

Постоянное бюро ЦК партии принимает решение об экстренном созыве Национальной партийной конференции, хотя часть делегатов все еще находилась в пути. Не успев прийти в себя после тяжелой болезни, Хо Ши Мин, превозмогая слабость, активно включается в подготовительную работу. 13 августа в Танчао под могучим тенистым шатром баньяна, который стал с той поры историко-революционной достопримечательностью, состоялось открытие конференции.

В самый разгар работы вдруг появился запыхавшийся связной, который принес радиодонесение с долгожданной вестью: правительство Японии заявило о безоговорочной капитуляции. Восторг был неописуем: аплодисменты, крики «Хоанхо!» — «Ура!», объятия, радостные улыбки. Все понимали, что пришел конец ожиданиям и колебаниям, что настало время решительных действий, впереди только один путь, другого и не может быть, — всеобщее вооруженное восстание, завоевание власти народом, долгожданное освобождение от чужеземного ига.

Конференция принимает историческое решение о начале всеобщего восстания с целью свержения власти японских оккупантов и их марионеток, о провозглашении после победы революции Демократической Республики Вьетнам и определяет тактическую линию партии на данном этапе революции. Тут же был обсужден и одобрен состав Комитета восстания. Хотя конференция еще не закончилась, делегатам наиболее отдаленных районов разрешили заблаговременно покинуть Танчао и с приказом о восстании спешно возвращаться на места,

чтобы непосредственно руководить его подготовкой и проведением. По разным направлениям были посланы связные с заданием сообщить решение конференции о восстании тем делегатам, кто находится еще на пути в Танчао, и передать им приказ немедленно возвращаться в свои провинции и уезды.

Особое внимание участники конференции уделили вопросам обеспечения быстроты и своевременности действий по захвату власти как в центре, так и на местах. Дело в том, что разоружение капитулирующих японских войск в Юго-Восточной Азии осуществляли англо-американские войска, в обозе у которых находились бывшие хозяева Индокитая — французские колонизаторы, стремившиеся во что бы то ни стало восстановить утраченное господство. Перед вьетнамскими патриотами стояла, таким образом, труднейшая задача — вырвать власть из рук японских оккупантов и их марионеток до прихода союзных войск, чтобы встретить последних в качестве полновластных хозяев своей страны.

Вслед за партийной конференцией там же, в Танчао, 16 августа открылся Национальный конгресс народных представителей, созванный генеральным комитетом Вьетминя, в котором приняли участие 60 представителей из всех трех частей Вьетнама — Бакки, Чунгки и Намки, а также от зарубежных эмигрантских организаций. В центре стола президиума сидел Хо Ши Мин. Многие делегаты впервые видели его, поэтому вначале не было конца вопросам, что это за почтенный старик с бледным, изможденным лицом, с тронутыми сединой остроконечной бородкой и усами, с высоким лбом и необычайно яркими глазами. По когда Хо Ши Мин поднялся, чтобы объявить об открытии конгресса, слова: «Да ведь это же Нгуен Ай Куок!» — волной восторженного шепота прокатились среди делегатов, и его появление на импровизированной трибуне вызвало неистовую овацию.

Участники конгресса одобрили решение генерального комитета Вьетминя о всеобщем восстании и приняли резолюцию «О завоевании власти во всей стране и претворении в жизнь десяти основных задач политической программы Вьетминя». В число этих задач входили: свержение власти оккупантов и их марионеток и образование демократической республики, вооружение всего народа, предоставление населению широких демократических прав, осуществление демократических преобразований в социально-экономической области, установление отношений дружбы и сотрудничества со странами антифашистской коалиции и народами, борющимися за национальную независимость.

Конгресс утвердил государственный флаг будущей республики — красное полотнище с пятиконечной золотой звездой посредине — и сформировал Национальный комитет освобождения Вьетнама в составе 11 человек. Председателем НКО был единодушно избран Хо Ши Мин.

Тут же, у подножия горы, состоялась торжественная церемония принятия присяги членов НКО. Делегатов конгресса пришла приветствовать символическая депутация местных жителей: старик крестьянин, женщина — представительница национальных меньшинств и маленький мальчик. После того как они закончили свои взволнованные речи и вручили президиуму конгресса скромные подарки от местной общины, Хо Ши Мин неожиданно повернулся к участникам конгресса и сказал:

— Товарищи делегаты и члены Национального комитета освобождения, знаете ли вы, чем занимается вот этот мальчуган? Его сверстники в других странах в этом возрасте учатся в школах и играют в детские игры, они сыты, одеты и обуты, а этот мальчик, которому, как я узнал, всего девять лет, каждый день должен пасти буйволов, собирать в лесу хворост, и он никогда не держал в руках учебников.

В наступившей тишине хорошо было заметно, как с каждым словом крепнул голос Хо Ши Мина:

— Задача членов Национального комитета освобождения и всех делегатов — любой ценой завоевать независимость для нашей родины, любой ценой добиться того, чтобы наши дети были сыты, одеты и обуты, могли учиться. В этом прежде всего цель нашей революции. Помните, товарищи, сегодняшнюю нашу клятву и с честью выполняйте ее.

Люди жадно ловили каждое слово революционного руководителя, а по щекам их катились непроизвольные слезы, в которых смешалось все — и горькая боль за пережитые страдания, и неудержимый восторг перед начинающимися великими переменами.

Сразу же после завершения конгресса Хо Ши Мин обратился с воззванием к народу: «Соотечественники! Четыре года назад я призывал вас в своем послании к сплочению. В единстве наша сила, а ведь только будучи сильными, можно завоевать независимость и свободу.

Ныне японская армия развалилась, движение за спасение родины охватило всю страну. Лига независимости Вьетнама насчитывает в своих рядах миллионы членов, объединяя все слои общества — интеллигенцию, крестьян, рабочих, торговцев, солдат; все народности — вьетнамцев, тхо, нунгов, мыонгов, манов…

Только что Вьетминь провел Национальный конгресс народных представителей, который избрал Национальный комитет освобождения Вьетнама, чтобы руководить в масштабе всей страны борьбой за независимость родины…

Соотечественники! Пробил решительный час в судьбе нашей нации. Поднимайтесь на битву за свое освобождение. На штурм! Под знаменем Вьетминя смело вперед!»

4

16 августа отряды Армии освобождения но приказу Комитета восстания выступили из Танчао в направлении дельты реки Красной и Ханоя, обходя крупные укрепленные пункты, пока еще занятые японскими войсками. На их пути власть повсюду переходила в руки народа. Но еще за несколько дней до того, как главные вооруженные силы революции достигли Ханоя, там развернулись события, оказавшие решающее влияние на весь ход всеобщего восстания.

Партийный комитет Бакки, получив известие о безоговорочной капитуляции Японии и в соответствии с известной инструкцией Постоянного бюро ЦК КПИК, принял решение о переходе к восстанию и захвату власти на всей территории Северного Вьетнама и в первую очередь в Ханое, где находилась резиденция японского главнокомандующего. Задача состояла в том, чтобы мощным выступлением народных масс сорвать попытки оккупационной администрации передать власть марионеточному императорскому правительству, овладеть жизненными центрами в столице, привлечь на свою сторону сочувствующих официальных деятелей, заставить капитулировать перед напором революции прояпонские и другие реакционные силы.

16 августа, как только японское информационное агентство Домей Цусин распространило в Ханое официальный текст императорского рескрипта о капитуляции страны Ямато, оккупационная администрация тут же передала «полноту власти» баодаевскому наместнику, отозвала своих чиновников из административных служб и освободила политических заключенных, содержавшихся в центральной тюрьме.

Утром 17 августа в ханойском императорском дворце начала заседать спешно созванная консультативная ассамблея Тонкина, где доминировали представители прояпонской партии Дайвьет. Был сформирован «комитет национального спасения» и принято решение о проведении во второй половине дня на центральной

площади столицы массовой манифестации верности императору Бао Даю. Однако едва один из организаторов митинга зачитал повестку дня, как на трибуну поднялись несколько энергичных молодых людей — представителей Демократической партии. Один из них бросил в толпу клич сплачиваться вокруг Вьетминя в борьбе за подлинно независимый Вьетнам. Над толпой появился огромный красный флаг с пятиконечной золотой звездой посредине. За ним взвились десятки других. Баодаевский флаг на трибуне был сорван и заменен флагом Вьетминя. Среди организаторов митинга возникло замешательство, они утратили контроль над его дальнейшим ходом. Многотысячная ликующая толпа с энтузиазмом скандировала два лозунга: «Да здравствует независимый Вьетнам!», «Да здравствует Вьетминь!»

Весь день 18 августа в городе проходили митинги и демонстрации под лозунгами Вьетминя. Группы самообороны Вьетминя расставили боевые посты в важнейших точках Ханоя. В центр города свозили оружие и боеприпасы, устанавливали линии связи, готовили флаги и транспаранты.

На следующий день в 10 часов утра начался грандиозный митинг на Театральной площади. Со всех концов города шли все новые и новые колонны под красными знаменами. Перед 100-тысячной аудиторией представители городского комитета КПИК и военно-революционного комитета призвали народные массы к немедленному свержению власти японских оккупантов и их марионеток, созданию народного правительства, провозглашению независимой и суверенной Демократической Республики Вьетнам. В полдень мощный поток демонстрантов двинулся на захват резиденции прояпонского правительственного комитета. Охрану дворца разоружили, а членов комитета разогнали. Вскоре еще один отряд восставших овладел казармами войск безопасности и захватил арсенал. К вечеру 19 августа практически все важнейшие узлы города, учреждения и стратегические пункты находились в руках восставших.

Победа всеобщего восстания в Ханое открыла зеленую улицу для быстрого продвижения революции дальше на юг. На следующий день народная власть установилась в провинциях Тханьхоа, Нгеан, Хатинь. На очередь дня встал вопрос об овладении властью в Хюэ, где находилась резиденция императора Бао Дая и марионеточного правительства. 21 августа Национальный комитет освобождения направил императору телеграмму с предложением отречься от престола. Хотя победа революции была бесспорной, Хо Ши Мин и Постоянное бюро ЦК КПИК считали тактически выгодным, с целью вызвать раскол в лагере врагов революции, не свергать монархию силой, а

побудить императора к добровольному отречению.

23 августа Хюэ украсился красными флагами, и началась массовая народная демонстрация. Ее участники требовали передачи полноты власти фронту Вьетминь. Восставшие захватили здание правительства Чан Чонг Кима.

Бао Дай все еще медлил с ответом на требование масс о добровольном отречении, но видно было по всему, что истекали последние часы двухтысячелетней вьетнамской монархии. Еще в день получения телеграммы от НКО Бао Дай дал указание своим сановникам срочно выяснить, сответствуют ли действительности слухи о том, что председатель НКО Хо Ши Мин и легендарный Нгуен Ай Куок — одно и то же лицо. Когда на следующий день ему доложили, что эти слухи достоверны, Бао Дай, горестно вздохнув, промолвил:

— Ну что же, в таком случае у меня нет иного выхода, кроме как принять требование об отречении.

28 августа в Хюэ, восторженно встреченная населением, прибыла делегация Национального комитета освобождения. 30 августа перед парадными воротами императорского дворца, у входа в который застыли в вековом сне каменные драконы — символы мирной и счастливой жизни, состоялась официальная церемония отречения императора. Спущен желто-полосатый флаг монархии, и на флагштоке затрепетал на ветру золотозвездный красный флаг нового Вьетнама. Император Бао Дай, облаченный по случаю церемонии в желтое, расшитое драконами, долгополое платье, зачитал подготовленный текст заявления о своем отречении от престола. Возгласы одобрения вызвали его слова:

— Я предпочитаю стать гражданином свободной страны, чем оставаться императором страны рабов.

Затем Бао Дай торжественно передал представителям восставшего народа символы императорской власти — золотую печать в десять килограммов весом и династический меч с рукояткой из ярко-зеленого, цвета весенних листьев, нефрита. На Востоке бытует предание, что это волшебный камень, отстраняющий удар молнии. От всесокрушающей же грозы революции и он, этот камень, не смог спасти Бао Дая.

Гораздо сложнее развивались события в третьем по значению городе страны — Сайгоне, где позиции прояпонских сил и других реакционных партий оставались еще довольно сильными и в то же время сказывалась слабость организации КПИК, понесшей большие потери в предшествующие годы. Прибывший 19 августа в Сайгон императорский уполномоченный Нгуен Ван Шам сразу же повел переговоры с японцами о передаче их оружия прояпонским партиям и организациям. В эти дни в Сайгоне и его

пригороде Тёлоне находилось несколько тысяч фанатичных приверженцев религиозной прояпонской секты «Каодай», имевшей свои вооруженные отряды. Десятки прояпонских групп в городе и окрестностях имели вооружение, запасы продовольствия, располагали деньгами, средствами передвижения, были связаны с японским командованием. Главную ставку контрреволюционеры делали на образованный еще 14 августа Объединенный национальный фронт, в который, помимо прояпонских партий, входили также представители довольно сильной троцкистской группы «Борьба», религиозных сект «Каодай» и «Хоахао».

КПИК и Вьетминь противопоставили реакции свое наиболее грозное оружие — городские пролетарские организации, насчитывающие 120 тысяч рабочих. В поддержку Вьетминя выступали также около 80 тысяч членов молодежных организаций и солдат бывшей императорской армии. Для привлечения к восстанию организаций и сил, занимавших колеблющуюся позицию, представители Вьетминя неоднократно встречались со многими членами Объединенного национального фронта, разъясняя им политические цели Вьетминя, и сумели добиться согласия некоторых на сотрудничество.

Как и в Ханое, было решено воспользоваться для взятия власти манифестацией в поддержку наместника Нгуен Ван Шама, намеченной Объединенным национальным фронтом на 25 августа. Фронт вывел свои силы с императорскими желтыми флагами, каодаисты выступали под лозунгами вьетнамо-японской дружбы. Но в действиях реакционеров сквозила обреченность — вести о победе Вьетминя в Ханое, Хюэ и других городах, о готовящемся отречении Бао Дая парализовали их действия. В этой обстановке Вьетминь предложил всем патриотическим организациям принять участие в создании народно-революционного комитета. В 9 часов утра члены комитета предстали перед демонстрантами. В его составе шесть мест из девяти, в том числе и председателя комитета, принадлежали Вьетминю. Так была одержана еще одна, важнейшая победа Августовской революции.

Зная о крайне сложной обстановке, складывавшейся в Сайгоне, ЦК КПИК направил туда 19 августа делегацию генерального комитета Вьетминя во главе с Хоанг Куок Вьетом. Он вспоминает об этой поездке: «И вот наконец мы в вечернем Сайгоне, залитом морем света, делавшим еще более яркими красные флаги. Нас разместили для отдыха во дворце Намбо — бывшей резиденции французского губернатора. Едва мы смежили веки, как раздался стук в дверь:

— Делегаты от различных политических групп и организаций, узнав о приезде представителей генерального комитета Вьетминя, хотят незамедлительно с вами встретиться.

Проконсультировавшись с местным партийным комитетом, я направился на встречу с делегатами. Мне была задана масса вопросов, по все они в конце концов сводились к одному, как это было и в других провинциях, через которые мы проезжали:

— Скажите, кто такой Хо Ши Мин? Он действительно…

— Ну кем же мог быть руководитель нашего нового государства, как не почитаемым всеми вождем революции, закаленным в боях бойцом нашего рабочего класса, сыном нашего народа, отдавшим на службу ему всего себя, дорогим товарищем Нгуен Ай Куоком?

Ответом на эта мои слова был гром оваций и возгласов:

— Да здравствует Временное правительство!

— Да здравствует Президент Хо Ши Мин!

Безграничный авторитет Бак Хо, огромный престиж героического красного знамени, обагренного кровью наших боевых товарищей, престиж нашей партии и фронта Вьетминь совершили чудо: сердца всех присутствующих в мгновение ока забились в едином ритме. На это единство, шире и прочнее которого еще не знал наш народ, опиралась родившаяся революционная власть.

В тот же день я отправил на Север телеграмму: «В двадцати одной провинции, через которые мы проехали, власть в наших руках. В Намбо в основном все идет как надо».

Ханой телеграфировал в ответ: «Провозглашение независимости 2 сентября».

Итак, всего за 12 дней национально-освободительная революция, которой руководила КПИК, насчитывавшая тогда едва 5 тысяч членов, одержала победу в масштабе всего Вьетнама. Колониальное господство, которое более 80 лет силой навязывалось вьетнамскому народу, и монархический строй, существовавший тысячелетия, были в считанные дни сметены ураганом народного гнева.

Сразу же после победы революции в Ханое Постоянное бюро ЦК КПИК поручило Ле Дык Тхо (ныне член Политбюро, секретарь ЦК КПВ) отправиться в партизанскую зону и сопровождать Хо Ши Мина на его пути в столицу. Для охраны председателя НКО на пути его следования была вызвана в Танчао наиболее отличившаяся в боях рота Армии освобождения. Дорога заняла много времени: плыли на джонках вниз по реке, шли пешком через джунгли. На некоторых участках приходилось нести Хо Ши

Мина на носилках — настолько он еще был слаб после жестоких приступов лихорадки.

26 августа Хо Ши Мина и сопровождавших его лиц встретили в деревне Га в окрестностях Ханоя члены Комитета восстания. Они обратили внимание, что Хо Ши Мин выглядел уже гораздо лучше, чем на конгрессе в Танчао. Спустившись с гор, он преобразился и внешне, став типичным крестьянином дельты, в коричневых домотканых рубахе и штанах, выкрашенных отваром кунау — дикого лука.

Крепко обнявшись со всеми, он, радостно улыбаясь, воскликнул:

— Вид у вас прямо-таки геройский, товарищи победители!

Те наперебой принялись рассказывать, как прошло восстание в Ханое и в других районах. Глаза Хо Ши Мина сияли, но слушал он молча, ничем не выдавая своего радостного волнения. Только когда ему сказали, что Постоянное бюро ЦК партии считает необходимым как можно скорее провести церемонию представления народу Временного правительства, которым согласно решению конгресса в Танчао автоматически становится Комитет национального освобождения, Хо Ши Мин удивленно и с какой-то застенчивой улыбкой воскликнул:

— Это что же, выходит, я уже глава правительства?

5

И вот Хо Ши Мин впервые в своей жизни в столице родины — украшенном бессчетным количеством красных флагов и транспарантов, захлестываемом волнами необычайного революционного энтузиазма древнем Ханое. Чтобы преодолеть расстояние в 300 километров, отделяющее его родную деревню Лотосов от города Взлетающего дракона, как звали Ханой в старину, он вынужден был потратить более трети века и исколесить чуть ли не весь мир.

Странное зрелище представлял Ханой еще несколько дней назад. То тут, то там на его улицах валились трупы умерших от голода людей. Их вывозили на повозках для уборки мусора за город и сбрасывали там в общие ямы. А на смену умершим из окрестных деревень тянулись в город новые толпы голодных крестьян. Словно живые скелеты, оборванные, с горячечным, голодным блеском в глазах, они напоминали призраков. Иногда стоило лишь тронуть такого пришельца за руку, как он падал на землю, чтобы никогда уже не подняться.

Голод усугубился стихийным бедствием. В августе уровень

воды в Красной реке поднялся до критической отметки. На многих участках бурая от ила вода прорвала дамбы, которые давно уже пришли в негодное состояние. Шесть провинций дельты — житницы севера страны — оказались под водой. В этих районах вовсю свирепствовала холера.

Ханой агонизировал. Повылезавшие откуда-то из неведомых щелей и нор авантюристы разных мастей устраивали уличные шествия и горланили лозунги во славу Страны восходящего солнца. Но город их не слушал, он был занят другим. Повсюду — в тесных переулках, на тенистых бульварах под пышными кронами платанов, вокруг озера Возвращенного меча, особенно на грязных, узких улицах древней части города — царствовал черный рынок, где, казалось, можно было купить и продать все, что угодно. Воры и грабители орудовали в открытую, среди бела дня. Заменившие французских жандармов японские полицейские с длинными самурайскими мечами нередко прямо на улице избивали то ли грабителей, попавшихся с поличным, то ли случайных безвинных людей…

И вот очистительной грозой пронеслась революция.

Всего лишь за несколько дней страшные следы голода, эпидемий, террора почти исчезли с улиц столицы. Жители города добровольно взялись за установление революционного порядка. Прекратились грабежи, разбой, куда-то подевались даже нищие, толпами просившие на улицах подаяния.

Под покровом темноты Хо Ши Мина и сопровождавших его лиц провели к двухэтажному дому № 48 по улице Хангнганг, где размещалась хорошо законспирированная партийная явка. Это был район знаменитых 36 самых древних улиц Ханоя, замечательно описанных мастерским пером одного из основоположников романтического течения во вьетнамской литературе, Тхать Ламом. Соседям хозяева дома сказали, что к ним приехали погостить родственники из деревни. «Родственники» — в домотканых крестьянских одеждах, с бородами и усами — и в самом деле напоминали деревенских кулао — почтенных стариков. Хотя революция уже победила, обстановка оставалась неспокойной, поэтому принятые меры предосторожности не были излишними.

На следующий день произошло то, чего все давно опасались. В Ханое появились первые подразделения чанкайшистских войск. Стоя на балконе дома, Хо Ши Мин и его товарищи с тревогой смотрели на маршировавших по улицам китайцев. Пресловутая операция «Хуа цзюнь цзинь Юэ» началась. И началась она с благословения англо-американских союзников. Еще накануне Тегеранской конференции, в ноябре 1943 года, Чан Кайши при

встрече с Рузвельтом сказал, что, по его мнению, Индокитай «не готов к самоуправлению», и дал понять, что Чунцин мог бы взять на себя миссию «наведения порядка» в этом районе в случае поражения Японии. В ходе Потсдамской конференции англо-американские союзники договорились между собой, что во Вьетнаме японцев будут разоружать к югу от 16-й — параллели англичане, а к северу от нее — чанкайшисты. Франция была отстранена от этой акции, а позиция самого Вьетнама, разумеется, не принималась в расчет.

Однако и бывшие хозяева Индокитая не теряли времени даром. Чанкайшистские войска еще не успели пересечь вьетнамскую границу, а в Ханое, оккупировав самую фешенебельную гостиницу «Метрополь», появилось большое число французских офицеров, прибывших из Китая, Цейлона, Мадагаскара — отовсюду, где их застал приказ до Голля, отданный накануне капитуляции Японии, — любыми путями добираться до Индокитая и готовить базу для реванша и восстановления французских позиций.

Таким образом, обстановка требовала от партии и НКО быстрых и решительных действий. В доме по улице Хангнганг проводится первое в Ханое заседание Постоянного бюро ЦК КПИК. Участники заседания, на котором председательствует Хо Ши Мин, принимают решение как можно скорее обнародовать состав Временного революционного правительства и организовать церемонию его приведения к присяге. В речах многих выступавших подчеркивалось, что это нужно во что бы то ни стало сделать до того, как основные силы чанкайшистов войдут в Ханой. Было решено направить в ревкомы северных провинций указание воспользоваться наводнением и, ссылаясь на отсутствие паромов и лодок, всячески задерживать продвижение основной группировки чанкайшистских войск. Решили также немедленно вызвать в Ханой основную часть подразделений Армии освобождения, так как революционные вооруженные силы в столице состояли лишь из нескольких небольших отрядов самообороны и отдельных групп тонкинских стрелков, перешедших на сторону революции.

Уже утром 26 августа первые две бригады Армии освобождения прибыли в пригород Ханоя Зялам. С оркестром во главе, под звуки революционных маршей войска торжественно прошли через двухкилометровый ярусный красавец мост Лонгбьен, переброшенный через Красную реку. Бойцы шли колоннами по двое, с карабинами наперевес, демонстрируя готовность к бою. Жители Ханоя встретили солдат революции с необычайным энтузиазмом. Тут же, на Театральной площади, в

присутствии десятков тысяч ханойцев состоялся красочный военный парад. Теперь Временное революционное правительство располагало прошедшими суровую школу партизанской войны, политически зрелыми и стойкими кадрами, крайне необходимыми для организации и охраны центральных органов революционной власти.

27 августа ханойские газеты опубликовали коммюнике об образовании Временного революционного правительства на базе Национального комитета освобождения в соответствии с решениями Конгресса народных представителей в Танчао. Хо Ши Мин был назначен председателем правительства и министром иностранных дел. В народе же с первого дня после победы революции его стали называть Президентом.

На заседании НКО, обсуждавшем состав правительства, Хо Ши Мин внес предложение объявить народу о проводимой Вьетминем политике широкого национального союза и обратиться к представителям патриотических партий и беспартийных деятелей, не входивших во Вьетминь, с призывом участвовать в новом правительстве. Эта мера, диктовавшаяся необходимостью расширить насколько возможно социально-политическую базу правительства, которое реакционная пресса открыто именовала коммунистическим, получила одобрение в политических кругах. Тут же, на заседании, решили поручить Хо Ши Мину подготовить проект декларации о победе революции и провозглашении Вьетнама демократической республикой.

Почти целые сутки работал Хо Ши Мин над тезисами декларации в маленькой, плохо освещенной комнатке дома на улице Хангнганг. Жильцы дома и соседи спрашивали друг друга, чем занимается здесь этот старик с блестящими глазами, в застиранной рубахе цвета кунау, который то стучит на портативной машинке, то молча курит одну сигарету за другой. И никто из них не догадывался, что присутствует при исторических минутах.

Когда проект декларации был закончен, Хо Ши Мин пригласил членов Постоянного бюро ЦК, чтобы узнать их мнение. На лице его, все еще бледном после перенесенной тяжелой болезни, сияла неизбывная радость. Как потом он сам рассказывал, никогда в своей жизни он не испытывал такого чувства волнения и одновременно душевного подъема, как в эти часы. Ведь ему предстояло объявить своим соотечественникам, да и всему миру, что свершилось наконец то, за что столько лет, теряя лучших своих сынов и дочерей, самоотверженно, не щадя сил, боролся вьетнамский народ.

Подготовленная Хо Ши Мином и одобренная Постоянным

бюро ЦК КПИК Декларация независимости выражала волю миллионов вьетнамских граждан и патриотов, воплотила результаты 80 лет борьбы вьетнамского народа за национальное освобождение, итоги Августовской революции, принесшей вьетнамскому народу свободу, независимость и единство родины. «Декларация независимости, — считают вьетнамские историки, — впитала в себя все ценное из произведений Хо Ши Мина, документов партии и различных манифестов национальных героев и видных революционеров. Декларация независимости — это самая славная страница в истории беззаветной, несгибаемой борьбы вьетнамской нации».

В эти торжественные минуты кому-то неожиданно пришла в голову совершенно прозаическая мысль, что Хо Ши Мину не в чем появиться завтра на трибуне перед народом. Начались спешные поиски приличествующего случаю костюма европейского покроя. Наконец по настоянию Хо Ши Мина остановили выбор на легком полотняном костюме полувоенного образца защитного цвета, к какому он привык еще в бытность в Кантоне. С этого дни все 24 года, которые Хо Ши Мин был президентом страны, на праздничных торжествах и на встречах с высокими иностранными гостями, в поездках по ДРВ и в зарубежные страны его почти всегда видели именно в таком скромном одеянии.

2 сентября Ханой оделся в красный цвет — цвет революции. Море флагов, транспарантов, красочных бумажных фонариков, благоухающих цветов затопило его улицы. Повсюду лозунги на вьетнамском и французском языках: «Вьетнам — вьетнамцам!», «Долой французский колониализм!», «Независимость или смерть!», «Поддерживаем Временное правительство!», «Поддерживаем Президента Хо Ши Мина!», «Добро пожаловать, миссия союзников!»

Улицы патрулировались бойцами отрядов самообороны, вооруженными пиками и саблями и даже бронзовыми алебардами и старинными мечами, извлеченными из алтарей буддийских храмов. Город заполнили тысячи крестьян из прилегающих к Ханою деревень. Среди них выделялись красивыми национальными нарядами крестьянские девушки: широкие пояса цвета фиалок стягивали их платья «тытхан», похожие на древнеримские туники, волосы убраны в желтые тюрбаны. У многих людей в руках букеты ярких фузунгов — «цветов прекрасных мгновений», которые цветут всего двенадцать часов. В праздничные колонны демонстрантов вместе с народом встали буддийские бонзы и католические священники, покинувшие на время свои пагоды и храмы.

Все еще жаркое сентябрьское солнце сверкало над центральной площадью, которую Хо Ши Мин предложил назвать Бадинь — по имени трех селений в провинции Тханьхоа, где еще в прошлом веке доблестно сражались против колониальных пришельцев крестьяне-партизаны. Более полумиллиона жителей собрались на площади и прилегающих к ней улицах, чтобы увидеть и услышать руководителей нового Вьетнама. Имя Хо Ши Мина за короткое время облетело всю страну. Вот как описывала на следующее утро митинг на площади Бадинь одна ханойская газета:

«Народ ждал Президента. Народ хотел увидеть человека, который сотни раз менял имя, который сменил 12 профессий, много раз сидел в тюрьме, был приговорен к смертной казни и заживо похоронен. Народ хотел увидеть не только первого Президента новой республики, но и первого необыкновенного Президента.

С нетерпением ожидая его появления, многие думали, что он непохож, конечно, на императора в традиционном облачении с жемчужным поясом, но что он обязательно должен быть нарядно одет, обладать величественными жестами и неторопливой речью.

Президент вышел на трибуну — и все увидели простого человека с сердечной и доброй улыбкой. На нем пожелтевший от ветра и дождей пробковый шлем, обычный костюм цвета хаки и резиновые сандалии на босу ногу.

Когда Президент начал читать «Декларацию независимости», его сильный голос напоминал о далеких джунглях и партизанских сражениях:

— «Французы бежали, японцы капитулировали, император Бао Дай отрекся от престола. Наш народ разбил цепи колониального рабства, сковывавшие его в течение почти столетия, и создал независимый Вьетнам…

…Мы, члены Временного правительства нового Вьетнама, представляющего весь вьетнамский народ, заявляем, что отныне мы порываем всякие отношения с империалистической Францией, объявляем недействительными договоры, которые Франция подписала относительно Вьетнама, аннулируем все привилегии, присвоенные французами на нашей территории…

Мы уверены, что союзные державы, признавшие на конференциях в Тегеране и Сан-Франциско принципы равноправия наций, не могут не признать права вьетнамского народа на независимость.

Народ, который свыше 80 лет вел упорную борьбу против французского господства, который несколько лет мужественно сражался в рядах союзников против фашизма, — такой народ

имеет право быть свободным! Такой народ должен быть независимым!

В силу этих причин мы, члены Временного правительства Демократической Республики Вьетнам, торжественно провозглашаем всему миру:

Вьетнам имеет право быть свободным и независимым и действительно стал свободным и независимым. Вьетнамский народ полон решимости отдать все свои духовные и материальные силы, пожертвовать своей жизнью и имуществом, чтобы отстоять свое право на свободу и независимость».

Президент вдруг останавливается и обращается с вопросом к грохочущей от оваций площади:

— Соотечественники! Слышите ли вы меня? Ясно ли я говорю?

Этот простой вопрос окончательно сметает все, что еще, может быть, разъединяет Президента и народ. Все сразу же проникаются большой любовью и уважением к Президенту. Все видят, что он такой же человек, как и они, близкий им, сердечный, бесконечно любящий свой народ. И в ответ на вопрос Президента звучит тысячеголосое «Да!».

Победа Августовской революции 1945 года, приведшая к образованию первого в Юго-Восточной Азии государства рабочих и крестьян, открыла новый исторический этап перед вьетнамским народом. Будучи по своему характеру национальной, народно-демократической, Августовская революция стала завершением почти вековой борьбы вьетнамского народа против колониализма, ознаменовав собой начало распада колониальной системы империализма в Юго-Восточной Азии. Августовская революция по праву вошла в историю мирового революционного движения как один из ярких образцов революционного искусства и творчества народных масс, руководимых марксистско-ленинской партией. Президент Хо Ши Мин, один из организаторов и вдохновителей победоносной Августовской революции, писал впоследствии:

«Победа Августовской революции во Вьетнаме вновь подтвердила правильность марксистско-ленинской теории по национально-колониальному вопросу, правильность пути, начертанного Октябрьской революцией 1917 года. Она подтвердила, что национальная революция, чтобы одержать победу, должна:

— опираться на широкий национальный антиимпериалистический фронт:

— разрешить крестьянский вопрос;

— иметь народную армию;

— пользоваться братской помощью народов и пролетариата других стран;

— осуществляться под руководством партии рабочего класса…

Не только трудящиеся, народ Вьетнама, но и трудящиеся и угнетенные других стран могут гордиться тем, что впервые в революционной истории народов колоний и полуколоний партия, имевшая от роду всего 15 лет, успешно руководила революцией и взяла в свои руки власть во всей стране. Победа Августовской революции была победой ленинского учения в первой национально-освободительной революции в колониальной стране».

Хо Ши Мин неизменно подчеркивал неоценимый вклад Октябрьской революции, Советского Союза в победу Августовской революции: «Факел марксистско-ленинского учения и опыт Великой Октябрьской революции ярким светом озарили путь революции во Вьетнаме… Вьетнамский народ всегда будет благодарен Советскому Союзу, разгромившему фашистов в Европе и Азии и внесшему решающий вклад в дело спасения человечества от фашистского рабства. Победа Советского Союза способствовала торжеству Августовской революции в нашей стране».

ПЕРВЫЕ ШАГИ РЕСПУБЛИКИ

Хо Ши Мин — символ коммунистической мудрости в Азии.

Р. Арисменди

1

Неимоверные, непреодолимые, казалось, трудности встали перед Хо Ши Мином и его соратниками после победы Августовской революции и образования Демократической Республики Вьетнам. И без того отсталая экономика пришла в состояние полной анархии и разрухи в результате долгих лет японской оккупации. Голод и эпидемии продолжали косить людей. Молодой республике угрожали многочисленные внешние враги. Удержать власть — эти два слова стали главным лозунгом дня, вопросом жизни и смерти вьетнамской революции. «Золото проверяют огнем, силу человека — трудностями», — гласит вьетнамская пословица. В эти трудные дни со всей полнотой раскрылись высокие качества руководителя и организатора масс, присущие Хо Ши Мину. С редким самообладанием и тактической гибкостью ведет он корабль молодого государства, умело обходя многочисленные подводные рифы. Свои действия он постоянно сверяет с бесценным ленинским опытом, ища и находя в нем ответы на многие вопросы. Он не раз напоминает в эти дни своим ближайшим друзьям и соратникам мудрые ленинские слова: трудно взять власть, но удержать ее еще труднее.

На следующий день после провозглашения республики министры Временного революционного правительства собрались на первое заседание в зале приемов бывшей верховной резиденции Тонкина. Ее литые чугунные ворота, похожие на две дуги арбалета, за которые никогда не ступала нога простого вьетнамца, широко распахнулись, принимая представителей победившего народа. Когда Хо Ши Мин вошел в зал, все ждали, как он обратится к членам правительства: «граждане», «товарищи» или, может быть, «господа». Он радушно, ласково улыбнулся и сказал:

— Здравствуйте, почтенные, здравствуйте, братья мои!

И это необычное начало Президента, создавшее сразу непринужденную атмосферу, больше, чем что-либо другое, показало всем, что настали новые времена.

Речь Хо Ши Мина была краткой, но программной.

— Французские колонизаторы 80 лет держали наш народ в цепях рабства, эксплуатации, невежества и бесправия. Поэтому немудрено, что ни вы, ни я, — говорил он министрам, — не знакомы с искусством управления государством.

Но это не должно нас пугать. Мы будем работать и учиться, учиться и работать. Разумеется, мы не избежим ошибок. Но мы будем исправлять их, у нас хватит на это мужества. Я убежден, что мы добьемся успехов, так как нами движет глубокое чувство любви к родине и народу.

Каковы сегодня самые неотложные вопросы, требующие решения? Во-первых, голод. Это самое гнусное наследие жестокой политики, проводившейся французами и японцами. Более двух миллионов человек уже умерли от голода, те же, кто избежал смерти, голодают сейчас. Как спасти их? Я предлагаю развернуть национальную кампанию за увеличение производства продуктов питания. Надо, чтобы на всех пригодных к обработке землях выращивали овощи, батат, маниоку, маис. Однако новый урожай созреет только через 3–4 месяца. Поэтому следует немедленно приступить к сбору риса в фонд помощи голодающим. Пусть все соотечественники — и я первый подаю такой пример — откажутся раз в десять дней от одного приема пищи. Сэкономленный таким образом рис будет распределяться среди бедняков.

Во-вторых, неграмотность. Один из методов, который применяли французы, чтобы сохранить власть над нашим народом, — это держать его в невежестве.

Неграмотный народ — это слабый народ. Чтобы научиться читать и писать на родном языке, достаточно трех месяцев. Я предлагаю начать массовую кампанию по ликвидации неграмотности.

В-третьих, необходимо подготовить и как можно скорее провести всеобщие выборы, гарантировав тем самым демократические права народа. Все граждане нашей страны должны иметь право избирать и быть избранными независимо от имущественного положения, религиозных убеждений, национальной принадлежности.

В-четвертых. Стремясь ослабить наш народ, колонизаторы насильственно отравляли его алкоголем и опиумом, прививали ему дурные привычки и пороки. Перед нами стоит задача воспитания нового человека, любящего свою родину. Я предлагаю развернуть движение за воспитание у наших граждан трудолюбия и бережливости, честности и правдивости, за полное искоренение из нашей жизни позорного наследия прошлого.

В-пятых, немедленно отменить три вида позорных налогов: подушный, рыночный и за право переезда через реки; запретить курение опиума.

В-шестых, официально заявить о свободе вероисповедания.

Осуществление выдвинутой Хо Ши Мином программы уже в первые месяцы принесло ощутимые результаты. Миллионы людей откликнулись на его призыв победить голод. Вскапывали каждый свободный клочок земли, высаживали овощи даже в парках и скверах. В каждой семье хранилась банка сэкономленного по зернышку риса, предназначенного в помощь голодающим. К концу года в стране собрали высокий урожай батата, маиса, сои, а весной и летом следующего года — невиданно богатый урожай риса. Проблема голода практически была снята с повестки дня.

Оживлению экономики способствовал и ряд социально-экономических мер, проведенных правительством ДРВ. На заводах и фабриках ввели 8-часовой рабочий день, гарантировали права рабочих в их взаимоотношениях с предпринимателями. Вопрос об аграрной реформе в деревне временно сияли с повестки дня, так как ее проведение могло бы чрезмерно обострить классовые противоречия и тем самым нанести ущерб национальному единству, так необходимому тогда Вьетнаму, находившемуся в кольце врагов. Тем не менее и в сельском хозяйстве были осуществлены важные мероприятия: конфискованы и временно распределены между безземельными крестьянами поля и угодья, принадлежавшие французским колонизаторам и вьетнамским предателям; объявлено о снижении на 25 процентов арендной платы для крестьян.

В крайне сложном положении оказалась кредитно-финансовая система республики. Старая власть оставила после себя смехотворное наследие — один миллион истрепанных бумажных пиастров, которые чудовищная инфляция обратила в груду не имевших ценности бумажек. Принадлежавший французам Индокитайский банк (революция не смогла овладеть этой крепостью международного капитала) саботировал распоряжения Временного революционного правительства и способствовал еще большей дезорганизации финансовой жизни страны. Свою лепту в этот гибельный процесс вносили оккупационные власти Чунцина. Китайцы, невзирая на протесты властей ДРВ, расплачивались и с государством и на базарах обесцененными бумажными юанями.

Правительство ДРВ начало с того, что обнародовало декрет о создании фонда независимости. Хо Шо Мин обратился к народу с призывом принять активное участие в кампании по сбору золота и драгоценностей в фонд независимости. Кампания, получившая

название Недели золота, приобрела общенациональный характер. Многие сдавали памятные для себя драгоценности: супружеские пары — обручальные кольца, женщины — золотые серьги, доставшиеся им в наследство еще от их бабушек, монахи — храмовые принадлежности. За короткий срок в фонд независимости внесли 20 миллионов пиастров и 370 килограммов золота. Это позволило правительству сделать позднее важный шаг по пути создания основ независимой национальной экономики: выпустить в обращение новые денежные знаки — донги ДРВ — вначале в Чунгбо, а затем и по всей стране.

Сокрушительный удар был нанесен по еще одному опасному врагу — неграмотности. Правительство обнародовало декрет о введении обязательного бесплатного обучения национальной письменности «куок-нгы». Усилиями созданного при правительстве Управления народного образования в городах и деревнях было открыто более 70 тысяч курсов ликбеза. Люди учились дома, на работе, в пути. Типичной стала такая картина: крестьянская семья шагает по рисовому полю за буйволом, на спине которого водружен плакат с учебными текстами. Рядом с молодыми за парты садились седобородые старцы и древние старухи. За один только год два с половиной миллиона человек научились читать к писать.

Шаг за шагом укреплялись осповы революционной власти, создавалась новая политическая структура государства. Прежний административный аппарат был распущен, институт мандаринов ликвидирован. Через неделю после провозглашения ДРВ правительство обнародовало декрет о проведении в течение ближайших месяцев всеобщих выборов в новый демократический парламент — Национальное собрание. Центральные газеты опубликовали проект конституции ДРВ с призывом правительства к соотечественникам активно высказывать свои замечания и предложения по проекту. В провинциях, уездах, сельских общинах начали создаваться путем прямых выборов народные комитеты, которые способствовали дальнейшему упрочению основ новой власти, национального единства, союза рабочего класса и крестьянства.

Хо Ши Мин лично вникал во все вопросы становления органов народно-революционной власти, беспокоясь о том, чтобы с первых же дней установились правильные взаимоотношения между ее представителями и населением. В послании народным комитетам провинций, уездов и деревень страны он настойчиво предостерегал новых представителей власти от пороков и зол старой администрации. «Мы должны помнить, — писал он, — что

все органы нашей власти как в центре, так и на местах — это слуги народа, то есть люди, призванные трудиться в интересах народа… Если страна стала независимой, а народ несвободен и не обрел счастья, то независимость будет всего лишь пустым звуком… Мы должны с любовью относиться к народу, только тогда народ будет любить и уважать нас».

На заседаниях Постоянного бюро ЦК партии, в беседах с партийными активистами Хо Ши Мин то и дело возвращался к этой теме.

— Не превращайтесь в революционных чиновников, — наставлял он, — не то население может отказать вам в поддержке. Слова должны претворяться в дела. Надо личным примером увлекать за собой соотечественников.

Ежедневно Хо Ши Мину приходилось принимать множество посетителей. Часть из них составляли иностранцы — китайские офицеры, постоянно нагло требовавшие чего-то, представители миссии союзников — американцы, англичане, зарубежные журналисты. Но, конечно, чаще всего приходилось принимать народные депутации со всех концов Вьетнама. Желающих встретиться с Президентом было так много, что однажды на заседании Постоянного бюро ЦК партии кто-то предложил сократить прием посетителей до минимума. Хо Ши Мин решительно воспротивился этому:

— Наше правительство только что создано, поэтому естественно, что у соотечественников к нам немало вопросов. К тому же такие встречи — удобный повод еще раз разъяснить людям политику правительства. Разве можем мы допустить, чтобы люди думали, будто к нам так же трудно попасть на прием, как в былые времена к сановным мандаринам?

2

Внешняя опасность, угроза подавления революции империалистическими силами продолжали нарастать. К середине сентября численность чанкайшистских войск в Северном Вьетнаме достигла 200 тысяч человек. Ясно, что целью такой армейской группировки не могло быть только разоружение уже капитулировавших, деморализованных японских войск. В Чунцине считали, что настал долгожданный благоприятный момент для аннексии Вьетнама. Чанкайшисты рассчитывали, что, по крайней мере, в районе до 16-й параллели они смогут установить послушный им режим. «Достойные» креатуры имелись наготове — в своем обозе китайские генералы везли послушных

им лидеров Революционной лиги и Национальной партии, а также прошедших выучку в чанкайшистской «тэ у» — спецслужбе головорезов из числа вьетнамских деклассированных элементов.

Китайские узурпаторы на пути следования к Ханою разоружали местные отряды самообороны и распускали народно-революционные комитеты, заменяя их своими ставленниками.

11 сентября в Ханой прилетел командующий китайской армией Лу Хань. На следующий же день на стенах домов и на афишных столбах появились длинные китайские уведомления, разъясняющие населению, что можно, а чего нельзя делать. Китайцы демонстративно делали вид, что в Ханое будто бы нет никакой власти, поэтому они вынуждены взять на себя функции управления столицей и охраны порядка в ней.

Не менее драматически развивались события на Юге страны. 6 сентября в Сайгон вступила первая группа английских войск. Английские представители отказались признавать правительственные органы ДРВ и потребовали разоружения частей Армии освобождения. На английских транспортных самолетах и судах вскоре прибыли и первые подразделения французского экспедиционного корпуса. В качестве верховного комиссара Франции для Индокитая н главнокомандующего всех вооруженных сил Франции на Дальнем Востоке был утвержден адмирал Тьерри д'Аржанлье — бывший католический монах отец Людовик, правая рука де Голля.

В ночь с 22 на 23 сентября французские войска начали военные действия на Юге, вначале в Сайгоне, затем в ряде других городов в дельте Меконга. Уличные бои в Сайгоне продолжались несколько дней. Тем временем городские организации КПИК и Вьетминя эвакуировались в сельские районы и готовили там опорные базы. 26 сентября сайгонцы на баррикадах и боевых позициях, сооруженных в самом городе и его предместьях, слушали обращение Президента ДРВ, транслировавшееся из Ханоя радиостанцией «Голос Вьетнама»:

— «Соотечественники Намбо! Едва завоевав независимость, наша страна вновь стала объектом иностранной интервенции… Я, как и граждане всей нашей страны, верю в вашу безграничную решимость и патриотизм… Помните: лучше умереть свободными, чем жить рабами… Правительство и вся страна будут оказывать всемерную поддержку бойцам и населению Намбо, ведущим самоотверженную борьбу в защиту независимости родины… Мы победим, потому что за нами великая сила народного единства. Мы победим, потому что наша борьба — это борьба за справедливое дело…»

Центральный Комитет партии принял решение срочно направить подкрепления в Намбо. По призыву генерального комитета Вьетминя повсюду стали создаваться отряды «Вперед, на Юг!». Получили приказ спешно отправиться в Намбо подразделения Армии освобождения, а также большое число членов партии. Ежедневно от ханойского вокзала, из других городов уходили на Юг эшелоны с людьми.

Оборона Сайгона приобрела неожиданно новый смысл. Неизвестно, кто первым бросил клич: «Защитим город Хо Ши Мина!», но он быстро распространился по всей стране, вовлекая все новых добровольцев в отряды «Вперед, на Юг!». В эти дни за Сайгоном и утвердилось новое имя — город Хо Ши Мина, которое 30 лет спустя он стал носить официально.

Вскоре в партизанской зоне недалеко от города Митхо в дельте Меконга была проведена чрезвычайная конференция партийной организации Намбо, на которой присутствовали товарищи Тон Дык Тханг, Ле Зуан, только что вернувшийся с каторги, а также Хоанг Куок Вьет. Решили, опираясь на органы народно-демократической власти в сельских районах, создавать народные вооруженные силы и развертывать широкую войну Сопротивления, обеспечив эффективное руководство ею со стороны партии. Таким образом, на Юге Вьетнама уже через месяц после победы революции молодая республика вынуждена была с оружием в руках защищаться от внешних врагов.

Неожиданно в один из первых дней октября в Ханой поступило сообщение о том, что через несколько часов на аэродроме в Зяламе приземлится самолет американских ВВС, на борту которого находятся военный министр чунцинского правительства Хэ Инцинь и командующий американскими войсками в Китае генерал Маклюэр. О цели их визита не сообщалось. Хотя времени не оставалось, правительство ДРВ отдало распоряжение организовать массовый митинг в честь приезда «союзников», чтобы продемонстрировать им решимость вьетнамского народа отстоять завоевания революции. Около 300 тысяч жителей столицы откликнулись на призыв правительства и вышли на улицы. Строгими колоннами они проходили мимо «Бакбофу» — бывшей резиденции французского генерал-губернатора — и скандировали лозунги: «Вьетнам — вьетнамцам!», «Поддерживаем Временное правительство Демократической Республики Вьетнам!», «Поддерживаем фронт Вьетминь!», «Поддерживаем Президента Хо Ши Мина!»

Впоследствии выяснилось, что Хэ Инцинь перед отъездом в Ханой получил в Чунцине жесткие указания: «Коммунистов — к стенке, Хо Ши Мина арестовать». Однако, побывав во Вьетнаме,

китайский военный министр, видимо, пришел к выводу, что 200 тысяч солдат, которыми он располагал, будет явно недостаточно для того, чтобы осуществить задуманное. Поэтому он велел Лу Ханю и его заместителям продолжать прежнюю линию постепенного вытеснения представителей Вьетминя из революционной администрации и замены их своими людьми, после чего отбыл восвояси.

Среди «своих людей» особой воинственностью отличался лидер Революционной лиги небезызвестный Нгуен Хай Тхан. Он и его сообщники открыто заявляли, что за их спиной китайская армия, поэтому если Вьетминь не введет их в состав правительства, то они произведут военный переворот. Убеленный сединами почтенный специалист по гороскопам разъезжал по Ханою в шикарном «лимузине», на крыше которого возлежали два головореза с ручным пулеметом, а два других с автоматами под мышками лихо висели по обеим сторонам капота.

Гораздо тоньше, а потому опасней была деятельность лидеров Национальной партии. С первых же дней, появившись в Ханое, они наладили издание своих газет, которые вели разнузданную антивьетминьскую пропаганду. У входа в редакцию их газеты на улице Куантхань, неподалеку от одного из главных в Ханое буддийских храмов, был вывешен мощный громкоговоритель, откуда по улицам разносилась хула и клевета в адрес правительства Хо Ши Мина. Не ограничиваясь одной лишь пропагандой, агенты Национальной партии совершали покушения на активистов Вьетминя, похищали людей, устраивали налеты на финансовые конторы.

Деятельность китайской «пятой колонны» вызывала возмущение среди членов КПИК, многие из них требовали от правительства решительных контрдействий. Однажды на вечерних политзанятиях в президентском дворце один из охранников Хо Ши Мина, не выдержав, обратился к нему с такими словами:

— Сколько же можно терпеть этих насильников, людей без чести и совести? Одно лишь ваше слово — и мы не оставим и следа от этого мусора.

Хо Ши Мин улыбнулся горячности молодого бойца и, показав рукой вокруг, сказал:

— Представим, что сюда, в эту комнату, забежала мышь и стала грызть новую мебель. Как вы себя поведете: будете швырять в нее камнями или же попытаетесь изловить?

— Ну конечно, смешно швыряться в помещении камнями, — сконфуженно отвечал боец.

— Вот так же и в политике: необходимо проявлять

осмотрительность и осторожность, взвешивать возможные последствия каждого своего шага. Недаром говорится: дернув за лиану, можешь растревожить весь лес.

После победы революции Хо Ши Мин выступал перед страной как Президент и председатель генерального комитета Вьетминя. О партии же открыто нигде не упоминалось. 11 ноября 1945 года ЦК КПИК выступил с официальным заявлением о самороспуске партии. На деле же КПИК продолжала действовать нелегально. Обстановка диктовала необходимость этого тактического шага, чтобы укрепить народную власть на патриотической, национальной основе, лишить реакционеров, чанкайшистов и колонизаторов возможности использовать в борьбе против народной власти антикоммунизм. Хотя партийные активисты занимали многие руководящие посты, они формально выступали в качестве представителей Вьетминя. Задача состояла в том, чтобы не раскрывать врагам кадры партии в архисложный период, который переживала революция, и сохранить возможности для борьбы в подполье, если вдруг возникнет в будущем такая необходимость. Кроме того, в результате политической отсталости масс, столько лет находившихся под воздействием оголтелой антикоммунистической пропаганды, афиширование руководящей роли КПИК могло бы оттолкнуть от Вьетминя его сторонников из числа буржуазных и мелкобуржуазных элементов города и деревни. Нельзя было к тому же не учитывать и враждебного окружения, в каком оказалась ДРВ.

Вьетнамская революция, бросившая дерзкий вызов объединенным силам международной реакции, находилась в сложном положении. Возможностей установить прямые связи с Советским Союзом у нее пока не было. До победы народной революции в Китае оставалось еще целых четыре года. Для спасения молодой республики требовалось во что бы то ни стало прорвать фронт политической и дипломатической блокады, организованной империализмом. Но как это сделать, если на Севере страны хозяйничают чанкайшисты, а на Юге наращивает свои агрессивные действия французский экспедиционный корпус?

Внесли свою лепту в создание враждебной атмосферы вокруг революционного Вьетнама и органы информации Запада, распространявшие о событиях в нем заведомую ложь, порочившую революционное правительство. Кроме того, в Париже, Вашингтоне, Лондоне уже доподлинно знали, что Хо Ши Мин — это всего лишь новое имя руководителя Компартии Индокитая, старого коминтерновца Нгуен Ай Куока. Это обстоятельство не могло, разумеется, способствовать улучшению отношения правящих кругов империалистических держав к ДРВ,

которые подчеркнуто бойкотировали ее правительство и проводимые им мероприятия. Государственный секретарь США Дж. Маршалл писал в те дни американскому послу в Париже: «… Хо Ши Мин имеет прямые связи с коммунистами, и вполне очевидно, что мы не заинтересованы в том, чтобы администрация колониальной империи была заменена философией и политической организацией, руководимой и контролируемой Кремлем».

Постоянное бюро ЦК КПИК в эти тревожные дни, переживаемые молодой республикой, стремилось определить, какой из многочисленных внешних противников представляет наибольшую опасность. После долгих дискуссий было признано, что, несмотря на присутствие на Севере Вьетнама крупной военной группировки Чан Кайши, более опасным противником все-таки являются бывшие колонизаторы, которые, судя по всему, не отказались от мысли вернуть утраченное господство над Вьетнамом, поэтому «рано или поздно, — указывалось в одном из решений ЦК КПИК, — французы договорятся с Чунцином о возвращении Индокитая в их руки, если Франция гарантирует уважение важных интересов Китая».

С учетом этого решили придерживаться следующей линии: на Юге — давать всемерный отпор агрессии французов, развертывать всенародную войну Сопротивления; на Севере — проводить в отношении чанкайшистов принципиальную, но гибкую политику, не поддаваться на провокации, избегать вооруженных стычек, всячески умиротворять чанкайшистов, идти, если необходимо, на определенные уступки.

3

Приближался день всеобщих выборов в Национальное собрание ДРВ. Китайцы и их прислужники из Вьеткатя (Революционной лиги) и Вьеткуока (Национальной партии), понимая, что рассчитывать на успех на выборах не приходится, активно вели подрывную деятельность, стремясь сорвать их проведение. В конце декабря генерал Сяо Вэнь, которого Чан Кайши назначил своим политическим представителем в Северном Вьетнаме, направил Хо Ши Мину ультимативное требование провести еще до выборов реорганизацию Временного правительства, отозвав министров-коммунистов и включив вместо них представителей Вьеткатя и Вьеткуока, предоставить в будущем Национальном собрании еще до выборов 80 мест этим партиям, а также заменить государственный флаг ДРВ (красное

полотнище с желтой звездой посредине), который «слишком напоминает флаг Коминтерна». Лидеры обеих прокитайских партий шли еще дальше — они требовали предоставления им постов президента и премьер-министра, а также семи основных министерских кресел, в том числе — внутренних дел, обороны, экономики.

В ходе состоявшихся при участии китайцев переговоров удалось найти компромиссный вариант: Временное правительство реорганизуется в коалиционное с участием представителей трех политических сил — Вьетминя, Революционной лиги и Национальной партии; лидеру лиги Нгуен Хай Тхану предоставляется пост вице-президента ДРВ, а лидеру Национальной партии Нгуен Тыонг Таму — министра иностранных дел; обеим партиям гарантируется значительное количество мест в будущем Национальном собрании; в свою очередь, обе партии соглашаются на проведение в самое ближайшее время всеобщих выборов, на объединение всех вооруженных сил республики и прекращение открытой полемики.

Не все в руководстве КПИК и Вьетминя правильно поняли достигнутый компромисс. Особенно возмущало многих, что вице-президентом революционной республики станет человек, который забыл свой родной язык к немало напакостил революции. В тот же день несколько товарищей, встретившись с Хо Ши Мином, начали бурно выражать свое недоумение, как он мог согласиться на такое. Усталый, с воспаленными от постоянного недосыпания глазами, Хо Ши Мин, спокойно выслушав их и не вдаваясь в разъяснения, спросил:

— Навоз, конечно, чистотой не отличается, не правда ли? Но если им удобрить поле, можно собрать хороший урожай. Так стоит ли от него отказываться, как вы думаете?

Вообще в эти дни очень много сил и времени Хо Ши Мину приходилось тратить на остуживание горячих голов в партии, зараженных «детской болезнью» левизны. Переоценивая силы революции, некоторые партийные активисты либо сознательно, либо утратив так необходимое хладнокровие, нарушали линию партии на умиротворение чанкайшистов, нередко отвечали силой на их провокации, в результате чего происходили серьезные вооруженные стычки, которых вполне можно было бы избежать. Эти стычки нагнетали ненужную напряженность и всегда крайне трудно, с большим скрипом улаживались. Хо Ши Мину приходилось призывать на помощь весь свой опыт, авторитет и тактическую гибкость. Поэтому он всегда строго выговаривал виновным:

— Правильно говорят в народе: прежде чем наедаться ныок

мама, подумай о жажде, которая тебя будет мучить. Прошу вас, будьте хладнокровнее, не втягивайтесь в провокации, организуемые китайцами. Терпение — это не значит покорность, это тоже форма борьбы. Мы должны проводить в отношении их ту же искусную тактику, какую в стародавние времена с успехом применил небезызвестный Гоу Цзянь[22].

Выбирать правильную линию поведения в общении с китайскими генералами Хо Ши Мину немало помогало то обстоятельство, что он долго жил в Китае и хорошо знал сущность и особенности послесуньятсеновского Гоминьдана. Командовавшие вторгшимися во Вьетнам дивизиями генералы принадлежали к различимы гоминьдановским группировкам: чунцинской, юньнаньской, гуандунской, гуансийской. Между ними шла постоянная грызня. Поэтому, хотя все они были антикоммунистами, их отношение к правительству Хо Ши Мина было неодинаковым. Нередко один генерал, стремясь насолить другому, шел навстречу тем или иным просьбам представителей вьетнамских властей. В числе генералов имелись и такие, которые представляли определенную опасность для Чан Кайши, и тот воспользовался операцией «Хуа цзюнь цзинь Юэ», чтобы отослать их подальше от районов их влияния.

Разъясняя своим товарищам все эти тонкости, Хо Ши Мин говорил:

— Это давнишняя тактика Чан Кайши — «разлучать тигров с их родными местами». В лагере наших врагов все не так-то просто, как кажется, и мы должны использовать этот фактор.

Наиболее удачные отношения сложились у Хо Ши Мина с Лу Ханем. Тот высоко отзывался о Президенте ДРВ. Лу Хань единственный из всех китайских генералов уважительно называл его «Ху чжу си» — председатель Хо. Они часто вели беседы на политические темы. Хо Ши Мин разъяснял китайскому генералу цели борьбы вьетнамского народа. Нередко, пользуясь удобным случаем, он в приемлемой форме выражал свое осуждение антивьетнамским действиям китайских представителей и их марионеток.

Товарищ Во Нгуен Зиан, который был во Временном правительстве министром обороны и каждодневно встречался с Хо Ши Мином, вспоминает: «Для Бак Хо революционная истина всегда была конкретной… Обладая удивительным даром проницательности, он, казалось, проникал в самые тайные помыслы противника. С исключительной гибкостью умел менять тактическую линию поведения в зависимости от характера противника и даже отдельных представителей вражеского лагеря.

Бак Хо поистине воплощал в себе действенность

справедливости. Даже отъявленные антикоммунисты, побеседовав с Хо Ши Мином, проникались к нему уважением. Казалось, только пообщавшись с этим человеком, они становились менее жестокими и воинственными.

Многие иностранные политические деятели уже тогда говорили об удивительной силе убеждения, исходившей от Хо Ши Мина. Одни считали, что причиной тому — его широкая образованность, блестящий ум, необычайная воля и энергия. Другие говорили о скромности, простоте, оптимизме, уверенности, прямом, откровенном характере, жизненном опыте, нравственном воспитании…

Все это отчасти верно, но все-таки главным, доминирующим в характере Президента была постоянная готовность к самопожертвованию во имя народа, «одна, но пламенная страсть» — сделать все, чтобы народ, отчизна обрели наконец счастье. Именно его необычная жизнь, где личные интересы были преданы забвению, придала его лицу выражение чего-то исключительно чистого и светлого.

Великий гуманист, Бак Хо всегда стремился разбудить даже у врагов остатки совести, как бы мало ее ни было. Политическая, моральная сила нашего народа, помноженная на искусное претворение в жизнь тактической линии партии и Президента Хо Ши Мина, можно сказать, в известной мере парализовала агрессивные устремления чанкайшистских милитаристов, располагавших 200 тысячами солдат».

4

Борьба не на жизнь, а на смерть в защиту завоеваний революции требовала в первую очередь, чтобы революционное правительство получило мандат народа, то есть было избрано им и пользовалось его поддержкой и доверием. Соглашение, достигнутое с лидерами прокитайских партий, открыло наконец путь к проведению выборов, которые долго откладывались. В первый же день нового, 1946 года газеты опубликовали указ о проведении 6 января всеобщих выборов в Национальное собрание.

Еще задолго до выборов со всех концов страны в правительство шли письма от рабочих коллективов, сельских общин, административных комитетов, в которых Хо Ши Мина просили не баллотироваться в каком-либо одном городе или провинции, с тем чтобы население всей страны смогло отдать за него свои голоса. Каждый мечтал вписать имя Хо Ши Мина

первым в своем избирательном бюллетене. Хо Ши Мину пришлось обратиться к соотечественникам с открытым письмом: «…Я являюсь, как и все, гражданином Демократической Республики Вьетнам, поэтому не вправе нарушать принятый порядок проведения выборов. Я баллотируюсь в Ханое и не могу выдвигать свою кандидатуру в каком-либо другом месте. Благодарю соотечественников за любовь ко мне и прошу всех выполнить свой гражданский долг на предстоящих всеобщих выборах».

В Намбо и на юге Чунгбо выборы проходили под аккомпанемент артиллерийской канонады и свист пуль. В Сайгоне, Митхо и других городах, уже оккупированных французами, избирательные урны тайно кочевали из одного дома в другой, с одной улицы на другую. В городах Танан, Кханьлыу французская авиация подвергла бомбардировке избирательные участки, много людей было убито и ранено.

Несмотря на крайне сложную политическую обстановку, более 90 процентов избирателей приняли участие в выборах. Хо Ши Мин получил 98,6 процента голосов. Если учесть, насколько противоречивой была в тот момент расстановка классово-социальных сил, какую активную деятельность вели прочанкайшистские, прояпонские, профранцузские и другие реакционные элементы, то следует признать эту цифру поистине выдающимся успехом, блестящей демонстрацией непререкаемого авторитета Хо Ши Мина среди самых различных слоев населения.

Безраздельную победу одержал на выборах фронт Вьетминь, за кандидатов которого отдало свои голоса подавляющее большинство избирателей. Среди избранных в Национальное собрание было 105 коммунистов, которые фигурировали в избирательных списках как «независимые». Около 70 мест в соответствии с соглашением автоматически заняли представители прокитайских партий и других буржуазно-националистических группировок. С согласия Вьетминя в Национальное собрание под прежним своим именем Винь Тхюи избрали экс-императора Бао Дая, который еще раньше получил почетный пост советника Временного правительства.

Наступил тэт — первый новогодний праздник, праздник встречи весны после победы революции. Согласно древневосточному лунному календарю, по законам которого испокон веков жили вьетнамцы, уходил в прошлое бурный год Обезьяны и наступал год Курицы, на который люди возлагали столько радужных надежд. Хо Ши Мин выступил по радио с обращением к соотечественникам и бойцам, воюющим на

фронтах Намбо, к молодежи и детям. Это обращение он сопроводил четверостишием:

Когда закончится победою война,
Мы тост поднимем и отведаем вина.
Пускай в семье родной сегодня многих нет,
Зато все вместе встретят новый, мирный тэт!

С того дня обращение Президента к народу с новогодним четверостишием стало национальной традицией.

Тэт — самый любимый и самый семейный у вьетнамцев праздник. Как по мановению волшебного жезла, преобразился Ханой. В каждом доме семейные алтари курились благовонными сандаловыми палочками, зажженными во славу независимости родины. На подоконниках появились главные предвестники весны — персиковые деревца с пурпурными лепестками и карликовые мандариновые кустики с крохотными ярко-желтыми плодами. Бумажные фонарики и цветы украсили входы домов. На стенах появились традиционные «кау дой» — парные изречения с пожеланием счастья и благоденствия. Впервые никого не мучили извечные раздумья, какие подарки на этот раз поднести сановникам, чтобы задобрить их, как это было раньше. После трапезы, посвященной душам предков, люди, как и прежде, вели традиционные семейные беседы, но говорили совершенно о другом — о революции, независимости, новой жизни.

Как и все ханойцы, председатель административного комитета столицы Чан Зуй Хынг проводил предновогодний вечер в кругу семьи. Неожиданно раздался стук в дверь, и на пороге показался Хо Ши Мин. Он хотел совершить поездку по праздничному Ханою и попросил Чан Зуй Хынга сопровождать его.

Улицы были пустынны. В воздухе висела водяная пыль мыафуна. В ноздри бил резкий запах взорванных хлопушек и петард. Машина направилась в район 36 древних улиц. Хо Ши Мин велел остановиться в рабочем квартале у переулка Деревянных палочек и, постучав, вошел в какую-то лачугу с раскрытой настежь дверью. За деревянным рубленым столом сидело много людей. На мгновение все замолчали, увидев незнакомого высокого старика в полотняном костюме цвета хаки. Хо Ши Мин любезно приветствовал собравшихся, ему почтительно ответили. В углу двора на небольшом очаге виднелся вместительный чугунный казан, в котором варились новогодние баньтинги — пироги из сладкого риса, завернутые в банановые листья. Хо Ши Мин поздравил всех с Новым годом, и

только тут среди собравшихся раздались изумленные возгласы: «Да это же Президент!» Для них это было как дивный сон. Первый человек в государстве беседовал с ними как равный с равными — такого за всю свою бесправную нищенскую жизнь они не могли себе даже представить.

В этот вечер Хо Ши Мин посетил еще несколько рабочих семей, а ближе к полуночи в сопровождении охранника влился, незаметный, в праздничную толпу на берегу озера Возвращенного меча. Тысячи ханойцев спешили сюда со всех концов города. Никогда еще Ханой не знал такой шумной новогодней ночи. Повсюду гремели хлопушки и петарды. В серой неказистой кепочке, натянутой на лоб, спрятав половину лица, чтобы не быть узнанным, в шарф, обмотанный вокруг шеи, Хо Ши Мин шел вслед за молодежью, срывавшей на счастье весенние листочки деревьев, и, миновав изогнутый, словно дуга арбалета, каменный мостик, очутился в древней Нефритовой пагоде посреди озера. По преданию, тот, кто хочет счастья в новом году, должен в новогоднюю ночь обязательно побывать в знаменитой пагоде и зажечь благовонную палочку.

Столько лет Хо Ши Мин мечтал о тэте на земле своей любимой отчизны, и, когда этот час пришел, он постарался встретить праздник вместе с народом, на берегах озера Возвращенного меча, — так, как из поколения в поколение отмечают тэт ханойцы.

ВО ВРАЖЕСКОМ КОЛЬЦЕ

До тех пор, пока будет расти на земле Страны Юга трава, будут вставать ее герои на защиту отечества от чужеземных врагов.

Нгуен Зу

1

2 марта 1946 года в ханойском Большом театре открылась первая сессия Национального собрания. Накануне Хо Ши Мин работал до глубиной ночи и, как всегда, курил одну сигарету за другой. С тех пор как он взвалил на себя тяжкую ношу руководителя государства, он выкуривал по две-три пачки в сутки. Вот и сейчас, сидя в машине, везущей его по улице Ожерелий, мимо озера Возвращенного меча к просторной Театральной площади, он не вынимал сигареты изо рта. Усталое, осунувшееся лицо его сохранило, как всегда, спокойствие, и только яркие глаза выражали безостановочную работу мысли. С тех пор как он стал Президентом, среди вьетнамцев ходило много разговоров о его необычных глазах. Далее на плохих по качеству портретах они резко выделялись блестящими точками.

Национальное собрание поручило двум депутатам — старейшему Нго Ты Ха и самому молодому Нгуен Динь Тхи, который стал в наши дни известным писателем, — встретить Президента у парадного подъезда театра. Хо Ши Мин, широко улыбаясь, учтиво поклонился присутствующим в зале и в сопровождении членов правительства поднялся в президиум.

Кресло вице-президента пустовало. Нгуен Хай Тхан сообщил, что не сможет принять участия в работе сессии из-за болезни. Однако в кулуарах Большого театра многие со смехом утверждали, что он боялся, как бы не пришлось принять участие в дискуссии, а значит, много говорить на родном языке, в котором он не был силен.

На первой сессии Национального собрания отсутствовали также многие делегаты Намбо, не сумевшие пробиться на Север через линию фронта.

Хо Ши Мин подошел к микрофону, его голос выдавал волнение:

— Это первый форум народных представителей в истории

нашего Вьетнама. Он является результатом длительной, самоотверженной, полной жертв и лишений борьбы многих поколений вьетнамцев, результатом сплоченности всех наших соотечественников — пожилых и юных, взрослых и детей, людей разных религий, разных национальностей. Наши соотечественники, тесно сплотившись, образовали такой твердый монолит, которому не страшны никакие жертвы и опасности.

Хо Ши Мин сообщил о предложении правительства расширить состав Национального собрания на 70 человек за счет представителей Национальной партии и Революционной лиги. Это предложение было принято депутатами. Представители прокитайских партий с шумом ввалились в зал и заняли пустовавшие места. При подготовке сессии некоторые товарищи высказывали мысль разделить места в партере театра на две половины — правую и левую — и рассадить 70 новых депутатов справа. Но Хо Ши Мин решительно воспротивился этой ненужной игре в конвент Великой французской революции. Перед лицом нараставшей внешней угрозы он стремился во что бы то ни стало сохранить национальное единство. Мысль о необходимости всеми силами избегать любых действий, которые могли бы вести к углублению разногласий и раскола между Вьетминем и другими организациями, звучала рефреном во всех его речах и газетных статьях. О важности национального единства он говорил и с трибуны первой сессии Национального собрания:

— Наше Национальное собрание — это символ национальной сплоченности. Все партии страны имеют здесь своих депутатов. Немало также и беспартийных, представителей женщин, национальных меньшинств. Поэтому каждый депутат, по моему глубокому убеждению, представляет здесь не какую-то отдельную партию или организацию, а является посланцем всего вьетнамского народа.

Сессия Национального собрания стала фактически первой после провозглашения ДРВ публичной встречей Хо Ши Мина с выборными посланцами народа, происходившей в присутствии многочисленных гостей — иностранцев, журналистов, представителей общественных организаций. Все они смогли воочию убедиться, какой большой популярностью пользуется Хо Ши Мин в освободившейся стране. Его простые, располагающие к себе манеры, доброжелательная, открытая улыбка, убедительная речь, лишенная излишней аффектации и жестов, создавали в зале дружеский настрой, атмосферу братства и единства. А ведь этого крайне непросто было добиться в такой разноликой аудитории, где находились деятели самых различных политических убеждений, в том числе и представители реакционных партий.

Когда один из депутатов предложил Национальному собранию от имени всего народа торжественно поблагодарить Временное правительство за проделанную работу и заявить, что Президент Хо Ши Мин является достойным руководителем нового Вьетнама, его слова вызвали в зале овацию.

Участники сессии единогласно приняли предложение о назначении Президента Хо Ши Мина и главой правительства, а его заместителем — отсутствующего представителя Революционной лиги Нгуен Хай Тхана. После того как Хо Ши Мин произнес слова присяги как Президент и премьер-министр ДРВ, Национальное собрание утвердило представленный им список коалиционного правительства и приняло специальную резолюцию о наделении правительства широкими полномочиями в связи с создавшейся сложной военно-политической обстановкой. Для выполнения задач высшего органа государственной власти в период между сессиями Национального собрания был избран Постоянный комитет, в котором все основные посты оказались в руках представителей Вьетминя.

Работа первой сессии Национального собрания показала, как это и предсказывал Хо Ши Мин, что, несмотря на значительные уступки правым партиям, основные командные пункты в государственном аппарате прочно удерживал Вьетминь, а на самых ответственных участках стояли испытанные коммунисты.

2

Продуманная, терпеливая тактика Хо Ши Мина и ЦК КПИК приносила свои плоды — опасность со стороны чанкайшистского Китая постепенно теряла свою первоначальную остроту. Чанкайшисты, дела которых в самом Китае развивались далеко не блестяще, начали постепенно склоняться к мысли о выводе своих войск из Северного Вьетнама. Однако все более серьезной становилась военная угроза со стороны французских колонизаторов.

В конце января 1946 года Англия, стремясь избавиться от индокитайских дел и испытывая давление со стороны французского союзника, передала свои «полномочия» в Индокитае Франции и вывела свои войска из Южного Вьетнама.

Изменилась к этому времени и позиция США. Занявший после кончины Ф. Рузвельта пост президента Г. Трумэн заявил о согласии на возвращение французской армии и администрации в Индокитай. Американцы дали понять всецело зависевшему от них в военном отношении Чан Кайши, что он должен договориться с

французами о замене китайских войск в Северном Вьетнаме французским экспедиционным корпусом, невзирая на то, что работа но разоружению капитулировавших японцев в Индокитае — официальная причина оккупации — была давно завершена.

28 февраля из Чунцина пришло сообщение, что там подписано франко-китайское соглашение о выводе китайских войск с вьетнамской территории и замене их французскими войсками к 31 марта 1946 года. В качестве компенсации за «уступку» французам Северного Вьетнама китайские власти добились отмены всех старых французских привилегий в Китае, возвращения им территории Гуанчжоувань, свободного провоза товаров через Вьетнам в Китай, предоставления им «свободной зоны» в Хайфоне и оговорили большие привилегии для «хуацяо» — китайских эмигрантов, проживавших во Вьетнаме.

Соглашение между чанкайшистами и французскими колонизаторами поставило ДРВ в чрезвычайно сложное положение. Хо Ши Мин и его соратники понимали, что Франция получила «законный» повод для агрессии и восстановления своего колониального господства во всем Вьетнаме. В том, что французские колонизаторы, а это показали события в Намбо, не остановятся ни перед чем, чтобы уничтожить завоевания вьетнамской революции, не приходилось сомневаться. Молодая республика стояла перед выбором: либо немедленная война с грозным противником, либо переговоры и поиски политического компромисса, который мог хотя бы временно устроить обе стороны.

О драматизме тех дней, когда решалась судьба революции, можно судить по одному заседанию Временного коалиционного правительства. Когда Хо Ши Мин высказал идею о необходимости компромисса с Францией, противники этой идеи внесли предложение — просить военной поддержки у Китая, чтобы помешать возвращению французов но Вьетнам. Атмосфера накалилась. Дискуссия стала принимать довольно острый характер. Тогда слово снова взял Хо Ши Мин:

— Понимаете ли вы, что произойдет, если китайцы останутся? Разве вы забыли нашу историю. Если китайцы приходили, то они оставались на тысячу лет. Французы… смогут остаться лишь на некоторое время, но в конечном итоге должны будут уйти… Если же останутся китайцы, то они никогда не уйдут.

Однако стоило руководству Вьетминя только заикнуться о необходимости официальных переговоров с французами, как отовсюду послышались негодующие возгласы протеста. Особенно старались деятели Вьеткатя и Вьеткуока, рядившиеся в тогу

самых истинных революционеров. Их газеты и радио возбуждали массы ультрареволюционными лозунгами: «Никаких переговоров ни с кем!», «Победа или смерть!» Подлинные цели этих деятелей не составляли секрета — сорвать политическое урегулирование с французами, толкнуть правительство на опрометчивые, авантюристические действия и в удобный момент совершить переворот в Ханое. Однако нашлись противники переговоров с французами и в рядах Вьетминя и КПИК. Поддавшись эмоциям, некоторые члены партии и Вьетминя искренне считали, что всякие переговоры с вековыми тиранами вьетнамского народа — это предательство дела революции.

В эти дни Хо Ши Мин много думал над тем, существует ли какая-либо приемлемая альтернатива войне с французами, и, как всегда, сверял свои мысли с бесценным ленинским опытом. Ситуация, в которой оказалась вьетнамская революция, удивительно напоминала ему тот период в истории Советской России, когда Ленин и его соратники вели борьбу за подписание немедленного сепаратного мира с Германией. Все контрреволюционные силы, начиная от меньшевиков и эсеров и кончая самыми отъявленными белогвардейцами, вели тогда бешеную агитацию против мира. Их союзниками в этом черном деле оказались Троцкий и так называемые «левые коммунисты». Они вели в партии ожесточенную борьбу против Ленина, требуя продолжения войны. Эта провокаторская политика искусно маскировалась левыми фразами. Из-за Троцкого, который, будучи председателем советской делегации в Бресте, заявил в нарушение директив ЦК об отказе подписать мир на предложенных Германией условиях, германские войска перешли в наступление и захватили новые обширные территории Советской Республики. Предложенные Германией во второй раз условия мира были гораздо более тяжелыми. И все-таки Ленин настоял на немедленном подписании унизительного мира. Хо Ши Мин помнил мудрые ленинские слова: «Невыносимо тяжелы условия мира. А все же история возьмет свое… Будущее, несмотря ни на какие испытания, — за нами»[23]. И история подтвердила гениальную правоту Ленина.

«В период Октябрьской революции, — перечитывал Хо Ши Мин знакомые строки в «Кратком курсе истории ВКП(б)», — Ленин учил большевистскую партию, как нужно бесстрашно и решительно наступать, когда для этого имеются необходимые условия. В период Брестского мира Ленин учил партию, как нужно в порядке отступать в момент, когда силы противника заведомо превосходят наши силы, с тем чтобы с величайшей энергией готовить новое наступление против врага».

Бесценный ленинский опыт дал возможность Хо Ши Мину и ЦК КПИК избрать наиболее правильную тактическую линию, отвечавшую сложившемуся соотношению сил, а именно: идти на разумные уступки врагу, добиваться компромисса, с тем чтобы спасти от ликвидации народную власть и выиграть время для перегруппировки сил и подготовки к решительной схватке с колонизаторами.

3 марта Постоянное бюро ЦК партии приняло разработанную Хо Ши Мином инструкцию членам партии о текущем политическом моменте.

Изложенная в ней позиция сводилась к тому, чтобы, ведя переговоры с Францией, добиваться признания ею независимости Вьетнама и одновременно, если появится такая возможность, оставаться в союзе с бывшей метрополией. Главное — добиться от Франции признания права вьетнамского народа на самоопределение и сохранение его государственного единства. В этом случае вьетнамская сторона могла бы согласиться на временный ввод в Бакбо французских войск с целью замены ими чанкайшистских войск, при условии, конечно, что французские войска останутся во Вьетнаме какой-то ограниченный период времени. В инструкции подчеркивалась чрезвычайная важность того, чтобы «в процессе переговоров с Францией не только ни на минуту не прекращалась повсеместно работа по подготовке к Сопротивлению, напротив, эту работу необходимо всемерно форсировать. Ни в коем случае нельзя допустить того, чтобы переговоры с Францией отрицательно сказались на боевой решимости нашей нации, ослабили ее моральный дух».

5 марта расширенное заседание Постоянного бюро ЦК КПИК одобрило линию на заключение компромиссного соглашения с французами. И уже на следующий день в одном из изящных особняков, которыми так богат бывший европейский район Ханоя, состоялась официальная церемония подписания «прелиминарного вьетнамо-французского соглашения». На церемонии, помимо членов правительства ДРВ, присутствовали французские офицеры, представители чанкайшистского генштаба, члены американской миссии, английского консульства. Именно эти люди плотным кольцом окружили Хо Ши Мина, когда он ставил свою подпись под текстом соглашения и дополнительного протокола к нему. Для стороннего наблюдателя эта символическая картина явилась как нельзя более наглядной иллюстрацией того тяжелейшего положения, в котором очутилась молодая вьетнамская республика, окруженная со всех сторон империалистическими хищниками.

В прелиминарном соглашении указывалось, что «французское

правительство признает Республику Вьетнам как свободное государство, имеющее свой парламент, свою армию и свои финансы». В свою очередь, ДРВ соглашалась на вхождение «в состав Индокитайской федерации и Французского союза». Относительно судьбы Намбо в соглашении говорилось, что «французское правительство обязуется утвердить решения, принятые населением в ходе референдума».

ДРВ соглашалась на временное вступление французских войск в Северный Вьетнам для замены китайских подразделений. В дополнительном протоколе оговаривалось, что китайские войска будут заменены смешанными франко-вьетнамскими силами (10 тысяч солдат от ДРВ и 15 тысяч — от Франции) под общим французским командованием, но «при участии вьетнамских представителей».

От имени Франции переговоры с Хо Ши Мином и другими представителями ДРВ, приведшие к подписанию прелиминарного соглашения, вел Жан Сентени, получивший полномочия «комиссара Франции в Тонкине». Впоследствии в своей книге «История утраченного мира» он напишет: «После первых же встреч с Хо Ши Мином я вынес впечатление, что этот аскет, лицо которого выдавало ум, энергию, мудрость и проницательность, был человеком незаурядным и что ему суждено в скором времени выдвинуться на авансцену азиатской политики… Его большая культура, ум, невероятная работоспособность, полное бескорыстие завоевали ему невиданную популярность среди населения. Достойно сожаления, что Франция недооценила этого человека, не сумела понять его значение и те силы, которые он представлял».

Подписание соглашения с французами вызвало разноречивую реакцию в стране. Даже в партии не все понимали вынужденность этого шага. Вовсю злобствовали реакционеры и их левацкие подголоски, муссируя среди населения клеветнические слухи о том, что Хо Ши Мин якобы является агентом французских колонизаторов и продал им завоеванную Вьетнамом независимость. Требовалось срочно провести широкую разъяснительную работу среди населения.

Главным мероприятием в этой кампании стал массовый митинг на Театральной площади в Ханое. Один за другим поднимались на трибуну ораторы — видные деятели правительства и Вьетминя и разъясняли десяткам тысяч ханойцев, собравшихся на площади, какие причины вынудили пойти на подписание прелиминарного соглашения.

Вьетнам не хотел бы иметь никаких иностранных войск на

своей территории, говорили они, но англо-американские союзники навязали их. Что ж, пусть на Север прибудут более десяти тысяч французских солдат, но ведь зато мы освобождаемся от 200 тысяч китайцев. А потом, как записано в соглашении, и французские войска должны будут покинуть Вьетнам. Благодаря героической борьбе народа правительство Франции вынуждено было признать Вьетнам «свободным государством». А это большой шаг вперед по сравнению с деголлевской «автономией». Теперь надо идти дальше, добиваться полной независимости. Франции пришлось согласиться на всенародный референдум по вопросу объединения трех частей страны и дать обещание признать результаты референдума. Намбо непременно вернется в лоно родины. Соотечественники должны крепить ряды, борьба еще только начинается.

На митинге выступил и Президент Хо Ши Мин.

— Ваша страна стала свободной в августе 1945 года, — говорил он. — Однако до сих пор ни одна великая держава пока не признала нашей независимости. Переговоры с Францией открывают путь для нашего международного признания, укрепления позиций ДРВ на международной арене. Подписание соглашения — это большая политическая победа. Мы стали свободной нацией, свободным государством. Как записано в соглашении, французские войска постепенно должны быть выведены из Вьетнама. Соотечественники должны сохранять спокойствие, соблюдать дисциплину, крепить сплоченность наших рядов.

Он помолчал секунду, а затем спокойным, но твердым голосом произнес:

— Я, Хо Ши Мин, всю свою жизнь вместе с народом боролся за независимость нашей родины. И я предпочту умереть, но никогда не изменю этому делу.

Над площадью стояла такая мертвая тишина, что было слышно дыхание огромной толпы. Многие плакали, не стыдясь своих слез. Речь Президента звучала как клятва на верность родине и народу в годину испытаний. И когда он произнес последние слова, участники митинга в едином порыве воздели вверх сжатые кулаки, и над площадью прогремело: «Будем твердо следовать всем указаниям правительства и Президента Хо Ши Мина!», «Да здравствует Президент Хо Ши Мин!»

Через два дня после подписания прелиминарного соглашения Хо Ши Мин встретился в городской ратуше с командирами отрядов самообороны Ханоя.

— Подписание соглашения о прекращении огня, — говорил он, — не означает окончания войны. Мы обязались и должны

проводить политику доброжелательства и сотрудничества в отношении французских войск, но это не значит проявлять слабость и во всем ни уступать. Напротив, как никогда прежде, необходимо сохранять постоянную боевую готовность, чтобы во всеоружии встретить любой неожиданный поворот событий, который может произойти.

Характеризуя политику правительства ДРВ в этот архисложный период ее истории, Хо Ши Мин впоследствии указывал: «Нам нужен был мир, чтобы укрепить страну, и мы подавили свои чувства и пошли на уступки, чтобы сохранить мир. И хотя французские колонизаторы нарушили свое же обещание и развязали войну, все же у нас был почти целый год мира, то есть было время для создания основных сил».

3

За семь месяцев, прошедших после победы революции, удалось уже сделать немало в деле укрепления боевой мощи молодой республики, и эта работа не прекращалась ни на один день. Если до Августовского восстания военизация обществ спасения родины проходила в основном в освобожденной зоне, то теперь этот процесс захватил всю страну. Уже к концу 1945 года почти во всех деревнях, общинах, городских кварталах, на фабриках и рудниках были созданы отряды самообороны, которые Хо Ши Мин в одной из своих речей назвал «стальной стеной родины».

Члены обществ спасения с энтузиазмом занимались военным делом, изучали приемы рукопашного боя. По всей стране шла кампания поисков и изготовления огнестрельного оружия. Как в стародавние времена, деревенские кузнецы, забыв о плугах и серпах, переквалифицировались в мастеров по отливке мечей и наконечников для пик. Дети собирали для них металлолом, взрослые несли медную посуду и даже предметы религиозного культа.

Быстро росла количественно и качественно регулярная армия. Появились крупные подразделения — батальоны и полки. Надо сказать, что с самого начала партии, хотя она и действовала фактически в подполье, удалось поставить под свой контроль процесс формирования вооруженных сил республики, и это обстоятельство сыграло в дальнейшем, в ходе длительной войны Сопротивления, решающую роль. Под руководством партии функционировали и два военных училища — регулярной армии и отрядов самообороны, открытые в Ханое. Многие из тех, кто

успел окончить эти училища, стали впоследствии видными военачальниками.

К началу 1946 года уже можно было уверенно говорить о появлении, как отмечал Хо Ши Мин, «армии нового типа, армии, вышедшей из народа, опирающейся на народ, сражающейся во имя интересов народа». Уже в те месяцы ее любовно называли в народе «армией дядюшки Хо».

Весной 1946 года Хо Ши Мин присутствовал на церемонии открытия военного училища в северо-западной провинции Шонтэй. Там он впервые сказал о том, что девизом Армии освобождения Вьетнама должны стать четыре слова: «верность отчизне, преданность народу». Эти слова стали с тех пор крылатыми, вошли в плоть и кровь каждого солдата, ополченца, бойца самообороны, прошли через две войны Сопротивления вьетнамского народа.

Словно по бурной, порожистой реке вели Хо Ши Мин и ЦК КПИК лодку революции: только удастся благополучно миновать одну стремнину, как впереди уже нарастает тяжелый гул новой опасности.

200-тысячное войско чанкайшистов, так и не сумевших заменить революционное правительство Хо Ши Мина своими ставленниками, бесславно покидало вьетнамскую землю. Молодая республика избавилась от крайне опасного и коварного противника, от многих реакционных деятелей, которые как пришли в страну в обозе у китайцев, так вместе с ними и бежали назад, страшась народного гнева.

Республика сбросила с себя и огромную материальную ношу — китайские солдаты, как налетевшая с севера саранча, мародерствовали и грабили население. По железным и шоссейным дорогам в Китай все эти месяцы шли вереницы составов и грузовиков с награбленным добром. По данным правительства ДРВ, китайцы вывезли добычу на сумму в 250 миллионов пиастров. Еще 400 миллионов пиастров было незаконно получено оккупантами через Индокитайский банк.

Китайцы уходили, а на смену им спешил новый, еще более опасный враг. Уже на следующий день после подписания прелиминарного соглашения в Хайфоне началась высадка французского десанта. А вслед за этим — грубые нарушения статей соглашения со стороны французов, вооруженные стычки с вьетнамскими отрядами самообороны. Правительству ДРВ стало известно, что главнокомандующий французского экспедиционного корпуса генерал Леклерк отдал командирам французских гарнизонов секретный приказ игнорировать

вьетнамских представителей, закрепляться в районах дислокации, готовить мероприятия по ликвидации руководителей «местных аннамитских организаций» и осуществлению государственного переворота.

Одновременно колонизаторы форсировали работу по созданию на оккупированной территории Намбо такого «правительства», которое стало бы политической базой для восстановления старых порядков.

Части французского экспедиционного корпуса захватили плато Тэйнгуен в Центральном Вьетнаме и объявили о создании из народностей горных районов Автономного государства мои. Колонизаторы захватили город Донгданг на вьетнамо-китайской границе и взяли под контроль главную железнодорожную магистраль Северного Вьетнама. Народное правительство оказалось фактически в кольце блокады.

Правительство ДРВ настаивало на скорейшем начале второго тура официальных вьетнамо-французских переговоров, которые были предусмотрены в прелиминарном соглашении. В конце марта верховный комиссар Франции в Индокитае Тьерри д'Аржанлье предложил Хо Ши Мину провести переговоры на борту французского крейсера в заливе Халонг, в 150 километрах к юго-востоку от Ханоя. Матерый колонизатор, д'Аржанлье, делая такое предложение, хотел, с одной стороны, унизить правительство Хо Ши Мина, а с другой — запугать вьетнамских руководителей, продемонстрировав им военную мощь Франции.

После долгого обсуждения всех «за» и «против» Постоянное бюро ЦК КПИК, учитывая серьезность ситуации, в которой оказалась страна, решило рискнуть и дать согласие на предложение д'Аржанлье, с тем чтобы добиться на этой встрече согласия французов провести переговоры на уровне глав правительств в Париже, где, как рассчитывали Хо Ши Мин и ЦК КПИК, колониальные ястребы д'Аржанлье, Леклерк и другие не смогли бы в той же степени, как сейчас, оказывать воздействие на французские правящие круги.

Халонг, залив Погрузившегося дракона, — самое живописное во Вьетнаме место. Его называют «восьмым чудом света». Особенно прекрасен залив в предзакатные часы, когда ярко-оранжевые, уже нежаркие лучи заходящего солнца причудливо высвечивают глубоко врезающиеся в сушу бухты и гавани, зеленовато-синюю гладь почти всегда спокойной воды и необозримое скопление скалистых островков и утесов, которых насчитывается то ли три, то ли целых пять тысяч. Фантастические красоты залива, поражающие каждого, кто побывал на его островах, породили в давние времена множество легенд. Одна из

них объясняет, откуда произошло название залива. В незапамятные времена в этих местах водилось множество пиратов и разбойников, которые терроризировали простолюдинов. Узнал об их злодеяниях небесный император и напустил на них дракона. Расправившись с тиранами, утомленный дракон погрузился в воды залива и по сей день покоится там. Если глянуть на залив с высоты птичьего полета, то извилистые вереницы скалистых утесов и островков — либо совершенно голых, либо покрытых богатой тропической зеленью — и в самом деле напоминают зубчатый хребет мифического животного Востока.

24 марта в 10 часов утра гидросамолет «Каталина» плавно приземлился на гладкую, спокойную поверхность залива рядом с крейсером «Эмиль Бертэн». Адмирал д'Аржанлье и Леклерк встречали Президента ДРВ у трапа крейсера. Прозвучал салют. Крейсер снялся с якоря и вышел в открытое море. После завтрака в кают-компании и обмена любезными тостами д'Аржанлье пригласил Хо Ши Мина подняться на мостик, чтобы лицезреть парад флота. Голову Хо Ши Мина от солнечных лучей прикрывала широкополая соломенная шляпа, рукой он опирался на бамбуковую трость, с которой не расставался еще с партизанских времен. Крейсер бросил якорь, и боевые корабли с расчехленными пушками на бортах стали дефилировать мимо него. Команды моряков в ярко-белой форме, выстроившиеся на палубах, приветствовали Президента ДРВ дружными возгласами.

Что касается содержания бесед с французскими представителями, они, по существу, вылились в пустую формальность. Д'Аржанлье уклонился от обсуждения вопроса о Кохинхине. Выявилось диаметрально противоположное толкование обеими сторонами существа прелиминарного соглашения. В понимании французов статус ДРВ как «свободного государства» означал лишь одну из форм колониальной автономии, а Индокитайская федерация рассматривалась ими, по существу, как все то же генерал-губернаторство, иными словами, французская колония.

Такой же подход демонстрировала французская делегация и на переговорах с вьетнамцами и курортном городке Далате, которые открылись позднее, 17 апреля 1946 года.

Сопровождавший Хо Ши Мина в самолете на обратном пути в Ханой генерал Салан спросил его, как он нашел встречу с верховным комиссаром Франции.

— Если адмирал хотел произвести на меня впечатление демонстрацией своего флота, — холодно ответил Хо Ши Мин, — ему это не удалось. Ваши дредноуты никогда не смогут пойти

против течения наших рек.

4

Заключение прелиминарного соглашения с французами, явившееся вынужденным компромиссом, предопределяло острую борьбу между молодой республикой и силами империализма, между возглавляемой КПИК народной властью и внутренней реакцией, опиравшейся на иноземных покровителей. С уходом китайцев и усилившимся давлением со стороны французов произошли заметные позитивные изменения в позиции ряда националистических партий и групп, что позволяло надеяться привлечь их к искреннему участию в общенациональной борьбе.

Между тем отношения правительства ДРВ с французскими представителями в Индокитае продолжали ухудшаться. Участились враждебные провокации французских военных. Переговоры в Далате зашли в тупик. Хо Ши Мин настаивал на необходимости как можно скорее перенести официальные переговоры в Париж. Он считал, что следует вывести процесс переговоров за пределы Индокитая, где приходится иметь дело с твердолобыми колонизаторами вроде д'Аржанлье, привлечь к вьетнамскому вопросу внимание французских политических кругов и широкой общественности, установить тесные связи с французским демократическим движением, во главе которого стояла такая авторитетная сила, как ФКП. Даже если бы переговоры не увенчались успехом, считал он, все равно они были бы полезны, так как вьетнамская делегация получила бы возможность разъяснить французам и француженкам, какие цели ставит перед собой правительство ДРВ, завоевать на свою сторону новых друзей.

Разумеется, имелось и немало веских «но» против выбора Парижа местом переговоров. Переговоры, по всей видимости, предстояли продолжительные, значит, многие руководители ДРВ оказались бы надолго оторванными от родины в сложнейший период, переживаемый ею. Некоторые члены Постоянного бюро ЦК возражали против поездки Хо Ши Мина, тревожась за его безопасность. После тщательного изучения всех «за» и «против» решили все-таки предложить французам продолжить переговоры во Франции. 26 апреля правительственная делегация ДРВ, возглавляемая Фам Ван Донгом, отбыла в Париж. А в конце мая и Хо Ши Мин получил приглашение прибыть во Францию в качестве гостя французского правительства.

Тысячи жителей Ханоя и соседних провинций собрались

ранним утром 30 мая у столичного университета на митинг по случаю отъезда Президента. Над толпой плескалось море транспарантов с лозунгами, главным из которых был — «Вьетнам един, Намбо — часть вьетнамской земли!».

— Вся моя жизнь подчинена одной цели — борьбе за интересы родины и счастье народа, — говорил Хо Ши Мин, обращаясь к ханойцам. — Во имя этого я скрывался в горах, сидел в тюрьмах, переносил опасности и лишения. Борьбе за это я отдаю все свои силы и сейчас, когда благодаря сплочению народных масс завоевана власть и мне доверен высокий пост. Сегодня, повинуясь решению правительства и воле народа, я должен выехать в дальние края за тысячи миль от родины, вынужден расстаться с вами, отправляясь вместе с делегацией во Францию… Заверяю вас, что вместе с членами делегации я приложу все усилия, чтобы оправдать доверие народа.

На следующий день Хо Ши Мин встал еще затемно и принялся писать обращение к соотечественникам Намбо.

«Сообщение о том, что я вместе с делегацией выезжаю во Францию для ведения официальных переговоров, — писал он, — вызвало недоумение населения всей страны и особенно населения Намбо. Это, по-видимому, объясняется тем, что будущее Намбо пока еще не определено. Я прошу вас сохранять спокойствие… Наши соотечественники, проживающие в Намбо, являются частью вьетнамского народа. Могут высохнуть реки и разрушиться горы, но эта истина останется незыблемой.

Я призываю вас к сплочению. На руке пять пальцев, одни длиннее, другие короче. Но все они пальцы одной руки, единая семья. Среди миллионов жителей нашей страны есть разные люди, по все мы происходим от одних предков… Если мы будем едины, то нас ожидает славное будущее».

Президент летел на самолете в сопровождении французского генерала Салана. Когда самолет сделал очередную посадку в каирском аэропорту, Хо Ши Мину сообщили неожиданную весть: в Сайгоне объявлено о создании марионеточной «республики Кохинхины». Так французы понимали статью прелиминарного соглашения о признании ДРВ свободным государством. Разгневанный до глубины души, Хо Ши Мин, не скрывая своего возмущения, сказал Салану:

— Это бесчестная акция с французской стороны. Я не советовал бы вам, господа, превращать нашу Кохинхину в подобие Эльзаса и Лотарингии. Иначе, — твердо закончил он, — между нами вспыхнет столетняя война.

Здесь же, в Каире, где самолет простоял трое суток, из Парижа была получена телеграмма следующего содержания:

«Просьба к господину Президенту Хо Ши Мину задержаться некоторое время в Биаррице в ожидании приглашения в Париж после сформирования французского правительства».

Десять дней провел Хо Ши Мин в Биаррице, живописном курортном городке на западном побережье Франции, неподалеку от испанской границы, в ожидании приглашения нового французского правительства. Тактика намеренных проволочек, по-видимому, входила в планы тех представителей французских правящих кругов, кто не желал и слышать о свободном и независимом Вьетнаме.

6 июля в загородном дворце Фонтэнбло, украшенном трехцветным французским флагом и золотозвездным красным флагом ДРВ, открылся новый раунд франко-вьетнамских переговоров. Ход переговоров выявил полную противоположность позиций двух сторон. Вьетнамская делегация, основываясь на прелиминарном соглашении, добивалась признания независимости и восстановления единства Вьетнама в рамках Французского союза, суверенитета ДРВ во внутренних и внешнеполитических вопросах и рассматривала «Индокитайскую федерацию» лишь как форму координации интересов, экономического и культурного сотрудничества трех государств — Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Наконец, она решительно требовала положить конец попыткам отколоть Намбо от ДРВ. На одном из пленарных заседаний Зыонг Бать Май, входивший в состав делегации ДРВ, заявил:

— Пока Кохинхину в той или иной форме будут пытаться оторвать от Вьетнама, невозможно согласие между Францией и Вьетнамом. Все зависит от кохинхинского вопроса — франко-вьетнамская дружба, мир во Вьетнаме, будущее наших взаимоотношений. Необходимо урегулировать эту проблему как можно быстрее.

Между тем французская сторона продолжала настаивать на таких условиях урегулирования, которые, по существу, означали расчленение Вьетнама и потерю им суверенитета в области финансов, вооруженных сил и внешней политики, иными словами, отказ Вьетнама от независимости и превращение его в колонию нового типа. Что она собой будет представлять, хорошо видно было уже из того, какая «автономная республика» создана французами на Юге Вьетнама — ее марионеточным кабинетом руководил лично д'Аржанлье, а в ее «Консультативной ассамблее» всем заправляли французские представители. Хо Ши Мин, который официально не входил в состав вьетнамской делегации и поэтому не участвовал в переговорах в Фонтэнбло, вел интенсивную деятельность в Париже, работая по 14 часов в сутки.

У него в гостях в отеле близ парка Монсо побывали представители всех крупных массовых организаций Франции, руководящие деятели трех главных партий, входивших в состав Национального собрания, его старые друзья и знакомые — Марсель Кашен, Морис Торез, Жак Дюкло, Франсуа Бийу, известные писатели — Луи Арагон, Илья Эренбург, Анна Зегерс, Эльза Триоле, Ришар Блок, Пьер Эммануэль.

Хо Ши Мин, стремясь вырвать у французских правящих кругов так необходимое Вьетнаму признание его независимости, очень рассчитывал на силу французского рабочего класса, французских коммунистов. В ту пору во французский правительственный кабинет входили 5 представителей компартии, а ее Генеральный секретарь Морис Торез занимал пост заместителя премьер-министра. Перед заседанием кабинета, на котором имелось в виду обсудить во всех аспектах вьетнамский вопрос, Хо Ши Мин послал Морису Торезу записку, которая сохранилась в доме его супруги Жанетты Вермерш: «Дорогой товарищ! Завтра, в среду, кабинет будет обсуждать вопрос об Индокитае. Судьба Вьетнама во многом зависит от этих дебатов. Поэтому прошу Вас пригласить на это заседание всех министров-коммунистов.

Вчера я встречался с министром по делам колоний и заявил ему, что необходимо положительно решить два ключевых вопроса, а именно: независимость Вьетнама и будущее Кохинхины. Этот господин ответил, что нам следовало бы внести конкретные предложения, которые облегчили бы согласие кабинета на слово «независимость». Посылаю Вам письмо и текст предложений, переданных нами вчера министру по делам колоний…»

Французские коммунисты делали все возможное, чтобы заставить правительственный кабинет прислушаться к мнению делегации ДРВ. Но, к сожалению, перевес сил оказался не на их стороне. К осени 1940 года во французских правительственных кругах верх взяли сторонники жесткого курса в отношении ДРВ. На политической арене Франции именно в этот период обозначился сдвиг вправо. В ходе прошедших 2 июня выборов ФКП и социалистическая партия утратили большинство в Учредительном собрании и конституционной комиссии, а правительство возглавил уже не социалист, как было ранее, а лидер клерикальной партии Народно-республиканское движение Ж. Бидо.

У вьетнамской делегации оставался один выход — предложить французской стороне временно отложить принятие решений по главным вопросам и подписать документ, который

устраивал бы на данный момент обе стороны. 14 сентября Президент Хо Ши Мин и министр по делам заморских территорий Франции Мариус Мутэ подписали вьетнамо-французскую временную конвенцию («Модус вивенди»).

В «Модус вивенди» предусматривалось возобновление переговоров «не позднее января 1947 года». Оба правительства обязались освободить военнопленных и политзаключенных, «взаимно прекратить враждебные действия в Кохинхине и на юге Аннама». О референдуме в Кохинхине (Намбо) с целью определения будущего южной части страны говорилось в нарочито туманных выражениях. Французская сторона боялась этой политической акции, так как после установления перемирия выяснилось, что три четверти территории Намбо по-прежнему контролировались патриотическими силами, а в более чем тысяче деревень (из 1250) сохранились органы власти ДРВ.

Вернувшись на родину, Хо Ши Мин в обращении к нации дал следующую оценку результатам переговоров в Фонтэнбло, продолжавшихся почти три месяца: Вьетнам добился новой мирной передышки — это важный итог; государственный флаг нового Вьетнама впервые побывал во Франции; внимание правительства и народа Франции, мировой общественности привлечено к событиям во Вьетнаме; вместе с тем главные проблемы — независимости и единства страны — остались нерешенными, за их решение предстоит еще трудная борьба.

Анализируя, что явилось основной причиной провала переговоров в Фонтэнбло, Жак Дюкло в своих «Мемуарах» писал: «Французские участники переговоров, считая, что правительство Президента Хо Ши Мина является непрочным, и рассчитывая на деятельность его противников, ничего не сделали для справедливого решения обсуждавшихся вопросов. Нашим правителям не правилось, что во главе ханойского правительства находился такой авторитетный коммунистический деятель, как Хо Ши Мин… Конференция в Фонтэнбло провалилась в результате колониалистской позиции, которую заняли французские правители. Я вспоминаю огорчение Президента Хо Ши Мина, с которым я несколько раз встречался».

5

Безрезультатность очередного раунда вьетнамо-французских переговоров, упорно проводимая французами и их приспешниками сепаратистская политика на Юге Вьетнама с новой остротой поставили перед вьетнамцами наболевший

вопрос: что же будет с Намбо? Реакционная печать не уставала обвинять правительство ДРВ в предательстве. В первые же дни после возвращения на родину Хо Ши Мин в обращении к нации подтвердил неизменность позиции правительства по вопросу о будущем Намбо. «Бакбо, Чунгбо и Намбо являются неотъемлемой частью территории нашей страны, — писал он. — Все мы происходим от одних и тех же предков, все мы родные братья. Никто не имеет права разбивать семью…, никто не имеет права раскалывать Вьетнам. До тех пор, пока страна не будет воссоединена, пока мои соотечественники терпят лишения, я не смогу спокойно есть и спать. Я торжественно клянусь вам, соотечественники, что благодаря вашей решимости, решимости всего народа Намбо непременно вернется в лоно отчизны».

На первом же заседании Постоянного бюро ЦК партии Хо Ши Мин предложил созвать очередную сессию Национального собрания. Предстояло утвердить уже подготовленный проект конституции ДРВ и обсудить множество вопросов, накопившихся за прошедшие бурные полгода. Сессия открылась 28 ноября в Большом театре. Ряды депутатов Национального собрания заметно поредели: из 70 мест, выделенных ранее представителям прокитайских партий, около половины пустовало. Эти люди бежали из Вьетнама вместе с чанкайшистскими войсками, и в их числе вице-президент Нгуен Хай Тхан, министр иностранных дел Нгуен Тыонг Там, заместитель председателя военного комитета Ву Хонг Кхань.

Один из депутатов сделал официальный запрос, какую позицию занимает правительство в отношении покинувших родину вице-президента и министров.

— Да, сегодня, когда наша страна переживает трудные времена, этих господ нет с нами, — с горечью заметил, отвечая на запрос, Хо Ши Мин. — Народ доверил им высокие посты, а эти господа самовольно оставили их и уехали. Позволительно спросить: где же у них совесть? Эти люди, забывшие о своем долге, или не хотят, или не способны нести на себе ношу государственных дел. Что ж, мы в отличие от них будем, как и прежде, нести эту ношу, выполнять свой долг.

Зал взорвался аплодисментами. Хо Ши Мин поднял руку и продолжал:

— Однако, если они останутся нашими братьями, найдут в себе силы откликнуться на зов совести, соотечественников, своей родины и вернутся обратно, мы примем их с радостью.

Еще на первой сессии Национального собрания со стороны депутатов Вьеткатя и Вьеткуока раздавались голоса о необходимости заменить флаг ДРВ, так как он «чересчур

напоминает» флаг Коминтерна, а поэтому «не отвечает национальному духу вьетнамского народа». Эти же требования с их стороны прозвучали и на второй сессии. Хо Ши Мин дал разъяснения и но этому вопросу:

— Действительно, некоторые члены правительства еще раньше предлагали заменить цвет государственного флага, и мы имели в виду представить этот вопрос на рассмотрение Постоянного комитета Национального собрания. Однако с того дня очень многое изменилось. Наш красный флаг с золотой звездой пропитался кровью тысяч вьетнамских бойцов в Намбо и на юге Чунгбо. Он реял над Европой, вернулся оттуда в Азию, и повсюду его почтительно приветствовали.

Глаза Хо Ши Мина сверкнули, в голосе послышались необычные для него металлические нотки:

— И сегодня никто, кроме 25 миллионов наших соотечественников, не имеет никакого права менять этот флаг.

Между тем мирная передышка, с таким трудом завоеванная в Фонтэнбло, судя по всему, близилась к концу. К осени 1946 года во французских правительственных кругах окончательно взяли верх сторонники военного решения вьетнамской проблемы. Еще в ходе переговоров в Фонтэнбло вьетнамцам стало известно, что французскому экспедиционному корпусу отдан тайный приказ о подготовке к оккупации всех северных районов Вьетнама. 23 ноября командующий французскими войсками на Севере предъявил ультиматум вьетнамским властям Хайфона — в течение двух часов покинуть территорию порта и прилегающую к нему часть города. По истечении этого срока Хайфон подвергся жестокому обстрелу корабельной артиллерии, в результате которого погибли тысячи людей.

После очередного заседания правительственного совета Хо Ши Мин попросил Во Нгуен Зиана остаться для разговора с глазу на глаз.

— Если противник развяжет войну и на Севере, как долго мы сможем удерживать Ханой? — спросил он.

— Думаю, не больше месяца.

— А другие города?

— Другие города, возможно, дольше.

— Ну а сельские районы?

— Сельские районы мы, безусловно, сможем удержать.

Хо Ши Мин задумался, опустив глаза. Затем поднял голову и немного грустно, но твердо сказал:

— Ну что ж, вернемся назад, в Танчао.

По указанию Хо Ши Мина во Вьетбак выехал Нгуен Лыонг

Банг подготовить место для перевода туда руководящих органов партии и правительства, если в этом возникнет необходимость. Форсировалось создание опорных партизанских баз в сельских районах, особенно в горах и джунглях. Туда из городов постепенно переводились промышленные предприятия, склады с боеприпасами и продовольствием.

19 декабря французские войска совершили внезапное нападение на ключевые объекты в Ханое — электростанцию, предприятия, правительственные здания. На следующий день захватили резиденцию правительства, флаг ДРВ был сорван с флагштока и заменен французским. Высокие слова о признании ДРВ свободным государством, мирные соглашения и конвенции, подписанные французским правительством с молодой республикой, — все это было вероломно попрано колонизаторами. Стремясь вернуть утраченное господство над Вьетнамом, они встали на путь прямой агрессии.

Поздним вечером 20 декабря, когда в Ханое уже вовсю шли уличные бои, радиостанция «Голос Вьетнама» передала из деревни в окрестностях Ханоя историческое обращение Хо Ши Мина к нации.

«Желая сохранить мир, мы шли на уступки. Но чем больше мы уступали, тем алчнее становились французские колонизаторы, ибо они руководствовались одним стремлением — вновь захватить нашу страну.

Довольно! Мы пожертвуем всем, но не отдадим свободы нашей страны и не станем рабами. Соотечественники! Поднимайтесь на борьбу!.. У кого есть винтовка, пусть вооружится винтовкой. У кого есть меч, пусть вооружится мечом. Если же нет даже меча, вооружайтесь лопатами и палками. Все как один должны подняться на борьбу с колонизаторами во имя спасения родины…

Война Сопротивления будет суровой, однако в самоотверженной борьбе наш народ одержит победу. Да здравствует единый и независимый Вьетнам!»

ВОИНА

Ты помнишь? Рис почти созрел,
О, как на солнце он горел!
Веселый, чистый, молодой
Над серебристою водой…

Но в полный голос говорит
Война — и рис, как жизнь, горит,
Горят цветы, горят мечты.
Нет неба — сгусток черноты.

Те Лан Вьен

1

20 декабря 1946 года вошло в историю Вьетнама как день начала общенациональной войны Сопротивления против французских колонизаторов. Самоотверженная, героическая, полная неимоверных трудностей и лишений, она продолжалась в общей сложности почти девять лет. Президент Хо Ши Мин, как писал позднее в книге товарищ Фам Ван Донг, «стал душой великой народной войны, которая была нашей борьбой за свободу. Его образ несли в своих сердцах бойцы на фронте, партизаны в тылу, рабочие военных мастерских, крестьяне, трудившиеся на полях».

Первые незабываемые страницы в летопись подвигов войны Сопротивления вписали защитники Ханоя. Французское командование рассчитывало установить контроль над столицей в течение 24 часов. Однако в действительности ему удалось сделать это только через два месяца. Еще 19 декабря, на следующий день после получения французского ультиматума, весь личный состав отрядов самообороны Ханоя собрался в городской ратуше. Бойцы дали клятву на верность родине, заявили, что готовы бороться не на жизнь, а на смерть, чтобы защищать столицу, и ждут приказаний правительства.

Ход боевых действий уже в первые часы показал французам, что они имеют дело с противником, у которого нехватка оружия и

боевой выучки с лихвой покрывается героизмом и готовностью к самопожертвованию. Несколько дней длилась осада дворца Бакбофу. Его защищали со стороны вьетнамцев всего два взвода национальной гвардии. Против них французы ввели в действие танки и бронемашины. Снаряды разрушили ограду дворца. Однако солдаты французского легиона долго не решались идти на штурм. Вьетнамцы защищали дворец до последнего, уничтожив свыше ста солдат противника.

6 января в разгар уличных боев все вьетнамские вооруженные силы, находившиеся в городе, были сведены в ставший впоследствии легендарным «столичный полк», на который возложили задачу обороны в черте города. Полк состоял из батальона национальной гвардии и двух батальонов бойцов самообороны. 70 процентов его личного состава составляли рабочие. 2500 молодых бойцов имели на вооружении всего лишь 1500 исправных винтовок. Но они стойко сражались за каждую улицу, каждый дом, задерживая продвижение врага.

Героический пример защитников столицы был подхвачен населением других городов. Вплоть до конца февраля боролись защитники города Хюэ. Образцы храбрости показали бойцы отрядов самообороны, организованных кооперативом рикш. Три месяца отбивали атаки врага жители центра текстильной промышленности страны Намдиня.

Героическое сопротивление вооруженных отрядов в Ханое, Хюэ, Намдине позволило выиграть время для того, чтобы эвакуировать в горные и лесные районы все необходимое, что можно было увезти, для организации опорных баз Сопротивления. К марту 1947 года, когда правительство отдало приказ об отступлении из Ханоя, рабочие успели перебросить в партизанскую зону многие тысячи тонн грузов, машин, инструментов и сырья — большую часть на своих собственных плечах. Они организовали ударные отряды, которые пробирались ночью в оккупированные французами города, разыскивали на полуразрушенных заводах разобранные машины и запасные части, а затем тайком доставляли их в джунгли. Добровольцы-ныряльщики доставали машины, генераторы и металлические детали с затонувших во время второй мировой войны в Тонкинском заливе японских судов. Все это поступало, порой очень сложным путем, ценой жизни людей, в мастерские, организованные в джунглях для производства оружия и продукции, необходимых для войны и хозяйственной деятельности в освобожденных районах.

Развязав агрессивную войну, французские колонизаторы планировали, используя свое очевидное превосходство в

вооружении и численности войск, в короткие сроки разгромить и уничтожить плохо вооруженную и малоопытную вьетнамскую армию, захватить руководителей ДРВ и покончить с вьетнамской проблемой. Однако их план молниеносной войны был сорван уже в первые недели Сопротивления. И хотя к середине 1947 года в руках захватчиков, помимо ряда довольно обширных районов в Намбо и Чунгбо, оказались важные зоны и на севере страны (полоса вдоль всей вьетнамо-китайской границы, города Ханой, Хайфон, Намдинь и другие крупные центры), Демократическая Республика Вьетнам существовала, вьетнамский народ продолжал самоотверженно отстаивать независимость и суверенитет своей родины.

С началом войны правительство ДРВ, покинув Ханой, обосновалось поначалу в провинции Хадонг, в нескольких десятках километров к юго-западу от столицы. Однако к весне 1947 года, когда враг уже захватил основные города страны, стало ясно, что предстоит длительная борьба, и тогда руководящий штаб Сопротивления во главе с Хо Ши Мином вернулся в обжитые края Вьетбака, где имелись надежные, испытанные годами опорные партизанские базы.

Несмотря на свои шесть десятков лет и далеко не богатырское здоровье, Хо Ши Мин являл собой в эти трудные дни образец стойкости, мужественно, с какой-то внешне удивительной легкостью переносил все тяготы походной партизанской жизни. Один из бойцов его охраны вспоминает:

«По прибытии в партизанскую зону эскорт президента состоял всего из восьми человек, отвечавших за охрану, связь и питание. Мы построили длинную бамбуковую хижину, разделив ее на две части. Меньшая часть была предоставлена Бак Хо, другая же служила нам одновременно жильем, столовой и конференц-залом. В наши задачи как охраны входили самые разные дела: быть в готовности отразить возможные нападения противника, выявлять вражеских лазутчиков, наконец, защищать резиденцию от хищников и других диких животных, обитавших в джунглях. Товарищ Хоанг Хыу Нам (тогда заместитель министра внутренних дел) как-то привез в помощь нам овчарку. Однако ее вскоре утащил тигр.

Жизнь наша была нелегкой. Дневной рацион питания состоял из плохо очищенного риса и диких овощей, слегка политых растительным маслом. Когда нам удавалось раздобыть мясо, мы резали его на мелкие кусочки, засыпали большим количеством соли и красного перца и хранили как неприкосновенный запас. Бак Хо в шутку называл его «консервами Вьетмина».

Хорошо понимая, что на начальном этапе интервенции колонизаторы располагают неоспоримым военным превосходством, Хо Ши Мин и Постоянное бюро ЦК партии противопоставили вражескому плану молниеносной войны стратегию затяжной всенародной войны Сопротивления с применением партизанских методов борьбы. Главное, как и в любой партизанской войне, говорил Хо Ши Мин, — не цепляться за территорию, а стремиться любой ценой сохранить органы революционной власти, вооруженные силы народа, опорные базы Сопротивления. Только такой курс, подчеркивал он, позволит сдержать первый натиск интервентов, а затем и перейти в решающее контрнаступление. Тем, кто не понимал необходимости курса на затяжную войну, Хо Ши Мин пояснял:

— Мы не вправе переоценивать свои силы и опрометчиво бросаться в атаку на противника. Сейчас нас можно сравнить с подростком, в то время как противник — это коварный и злобный старик. Вот когда мы достигнем расцвета сил двадцатилетнего юноши, а противник, напротив, станет совсем дряхлым стариком, тогда-то, воспользовавшись благоприятным моментом, мы и нанесем ему смертельный удар… В героической истории нашей нации есть немало славных страниц. Сейчас, например, нам следует взять на вооружение опыт Тиеу Куанг Фука.

В середине VI века нашей эры во Вьетнаме, стонавшем под гнетом китайских завоевателей, вспыхнуло восстание под водительством полководца Ли Би, поддержанное «доблестными мужами всех округов». В результате трехмесячных кровопролитных сражений незваные пришельцы были изгнаны из страны. Родилось независимое вьетнамское государство Ван Суан — «Тысяча весен». Однако правители «Поднебесной» не оставили Вьетнам в покое. Новые китайские полчища вторглись в страну, и Ли Би потерпел поражение. И тогда один из его военачальников, Тиеу Куанг Фук, отвел оставшиеся дружины в крепость Зялак и, используя приемы «затяжной войны», как говорится в «Собрании исторических записок о государстве Дай Вьет», стал изматывать силы врага, организуя малыми разрозненными группами налеты и ночные вылазки. А через некоторое время, собравшись с силами, Тиеу Куанг Фук перешел в контрнаступление и, разгромив вражеские войска, вернул стране независимость. И вот теперь, через сотни лет, стратегия «затяжной войны» снова призвана была послужить вьетнамским патриотам.

В соответствии с линией на длительную войну Сопротивления, в которой, естественно, широко использовались партизанские методы, были созданы отвечающие специфическим условиям Вьетнама три категории вооруженных сил: регулярная

армия, местные войска, отряды народного ополчения. Эти военные и полувоенные формирования тесно взаимодействовали между собой и дополняли друг друга. Хорошо подготовленные регулярные войска служили опорой самостоятельно действовавшим на местах региональным и партизанским отрядам, последние же своими дерзкими рейдами непрерывно изматывали врага, заставляли его распылять силы, что давало регулярным войскам возможность подготовки и проведения крупных операций.

Уже к середине 1947 года вооруженные силы ДРВ насчитывали свыше 100 тысяч солдат и офицеров. Несколько сот тысяч бойцов входили во вспомогательные подразделения и отряды самообороны. Сопротивление с каждым днем приобретало всенародный характер. И пожалуй, наиболее очевидным свидетельством веры вьетнамского народа в победу в эти отчаянно трудные месяцы, показателем роста авторитета его организующей силы — коммунистической партии был неуклонный рост ее рядов. С 20 тысяч человек в 1946 году численность КПИК выросла через год до 50 тысяч.

Хо Ши Мин постоянно стремился к тому, чтобы партия с честью выполняла роль действительного политического авангарда народа в борьбе за национальное спасение, лично проявлял неустанную заботу о расширении и укреплении ее рядов, единства всех членов партии вокруг провозглашенных ею целей борьбы. «В момент, когда решается судьба нашего народа — жить ему или умереть, быть уничтоженным или существовать, каждый из нас, как и вся партия, должен отдать все духовные и физические силы, чтобы вести народ к одной цели — поднять его на борьбу за изгнание французских колонизаторов и и завоевание единства и независимости», — подчеркивал он в «Письме товарищам в Северном Вьетнаме», написанном в марте 1947 года.

Он призывал членов партии быть всегда трезво мыслящими, осмотрительными, решительными, проявлять выдержку, находчивость, инициативность, дисциплинированность, умение переносить трудности, всегда быть скромными, твердо помня ленинский завет: «Учиться, учиться и учиться». Хо Ши Мин предъявлял высокие требования к коммунистам, считая, что в нравственном облике каждого из них должны сочетаться гуманность, справедливость, мужество, честность. «Без высоких нравственных качеств даже самый талантливый человек не может руководить народом», — писал он в брошюре «Исправление стиля работы» осенью 1947 года.

И еще один принципиальный момент, на который обращал внимание Хо Ши Мин: «Партия должна быть перестроена на

военный лад, необходимо соблюдать абсолютное единство как в области идеологии, так и в практической деятельности. Партия — передовой отряд. Если во время наступления один будет действовать так, а другой эдак, если труба будет играть один мотив, а барабан — другой, то вряд ли можно надеяться на победу в бою».

Написанные в годы войны Хо Ши Мином брошюры на тему партийного строительства, идейно-воспитательной работы среди коммунистов во многом способствовали повышению руководящей роли и боевитости партии — организатора и руководителя всех побед вьетнамской революции.

Поднимая народные массы на вооруженную борьбу против интервентов, правительство ДРВ продолжало прилагать усилия к решению проблем франко-вьетнамских отношений политическим путем. Даже в трагические часы после предъявления французским командованием ультиматума в Ханое 19 декабря 1946 года Хо Ши Мин все еще пытался сохранить мир. Он направлял тогдашнему главе французского правительства Л. Блюму одно послание за другим, призывая его отдать распоряжение о прекращении военных действий, об отводе войск на позиции, которые они занимали до 19 декабря, и о возобновлении переговоров. Однако Л. Блюм хранил молчание. Впоследствии он, правда, уверял, что эти телеграммы не пришли к нему вовремя. Более нелепую отговорку трудно придумать. Он имел достаточно возможностей, чтобы образумить зарвавшегося д'Аржанлье и его ретивых сторонников. Л. Блюм этого, однако, не сделал.

Отношение французских правящих кругов к мирным предложениям ДРВ довольно ясно проявилось в ходе так называемой «мирной миссии» профессора Поля Мю в мае 1947 года. По требованию депутатов-коммунистов французское правительство дало новому верховному комиссару Франции в Индокитае Э. Боллаэру указание вступить в контакт со всеми «политическими и духовными силами Вьетнама». О. Боллаэр направил во Вьетбак для встречи с Хо Ши Мином профессора Поля Мю — бывшего директора высшей школы «Экстрем-Орьян», находившейся в Индокитае. Профессор передал Хо Ши Мину откровенно ультимативные условия перемирия, в числе которых имелись прямо-таки вызывающие пункты:

— разоружение вьетнамской армии;

— свободное перемещение французских частей и подразделении по всей вьетнамской территории;

— выдача всех французских и иностранных солдат, перешедших на сторону Сопротивления;

— освобождение задержанных выходцев из Франции и

вьетнамских коллаборационистов.

Ознакомившись с этими условиями, Хо Ши Мин пригласил к себе Поля Мю:

— Приняв эти условия, я обесчестил бы себя в глазах моего народа. Представьте, что вы на моем месте, каким был бы ваш ответ?

— Вы правы. Я поступил бы так же, как и вы. Ответил бы отказом.

— Тогда передайте это господину Боллаэру и возвращайтесь с приемлемыми условиями соглашения. Я всегда готов вас принять.

Зачем Боллаэру понадобился этот фарс, стало ясно уже через несколько дней. После возвращения Поля Мю в Ханой Боллаэр сообщил французскому правительству: «Я сделал попытку договориться с Вьетминем и потерпел неудачу. Остается только попробовать сделать ставку на Бао Дая».

В августе 1945 года, отрекаясь от престола, Бао Дай сказал хорошие слова: «Лучше быть гражданином свободной страны, чем императором страны рабов». Однако уже в апреле 1946 года его совместный путь с народом закончился. Перед самым вступлением французских войск в Ханой он на американском самолете улетел в Чунцин, Когда началась война, Хо Ши Мин направил своего представителя в Гонконг, где тогда находился Бао Дай, чтобы призвать его вернуться на родину и принять участие в общенациональном Сопротивлении, однако тот отказался. «Император ночных кабаков» — так насмешливо прозвали его вьетнамские патриоты — строил совершенно иные, далеко идущие планы. Во французской агрессии он узрел возможность вновь вернуться на престол, «отнятый» у него революцией. И его потаенные мысли отвечали интересам колонизаторов, увидевших в Бао Дае именно ту фигуру, которая, как они полагали, могла бы объединить против правительства Хо Ши Мина все разношерстные, соперничающие между собой националистические и прозападные группировки вьетнамской буржуазии и помещиков.

Утвердившись в намерении создать во Вьетнаме вассальное государство во главе с экс-монархом Бао Даем, французы вступили с ним в переговоры, неожиданно затянувшиеся почти на два года. Дело в том, что в эту политическую игру вмешался Вашингтон, который тоже хотел иметь в лице Бао Дая «своего человека» во Вьетнаме. В свою очередь, Бао Дай, стремясь привлечь к себе возможно более широкие буржуазно-помещичьи круги, настаивал на том, чтобы Париж хотя бы в словесной форме признал «независимость» Вьетнама. Только в марте 1949 года

между Бао Даем и президентом Франции В. Ориолем было достигнуто соглашеино о признапии «независимости Вьетнама в рамках Французского союза». Дарованная метрополией независимость так и осталась на бумаге, поскольку «государство Вьетнам» не имело права свободного осуществления внешнеполитических акций. Соглашение «Бао Дай — Ориоль», по существу, превращало Вьетнам во французскую колонию нового типа.

Фарс с миссией Поля Мю был затеян колонизаторами еще и с той целью, чтобы получить «законный» повод для решительной военной операции против Вьетбака, где сосредоточились основные силы вьетнамского Сопротивления. 7 октября 1947 года в районе города Баккан произошла выброска трех авиадесантов, а всего в операции участвовало 12 тысяч солдат экспедиционного корпуса. Французское командование рассчитывало взять Вьетбак в клещи, образованные, с одной стороны, двумя колоннами французских войск, следовавшими вверх по течению рек Красной и Прозрачной, а с другой — пехотными подразделениями, двигавшимися в обход Вьетбака из пограничного города Лангшон. Цель операции — разгром основных сил Сопротивления и захват руководящего штаба во главе с Хо Ши Мином.

В те минуты, когда запыхавшийся связной примчался к партизанской резиденции правительства с тревожной вестью о французском десанте, там как раз шло очередное совещание. Председательствовавший Хо Ши Мин выслушал сообщение связного и спокойно сказал участникам совещания:

— Рано или поздно этого следовало ожидать. Продолжим нашу работу.

И он тут же набросал текст воззвания к бойцам, партизанам, соотечественникам Вьетбака — колыбели борьбы за национальную независимость.

Постоянное бюро ЦК партии приняло решение спешно перебазировать правительственную резиденцию в более отдаленный, глухой район. Глубокой ночью, в кромешной мгле, поливаемые потоками нескончаемого ливня, Хо Ши Мин и с ним восемь сопровождающих с коромыслами на плечах двинулись пешком в опасный путь. Только через двое суток группа добралась до намеченного района. Вскоре из района боев пришли первые вести о победах Армии освобождения, а с ними и сообщение о том, что всего через несколько часов после выхода группы из района прежнего расположения резиденции противник сбросил туда крупный десант.

Французское командование рассчитывало добиться полной

внезапности, застигнуть силы Сопротивления врасплох. Однако вьетнамские войска довольно скоро перешли в контрнаступление и нанесли несколько сильных ударов по противнику. Тяжелые поражения колонизаторы потерпели в боях на реке Прозрачной 24 октября и 10 ноября.

К концу 1947 года французские войска, понеся крупные потери, вынуждены были оставить многие районы Вьетбака и отступить на юг к Ханою.

Провал наступления во Вьетбаке свидетельствовал о крахе планов колониального «блицкрига». Первая крупная победа Сопротивления показала, что вооруженные силы ДРВ в состоянии отражать наступательные операции противника, используя для этого как регулярные войска, так и действия партизан в тылу французского экспедиционного корпуса. После поражения во Вьетбаке французскому командованию пришлось отказаться от активных действий против центральных баз Сопротивлении и фактически перейти к оборонительной стратегии, к невыгодному для оккупационных войск способу ведения боевых действий, навязанному им вьетнамской армией.

Первые победы патриотов Вьетнама в войне Сопротивления были неразрывно связаны с растущей международной солидарностью, с поддержкой со стороны самого главного их союзника — Советского государства.

Борьба народов Индокитая за национальное освобождение всегда пользовалась в нашей стране горячей симпатией и поддержкой. Еще в 20–30-е годы советские коммунисты с трибун партийных съездов открыто выражали солидарность с революционным движением в колониальных странах, в том числе и в Индокитае, чем вызывали нескрываемое раздражение в столицах главных колониальных держав. В годы второй мировой войны, когда решались судьбы мира, Советский Союз, хотя и был отделен от Индокитая трудно преодолимыми по тем временам тысячами километров, стремился активно воздействовать на ход событий в этом регионе в пользу сил национального освобождения. Так, еще в 1943 году на Тегеранской конференции союзников И. В. Сталин заявил англо-американским собеседникам, что он «не представляет себе, чтобы союзники проливали кровь за освобождение Индокитая и чтобы потом Франция получила Индокитай для восстановления там колониального режима».

Когда в 1945 году империалисты начали маневры вокруг решений Потсдамской конференции, передоверяя разоружение японских войск в Индокитае вначале чанкайшистам, а затем

французам, Советский Союз решительно выступил против этих действии, подчеркнув, что вьетнамский народ борется за свою свободу и независимость, а это право признано на конференциях в Тегеране, Ялте и Сан-Франциско, и что оккупационные войска, которые временно введены в Индокитай, но должны вмешиваться во внутренние дела стран этого района.

Советский Союз выступил с решительным осуждением «грязной» войны, развязанной французскими колонизаторами против вьетнамского народа. В январе 1950 года в ответ на обращение Хо Ши Мина о готовности ДРВ установить дипломатические отношения со всеми государствами на основе равноправия и взаимного уважения Советский Союз, как и другие социалистические страны, заявил о дипломатическом признании Демократической Республики Вьетнам.

Установление дипломатических отношений между СССР и ДРВ, помимо огромного морально-политического воздействия, имело для патриотов Вьетнама и большое практическое значение: оно поднимало авторитет их правительства и усиливало изоляцию баодаевского «государства Вьетнам», которое тщилось, опираясь на поддержку колонизаторов, выступать от имени вьетнамского народа. «Марионеточное правительство Бао Дая является пустым местом, — писала в те дни газета «Правда», — ибо оно никого не представляет, кроме небольшой кучки реакционеров».

Чувство беспредельной радости испытывали Хо Ши Мин и его соратники в день установления прямых отношений с Советским Союзом. Наконец-то прорвано кольцо империалистической блокады, в жестоких тисках которой молодой республике пришлось бороться за свое существование целых пять лет. ДРВ стала составной частью международного демократического лагеря, установила братские отношения с колыбелью мировой революции — Советским Союзом, с которым связаны прочной нитью многие годы жизни и революционной работы Хо Ши Мина и других вьетнамских коммунистов. Давая оценку установлению дипломатических отношений между ДРВ и социалистическими странами, Хо Ши Мин писал: «Несколько лет войны Сопротивления принесли знаменательную для истории нашей страны победу. Два крупнейших государства мира — Советский Союз и народный Китай, а также другие народно-демократические страны признали Демократическую Республику Вьетнам равноправным государством великой семьи всемирного лагеря демократии. Несомненно, что эта политическая победа явится залогом будущих военных побед».

2

Слова Хо Ши Мина оказались пророческими. В сентябре того же года Постоянное бюро ЦК партии принимает решение о развертывании широкой военной кампании в районе вьетнамо-китайской границы, чтобы очистить эти районы от французских интервентов и выйти к границе с КНР. ДРВ крайне нуждалась не только в политической поддержке, но и в материальной помощи Советского Союза и стран народной демократии.

Когда началась подготовка операции, Хо Ши Мин выразил желание лично провести инспекцию боевой готовности вьетнамских войск и принять непосредственное участие в руководстве наступлением. Район боев находился за многие километры от правительственной резиденции во Вьетбаке.

И все-таки Хо Ши Мин, не колеблясь, пустился в дальнюю и трудную дорогу через горы и джунгли. А ведь он уже вступил в седьмой десяток лет. Вместе с сопровождавшим его отделением охраны, врачом и двумя помощниками Хо Ши Мин прошел пешком от своей резиденции в провинции Туенкуанг до вьетнамо-китайской границы, затем оттуда повернул к городу Каобангу, а из Каобанга вернулся обратно в Туенкуанг. Весь этот долгий и утомительный путь составил в общей сложности более 400 километров.

Чтобы не попасться на глаза вражеским пилотам — а французские самолеты летали над партизанской зоной беспрестанно, — группа шла в основном только ночью. Если же дорога пролегала через районы диких, труднопроходимых джунглей, то, наоборот, спали ночью, а с первыми лучами солнца трогались в путь и к полудню делали привал где-нибудь у ручья под тенистой кроной деревьев или у подножия скалы. Ели вареный рис с «консервами Вьетминя», а потом засыпали как убитые прямо на земле или на камнях, поросших мхом.

Чтобы избежать ненужных встреч, группа старалась обходить стороной большие деревни, а если и останавливалась на ночлег, то в какой-нибудь пагоде или стоявшем на отшибе деревенском общинном доме. Иногда на лесных дорогах попадалась заброшенная бамбуковая хижина на четырех сваях — своего рода придорожная корчма, только без хозяина. Днем горцы приносили сюда бананы, маниоку, сахарный тростник, бататы и развешивали все это по стенам. Если путник заходил сюда, он мог есть сколько угодно, а деньги оставлял в тростниковой трубке, вывешенной для этой цели у входной двери. Хозяин корчмы изредка наведывался сюда из лесу, пополнял запасы продуктов и забирал выручку.

Проводник вел группу звериными тропами по нехоженым местам. В ясную погоду идти было легко и весело. Зато в дождь лесные глинистые тропинки становились такими скользкими, что после сотни шагов ноги путников начинали дрожать от напряжения, а коромысла с тяжелой поклажей пригибали к земле. После дождя на ветках деревьев появлялось множество древесных пиявок. Они намертво присасывались к открытым участкам кожи, и приходилось тратить много времени и усилий, чтобы осторожно, не дав хлынуть крови, оторвать их.

Довольно скоро те, кто не привык к дальним пешим переходам, совершенно выбились из сил. Как-то на очередном привале Хо Ши Мин сказал им:

— В этот переход мы здорово устали, потому что шли молча. Теперь старайтесь идти поближе ко мне, будем вместе декламировать великие творения наших древних поэтов.

И под непроницаемыми, словно крыша, зарослями джунглей зазвучали в такт равномерным поскрипываниям коромысел напевные стихи Нгуен Зу:

Пока до конца не иссякнут наши земные года,
Талант и судьба везде и всегда
дышат слепой обоюдной враждой.
Седую пучину морскую тутовник сменял молодой,
Но только горем, только бедой
бремя жизни на плечи легло…

Ноги путников, забывших об усталости, теперь легко преодолевали километры пути.

Когда группа вышла к дороге номер четыре, ведшей к приграничной зоне, здесь ее ожидал «джип», высланный из штаба. Усталые, заляпанные красно-оранжевым суглинком участники похода облегченно вздохнули. Наконец-то можно будет передохкуть.

Неожиданно Хо Ши Мин решил иначе:

— Сейчас все средства транспорта надо бросить на перевозку боеприпасов и продовольствия в район предстоящих боев. Мне же машина не нужна. Я еще в силах ходить пешком.

Ровно в 6 часов утра 16 сентября 1950 года в районе Донганга, расположенном неподалеку от вьетнамо-китайской границы, началась битва, которой суждено было стать поворотной в войне Сопротивления. Хо Ши Мин вместе с военным командованием находился на наблюдательном пункте, сооруженном на вершине горы. Отсюда хорошо просматривались укрепленные посты противника вокруг Донганга.

20 дней, не затихая, шли ожесточенные бои. В результате основные силы французских войск, находившихся в этом районе, были разгромлены. Посланный им на выручку крупный отряд попал в окружение. В этот момент некоторые вьетнамские командиры высказались за то, чтобы дать отдохнуть хотя бы один день вымотавшимся войскам, перед тем как нанести последний удар но окруженному противнику. Когда об этом доложили Хо Ши Мину, он сказал:

— Да, наши бойцы устали, но враг устал впятеро, всемеро больше. Сейчас самый удобный момент, чтобы завершить разгром, разве не так?

Он тут же сел за машинку и отпечатал текст обращения к бойцам и командирам, участвовавшим в сражении: «Любимые мои бойцы! С начала Сопротивления не бывало еще такой операции, когда нашим войскам приходилось бы в течение многих дней подряд вести упорные маневренные бои. Это трудное испытание для вас. Вы, презрев усталость, голод и холод, разгромили отборные подразделения врага, показав себя настоящими героями. Постарайтесь же, братья мои, довершить разгром окруженных подразделений врага. Обнимаю вас всех. Вперед, к победе!»

И вьетнамские войска сделали, казалось бы, невозможное. Ночью они пошли на штурм позиций окруженного противника, и к 5 часам утра следующего дня многодневное сражение на вьетнамо-китайской границе завершилось их полной победой.

Впервые за пять лет войны только пленными противник потерял 8 тысяч человек. Их разместили в бамбуковых казармах вьетнамских войск. Хо Ши Мин решил посетить один из таких лагерей и побеседовать с пленными, среди которых находились и белые, и черные наемники из африканских колоний Франции, и солдаты марионеточных баодаевских войск. Хо Ши Мин, одетый в черную крестьянскую куртку, на голове пробковый шлем, ничем не отличался от местных жителей. Комендант лагеря представил его пленным как местного кулао — почтенного старика, который бы хотел поговорить с ними. Особенно заинтересовала Хо Ши Мина беседа с одним французским врачом-капитаном. Поначалу капитан равнодушно отнесся к посетителю. Он только удивился, что незнакомый старик так хорошо изъяснялся по-французски. Хо Ши Мин говорил ему о том, что вьетнамский народ против войны, что вот уже пятый год напрасно льется кровь и вьетнамцев и французов и что все это происходит по вине немногочисленной кучки французских капиталистов, наживающихся на горе и страданиях миллионов трудящихся. По мере беседы глаза у французского капитана теплели, он все внимательнее слушал

образованного кулао. А когда Хо Ши Мин, видя, как тот дрожит от холода, снял свою куртку и надел ему на плечи, французский капитан не выдержал и разрыдался.

К концу октября 1950 года весь северный район, примыкающий к вьетнамо-китайской границе, был очищен от оккупантов. В руки народной власти вновь перешли крупные города Каобанг, Лангшон, Лаокай, Тхайнгуен, Хоабинь. ДРВ получила прямой выход к странам социалистического лагеря, Кроме того, наряду с военным поражением колонизаторов потерпели крах и их планы создания марионеточных «автономных» государств в горных районах Северного Вьетнама.

3

За годы войны Сопротивления партия вьетнамских коммунистов, действовавшая от имени фронта Вьетминь, превратилась в мощную массовую организацию, ведущую и руководящую силу в организации отпора интервентам и строительстве нового государства. Развитие обстановки требовало еще большего укрепления партийного руководства всеми сторонами жизни республики с целью быстрейшего доведения войны Сопротивления до победного конца. Постоянное бюро ЦК КПИК принимает решение о созыве II съезда партии, который собрался в феврале 1951 года на одной из партизанских баз Вьетбака.

Хо Ши Мин выступил на съезде с политическим докладом, сделав глубокий анализ деятельности партии за 20 с лишним лет ее существования. Революция во Вьетнаме, подчеркнул он, будет идти от одной победы к другой, потому что ею руководит могучая партия. Великая сила партии в том, что она опирается на марксизм-ленинизм, пользуется любовью, доверием и поддержкой всего народа.

Хо Ши Мин дал достойную отповедь маловерам и пессимистам, сомневавшимся в возможности победы Сопротивления, называвшим борьбу вьетнамского народа против колонизаторов «войной кузнечика со слоном».

— Если смотреть только на материальную сторону дела, — говорил он, — смотреть на существующее положение лишь с узких позиций, то тогда это будет правдой, ибо для борьбы против вражеских самолетов и пушек мы в свое время должны были использовать лишь копья. Но наша партия, вооруженная марксистско-ленинским учением, видит не только сегодняшний день, она смотрит в будущее. Мы твердо верим в боевой дух и

силу народных масс, нашей нации. Вот почему мы решительно отвечаем колеблющимся и пессимистам, что, «хотя нынче кузнечик лишь кусает ноги слона, завтра слону будут выпущены кишки».

Вместе с тем Хо Ши Мин предостерег партию и народ от опасности забегания вперед, головокружения от успехов. Победы, достигнутые в 1950 году в северных районах страны, вызвали среди некоторых партийных работников шапкозакидательские настроения. Они требовали немедленного перехода к контрнаступлению в масштабе всей страны и выражали недоумение по поводу выдвинутого Центральным Комитетом курса на тщательную подготовку условий для нового наступления. Стремясь остудить горячие головы в партии, Хо Ши Мин говорил:

— Мы все еще ведем напряженную подготовку к генеральному контрнаступлению… Только когда все полностью будет готово, тогда и начнем его. Чем более полной, всесторонней будет подготовка, тем быстрее и успешнее пройдет контрнаступление. Но надо торопиться, не надо горячиться…

Война Сопротивления вьетнамского народа подошла к такому рубежу, когда перед партией встала необходимость четко сформулировать, на каком этапе своего развития находится революция во Вьетнаме. В докладе «О вьетнамской революции», с которым выступил на съезде Чыонг Тинь, содержался принципиальный вывод о том, что во Вьетнаме осуществляется национально-демократическая революция, являющаяся переходным этапом на пути к революции социалистической. «Под руководством рабочего класса эта революция, основной силой которой являются трудящиеся, — отмечалось в докладе, — не только разрешит антиимпериалистические и антифеодальные задачи, но и будет способствовать мощному развитию строя народной демократии, посеет семена социализма, создаст условия для продвижения к социализму. Эта революция завершит буржуазно-демократические задачи и перерастет в социалистическую…»

Политический доклад Хо Ши Мина, а также доклад Чыонг Тиня легли в основу принятой на съезде программы партии. «Основной задачей вьетнамской революции в настоящее время, — подчеркивалось в программе, — является изгнание империалистических агрессоров, достижение подлинной независимости страны и единства нации, ликвидация пережитков феодальных и полуфеодальных отношений, предоставление земли тем, кто ее обрабатывает, развитие народно-демократического строя, создание основ социализма».

Съезд принял решение о переименовании Коммунистической партии Индокитая в Партию трудящихся Вьетнама и переходе ее на легальное положение в районах, контролировавшихся правительством ДРВ. Участники съезда единодушно избрали Хо Ши Мина Председателем ЦК ПТВ.

С образованием Партии трудящихся Вьетнама начался новый этап в развитии национально-освободительных революций на Индокитайском полуострове. Вслед за ПТВ на базе бывшей КПИК возникли Народная партия Лаоса (ныне Народно-революционная партия Лаоса) и Кхмерская народно-революционная партия (ныне Народно-революционная партия Кампучии).

Разделение КПИК на три самостоятельные партии объяснялось особенностью новой исторической обстановки, сложившейся на Индокитайском полуострове. Сколоченный колонизаторами «Индокитайский Союз» канул в Лету. Вьетнам, Лаос и Камбоджа стали отдельными, самостоятельными государствами. Национально-освободительные революции в них находились на разных стадиях развития, что, естественно, ставило перед коммунистами этих стран различные по своему характеру, масштабам и методам решения задачи.

В резолюции II съезда ПТВ указывалось: «Учитывая новые условия, сложившиеся в Индокитае и во всем мире, во Вьетнаме будет создана Партия трудящихся Вьетнама с политической программой и уставом, учитывающими условия Вьетнама; в Камбодже и Лаосе будут основаны революционные организации, отвечающие условиям этих стран».

Однако народы трех стран Индокитая продолжали борьбу против общего врага — французского колониализма, и победить его можно было только общими усилиями, крепя боевую солидарность. Уже через месяц после съезда ПТВ, в марте 1951 года, состоялась конференция массовых патриотических организаций Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, участники которой приняли решение крепить боевой союз вьетнамского, лаосского и кхмерского народов в борьбе против колонизаторов. Империалистической политике «разделяй и властвуй» патриотические силы трех борющихся стран Индокитая противопоставили боевое единство и политическое сотрудничество, опирающееся на общность отстаиваемых в борьбе идеалов.

После съезда партии, решая усложняющиеся задачи войны Сопротивления, руководство ПТВ все больше приходило к убеждению, что проводимая в освобожденных районах социальная политика уже не отвечает требованиям момента. В

1945 году временный отказ партии от проведения некоторых кардинальных социально-экономических преобразований, таких, как аграрная реформа, был оправдан — он помог привлечь на сторону революции определенную часть феодально-помещичьих и буржуазно-националистических кругов. Теперь же ситуация стала совершенно иной. Руководство Сопротивлением осуществляла партия рабочего класса, а единый национальный фронт с первого дня после образования опирался на союз рабочих и крестьян. Война Сопротивления способствовала стремительной поляризации сил. В ее горниле выковывалась прочная сталь истинных революционеров и патриотов, и она же выносила на поверхность никчемный шлак предателей и реакционеров. Миллионы трудящихся, чей идейно-политический уровень рос теперь гораздо быстрее, чем в мирный период революции, все более открыто связывали с национальным освобождением надежды на избавление от социального неравенства, эксплуатации и угнетения. Чем шире становились масштабы войны Сопротивления, тем больше она требовала дополнительных людских и материальных ресурсов.

Необходимость проведения коренных социально-экономических преобразований, в первую очередь аграрной реформы, диктовалась еще и тем, что основной вклад в вооруженную борьбу против агрессора вносило трудовое крестьянство, составлявшее подавляющее большинство населения. 90 процентов офицеров и бойцов вооруженных сил Сопротивления были выходцами из крестьян.

Наконец, к началу 50-х годов активизировалась предательская деятельность различных реакционных политических организаций феодалов и помещиков, сколоченных при помощи французских колонизаторов и агентов американского ЦРУ, уже тогда тянувшего свои щупальца к Индокитаю. Этот тревожный факт лишний раз напоминал о необходимости как можно быстрее вырвать почву из-под ног вьетнамских помещиков, покончить с феодальным строем, мешавшим социальному прогрессу.

С учетом всех этих соображений в принятой II съездом ПТВ партийной программе в числе основных задач вьетнамской революции на новом этапе указывалась настоятельная необходимость «ликвидации феодальных и полуфеодальных остатков, предоставления земли тем, кто ее обрабатывает». 1 декабря 1953 года Национальное собрание ДРВ приняло закон об аграрной реформе. Закон предусматривал конфискацию земель и имущества у помещиков-предателей, реакционеров — прислушников колонизаторов и принудительный выкуп земли и

сельскохозяйственных орудий у демократически настроенных и участвующих в Сопротивлении помещиков, а также у тех помещиков, которые не совершали преступлений против народа. Конфискованные и выкупленные земли и имущество передавались во владение беднякам и батракам.

Привлечение широких масс к борьбе против пережитков феодализма и осуществление лозунга «Землю — пахарю!» дали новый мощный импульс Сопротивлению. Тысячи крестьян добровольцами вступали в Народную армию, десятки тысяч других самоотверженно участвовали в снабжении войск, под бомбами и снарядами доставляя продовольствие и боеприпасы бойцам на передовой, прокладывая дороги сквозь джунгли и через горы. Своевременность и правильность новой аграрной политики партии стали особенно очевидными уже через несколько месяцев, когда на северо-западе ДРВ, в малонаселенном гористом районе, развернулось решающее сражение войны Сопротивления.

4

В ноябре 1953 года вновь назначенный французский командующий генерал Наварр приступил к сосредоточению отборных подразделений экспедиционного корпуса и иностранного легиона в северо-западной части Бакбо с намерением нанести удар по глубоким тылам вьетнамской армии, окружить и уничтожить ее основные силы. ЦК ПТВ решил принять вызов и дать бой колонизаторам в районе небольшого селения Дьенбьенфу.

В дни, когда готовился решающий удар по Дьенбьенфу, во Вьетбак прибыла группа прогрессивных иностранных журналистов. Журналисты встретились с Хо Ши Мином и попросили его рассказать, что происходит и районе Дьенбьенфу, название которого так часто повторяется в передачах вьетнамских и зарубежных радиостанций.

— Вот Дьенбьенфу, — говорил Хо Ши Мин, перевернув на столе свой пробковый шлем, — вот горы, — он провел тонкими сильными пальцами по внешнему краю шлема. — А вот здесь находимся мы. Тут, внизу, — его рука опустилась на дно шлема, — долина Дьенбьенфу. Там французы. Они не могут выбраться оттуда. Может быть, они просидят там долго, но выбраться они уже не смогут.

На дне шлема Хо Ши Мина «находились» лучшие части, какие только французское верховное командование смогло собрать в

Индокитае: парашютные войска экспедиционного корпуса и немецкие части иностранного легиона — всего 16 тысяч человек.

Знаменитая битва при Дьенбьенфу стала образцом необычайного героизма вьетнамских бойцов и возросшего военно-тактического искусства вьетнамского командования. Чтобы перебросить к месту сражения тяжелую артиллерию, было построено более 300 километров дорог через горные перевалы, причем в полной тайне от врага, хотя его авиация непрерывно висела в воздухе. Без единого взрыва, чтобы не обнаружить себя, люди прорубали в скалах дорогу для тяжелых грузовиков. Ночами работали на ощупь, без огня, днем тщательно маскировались. Тяжелые 105-миллиметровые пушки солдаты тащили на руках в гору по ночам в полной темноте. Они прикрепляли орудия веревками к деревьям. Бывало, что веревки горели от трения и лопались. Тогда бойцы бросались под колеса орудий, подчас ценой своей жизни предотвращая их падение в пропасть.

Ночами под носом у противника вьетнамцы прорыли более 200 километров глубоких траншей и подземных тоннелей, ведущих к его укреплениям. Но об этом французский гарнизон Дьенбьенфу узнал только тогда, когда началось сражение. В каменных скалах были выдолблены укрытия для орудий, многие из которых противник так и не сумел обнаружить до самого конца боя. Тысячи крестьян-добровольцев — мужчин, женщин, стариков — помогали бойцам в этом титаническом труде.

13 марта вьетнамские войска начали массированное наступление. Их артиллерия осыпала Дьенбьенфу ливнем снарядов, кольцо окружения все теснее сжималось вокруг крепости, расположенной в долине.

Чтобы как-то опоэтизировать свою «грязную войну», колонизаторы дали женские имена опорным пунктам крепости. В первый день атак вьетнамцы овладели опорным пунктом Беатрис, на следующий день, 14 марта, пал опорный пункт Габриэль, а 16 марта французы оставили опорный пункт Анна-Мария.

Ход сражения удивил французское командование. В своих планах, предусматривавших удержание крепости, оно рассчитывало на мощь своей артиллерии и массированную поддержку авиации. Однако у вьетнамцев теперь тоже имелась артиллерия. Расположенная в укрытиях, вырытых на склонах гор, она наносила серьезные потери французам. Около 20 их самолетов вьетнамские артиллеристы уничтожили прямо на взлетной полосе. Меткий огонь вьетнамской зенитной артиллерии значительно ограничил действенность французской авиации. Тем самым устранялся и второй фактор превосходства французской армии. В сражении у Дьенбьенфу вьетнамцы

впервые применили знаменитые «катюши». Иностранные легионеры, в числе которых находилось немало немцев — участников войны гитлеровской Германии против Советского Союза, с криками: «C'est le feu de Stalingrad!» — «Это сталинградский огонь!» — бросали оружие и в страхе падали на дно траншей.

Вьетнамские солдаты постепенно подводили свои окопы все ближе к французским укреплениям, сокращая дистанцию для последнего штурмового броска. В копце концов эти окопы проходили уже совсем рядом с французскими дотами, охватывая, подобно клещам, с двух сторон каждый блиндаж, каждую огневую точку. 7 мая, после 55 суток непрерывных боев, крупнейший оборонительный узел французских колонизаторов пал.

Только что произведенный в генералы командир гарнизона де Кастри был вынужден отдать приказ о капитуляции. Красный флаг с золотой звездой, укрепленный на бамбуковом шесте, взвился над крышей генеральского командного пункта, возвещая об исторической победе патриотов Вьетнама.

5

В период, когда вьетнамские войска еще только готовились нанести сокрушительный удар по гарнизону Дьенбьенфу, Хо Ши Мин в интервью шведскому журналисту вновь заявил о стремлении вьетнамского народа к миру, о его доброй воле. «Война во Вьетнаме развязана французским правительством, — заявил он. — В течение восьми лет наш народ вынужден вести с оружием в руках борьбу с агрессором, чтобы отстоять свою независимость, свободу и мирную жизнь. Если французские колонизаторы будут продолжать войну, наш народ полон решимости вести патриотическую борьбу до окончательной победы. Если же французское правительство учтет уроки последних лет, пожелает заключить перемирие и решить вьетнамский вопрос мирным путем, то вьетнамский народ и правительство Демократической Республики Вьетнам готовы пойти навстречу этому желанию».

Заявление Президента ДРВ открывало путь к политическому урегулированию конфликта. По инициативе Советского Союза в Женеве открылось международное совещание с участием представителей ДРВ. Блестящая победа Вьетнамской Народной армии при Дьенбьенфу оказала решающее воздействие на ход Женевского совещания: она окончательно похоронила надежды колонизаторов сохранить свое господство во Вьетнаме и

вынудила их пойти на заключение Женевских соглашений.

Женевские соглашения, подписанные 20 июля 1954 года, положили конец войне и гарантировали Вьетнаму мир, национальную независимость и территориальную целостность. В соответствии с соглашениями для восстановления мира и перегруппировки противоборствующих сил Вьетнам был временно разделен на две части демаркационной линией вдоль 17-й параллели, которая не рассматривалась участниками совещания как политическая граница. Соглашения предусматривали проведение в июле 1956 года всеобщих демократических выборов на всей территории Вьетнама с целью решения проблемы объединения страны.

Мирное урегулирование конфликта во Вьетнаме на основе Женевских соглашений 1954 года явилось крупной победой вьетнамского народа, всех прогрессивных и миролюбивых сил мира. Президент Хо Ши Мин так оценил эту победу: «Впервые в истории небольшая колониальная страна вышла победительницей в единоборстве с крупной колониальной державой. Это была победа не только нашего народа, но и сил мира, демократии и социализма во всем мире, И на этот раз марксизм-ленинизм осветил путь рабочему классу и всему народу, привел его к торжеству в борьбе за спасение родины и сохранение революционных завоеваний».

22 июля 1954 года состоялось последнее заседание правительства ДРВ в партизанской зоне. Решение Женевского совещания о прекращении огня еще не вступило в силу, над Вьетбаком еще летали вражеские самолеты, поэтому местом заседания выбрали глубокий котлован у подножия горы. Ровно в назначенный час вдали показался всадник на пышногривом вороном коне. Он легко спрыгивает на землю и с приветливой улыбкой идет к встречающим его министрам. Это Президент Хо Ши Мин.

Он поднимается на импровизированную трибуну, смотрит на соратников — на лицах у всех, как и у него, светится неизбывная радость. Сколько пролито крови, отдано сил, сколько пережито страданий, сколько тревожных и бессонных почей — и вот теперь все это позади, в прошлом, которое не должно вернуться. Ликующе звучат слова Хо Ши Мина о великой победе, одержанной вьетнамским народом. Он говорит о том, что народ и армия с честью выполнили труднейшую задачу Сопротивления. Теперь на повестку дня выходит не менее важная задача — бороться за единство страны, за национальную независимость, демократию, за укрепление мира.

Он говорит и о грустных вещах, о том, как тяжело будет жителям Юга провожать уходящие на север войска Народной армии. Юг первым поднялся на борьбу. Население Намбо выстрадало больше всех. Как же больно будет южанам оставаться, хотя и временно, во власти реакционных сил. Но Юг вместе с Севером будет бороться за единство страны, за скорейшее проведение всеобщих выборов.

Новая обстановка, новые задачи по восстановлению экономики страны, промышленности, транспорта, городов, подчеркивает Президент, накладывают на партийные кадры не меньшую, чем в годы войны, ответственность. Превыше всего, как и прежде, — монолитное единство партии, сплочение вокруг нее всего народа, укрепление единого национального фронта.

В числе иностранных журналистов, приглашенных во Вьетбак еще до того, как перестали грохотать орудия войны, находился известный советский кинорежиссер Роман Кармен, снимавший фильм о борющемся Вьетнаме. Вот как он вспоминал свои встречи в те дни с Хо Ши Мином:

«Узкая тропа, вырубленная в непроходимых зарослях тропических джунглей, известная лишь проводникам. Насыщенные пряными ароматами заросли бамбука, пальм и диких бананов. Посреди зарослей — бамбуковое жилище Хо Ши Мина, ничем не отличающееся от тысяч хижин, в которых живут крестьяне Вьетнама. Земляной пол, крыша из пальмовых листьев, никаких стен — кругом лес, щебет птиц, шелест огромных банановых листьев и тихий скрип стволов бамбука. «Президентский дворец», — говорит Хо Ши Мин о своем жилище с улыбкой. Кипы свежих газет и журналов на рабочем столе, пишущая машинка. Вместо кровати циновка на полу.

— А я привык к такой жизни, — говорит Хо Ши Мин, отвечая на наши удивленные взгляды. — Вы видите, как просто мне в любой момент собраться в путь. К этому приучили меня годы революционной борьбы, подполья. Легок на подъем, как партизан. За пять минут соберусь и готов в поход.

Беседа шла на русском языке. Мы спросили его:

— Тяжело было вам изучить русский язык?

Он ответил:

— Революционер должен знать язык Ленина.

— Сколько часов в день вы работаете?

— Меня будят птицы, а ложусь я, когда на небе появляются звезды.

Впоследствии мы убедились, что это не совсем так. Не раз мы видели темными тропическими ночами Хо Ши Мина с посохом в руке, с закатанными штанами и рукавами рубахи, идущего при

свете бамбукового факела, которым его спутник-телохранитель освещал путь на узкой тропе в джунглях. Президент отправлялся в дальний путь в какую-нибудь деревню в горах или возвращался с затянувшегося заседания правительства…

Я обратился к товарищу Хо Ши Мину с просьбой разрешить мне снять его последнюю лесную резиденцию. Он дал свое согласие.

Я снял его, идущего по рисовым полям. Снял, как он поднимается по отвесной горной тропе, переходит вброд речушки. Я понимал, что, очевидно, никогда уже больше не представится мне этой возможности. Считанные часы остались до того момента, когда навсегда кончится «период джунглей», длившийся восемь лет. Вот так, с посохом в руке, прошагал тысячи километров по родной стране неутомимый в свои шестьдесят четыре года Президент. Кадры, которые я сейчас снимаю, — уже история».

Семь с половиной лет назад со слезами на глазах покидали Ханой оставшиеся в живых солдаты легендарного «столичного полка». Но где бы они ни сражались эти долгие годы, они верили, что вернутся к древним стенам своей родной столицы. И вот этот день настал.

10 октября 1954 года Ханой торжественно встречал главные силы Народной армии. С двух направлений в столицу вступали моторизованные части и артиллерия овеянной боевой славой 308-й дивизии.

Яркое солнце осветило улицы и площади Ханоя, заполненные празднично одетыми жителями. Тысячи флагов украсили дома, через улицы протянулись транспаранты, славящие Президента Хо Ши Мина, партию, Народную армию. Многие из этих полотнищ с золотыми буквами, из этих флагов, портретов готовились еще при колонизаторах, ночами, при закрытых ставнях, под страхом смерти.

«Столичный полк» вступал в Ханой с запада.

Мы вернулись, возвратились в свой Ханой,
Восемь лет Сопротивленья позади.
Песнь победная звучит над всей страной,
Радость вырвалась рыданьем из груди.

На бойцов, едва переступивших городскую черту, обрушился дождь цветов, не прекращавшийся на протяжении всего марша. Восторженными возгласами, песнями и аплодисментами встречал Ханой своих освободителей. Позади годы жестокого гнета

колонизаторов, годы под дулами автоматов, годы борьбы и веры в светлый день освобождения. Впереди новая прекрасная жизнь, мир и счастье.

И СНОВА — БОЙ

Народ Вьетнама, родины самого скромного и последовательного марксиста-ленинца нашего времени, незабвенного и любимого Хо Ши Мина, этот героический народ тысячи раз поражал своими патриотическими и революционными подвигами весь мир.

Фидель Кастро

1

Женевские соглашения открыли перед вьетнамским народом реальную возможность мирным путем, политическими средствами осуществить национально-демократические задачи, поставленные на повестку дня Августовской революцией, и добиться восстановления ДРВ в прежних ее границах, в каких она была провозглашена 2 сентября 1945 года. Однако на пути осуществления национальных чаяний вьетнамского народа и прежде всего достижения единства родины встал новый, гораздо более серьезный, чем прежде, враг — американский империализм.

Непосредственная цель, которую ставили перед собой правящие круги США, приступив к прямому вмешательству в дела Вьетнама, заключалась в том, чтобы удержать в рамках системы неоколониализма временно отторгнутую от ДРВ ее южную часть, подавить там прогрессивные, демократические силы, установив марионеточный режим, и тем самым предотвратить дальнейшее распространение революционного освободительного движения в Индокитае и Юго-Восточной Азии.

В Вашингтоне хорошо понимали, что строгое соблюдение Женевских соглашений и прежде всего проведение во Вьетнаме в намеченные сроки всеобщих выборов могли бы привести к его воссоединению под руководством ПТВ, настолько велико было как на Севере, так и на Юге страны влияние коммунистов и особенно Президента Хо Ши Мина после победоносного Сопротивления французским колонизаторам. В своих мемуарах тогдашний президент США Д. Эйзенхауэр в разделе, касающемся вьетнамской политики его правительства, писал: «…Ни один из

знатоков индокитайских дел, с которыми я когда-либо беседовал или переписывался, не отрицал, что если бы… в стране были проведены выборы, возможно, 80 процентов населения проголосовали за Хо Ши Мина». То же самое признавал и государственный секретарь США Д. Даллес. В телеграмме, направленной им еще 7 июля 1954 года, то есть до подписания Женевского соглашения, американским дипломатам, занимающимся индокитайской проблемой, цинично указывалось: «Поскольку не приходится сомневаться в том, что проведение выборов может со временем означать воссоединение Вьетнама под властью Хо Ши Мина, тем важнее, чтобы выборы состоялись как можно позже после заключения соглашения о прекращении огня».

Таким образом, еще до заключения Женевского соглашения США взяли курс на срыв намеченного в нем мирного урегулирования вьетнамской проблемы. Прежде всего Вашингтон занялся поисками необходимой политической фигуры, на которую США могли бы опереться в своей интервенционистской деятельности в Южном Вьетнаме. И такой человек вскоре нашелся. Им оказался связанный с ЦРУ еще с 1948 года воспитанник иезуитского колледжа в Лейквуде (американский штат Нью-Джерси) Нго Динь Зьем. За две недели до подписания Женевских соглашений «тихим американцам» — так английский писатель Грэхем Грин окрестил агентов ЦРУ, активно действовавших в Индокитае, — удалось добиться его назначения на пост премьер-министра марионеточного правительства Бао Дая.

В первые же месяцы после прекращения огня Вашингтон резко увеличил свой военный, дипломатический и экономический аппарат в Южном Вьетнаме. Американские миссии, американские «советники», пришедшие на смену французским, вскоре взяли в свои руки руководство всеми сторонами деятельности сайгонского режима.

Формально главой государства в Южном Вьетнаме все еще оставался Бао Дай, проживавший во Франции. Это не устраивало правящие круги США, вынашивавшие планы превращения Южного Вьетнама в американскую колонию нового типа. С целью избавиться от Бао Дая американские «советники» помогают Нго Динь Зьему провести так называемый референдум по вопросу о форме государственного устройства в Южном Вьетнаме. При этом избирателей поставили перед безвыходной ситуацией: либо сказать «да» монархии, олицетворяемой ненавистным всем вьетнамцам Бао Даем, либо проголосовать за республику, а значит, и за Нго Динь Зьема. Естественно, исход референдума,

проходившего к тому же в обстановке террора и грубых фальсификаций, был предрешен заранее. 26 октября 1955 года в Сайгоне провозгласили создание «Республики Вьетнам» во главе с Нго Динь Зьемом, которую тут же признали США и Англия, а несколько позже и Франция.

С благословения своих заокеанских покровителей Нго Динь Зьем первым делом приступает к осуществлению разработанного стратегического плана увековечения раздела Вьетнама. В районах к югу от 17-й параллели воцаряется жестокий полицейский террор. Бывших участников Сопротивления — коммунистов, демократов, нейтралистов, всех, кто выступал за выполнение Женевских соглашений, — бросают в тюрьмы, расстреливают без суда и следствия. Страна покрывается сетью концентрационных лагерей. Нго Динь Зьем нагло игнорирует многочисленные предложения правительства ДРВ обсудить условия проведения всеобщих выборов, как того требовали Женевские соглашения 1954 года по Вьетнаму.

Неширокая река Бенхай, по которой проходила временная демаркационная линия, усилиями американских империалистических кругов и их ставленника превращалась в непреодолимую преграду, словно Север и Юг Вьетнама оказались вдруг по разные стороны необозримого океана. Она, как безжалостный топор палача, разрубила надвое страну и сердца миллионов людей, разлученных со своими родными, близкими, друзьями и товарищами. С этого момента на долгие годы развитие Севера и Юга Вьетнама пошло совершенно различными путями.

С восстановлением мира в Северном Вьетнаме была завершена аграрная реформа, ликвидирован класс помещиков-феодалов, осуществлен лозунг «Земля тем, кто ее обрабатывает», положено начало кооперированию сельского хозяйства.

В 1958–1960 годах трудящиеся ДРВ успешно выполнили трехлетний план развития экономики. Северный Вьетнам вступил на путь широких социально-экономических преобразований, знаменовавших наступление этапа социалистической революции.

В сентябре 1960 года в Ханое состоялся III съезд Партии трудящихся Вьетнама. Впервые после 30 лет героической борьбы партийный съезд проходил в столице страны.

Во вступительной речи Хо Ши Мин определил III съезд как «съезд строительства социализма в Северном Вьетнаме и борьбы за мирное объединение родины».

В резолюции съезда указывалось: «Перед вьетнамской революцией на данном этапе стоят две стратегические задачи:

первая — осуществление социалистической революции в

Северном Вьетнаме;

вторая — освобождение Южного Вьетнама от господства американских империалистов и их приспешников, объединение страны, установление независимости и демократии по всей стране.

Эти две стратегические задачи неразрывно связаны друг с другом и способствуют взаимному развитию».

Делегаты съезда вновь избирают Хо Ши Мина Председателем ЦК партии, Первым секретарем ЦК ПТВ избирается Ле Зуан.

В годы мирного строительства Хо Ши Мин уделяет первостепенное внимание вопросам развития народного хозяйства ДРВ. Он много ездит по Северному Вьетнаму, часто встречается с партийными работниками, рабочими, крестьянами, выступает на различных совещаниях и собраниях партийных, государственных и общественных организаций республики, мобилизуя трудящихся на активный созидательный труд во имя социализма, во имя успешной борьбы за объединение родины. «Северный Вьетнам является базой, колыбелью боевых сил нашего народа, — указывает он. — Дом крепок только в том случае, если прочен его фундамент. Дерево только тогда устойчиво, когда крепки его корни. Мы должны всемерно укреплять Северный Вьетнам, сделать его сильным, обеспечить его постоянное развитие».

В результате героических усилий вьетнамского народа, благодаря бескорыстной помощи братских социалистических стран отсталый, аграрный Северный Вьетнам сделал за короткий срок мощный рывок вперед в своем экономическом развитии. Успешное выполнение первого пятилетнего плана (1961–1965 гг.) позволило заложить фундамент материально-технической базы социалистического общества. Были созданы ведущие отрасли тяжелой промышленности — черная и цветная металлургия, машиностроение, энергетика. В корне изменился облик вьетнамской деревни, где господствующее место заняли кооперативы и крупные государственные хозяйства. Северный Вьетнам, всегда испытывавший нехватку продовольствия, превзошел по объему сельскохозяйственного производства Южный Вьетнам, считавшийся всегда главной житницей страны. За 10 лет мирного развития произошла подлинная культурная революция, практически ликвидировавшая неграмотность среди населения.

Хо Ши Мин постоянно заботился о повышении руководящей роли партии в социалистическом строительстве, об идеологическом и организационном укреплении ее рядов, о правильном сочетании ее национальных интересов с

выполнением своего интернационального долга. Он не раз указывал, что партия, вьетнамский народ должны активно выступать в защиту социалистического содружества, за укрепление единства и сплоченности международного коммунистического и рабочего движения на основе марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, поддерживать борьбу народов за национальную независимость, демократию, социализм и мир.

Радуясь успехам Северного Вьетнама в социалистическом строительстве, Хо Ши Мин в те дни писал: «Строительство социализма в нашей стране и наша принадлежность к великой мировой социалистической семье являются осуществлением ленинского тезиса о возможности перехода отсталой колониальной страны к социализму, минуя стадию капиталистического развития. Успехи Демократической Республики Вьетнам обусловлены, с одной стороны, духом самопожертвования, героизма и творческой активности нашего народа, который претворяет в жизнь ленинские указания об индустриализации и коллективизации, а с другой — бескорыстной, братской помощью социалистических стран во главе с Советским Союзом».

3

Борясь за победу социализма на Севере страны, трудящиеся ДРВ все эти годы жили с кровоточащей раной в сердце — болью за страдания родного Юга, где национально-освободительные, демократические силы вели трудную борьбу против империалистических интервентов и их ставленников, сорвавших выполнение Женевских соглашений.

Мысли о Юге Вьетнама, который империалистические круги пытались навсегда оторвать от ДРВ и превратить в свою колонию нового типа, постоянно владели умами Хо Ши Мина и его соратников. Курс на доведение до конца национальной, народно-демократической революции в Южном Вьетнаме, на мирное объединение родины становится генеральным курсом Партии трудящихся Вьетнама. Исторические слова Хо Ши Мина, сказанные им еще в 1946 году: «Вьетнам — одна страна, вьетнамцы — один народ. Реки могут высохнуть, горы — разрушиться, но эта истина не изменится никогда», — вдохновляли миллионы вьетнамских патриотов на борьбу с новым врагом.

В декабре 1960 года патриотические силы Южного Вьетнама

создали Национальный фронт освобождения, который возглавил вооруженную борьбу населения Юга страны за независимость и свободу.

Стремясь спасти от краха проамериканский марионеточный режим, сколоченный ими в Сайгоне, США перешли к прямой военной интервенции — высадке войск в Южном Вьетнаме, а затем развязали необъявленную воздушную войну против Северного Вьетнама. Вьетнамскому народу снова пришлось взяться за оружие, чтобы защитить свою свободу и независимость. Так началось второе общенациональное Сопротивление вьетнамского народа империалистическим агрессорам.

В течение нескольких лет мне довелось как корреспонденту ТАСС быть непосредственным очевидцем этой героической эпопеи. Картины первых дней войны стоят перед моими глазами, словно все это происходило только вчера. Над страной, казалось, совсем недавно обретшей долгожданный мир, вновь пронесся призывный клич: «Все — на защиту Родины!» По улицам Ханоя днем и ночью маршировали ополченцы, проходили колонны солдат, спешили на юг тягачи с расчехленными зенитными орудиями. Газеты сообщали, что в первые же дни войны около миллиона человек подали заявления о вступлении добровольцами в Народную армию. Вся страна становилась под ружье, чтобы в смертельной схватке с вооруженным до зубов империалистическим агрессором отстоять независимость и суверенитет своей родины, свое священное право на мирную и счастливую жизнь.

И вновь, как в годы первого Сопротивления, душой всенародной борьбы стал Президент Хо Ши Мин, назначенный в апреле 1965 года председателем Верховного совета обороны, созданного по решению Национального собрания ДРВ для организации отпора врагу. Выступив на сессии Национального собрания с яркой, вдохновляющей речью, Хо Ши Мин четко изложил своему народу и всему миру, во имя каких целей вьетнамские патриоты полны решимости сражаться до последней капли крови, но не уступить агрессору.

— Правительство ДРВ, — говорил он, — еще раз торжественно заявляет о своей неизменной позиции: со всей решимостью защищать независимость, суверенитет, единство и территориальную целостность Вьетнама. Наш Вьетнам — одна страна, вьетнамский народ — един, никто не в силах посягнуть на эти священные права нашего народа. Американские империалисты должны уважать Женевские соглашения, должны уйти из Южного Вьетнама! Это единственный способ разрешить вопрос о войне во Вьетнаме, выполнить Женевские соглашения

1954 года, сохранить мир в странах Индокитая и Юго-Восточной Азии. Иного пути нет. Таков ответ нашего народа и правительства американским империалистам.

Вступив в смертельный бой с самой мощной империалистической державой мира, Вьетнам не остался одиноким. На помощь вьетнамскому народу пришла страна Великого Октября, силы мира, демократии и социализма во всем мире. Когда первые бомбы империалистических агрессоров обрушились на землю Демократической Республики Вьетнам, Советское правительство решительно заявило, что примет все необходимые меры для обеспечения безопасности и укрепления обороноспособности братского социалистического государства. В рекордно короткие сроки Народная армия Вьетнама была оснащена современным советским вооружением: противовоздушными ракетами, зенитной артиллерией, истребительной авиацией и другими видами боевой техники. Наша страна направила в ДРВ военных специалистов, которые занимались сборкой и наладкой военной техники, учили вьетнамцев умелому владению ею. За короткий срок многие тысячи вьетнамцев овладели современной боевой техникой и уверенно вступили в бой с вражеской авиацией. Военные училища СССР приняли большое число молодых вьетнамских курсантов, которые обучались по ускоренным программам и направлялись во вновь формируемые военно-воздушные эскадрильи.

Опираясь на бескорыстную помощь Советского Союза и других братских социалистических стран, вьетнамские коммунисты под руководством Хо Ши Мина в кратчайший срок сумели превратить Северный Вьетнам в неприступную крепость, которую безуспешно штурмовали столько лет самолеты и корабли агрессора. Созданную в ДРВ высокоэффективную, оснащенную современной боевой техникой систему противовоздушной обороны американские генералы оценили как одну из самых мощных систем ПВО, когда-либо имевших место в истории войн. «…Мы всегда объявляли нелепостью, если бы революционный пролетариат зарекался от революционных войн, которые *могут* оказаться необходимыми в *интересах социализма*»[24], — учил В. И. Ленин. В ходе второго Сопротивления Хо Ши Мин и его соратники по партии, творчески применяя принципы марксизма-ленинизма, успешно претворяли в жизнь отвечающую вьетнамским условиям стратегию революционной войны, внеся важный вклад в сокровищницу мирового революционного опыта. Они сумели добиться гибкого сочетания различных форм борьбы — вооруженной, политической, дипломатической, что явилось одним из

решающих факторов, обеспечивших победу правого дела во Вьетнаме.

Отражая яростные атаки агрессора, Северный Вьетнам даже в самые трудные годы войны с честью выполнял роль надежного тыла национально-освободительной борьбы патриотов Южного Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Все эти годы неразрывно связывала Северный Вьетнам с Южным, а также с Лаосом и Камбоджей знаменитая «тропа Хо Ши Мина», проходившая вдоль вьетнамо-лаосской границы.

Еще в годы подготовки Августовской революции и борьбы против французских колонизаторов вьетнамские революционеры использовали эту затерявшуюся в глухих джунглях тропу, с трудом прорубленную в непроходимых тропических зарослях, для обеспечения связи между партийными организациями Бакбо и Намбо, минуя кордоны колониальной охранки. С началом второго Сопротивления «тропа Хо Ши Мина» (так ее окрестили западные журналисты, потому что именно Хо Ши Мин стал для всего мира символом героической борьбы вьетнамского народа) усилиями саперных подразделений Народной армии была превращена в широкую магистраль, искусно скрытую от вражеских летчиков густыми кронами деревьев. Днем и ночью шли по ней на Юг колонны грузовиков с добровольцами, вооружением, боеприпасами, продовольствием, медикаментами для сражающихся с агрессором Народных вооруженных сил освобождения. Этим же путем на Север перебрасывались раненые и больные, дети погибших в боях с врагом патриотов.

Новый враг был гораздо могущественнее и опаснее всех тех, с кем Вьетнаму довелось сражаться, а масштабы разразившейся войны намного превосходили все то, что вьетнамскому народу пришлось уже испытать. Однако Хо Ши Мин оставался, как это было и в прошлом, живым воплощением непоколебимой веры в грядущее торжество правого дела вьетнамского народа. Свой неиссякаемый оптимизм он старался ежечасно вселять в сердца своих соратников, кадровых работников партии и армии, всех трудящихся Вьетнама.

Особенно памятен мне день 17 июля 1966 года, когда Хо Ши Мин выступил по радио с традиционным обращением к народу по случаю годовщины подписания Женевских соглашений. За несколько дней до этого агрессоры сделали серьезный шаг по пути эскалации воздушной войны против ДРВ — вражеская армада из 50 истребителей-бомбардировщиков впервые совершила варварский налет на пригороды Ханоя. В воздухе над городом еще ощущался дымный запах пожарищ. В эти трудные часы жители вьетнамской столицы, как никогда, хотели услышать

вдохновляющий голос любимого Президента. Весь сражавшийся Вьетнам застыл у громкоговорителей на городских и сельских улицах, у транзисторов на партизанских базах в джунглях и за закрытыми ставнями в домах подпольщиков в оккупированных врагом городах Юга. И вот раздался спокойный, с характерным нгеанским акцентом голос Хо Ши Мина.

— Война, быть может, продлится еще пять, десять, двадцать лет или даже дольше, — говорил он. — Ханой, Хайфон и некоторые другие города и промышленные предприятия могут быть разрушены. Однако вьетнамский народ не запугать. Нет ничего дороже независимости и свободы! Придет день победы, и наш народ восстановят свою родину, сделает ее еще величественнее и прекраснее.

Сказанные Хо Ши Мином в этом обращении слова «Нет ничего дороже независимости и свободы!» тотчас же разнеслись по всему Вьетнаму, стали крылатыми, служили девизом всенародной освободительной борьбы, вели вьетнамских патриотов от победы к победе.

Это была отечественная война, война за спасение родины. Вьетнамский народ защищал независимость, свободу, самые основы своей жизни в борьбе против нашествия империалистических агрессоров. Поэтому партия и Президент Хо Ши Мин, призывая соотечественников встать как один на священный бой с заклятым врагом, обращались в первую очередь к чувству патриотизма, национальной гордости, любви к родной земле, разжигали в сердцах людей неистребимую ненависть к чужеземным пришельцам.

Хо Ши Мин никогда сам не отождествлял империалистических агрессоров с американским народом, настойчиво предостерегая от этого и других. В интервью американскому журналу он отмечал:

«Вьетнамский народ никогда не ставит знак равенства между американцами, стремящимися к справедливости, и их правительствами, на совести которых немало преступлений, совершенных и отношении вьетнамского народа за последние 10 лет. Те, кто покушается сейчас на нашу национальную независимость и свободу, — это люди, предавшие забвению Декларацию независимости Соединенных Штатов, где записано, что «все люди рождаются равными», и зафиксированы их неотъемлемые права — «на жизнь, на свободу и стремление к счастью». Отражая жестокую агрессию, героический вьетнамский народ рассчитывал прежде всего на себя, на свои материальные ресурсы и революционную энергию, а также на великую силу солидарности друзей и братьев во всем мире. Хо Ши Мин и

Партия трудящихся Вьетнама сумели выработать и успешно претворить в жизнь единственно правильную стратегию гибкого сочетания всеобъемлющих национальных усилий с широчайшей международной поддержкой. Руководители ДРВ неоднократно подчеркивали, что победа, одержанная вьетнамским народом в длительной борьбе против империалистических агрессоров, неотделима от всесторонней помощи Советского Союза, других стран социализма, всех прогрессивных сил мира.

В крайне сложных условиях пришлось вести вьетнамскому народу войну Сопротивления. В 1965 году соседнюю с Вьетнамом социалистическую державу — Китай захлестнула гигантская волна так называемой «культурной революции». В этой стране на несколько лет установилась, как указывалось в последующих документах Компартии Китая, «жесточайшая военно-феодальная диктатура». Империалистические круги США использовали события в Китае для дальнейшей эскалации агрессивной войны против Вьетнама.

Будучи последовательным интернационалистом, Хо Ши Мин тяжело переживал трагические для судеб китайского народа и дела социализма эксцессы «культурной революции». Он с осуждением воспринимал уродливые проявления культа личности Мао Цзэдуна, которыми она сопровождалась. В одной из своих статей по вопросам революционной морали и борьбы против индивидуализма, написанной незадолго до кончины, Хо Ши Мин указывал, что, если болезнь индивидуализма поражает партийного руководителя, это приводит к тяжелым последствиям для партии и народа, наносит серьезный урон делу социализма. Эти слова Хо Ши Мина были восприняты вьетнамскими коммунистами как недвусмысленная критика культа личности Мао Цзэдуна и крайностей «культурной революции» в Китае.

3

После первых же налетов вражеской авиации на район Ханоя столичный административный комитет форсировал начатую еще раньше эвакуацию в сельские районы детских садов, школ, заводов, учреждений. Помню, в те дни из уст в уста по городу шепотом передавалась весть о том, что Хо Ши Мин не эвакуируется, он продолжает, как и прежде, работать в столице, в своем деревянном домике на сваях в дворцовом парке. И это вселяло в людей дополнительный заряд уверенности в победу.

За долгие годы борьбы Хо Ши Мин привык к суровому, спартанскому образу жизни, и ничто не было так чуждо его

характеру, как стремление к роскоши. Вернувшись в Ханой после восьми партизанских лет, проведенных в пещерах и бамбуковых хижинах Вьетбака, он попросил соорудить ему скромный деревянный домик на территории президентского дворца Бакбофу. В этом же скромном жилище протекала его жизнь и в дни, о которых идет здесь речь. Рабочий стол его стоял на берегу миниатюрного пруда, на зеркальной глади которого колышутся огромные покрывала водяных лилий. Над столом густая тенистая крона дерева «ву шыа»; его саженец, присланный в подарок с далекого сражающегося Юга, он посадил и выходил своими руками. Вечером после работы он поливал цветы и кормил плескавшихся в пруду карпов — это занятие стало его любимым отдыхом. Когда звучал сигнал воздушной тревоги, Хо Ши Мин, как и другие обитатели президентского дворца, надевал на голову каску и спускался в бомбоубежище.

Невзирая на опасность, он довольно часто выезжал из Ханоя в зенитно-ракетные дивизионы, к летчикам, ополченцам, отличившимся в боях с вражеской авиацией. Во Вьетнаме принято всегда справляться о здоровье собеседника. Тем более этот вопрос волновал людей, когда речь заходила о самочувствии Президента. Добродушно смеясь, он отвечал на их вопросы:

— Дети мои, сбивайте больше американских самолетов, и я буду всегда здоров.

Однажды он приехал в воинскую часть в тот день, когда из Москвы как раз пришло сообщение о прилунении космического корабля с луноходом на борту. Хо Ши Мин начал беседу с того, что спросил бойцов, знают ли они об этом, а затем сказал:

— Наша эпоха — это эпоха науки и техники. Чтобы разгромить американского агрессора, недостаточно только одной правильной линии партии и героического боевого духа. Необходимо также знание науки и техники. Вы, бойцы нашей армии, обязаны изучать науку и технику братских социалистических стран, чтобы быть всегда на уровне современных требований.

Хо Ши Мин очень страдал, получая сообщения о варварстве и жестокостях империалистов и их ставленников на Юге, и безмерно радовался каждой повой победе южновьетнамских патриотов. В последние годы жизни, когда он, видимо, почувствовал, что жить осталось не так уж много, его не оставляла мысль, что он еще не выполнил до конца свою задачу. Он страстно желал дожить до победы на Юге и воссоединения родины. В 1963 году, когда Национальное собрание приняло решение наградить Президента орденом «Золотая звезда», он, горячо поблагодарив депутатов, обратился к ним с просьбой

разрешить ему не принимать этой высшей награды, пока страна разделена на две части, а на Юге льется кровь патриотов-соотечественников.

— Пусть Национальное собрание, — предложил Хо Ши Мин, — позволит населению Юга вручить мне высший орден в тот день, когда Юг будет полностью освобожден, наша страна воссоединится и в ней воцарится мир, когда Север и Юг соберутся в одну родную семью.

«В годы, когда наш Юг вел ожесточенную борьбу против США, у Бак Хо возникла мысль побывать на Юге, «чтобы встретиться с товарищами, с соотечественниками», и он попросил организовать ему эту поездку, — вспоминал ветеран Компартии Вьетнама Ле Ван Лыонг. — Он ставил вопрос довольно решительным образом. Понимая, что здоровье у Бак Хо не такое, как прежде, и возраст уже преклонный, товарищи из Политбюро отвечали в том духе, что сейчас, мол, главное — быстрее победить, а когда это произойдет, его с радостью пригласят на Юг. Он на это отвечал:

— Я хочу побывать там сейчас, а после победы — это и так ясно, о чем тут говорить.

Довольно долго еще Бак Хо возвращался к этому вопросу и спрашивал, как идет подготовка к поездке. Видя, что он настроен по-боевому, отвечавшие за эти поездки товарищи вынуждены были доложить, что дорога на Юг сопряжена с большими трудностями и сложностями и они опасаются, что она окажется ему не под силу. Бак Хо на это отвечал:

— Если нельзя проехать на машине, я готов идти пешком. Вы же преодолеваете это расстояние пешком, значит, и я смогу. Еще поглядим, уступлю ли я вам.

В последние годы своей жизни Бак Хо, хотя и чувствовал уже слабость, продолжал тренироваться в ходьбе, поднимался в горы, подчас преодолевая довольно крутые подъемы. Врачи запрещали ему, но он продолжал ходить в горы. Мне кажется, он сам хотел убедиться, не изменили ли ему еще силы, и упорно тренировался, чтобы все-таки осуществить намерение «побывать на Юге, встретиться с товарищами, с соотечественниками».

Он просил нас докладывать, когда в Ханое будут товарищи с Юга, и организовывать встречи с ними. Очень многие партийные работники и бойцы с Юга, оказавшись на Севере, обязательно встречались с Бак Хо, особенно женщины и дети. Каждый раз он подробно расспрашивал гостей о том, как идут на Юге дела, и видно было, что его очень радовали такие встречи».

В начале 1969 года Хо Ши Мин вместе с Фам Ван Донгом принимал очередную делегацию южновьетнамских патриотов. Отвечая на его приветствие, единственная в делегации женщина с

жаром заговорила:

— Уважаемый дядюшка Хо, ваши дети и внуки на Юге помнят ваш наказ и доблестно громят американских агрессоров. И мы никогда не дрогнем, сколько бы нам ни пришлось сражаться. — Тут она вдруг слегка запнулась и несколько неожиданно закончила: — Единственное, что тревожит нас, — это ваш преклонный возраст.

На губах Хо Ши Мина появилась лукавая улыбка. Он и на 80-м году жизни не потерял присущего ему чувства юмора. Повернувшись к Фам Ван Донгу, он шутливо спросил его:

— Сколько мне в этом году стукнет, тю Донг?

— Семьдесят девять.

— Ну, значит, до 100 лет мне еще целых 21 год. Помнится, я призывал соотечественников сражаться, если понадобится, пять, десять, двадцать лет. Даже если только через 20 лет мы победим, то и тогда у меня будет в запасе целый год, чтобы навестить дорогих моему сердцу соотечественников Юга…

4

За годы работы во Вьетнаме мне неоднократно доводилось видеть и слышать товарища Хо Ши Мина. Вот он стоит на трибуне митинга трудящихся, лицо его сияет открытой доброй улыбкой, он поднимает вверх руку, требуя тишины, и обращается к присутствующим с привычными словами:

— А теперь, чтобы завершить наш митинг по случаю побед в борьбе против американских агрессоров, за освобождение Юга, давайте хором споем нашу любимую «Сплотимся». Три, четыре… — И он все еще сильным голосом первым начинал песню, которую пели партизаны в джунглях Вьетбака.

Уже один его внешний облик производил неизгладимое впечатление на окружающих. «Особыми приметами» на его лице были традиционная для вьетнамских стариков остроконечная седая бородка и неповторимые, удивительные глаза — всегда молодые, живые, с искоркой, с легкой лукавинкой, взгляд пристальный, проницательный, но добрый, располагающий. Изумляли всегдашняя легкость его походки, бодрость движений, юношеский задор в речи, в улыбке. Его неподдельное внимание к собеседнику, предупредительность, необычайная приветливость создавали с первых же минут общения с ним свободную, дружескую атмосферу. Меня, как и всех тех, кто имел счастье с ним встречаться, поражало совершенно естественное, органическое сочетание в нем редкостной простоты и

человечности с железной волей и несокрушимым мужеством революционера-борца.

Хо Ши Мин по праву принадлежит к замечательной когорте подлинных революционеров ленинской школы, которые не только восприняли и претворили на практике гениальное ленинское учение, но и своими личными качествами, своим жизненным примером продемонстрировали огромную притягательную силу коммунистических идей. Славный сын чилийского народа Сальвадор Альенде на вопрос корреспондента: «Какие три достоинства политических деятелей Вы хотели бы иметь и с кого Вы брали бы пример?» — ответил так: «Цельность, человечность и величественную скромность Хо Ши Мина».

До конца своих дней Хо Ши Мин оставался воплощением ленинской простоты и скромности. «В 1969 году, — вспоминал Ле Ван Лыонг, — Политбюро приняло решение об организации празднования четырех крупных дат: 40-летия со дня основания партии, 25-летия со дня образования Демократической Республики Вьетнам, 100-летия со дня рождения В. И. Ленина и 80-летия со дня рождения Хо Ши Мина. В эти дни Бак Хо как раз приболел. Еще раньше Политбюро в целях поберечь его здоровье предложило, чтобы он председательствовал только при обсуждении наиболее важных партийных и государственных дел; другие же вопросы Политбюро будет решать без него, а потом ему докладывать. Решение о четырех круглых датах как раз относилось ко второму случаю. Когда Бак Хо доложили об этом решении, он прокомментировал его так:

— Я согласен только с «тремя четвертями» этого решения… Отметить, как подобает, 100-летие со дня рождения Ленина — это очень правильное решение. Но не следует так широко отмечать мой день рождения».

Многим, знавшим близко Хо Ши Мина, бросалась в глаза довольно примечательная черта его характера. В документах, которые ему давали на редакцию, он неизменно вычеркивал негативные формулировки, заменяя их соответствующими позитивными. Например, фразу «Без социализма народы не могут добиться полного освобождения» он правил; «Только социализм может принести народам полное освобождение…» И это нельзя назвать какой-то чисто лингвистической страстью; именно таким был его образ мыслей, склад его ясного ума революционного вождя. Он всегда стремился выделить и находил позитивную сторону любого явления, открывающую путь в жизнь, в будущее.

Хо Ши Мин придавал огромное значение вопросам воспитания у членов партии, кадровых работников, у всех трудящихся высоких качеств патриотов и революционеров.

Обращаясь к молодежи, он напутствовал ее такими словами: «В любом деле думай в первую очередь не о себе, а о соотечественниках, обо всем народе… Иди в первых рядах, когда трудно, и занимай последнее место, когда речь идет о вознаграждении». Он лично служил для всех вьетнамских коммунистов, всего вьетнамского народа примером того, как надо заботиться об общественном благе, увлекать за собой массы, организовывать соревнование, поддерживать все передовое и положительное, развивать критику и самокритику, бороться за строжайшую дисциплину, поднимать энтузиазм масс, мобилизовывать широкие слои населения на решительный отпор врагу, на подвиг и самопожертвование во имя свободы и независимости родины.

Одна из самых примечательных черт характера Хо Ши Мина — его поистине безграничная любовь к детям. Сам не познавший семейного счастья, он все свои нерастраченные отцовские чувства отдавал миллионам вьетнамских детей, которых ласково называл своими внуками и племянниками. Его часто можно было видеть в обществе детей — в школах, Домах пионеров, сельскохозяйственных кооперативах.

Помню, еще в мирные годы, когда Хо Ши Мин присутствовал на приемах в советском посольстве, он обычно после окончания официальной части собирал вокруг себя детей советских дипломатов, радушно угощал конфетами, расспрашивал об их жизни во Вьетнаме, удивляя своими познаниями в русском языке.

Хо Ши Мин до конца своих дней оставался верея благородным принципам пролетарского интернационализма, демонстрируя неразрывную диалектическую взаимосвязь между национальным и интернациональным. Всей своей жизнью и деятельностью Хо Ши Мин, как и другие выдающиеся борцы за дело коммунизма, доказывал непреложность следующей истины: тот, кем движут чувства глубокой любви к родине, своему народу, никогда не изменит и идеалам интернационального братства, и наоборот, только последовательный интернационалист является истинным патриотом, приносящим в конечном счете наибольшую пользу своей родине, своему народу.

Как Президент страны и руководитель партии Хо Ши Мин внес крупный вклад в развитие братских отношений Вьетнама с социалистическими государствами, международным коммунистическим движением, национально-освободительными силами современности.

Большой друг советского народа, он с любовью относился ко всему, что связано с Великим Октябрем, В. И. Лениным. Эти чувства, зародившиеся еще в далекие 20-е годы, он пронес через

всю свою жизнь. В газетных статьях, в выступлениях с трибун съездов, конференций, митингов он всемерно пропагандировал достижения Советского Союза, который называл «оплотом революционного движения и борьбы за мир во всем мире», «самым мощным бастионом прогресса, демократии и мира», «живым доказательством превосходства социалистического строя над капиталистическим». «Перед лицом империалистов, пытающихся продлить существование своего ненавистного всем народам и уже пошатнувшегося строя, мы, революционеры всех стран, — призывал он, — должны всемерно и ежечасно укреплять свое единство вокруг СССР, Коммунистической партии Советского Союза».

Он всегда видел в Советском Союзе самого близкого друга и соратника борющегося Вьетнама, справедливо считал его надежным оплотом вьетнамского народа в борьбе за свободу и независимость. До конца своих дней Президент ДРВ неизменно подчеркивал: вьетнамский народ никогда не забудет, что его победы неотделимы от огромной помощи Советского Союза.

Хо Ши Мин не раз бывал в нашей стране уже после победы вьетнамской революции как Президент ДРВ и Председатель ЦК Партии трудящихся Вьетнама. В 1955 году, как только ДРВ вступила на путь мирного экономического строительства, он возглавил правительственную делегацию, которая наряду с другими социалистическими странами посетила с официальным визитом Советский Союз. В ходе этого визита, вылившегося в праздник советско-вьетнамской дружбы, были подписаны первые соглашения о разностороннем советско-вьетнамском сотрудничестве, упрочен фундамент той братской дружбы и боевой солидарности, которая нерасторжимо связывает сегодня народы Советского Союза и Вьетнама.

В 20-е годы Хо Ши Мин мечтал увидеться с В. И. Лениным, побывать в его рабочем кабинете. И вот через треть столетия он оказался одним из первых иностранных посетителей только что открывшегося в Кремле музея «Кабинет-квартира В. И. Ленина». И первый отзыв в Книге почетных гостей музея также принадлежит ему: «Ленин — великий учитель пролетарской революции. Это человек самой высокой морали, он учит нас трудолюбию, бережливости, чистоте, прямоте. Заветы Ленина будут жить вечно».

Покидая Советскую страну, Хо Ши Мин, перед тем как подняться по трапу самолета, произнес на русском языке краткую теплую речь:

— Мы возвращаемся на родину, увозя с собой братскую любовь и дружбу советского народа. Хотя Вьетнам и Советский

Союз разделены тысячами километров, сердца наши всегда близки друг другу, они бьются в едином ритме.

В последующие годы он не раз приезжал в Советский Союз во главе вьетнамских партийно-правительственных делегаций, принимал участие в праздновании годовщин Великой Октябрьской социалистической революции в Москве, в работе съездов КПСС, в Совещаниях представителей коммунистических и рабочих партий в 1957 и 1960 годах, неоднократно проводил в нашей стране свой отдых.

Тема интернациональной солидарности постоянно присутствовала в его речах, выступлениях и публикациях.

Одной из последних его крупных печатных работ стала статья в газете «Правда», посвященная 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Каждая ее строка проникнута горячими чувствами дружбы и братства великого сына Вьетнама, всего вьетнамского народа к Советской стране. «Ведя борьбу против США, за спасение родины, преисполненный решимости разгромить американских агрессоров и продолжать строить социализм на своей земле, — писал Хо Ши Мин, — вьетнамский народ с чувством признательности и веры обращает свой взор к Советскому Союзу — родине великого Ленина и славной Октябрьской революции.

…Вьетнамская пословица гласит: «Когда пьешь воду, помни об источнике». Чем больше рабочий класс, народ Вьетнама думает о своем тяжелом, унизительном, рабском прошлом, о различных этапах своей мучительной и самоотверженной борьбы, полной в то же время славных побед, тем глубже осознает он, чем обязан Ленину и Октябрьской революции.

…Идя по пути, указанному великим Лениным, по пути Октябрьской революции, вьетнамский народ одержал огромные победы. Именно поэтому у него столь глубоки чувства признательности и благодарности к славной Октябрьской революции, к великому Ленину и к советскому народу».

Коммунистическая партия Советского Союза, весь советский народ неизменно отвечали Хо Ши Мину любовью и уважением. Выдающийся революционер и деятель международного коммунистического и национально-освободительного движения, стойкий марксист-ленинец, последовательный борец за социализм, верный друг советского народа — так оценивает паша партия славную деятельность Хо Ши Мина. «Великие вожди революции, — говорил Л. И. Брежнев, — заложили основы наших государств, дали решающие импульсы их развитию и начертали наш курс — Владимир Ильич Ленин в Советской России и Хо Ши Мин во Вьетнаме. Мы с гордостью можем сказать, что верно

следуем этому курсу».

ИМЯ И ДЕЛА ЕГО БЕССМЕРТНЫ

О Юг наш родимый, печаль велика,
Ты знаешь, что стих Хо Ши Мина умолк.
Но слушает родина голос ЦК,
На марше Вьетнам, весь единый, как полк.

То Хыу

1

Вечером 1 сентября 1969 года в ханойском Дворце конгрессов на площади Бадинь, как обычно, открылось торжественное собрание общественности столицы по случаю национального праздника — дня провозглашения независимости Вьетнама. Но настроение у собравшихся было не очень праздничным, лица людей были хмуры. Впервые за многие годы в президиуме пустовало привычное место Хо Ши Мина.

Хотя из президентской канцелярии не поступило пока официального сообщения, по всему Ханою уже с утра с быстротой молнии распространилась весть о том, что Президент тяжело болен.

Через два дня Хо Ши Мина не стало.

Рассказывают, что, когда он в последний раз перед кончиной пришел в себя, он спросил:

— Как идут дела на Юге? Будет ли 2 сентября праздничный салют в Ханое?

Перед тем как уйти из жизни, Хо Ши Мин подготовил завещание партии и народу. Оно проникнуто страстным революционным оптимизмом, верой в прекрасное будущее Вьетнама.

«Война Сопротивления против американской агрессии, возможно, еще затянется, — говорится в нем. — Нашим соотечественникам, возможно, придется понести большой материальный ущерб и человеческие жертвы. Но при всех обстоятельствах мы должны со всей решимостью сражаться против американских захватчиков до полной победы.

Пусть сохранятся наши горы, реки и люди. После победы над американской агрессией мы построим нашу страну в десять раз прекрасней, чем сегодня.

Какими бы ни были трудности и лишения, наш народ непременно одержит полную победу. Американские империалисты непременно будут вынуждены уйти из нашей страны. Наша родина непременно будет объединена. Соотечественники Юга и Севера непременно будут жить под одной крышей».

Хо Ши Мин беспокоился о том, чтобы после его кончины Партия трудящихся Вьетнама, как и прежде, была испытанным авангардом вьетнамского народа, высоко несла знамя марксизма-ленинизма, продолжала вести народ от победы к победе. Он пишет в завещании:

«Сплоченность — это ценная традиция нашей партии, нашего народа. Все товарищи, от Центрального Комитета до первичных организаций, должны беречь как зеницу ока сплоченность и единство партии.

Наша партия является правящей. Каждый член партии и кадровый работник должны проникнуться революционной моралью, должны быть по-настоящему трудолюбивыми, бережливыми, честными, справедливыми, бескорыстными. Необходимо сохранять чистоту партии, быть достойными руководителями, самыми верными слугами народа».

Все прогрессивное человечество в те дни выразило глубокую скорбь в связи с кончиной Хо Ши Мина. Траурные мероприятия, посвященные памяти великого сына Вьетнама, были проведены в разных точках планеты. В столицу ДРВ поступило свыше 22 тысяч телеграмм и писем соболезнования из 121 страны мира — от глав государств и правительств, руководителей коммунистических и рабочих партий, национально-освободительных движений, общественных демократических организаций, ветеранов мирового революционного движения, известных общественных деятелей.

В послании ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР в адрес руководителей ПТВ и ДРВ говорилось: «Ушел от нас великий сын героического вьетнамского народа, выдающийся деятель международного коммунистического и национально-освободительного движения, большой друг Советского Союза.

Всю свою замечательную жизнь, весь свой талант революционера товарищ Хо Ши Мин отдал делу борьбы за светлое будущее своего народа, за торжество марксизма-ленинизма. Трудно переоценить его вклад в создание на принципах марксизма-ленинизма Партии трудящихся Вьетнама,

являющейся признанным вождем вьетнамского народа в его борьбе за освобождение и социализм. Под его руководством была осуществлена Августовская революция, в огне которой родилась Демократическая Республика Вьетнам, первое социалистическое государство в Юго-Восточной Азии. Вдохновляемый товарищем Хо Ши Мином, вьетнамский народ оказал сокрушительный отпор империалистической агрессии против Демократической Республики Вьетнам, развернул мощную борьбу против интервенции США и их союзников, за освобождение Южного Вьетнама.

Кипучая энергия товарища Хо Ши Мина, его железная воля, несокрушимое мужество и вместе с тем простота и человечность снискали ему глубокую любовь и уважение во Вьетнаме, в Советском Союзе, у коммунистов и прогрессивных людей всего мира.

Коммунисты Советского Союза, все советские люди высоко ценят неустанные усилия товарища Хо Ши Мина, направленные на развитие братской дружбы между ПТВ и КПСС, между народами Советского Союза и Вьетнама.

В Советском Союзе навсегда сохранят светлую память о нем как о стойком марксисте-ленинце, верном друге нашей партии, нашей страны».

Траурная церемония прощания с Председателем ЦК ПТВ, Президентом ДРВ Хо Ши Мином, состоявшаяся 9 сентября 1969 года в Ханое, вылилась в грандиозную демонстрацию бесконечной любви и уважения сынов и дочерей Вьетнама к своему вождю и учителю, их глубокой преданности идеалам коммунизма.

— Наш народ, наша партия, — говорил в прощальном слове Первый секретарь ЦК ПТВ Ле Зуан, — потеряли гениального вождя и великого учителя. Международное коммунистическое движение, национально-освободительное движение и все прогрессивное человечество потеряли выдающегося борца, стойкого и дорогого боевого друга…

Прощаясь с ним, мы клянемся: всегда высоко держать знамя национальной независимости, знамя решительной борьбы за победу над американским агрессором, освободить Юг, защитить Север, воссоединить страну, чтобы претворить в жизнь его мечту.

Прощаясь с ним, мы клянемся: отдать все силы продолжению борьбы во имя осуществления благородных социалистических и коммунистических идеалов, которые он оставил рабочему классу и нашему народу, чтобы сделать нашу страну процветающей и принести счастье народу.

29 ноября 1969 года Политбюро ЦК ПТВ на своем

специальном заседании приняло решение о сохранении тела Хо Ши Мина и строительстве мавзолея на исторической площади Бадинь.

Это была поистине всенародная стройка. Провинции, города, заводы, учреждения, воинские части направляли на строительство мавзолея Хо Ши Мина передовиков труда, лучшие строительные отряды. Прошло несколько лет, и строгие колонны мавзолея поднялись на том самом месте, где теплым сентябрьским утром 1945 года Хо Ши Мин огласил Декларацию независимости, возвестившую о рождении свободного Вьетнама.

Недра Вьетнама удивительно богаты ценными видами разноцветного поделочного камня — яшмой, мрамором, гранитом. При возведении мавзолея архитекторы использовали великолепный, поблескивающий на солнце, словно омытый дождем, мрамор из Дананга. Золотые звезды, серп и молот на знамени в траурном зале усыпальницы сделаны из оранжевого мрамора, которым славится провинция Тханьхоа. Само знамя отделано редко встречающейся в мире чистой, без примесей, ярко-алой яшмой, тоже присланной жителями Тханьхоа. Малиново-красная надпись на фронтоне и красные полосы по обеим сторонам от входа в мавзолей выложены знаменитой чунгкханьской яшмой из провинции Каоланг — края, в котором прошли многие годы партизанской жизни Хо Ши Мина. У стен мавзолея, по обеим сторонам площади Бадинь, высажены самые яркие представители богатой вьетнамской флоры. Редкое дерево «те» привезено из местности, где, по преданию, четыре тысячи лет назад царствовали первые мифические вьетнамские короли Хунг Выонги. С идеально прямым, как стрела, стволом, устремленным в небесную голубизну, дерево «те» призвано символизировать славный жизненный путь, пройденный Хо Ши Мином. Украшением площади стала аллея веерных пальм с изящными опахалами длинных перистых листьев — эти пальмы называют в народе «ван туэ» — «десять тысяч лет» — за то, что они очень долго живут, а их листья при любой погоде сохраняют ярко-зеленую окраску. Растут у мавзолея дерево-шатер — многоствольный баньян, саженец которого привезен из Танчао, персиковое дерево с розовыми лепестками из провинции Шонла, масличные деревья из Намбо, деревца корицы из Чунгбо.

29 августа 1975 года состоялась торжественная церемония открытия мавзолея. В ней принимала участие и советская партийно-правительственная делегация — в качестве представителя страны, которая по просьбе ЦК ПТВ направила во Вьетнам опытных специалистов, оказавших квалифицированную помощь в сохранении тела Хо Ши Мина и строительстве

мавзолея. «Ярким символом крепнущей на века вьетнамо-советской дружбы» назвал мавзолей Хо Ши Мина товарищ Ле Зуан.

2

Хо Ши Мин не дожил до исторического дня в жизни своего народа — полного освобождения Южного Вьетнама и воссоединения родины на социалистических началах. Но он всегда твердо верил, что этот день придет. Свое завещание он закончил словами: «Последнее мое пожелание таково: пусть вся партия, весь народ, тесно сплачиваясь, борются за создание мирного, единого, независимого, демократического и процветающего Вьетнама, вносят достойный вклад в дело мировой революции».

Эти слова Хо Ши Мина стали руководством к действию для его соратников по партии, для южновьетнамских патриотов, для всего героического вьетнамского народа. 30 апреля 1975 года над Сайгоном, который столько лет был логовом неоколониалистского антинародного режима, взвился красный флаг с золотой звездой. В этот день триумфально завершилось освобождение Юга Вьетнама, национально-освободительная революция победила полностью и окончательно на всей территории страны.

Бессмертный образ Хо Ши Мина вел бойцов и командиров Народных вооруженных сил на последний штурм вражеской цитадели. Член Политбюро ЦК КПВ, министр национальной обороны СРВ Ван Тьен Зунг, непосредственно командовавший операцией по освобождению Сайгона, вспоминал:

«Штаб-квартира командования операцией находилась на базе Локнинь, расположенной в глубине леса. Ночью мы не спали и, слушая неумолчный грохот танков и артиллерийских тягачей на лесной дороге, громкие «алло» десятков армейских телефонистов, телефонные переговоры штабистов, политруков, снабженцев, вспоминали слова Бак Хо, которые он говорил еще при жизни и оставил нам в своем завещании. Перед нашими глазами проходила вся его жизнь, отданная без остатка революционному делу. Вспоминали мы и о том, что имя Бак Хо уже давно присвоено городу Сайгону. И тогда все члены нашего командования единодушно решили послать телеграмму в Политбюро с просьбой разрешить дать генеральному наступлению на Сайгон почетное кодовое наименование «операция Хо Ши Мин».

В 19 часов 14 апреля 1975 года к нам на фронт пришла телеграмма Политбюро за номером 37/тк следующего содержания: «Согласны с вашим предложением назвать операцию по освобождению Сайгона именем Хо Ши Мина».

И внизу подпись товарища Ле Зуана, первого секретаря ЦК нашей любимой партии».

2 июля 1976 года первая сессия Национального собрания единого Вьетнама, созданного в результате всеобщих выборов, проведенных по всей стране, приняла историческое решение — провозгласила образование Социалистической Республики Вьетнам. Великое дело, борьбе за которое товарищ Хо Ши Мин отдал всю свою жизнь, — создание единого социалистического Вьетнама — свершилось.

Вьетнамский народ, народы стран социалистического содружества, мировое коммунистическое и национально-освободительное движение свято чтят память о Хо Ши Мине. Его имя носит сегодня один из крупнейших городов Юго-Восточной Азии — бывший Сайгон. Его именем названы комсомольская, пионерская и детская организации СРВ. В Ханое, в родной деревне Хо Ши Мина, в тех местах, где он жил и работал, созданы мемориальные музеи. Имя Хо Ши Мина присвоено одной из площадей Москвы, высшему учебному заведению в Иркутске, улицам в столицах ГДР, Мозамбика и других стран. Частый гость у берегов Вьетнама советский теплоход «Хо Ши Мин».

И самый величественный памятник Хо Ши Мину — это исторические победы, одержанные народами Индокитая: воссоединение Вьетнама на социалистических началах, победа национально-демократической революции в Лаосе и вступление страны на путь строительства социализма, победа народной революции в Кампучии, в результате которой был свергнут кровавый полпотовский режим и кампучийский народ приступил к строительству новой жизни.

Один из важнейших итогов всех этих побед — упрочение традиционных уз солидарности между народами трех братских стран Индокитая, их революционного союза. Этот союз упорно пытались подорвать сменявшие друг друга враги свободы народов полуострова, но все попытки оказались тщетными. Сегодня содружество стран Индокитая является надежным форпостом сил мира и социализма в Юго-Восточной Азии.

Безграничны любовь и признательность миллионов вьетнамцев к своему «дядюшке Хо». Он незримо живет и ныне во всех делах и свершениях героического вьетнамского народа. Священный, незабываемый наказ Хо Ши Мина: «Нет ничего дороже независимости и свободы!» — и сегодня вдохновляет

миллионы вьетнамцев на подвиги во славу своей социалистической родины.

Чувства вьетнамских коммунистов, всех трудящихся Вьетнама к Хо Ши Мину прекрасно выразил Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Вьетнама Ле Зуан в политическом отчете IV съезду КПВ, который состоялся 14–20 декабря 1976 года в Ханое. «В эту славную минуту, — говорил Ле Зуан, обращаясь к делегатам и зарубежным гостям съезда, — мы с глубочайшим волнением вспоминаем о бесконечно дорогом для нашего народа Бак Хо, которого уже нет среди нас, нет на этом историческом съезде. Но вся наша партия, весь народ, вся армия преисполнены гордости, потому что они с честью выполнили священное завещание Хо Ши Мина. Его самые сокровенные мечты и указания ныне стали реальностью. Американские империалисты навсегда убрались из нашей страны. Наша Родина стала полностью независимой, единой и идет но пути к социализму. Соотечественники Юга и Севера объединились в одну общую семью. Выражая самые сокровенные чувства народа и бойцов всей страны, съезд с глубочайшим уважением преподносит великому Президенту Хо Ши Мину как дар их победу над агрессией США и выражает ему безграничную признательность за то, что свою жизнь он целиком отдал делу национального освобождения и воссоединения Родины, делу партии и нации, за то, что он прославил нашу страну, оставил нам и грядущим поколениям бессмертное наследие!»

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХО ШИ МИНА

1800, 19 мая — В деревне Хоангчу провинции Нгеан, Вьетнам, в семье сельского учителя родился Нгуен Шьнь Кунг — Хо Ши Мин.

1905–1910 — Учеба в Национальном колледже в императорской столице Вьетнама — Хюэ.

1911–1917 — Жизнь в «людях». Помощник кока на французском пассажирском судне дальнего плавания, сезонный рабочий в нью-йоркском Гарлеме, мусорщик, истопник и помощник повара в Лондоне, работник фотоателье в Париже.

1918 — Вступает в ряды социалистической партии Франции.

1919, январь — Под именем Нгуен Ай Куока направляет в адрес Парижской международной конференции «Тетрадь пожеланий аннамского народа» — первый политический манифест вьетнамской национально-освободительной революции.

1920, шюль — Знакомится с первой в своей жизни работой В. И. Ленина «Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам» и с этого момента решительно становится на сторону Коммунистического Интернационала.

1920, декабрь — Участвует в Турском съезде французских социалистов, где голосует вместе с большинством за создание Французской коммунистической партии и становится первым в истории Вьетнама коммунистом.

1924, шюнь — Участвует как представитель Индокитая в V Всемирном конгрессе Коминтерна в Москве.

1925, шюнь — Выступает инициатором создания Товарищества революционной молодежи Вьетнама, которое стало предтечей Коммунистической партии Вьетнама.

1930, 3 февраля — Председательствует на объединительной конференции вьетнамских коммунистов в Коулун-сити (Гонконг), на которой была создана Коммунистическая партия Вьетнама (позднее — Коммунистическая партия Индокитая, затем Партия трудящихся Вьетнама, в настоящее время — Коммунистическая партия Вьетнама).

1935, шюль — август — Участвует в работе VII Всемирного конгресса Коминтерна, на котором утверждается решение ИККИ о приеме Компартии Индокитая в Коминтерн.

1941, 8 февраля — После 30 лет странствий возвращается на родину, тайно перейдя вьетнамскую границу в районе деревни Пакбо (провинция Каобанг).

1944–1945 — Руководит непосредственной подготовкой всеобщего вооруженного восстания. 22 декабря 1944 года подписывает директиву о создании «вооруженного агитационного отряда», который заложил основы для возникновения вьетнамской Народной армии. 16 августа 1945 года руководит работой конгресса народных представителей в Танчао, на котором принимается решение о начале всеобщего вооруженного восстания; избирается председателем Национального комитета освобождения.

1945, 2 сентября — От имени Временного правительства Демократической Республики Вьетнам оглашает на ханойской площади Бадинь Декларацию независимости, возвестившую о рождении в Юго-Восточной Азии первого государства рабочих и крестьян.

1946, 2 марта — На I сессии Национального собрания республики избирается Президентом и одновременно назначается премьер-министром ДРВ (пост премьер-министра занимал до 1955 года).

1946, 20 декабря — Выступает по радио с воззванием к вьетнамскому народу подниматься на священную войну Сопротивления против французских колонизаторов, вознамерившихся силой оружия вернуть свое утраченное господство над Вьетнамом.

1950, сентябрь — Непосредственно командует операцией по освобождению от противника северных провинции ДРВ, в результате чего были установлены прямые связи ДРВ с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

1951, февраль — На II съезде КПИК, принявшем решение о ее переименовании в Партию трудящихся Вьетнама (ПТВ), выступает с политическим докладом, нацелившим партию и народ на мобилизацию всех имеющихся сил и средств в целях скорейшего доведения до победы войны Сопротивления. Избирается Председателем ЦК ПТВ.

1954, 22 июля — Выступает с обращением к народу в связи с подписанием Женевских соглашений и восстановлением мира в Индокитае.

1955, июнь — Во главе партийно-правительственной делегации ДРВ посещает с дружественными визитами Советский Союз и другие социалистические страны.

1960, сентябрь — Руководит работой III съезда ПТВ, который сформулировал две стратегические задачи вьетнамской революции на новом этапе: строительство социализма на Севере и освобождение Юга от империалистов и их приспешников, мирное объединение страны. Переизбирается Председателем ЦК

ПТВ.

1965, апрель — Назначается председателем Верховного совета обороны ДРВ, выступает на сессии Национального собрания с призывом к народу «Все — на борьбу за спасение родины, против американских империалистических агрессоров!».

1969, 3 сентября — Председатель ЦК Партии трудящихся Вьетнама, Президент Демократической Республики Вьетнам Хо Ши Мин скончался в результате сердечного приступа в своем доме в Ханое. 29 ноября 1969 года Политбюро ЦК ПТВ принимает решение о сохранении тела Хо Ши Мина и увековечении его памяти. С 29 августа 1975 года Хо Ши Мин покоится в мавзолее на исторической площади Бадинь в Ханое.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Хо Ши Мин. Избранные статьи и речи. Пер. с вьет. М., Политиздат, 1959.

Хо Ши Мин. Сочинения (1920–1969). Пер. с вьет. Ханой, 1971.

Хо Ши Мин. О Ленине, ленинизме и нерушимой советско-вьетнамской дружбе. М., Политиздат, 1970.

Хо Ши Мин. Избранное, М., «Прогресс», 1979.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, 10, 35, 39, 41, 45.

Ле Зуан. Вьетнамская революция. Пер. с вьет. Ханой, 1970.

Ле Зуан. Избранные, статьи и речи (1965–1970). Пер. с вьет. М., Политиздат, 1971.

Ле Зуан. Избранные статьи и речи (1970–1975). Пер. с вьет. М., Политиздат, 1975.

III съезд Партии трудящихся Вьетнама. Пер. с вьет. М., Политиздат, 1961.

IV съезд Коммунистической партии Вьетнама. Материалы и документы. Пер. с вьет. М., Политиздат, 1977.

Краткая история Партии трудящихся Вьетнама. Пер. с вьет. М., Политиздат, 1971.

Президент Хо Ши Мин (политическая биография). Пер. с франц. М., Политиздат, 1963.

Наш Президент Хо Ши Мин. Пер. с вьет. Ханой, 1963.

Наш Президент Хо Ши Мин. Пер. с вьет. Ханой, 1971.

V Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. М.-Л., 1924.

Коминтерн и Восток. Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. М., «Наука», 1969.

История Вьетнама в новейшее время (1917–1965). М., «Наука», 1970.

Очерки истории Вьетнама. Пер. с вьет. Ханой, 1977.

История Августовской революции. Пер. с вьет. Ханой, 1973.

Жак Дюкло. Мемуары. Пер. с франц. М., Политиздат, 1976, т. 1–2.

С. А. Мхитарян. Рабочий класс и национально-освободительное движение во Вьетнаме. М., «Наука», 1967.

М. П. Исаев, А. С. Чернышев. Советско-вьетнамские отношения. М., «Мысль», 1975.

Ю. Я. Михеев. Индокитай: путь к миру. М., «Международные отношения», 1977.

С. Дивильковский, И. Огнетов. Путь к победе. М., Политиздат, 1978.

Народ-герой. Пер. с вьет. Ханой, 1962.

В. В. Вишнякова-Акимова. Два года в восставшем Китае (1925–1927). М., 1965.

У. Бэрчетт. Севернее семнадцатой параллели. М., Политиздат. 1956.

Р. Кармен. Свет в джунглях. М., 1957.

Л. Кричевский, Н. Солнцев. Полюс тревоги. М., «Московский рабочий», 1970.

М. И. Ильинский. Вьетнам — единый от Каоланга до Камау. М., «Наука», 1978.

Н. И. Никулин. Хо Ши Мин — писатель, поэт, критик. Речи и произведения Хо Ши Мина (в отрывках). — В кн.: «Конспект-1975». М., «Наука», 1975.

С. Афонин, Е. Кобелев. Товарищ Хо Ши Мин. М., Политиздат, 1980.

Е. В. Кобелев. Хо Ши Мин — великий сын Вьетнама. — «Новая и новейшая история», № 4, 5, 6. М., «Наука», 1976.

«Коммунист», 1980, № 5.

«Огонек», 1923, № 39,

«Правда», 1969, 5 и 17 сентября; 1975, 19 мая.

«Известия», 1975, 17 мая.

«Новое время», 1969, № 37 и 38; 1977, № 43; 1980, № 20.

«За рубежом», 1969, № 37.

«Проблемы Дальнего Востока», 1980, № 1.

Vo Nguyen Giap, Des journées inoubliables, Hanoi, 1975.

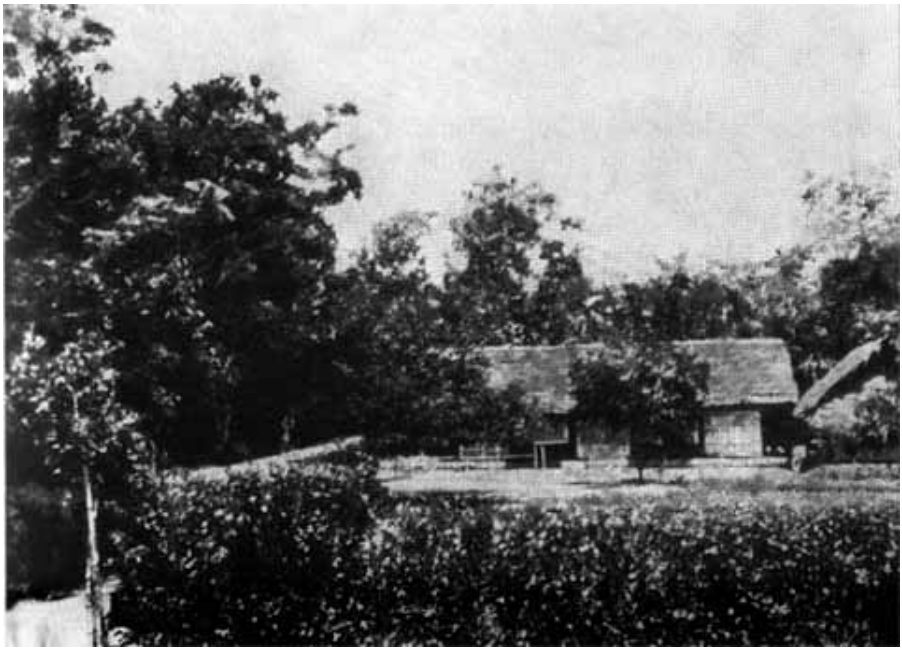
Avec l'Oncle Ho, Hanoi, 1976.

Notre camarade Ho Chi Minh, Paris, 1970.

Almanach de l'Humanité, Paris, 1970.

Иллюстрации

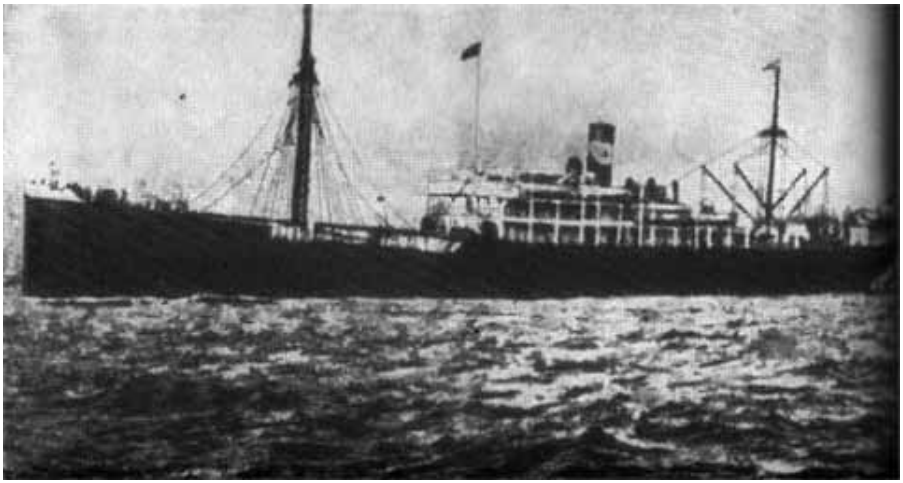
Отец Хо Ши Мина Нгуен Шинь Шак.



В этом доме прошло детство Хо Ши Мина.

Фан Бой Тяу (1867–1940).

Фан Тю Чинь (1872–1926).



На этом пароходе юный Хо Ши Мин в июне 1911 года отправился в дальние странствия.

Хо Ши Мин во Франции (1920 г.).

Хо Ши Мин выступает на Турском съезде ФКП (1920 г.).

le Paria

Tribune du Prolétariat Colonial

Faillite Parlementaire et Colonies

Le colonel Fabry, ministre

Indochine et Pacifique

L'Exploitation intensifiée des Annamites

Один из номеров газеты «Пария». На страницах «Парии» часто появлялись сатирические рисунки Хо Ши Мина.

Хо Ши Мин в 1923 году, когда он впервые приехал в Советскую Россию.

Титульный лист первой книги Хо Ши Мина «Суд над французским колониализмом» (1925 г.).

Хо Ши Мин среди делегатов V конгресса Коминтерна (*в нижнем ряду слева*).

Хо Ши Мин в Кантоне (1925–1927 гг.).

Титульный лист книги Хо Ши Мина «Путь революции».

Первый генеральный секретарь ЦК КПИК Чан Фу.

Ле Хонг Фонг.

Нгуен Тхи Минь Кхай.

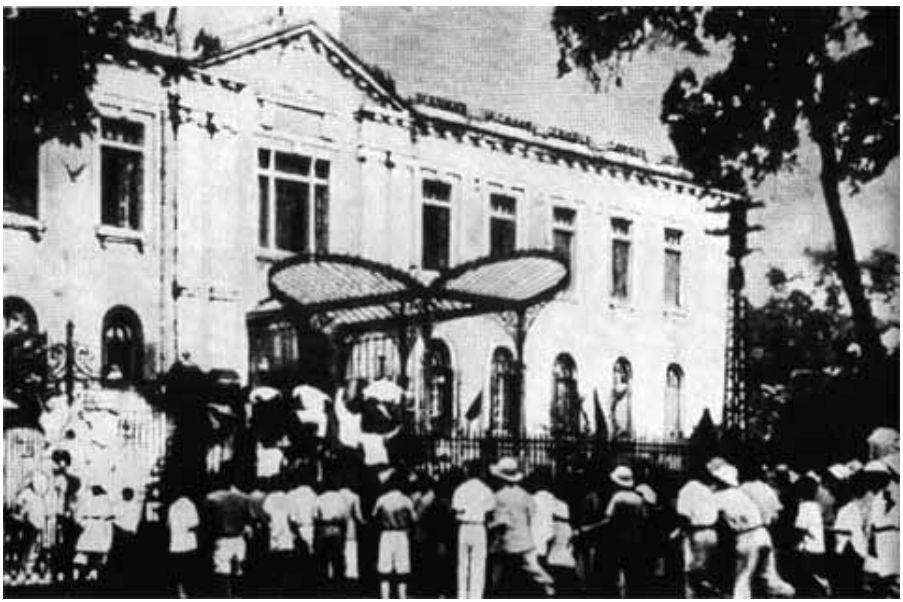
Товарищ Ле Зуан в 30-е годы.

Первые часы Хо Ши Мина на родной земле после 30 лет разлуки (картина художника Чинь Фонга).

Знаменитый баньян в Танчао.

В таком лесном шалаше было принято решение о создании фронта Вьетминь.

Агитационный отряд — первое вооруженное формирование вьетнамской революции. *Слева* — товарищ Во Нгуен Зиан.



Августовские дни 1945 года в Ханое.

На посту Президента ДРВ.

Хо Ши Мин в сентябре 1945 года.

Таким его увидели французы в мае 1946 года.

На наблюдательном пункте в годы войны Сопротивления (1950 г.).

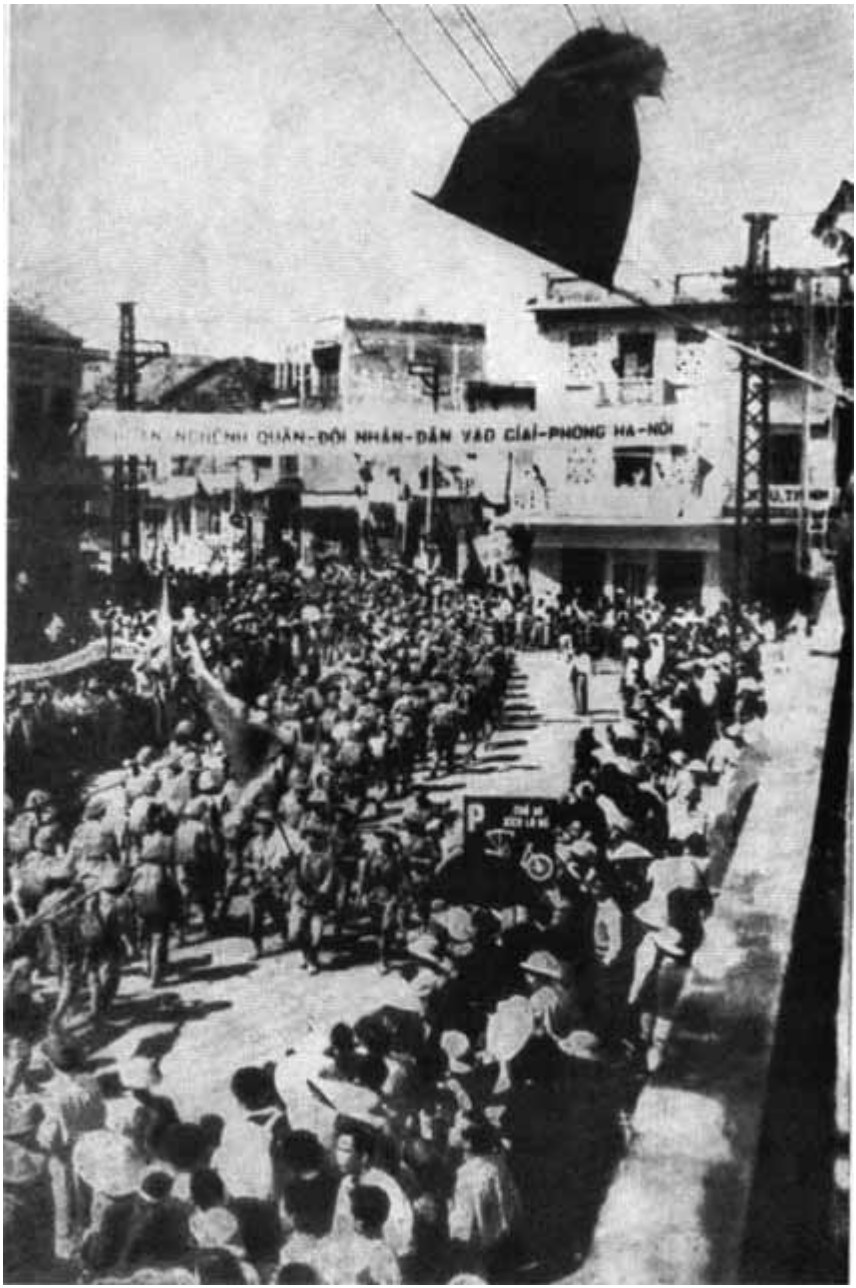
Хо Ши Мин был заправским ходоком.

В пещере в горах Вьетбака.

Напутствие перед боем.

Накануне исторического сражения у Дьенбьенфу.

Флаг ДРВ над бункером генерала де Кастри.



Славный «столичный полк» снова на улицах Ханоя.

Радость мирного, созидательного труда.

Хо Ши Мин очень любил детей.

Встреча с К. Е. Ворошиловым в Ханое (1958 г.).

В парке у президентского дворца.

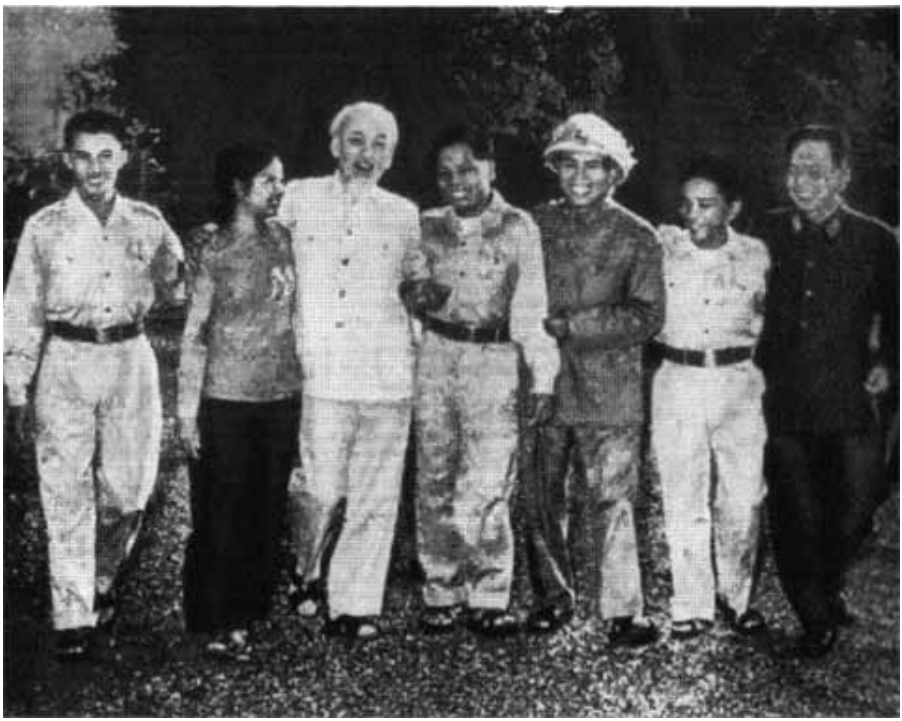
В гостях у советских пионеров.

Хо Ши Мин и Тон Дык Тханг на сессии Национального собрания ДРВ.

В Кабинете-квартире В. И. Ленина в Кремле.

Хо Ши Мин в 60-е годы.

Председатель Верховного совета обороны ДРВ в гостях у военных моряков.



Встреча с героическими бойцами Южного Вьетнама.

На позициях зенитного дивизиона.

Эти летчики сбивали вражеские «фантомы».

Ханойцы провожают Хо Ши Мина в последний путь.

Нескончаем поток людей у мавзолея Хо Ши Мина на ханойской площади Бадинь.

Советский теплоход «Хо Ши Мин» — частый гость во вьетнамских портах.

Бывший Сайгон — ныне Хошимин.

Таким навечно остался Хо Ши Мин в памяти вьетнамцев.

notes

Примечания

1

В 1975 году провинция Нгеан слита с провинцией Хатинь и носит теперь название Нгетинь.

2

Приводимые в книге стихи вьетнамских и других зарубежных поэтов даются в переводах П. Антокольского, А. Ахматовой, М. Вершинина, К. Долматовского, Р. Казаковой, В. Карпова, М. Матусовского, А. Ревича, В. Сергеева, Б. Слуцкого, М. Ткачева, А. Эфрон, а также автора.

3

1 шао равняется 360 квадратным метрам.

4

Кан Ювэй и Лян Цичао — буржуазные реформаторы, боровшиеся в конце XIX века за установление в императорском Китае конституционной монархии и проведение умеренных реформ.

5

Автор имеет в виду созвучие названия квартала Эпинет и французского слова l'épine, означающего «терновник, колючий кустарник».

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 34, с. 111.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 163.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 166.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 309.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 404.

11

«Долой Пуанкаре!» *(франц.). Пуанкаре* — глава французского правительства в 1922–1924 годах, представлявший наиболее антисоветские, агрессивные круги французской буржуазии.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 329.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 25.

14

Прежнее название Кампучии.

15

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 167.

16

Боже мой! *(франц.)*

17

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 77.

18

По преданию, первые короли Вьетнама.

19

Тю — обращение старшего к младшему во Вьетнаме.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 114.

21

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 416.

22

В V–III веках до н. э. Китай состоял из нескольких враждовавших между собой царств. Правитель царства Юэ Гоу Цзянь, потерпев поражение в войне против соседнего царства У, был захвачен в плен и долго терпел в плену унижения. Однако он постоянно жил мыслью об отмщении и втайне готовился взять реванш. Его тактика выжидания, терпение принесли успех. Ему удалось вырваться из плена и нанести поражение царству У.

23

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 383.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 91.